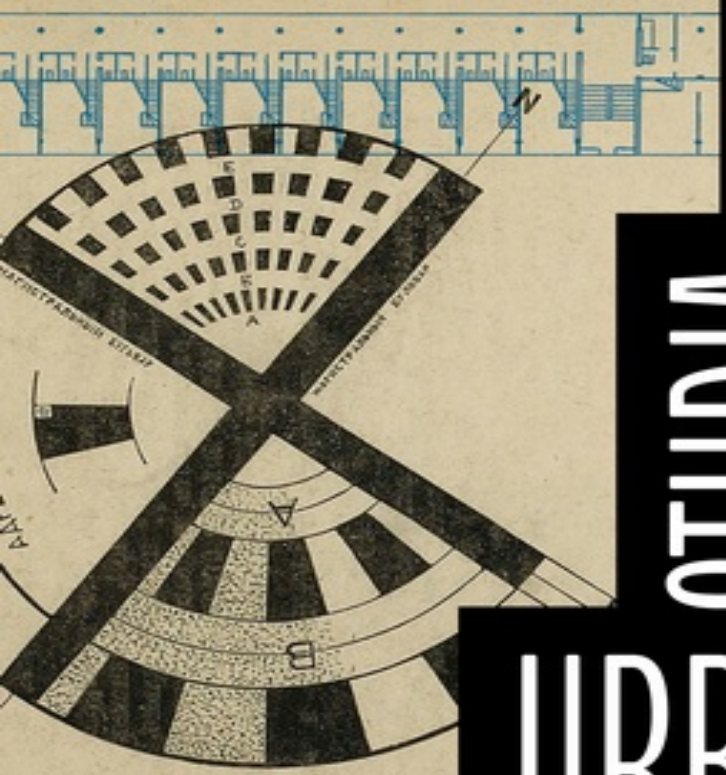

МАРК МЕЕРОВИЧ

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СССР 1917–1929

ОТ ГОРОДА-САДА К ВЕДОМСТВЕННОМУ РАБОЧЕМУ ПОСЕЛКУ

STUDIA URBANICA

Annotation

Город-сад – романтизированная картина западного образа жизни в пригородных поселках с живописными улочками и рядами утопающих в зелени коттеджей с ухоженными фасадами, рядом с полями и заливными лугами. На фоне советской действительности – бараков или двухэтажных деревянных полусгнивших построек 1930-х годов, хрущевских монотонных индустриально-панельных пятиэтажек 1950–1960-х годов – этот образ, почти запретный в советский период, будил фантазию и порождал мечты. Почему в СССР с началом индустриализации столь популярная до этого идея города-сада была официально отвергнута? Почему пришедшая ей на смену доктрина советского рабочего поселка практически оказалась воплощенной в вид барачных коммуналок для 85 % населения, точно таких же коммуналок в двухэтажных деревянных домах для 10–12 % руководящих работников среднего уровня, трудившихся на градообразующих предприятиях, крохотных обособленных коттеджных поселочков, охраняемых НКВД, для узкого круга партийно-советской элиты? Почему советская градостроительная политика, вместо того чтобы обеспечивать комфорт повседневной жизни строителей коммунизма, использовалась как средство компактного расселения трудо-бытовых коллективов? А жилище оказалось превращенным в инструмент управления людьми – в рычаг установления репрессивного социального и политического порядка? Ответы на эти и многие другие вопросы читатель найдет в этой книге.

- Марк Григорьевич Меерович
  - Введение
  - Глава 1. Город-сад как элемент градостроительной политики в России в предреволюционный период
    - 1.1. Предпосылки интереса к идее города-сада и причины ее популярности
    - 1.2. Движение по возведению городов-садов
    - 1.3. Субъекты градостроительной деятельности в дореволюционной России

    - Глава 2. Трансформация содержания идеи города-сада в послереволюционной России
        - 2.1. Поселки-сады в послереволюционный период
        - 2.2. Капиталистические города и социалистическое расселение
        - 2.3. Под надзором и контролем власти
    - Глава 3. Советская жилищная кооперация
        - 3.1. Новая и «старая» жилищная кооперация
        - 3.2. О чем во всеуслышание не говорилось
        - 3.3. Кооперация строит
    - Глава 4. Государственная градостроительная политика в канун первой пятилетки
        - 4.1. Селитьба при производстве
        - 4.2. Многоэтажки против коттеджей
        - 4.3. Частное или государственное?
    - Глава 5. Советский рабочий поселок
        - 5.1. Жилищно-производственный комплекс
        - 5.2. Типология жилища в советских рабочих поселках
        - 5.3. На пути к соцгороду
    - Выводы
    - Список использованных сокращений
    - Источники иллюстраций
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14

- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51

- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88

- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125

- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162

- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199

- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236

- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258
- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273

- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285
- 286
- 287
- 288
- 289
- 290
- 291
- 292
- 293
- 294
- 295
- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302
- 303
- 304
- 305
- 306
- 307
- 308
- 309
- 310

- 311
- 312
- 313
- 314
- 315
- 316
- 317
- 318
- 319
- 320
- 321
- 322
- 323
- 324
- 325
- 326
- 327
- 328
- 329
- 330
- 331
- 332
- 333
- 334
- 335
- 336
- 337
- 338
- 339
- 340
- 341
- 342
- 343
- 344
- 345
- 346
- 347

- 348
- 349
- 350
- 351
- 352
- 353
- 354
- 355
- 356
- 357
- 358
- 359
- 360
- 361
- 362
- 363
- 364
- 365
- 366
- 367
- 368
- 369
- 370
- 371
- 372
- 373
- 374
- 375
- 376
- 377
- 378
- 379
- 380
- 381
- 382
- 383
- 384

- 385
- 386
- 387
- 388
- 389
- 390
- 391
- 392
- 393
- 394
- 395
- 396
- 397
- 398
- 399
- 400
- 401
- 402
- 403
- 404
- 405
- 406
- 407
- 408
- 409
- 410
- 411
- 412
- 413
- 414
- 415
- 416
- 417
- 418
- 419
- 420
- 421

- 422
- 423
- 424
- 425
- 426
- 427
- 428
- 429
- 430
- 431
- 432
- 433
- 434
- 435
- 436
- 437
- 438
- 439
- 440
- 441
- 442
- 443
- 444
- 445
- 446
- 447
- 448
- 449
- 450
- 451
- 452
- 453
- 454
- 455
- 456
- 457
- 458

- 459
- 460
- 461
- 462
- 463
- 464
- 465
- 466
- 467
- 468
- 469
- 470
- 471
- 472
- 473
- 474
- 475
- 476
- 477
- 478
- 479
- 480
- 481
- 482
- 483
- 484
- 485
- 486
- 487
- 488
- 489
- 490
- 491
- 492
- 493
- 494
- 495

- 496
- 497
- 498
- 499
- 500
- 501
- 502
- 503
- 504
- 505
- 506
- 507
- 508
- 509
- 510
- 511
- 512
- 513
- 514
- 515
- 516
- 517
- 518
- 519
- 520
- 521
- 522
- 523
- 524
- 525
- 526
- 527
- 528
- 529
- 530
- 531
- 532

- 533
- 534
- 535
- 536
- 537
- 538
- 539
- 540
- 541
- 542
- 543
- 544
- 545
- 546
- 547
- 548
- 549
- 550

Марк Григорьевич Меерович Градостроительная политика в СССР (1917–1929) От города-сада к ведомственному рабочему поселку

Введение

Отечественная архитектурно-градостроительная мысль проделала в конце XIX – начале XX в. непростой путь от идеи города-сада до концепции индустриальных городов-новостроек – поселений нового типа, названных «социалистическими городами». В дореволюционный период идея города-сада, несмотря на некоторое сопротивление со стороны царского правительства, нашла свое практическое воплощение в работах российских архитекторов. Затем с приходом к власти большевиков она обрела второе дыхание благодаря присущему ей социально-реформаторскому содержанию. Но через некоторое время по не разъясненным до сих пор причинам на долгие годы оказалась официально запрещенной. Пришедшая ей на смену в середине 1920-х гг. концепция советского рабочего поселка заместилась в конце 1920-х гг. новой теоретической доктриной – доктриной соцгорода.

Советская архитектурно-градостроительная политика, неразрывно связанная с государственной жилищно-расселенческой политикой, – уникальный исторический феномен, содержание которого неотделимо от истории и культуры советского общества. Но, несмотря на его, казалось бы, серьезную изученность, причины многих уже описанных явлений так до конца и не раскрыты; они требуют исторической доработки. Кроме того, эмпирический материал, ставший доступным в последние десятилетия, выдвигает ряд новых ключевых вопросов, которые, как это ни удивительно, до сих пор также продолжают оставаться без ответов. В чем проявлялось воздействие идеологических постулатов марксистской доктрины на решения, принимавшиеся советской властью в области архитектуры и градостроительства? Как советская экономика и административно-территориальная система управления человеческими массами влияли на государственную жилищную и расселенческую политику? Какое содержание закладывалось плановыми органами в основу архитектурно-градостроительного содержания концепции ведомственного рабочего поселка? В чем доктрина советского рабочего поселка противостояла идее города-сада?

Для получения ответов на эти вопросы в монографии прорабатывались труды послереволюционного периода, освещавшие

причины популярности отдельных градостроительных идей в условиях социальных преобразований того времени[1]; посвященные истории российской архитектуры и советского градостроительства 1920–1930-х гг.[2]; теоретическим основам советского градостроительства и творчеству мастеров советской архитектуры[3]; переселенческой (миграционной) политике советской власти[4]; вопросам размещения промышленности и неразрывно связанного с нею социалистического расселения[5]; устройству распределительной системы[6]; истории развития архитектурно-проектного дела[7]; особенностям архитектурно-планировочных решений конкретных социалистических поселений (поселений-садов, ведомственных рабочих поселков) и общим представлениям о теории, методологии и практике градостроительной политики рассматриваемого в монографии периода[8].

Некоторые, казалось бы, вполне понятные явления при знакомстве с новыми материалами, а иногда и при внимательном прочтении старых, давно известных сведений резко выпадали из представлявшейся очевидной закономерности их возникновения. Так, например, в ряде научных трудов, детально рассматривавших российскую архитектурно-градостроительную практику проектирования и возведения городов-садов рубежа XIX–XX вв., подчеркивалось их безусловное архитектурно-художественное сходство с говардовскими[9]. Однако до сих пор остается неразъясненным, почему (в каких содержательных аспектах) в послереволюционный период идея города-сада вошла в противоречие с формируемой советской властью концепцией социалистического рабочего поселка. В чем состояло принципиальное отличие говардовского города-сада от советского рабочего поселка-сада? Почему содержание говардовской идеи оказалось впоследствии полностью изъятым из советской системы архитектурных знаний[10] и свелось к озеленению, садово-парковому благоустройству и живописности планировки? Почему советская власть, осуществляя силами ведомств возведение рабочих поселков-садов рядом с реконструируемыми промышленными предприятиями, в то же самое время боролась с инициативами жилищной кооперации по строительству точно таких же поселков-садов рядом с существовавшими городами? Чем были вызваны действия государственных органов по целенаправленному законодательному противостоянию концепции города-сада, в конечном счете приведшие к

запрету внесения частной застройки в разрабатывавшиеся проекты планировок населенных мест?

Выявление и обобщение того специфического содержания, которое приобрела концепция города-сада в советских условиях, особенно важны, потому что в советской историографии, как это ни удивительно, никогда не раскрывались социально-политические, социально-организационные, социально-управленческие, финансово-экономические основания говардовской концепции города-сада. Также никогда целостно не излагалось и содержание доктрины советского ведомственного рабочего поселка – законодательное, нормативное, трудомобилизационное.

Чуть более чем десятилетний период – с 1917 до конца 1920-х гг. – ключевой для развития советского градостроительства, так как в это время были заложены основы государственной архитектурно-градостроительной политики в отношении ведомственных рабочих поселков, неуклонно реализовывавшиеся затем фактически на протяжении всего предвоенного времени.

*** * ***

Основополагающей гипотезой, на которой покоится данное исследование, является утверждение о стратегии социального контроля посредством жилища, которая была положена советской властью в основу всей своей жилищно-расселенческой и архитектурно-градостроительной политики.

Специфика данной монографии заключается в том, что жилищно-расселенческая и архитектурно-градостроительная политика рассматриваются в ней с той стороны, с которой ранее они никогда не выступали предметом исследования, – как архитектурно-градостроительная форма трудомобилизационной организации населения. Исследование показывает, как под воздействием необходимости борьбы с неуправляемой миграцией, размывавшей трудовые коллективы градообразующих предприятий – основу опоры власти в человеческих массах, – именно предоставление крыши над головой было превращено в средство привязки людей к месту работы.

В исследовании показано, как власть принуждала архитекторов переходить от рассредоточенной особняковой застройки с живописной планировкой, присущей городу-саду, к многоэтажной секционной регулярной поквартальной структуре ведомственных рабочих поселков, возводившихся рядом с градообразующими предприятиями.

Прорабатывая источники, автор сознательно опирался не на материалы дискуссий, разворачивавшихся в печати (они в рассматриваемый период были нередкими) или в высших эшелонах советского партийно-государственного руководства (их в это время также было немало), не на вариации мнений и идейных разногласий (они полноценно отражены в доступных исторических источниках) и не на высказывания некоторых лидеров партии по отдельным вопросам государственной идеологии, а на… законодательство. Споры спорами, несогласия несогласиями, отдельные точки зрения – сами по себе, но законодательство в значительной мере являлось взаимоувязанным комплексом документов и было определяющим в руководстве практическими действиями. Безусловно, оно не было застывшим: его содержание трансформировалось, но всегда отражало официальную политику власти, принятую на данный момент, либо корректировалось вместе с ее изменениями. Именно оно, а не дискуссии (даже на самых высоких уровнях власти) регулировало любые практические решения и деятельность и в значительно меньшей степени было подвержено противоречиям, чем сиюминутные высказывания кого бы то ни было на разнообразных «дискуссионных площадках».

Именно законодательство регулировало повседневную жизнь людей вне зависимости от их согласия/несогласия с законами, несовпадений во мнениях, точках зрения или «предметов спора». Анализ декретов и постановлений ЦИК и СНК СССР, ВЦИК и СНК РСФСР, СТО, ЭКОСО и др. позволил автору реконструировать официальную жилищно-расселенческую и архитектурно-градостроительную политику советской власти в период 1917–1929 гг.

*** * ***

В истории материальной культуры и искусства оригинальный внешний вид или инновационное устройство изделия очень часто

оказываются навсегда связанными с именем его создателя: стул Макинтоша, «яйца» Фаберже, автомат Калашникова, собор Гауди и т. п. Значительно реже имя автора сохраняется в необычных проектах городов – линейный город Сориа-и-Мата, функциональный город Ле Корбюзье, поточно-функциональный город Милютина. Но практически никогда реально существующие города не хранят имен тех, кто составлял их план. Причина в том, что поселение всегда живет своей собственной саморазвивающейся или угасающей жизнью. А это накладывает на базовый замысел так много естественных искажений, так сильно преобразует, трансформирует, дематериализует его, что исходная идея через некоторое время часто оказывается совершенно неузнаваемой. Первоначальный планировочно-композиционный замысел постепенно настолько сильно мутирует под влиянием реалий городской жизни, что в конечном счете утрачивает родовую связь с возникшей согласно проекту городской средой и, как следствие, с именем его автора.

Но, несмотря на эту закономерность, одно градостроительное явление истории XIX–XX вв. все же оказалось навечно связанным с именем его идейного вдохновителя Эбенизера Говарда. Это – «город-сад».

«Отец-прародитель» идеи города-сада не был архитектором-художником или гражданским инженером, то есть одним из тех, кто разрабатывает проекты планировки городов. Он не был политиком или гигиенистом (сейчас таких называли бы экологами), чьи действия и призывы влияли на качество городской среды. Он не был мэром или губернатором… Он был «раб идеи», ее исступленный слуга…

Эбенизер Говард изложил свои взгляды всего лишь в одной книге. Причем предыстория ее издания весьма любопытна: в 1896 г. Говард предложил журналу Contemporary Review краткую версию написанной им книги под названием «A Garden City, or One Solution to Many Problems» («Города-сады, или Одно решение многих проблем»), однако статья была отвергнута. В 1898 г. американский друг ссудил Говарда 50 фунтами, которые требовались для издания книги, вышедшей под наименованием «To-morrow: a Peaceful Path to Real Reform» («Завтра: мирный путь к реальным реформам»). Но книга не вызвала того резонанса, на который Говард рассчитывал. Однако у публично провозглашенной идеи все же начали появляться сторонники. И

наконец, упорство увенчалось успехом: в 1902 г. вышла в свет переработанная версия книги под названием «Garden cities of tomorrow» («Города-сады будущего»), которой и суждено было стать классическим наставлением на пути в мир будущего расселения, переведенным на все основные языки мира.

В 1899 г. в Англии для практического воплощения говардовской идеи было сформировано Общество городов-садов, а небольшое поселение, возникшее в 1903 г. (Лечвортс), стало прародителем целого градостроительного направления, в основе которого лежало революционное на тот период социально-организационное содержание. Чуть позже общества городов-садов возникли в Германии, Франции, России (1913) и множестве других стран по всему миру. В 1913 г. было создано Международное общество, превратившееся в Международную федерацию жилищного дела и градостроения, бессменным президентом которого Э. Говард состоял до самой своей смерти. Таким образом, усилиями Говарда было сформировано интеллектуальное наследие, кардинально повлиявшее на последующее градостроительство во всем мире.

Вся палитра многочисленных российских научных и публицистических трудов, в которых рассматривается феномен города-сада (а их накопилось к сегодняшнему моменту уже довольно много), располагается между двумя «полюсами»:

1) город-сад описывается как «зеленое место», то есть рассматривается исследователями – экологами, культурологами, искусствоведами, биологами, дендрологами, ландшафтниками и пр.[11] – со стороны: а) взаимосвязи с естественной природой; б) изобилия специально рассаживаемой зелени в виде бульваров, парков, скверов, садов; в) ухоженного общественного пространства с цветочками на клумбах; г) философской трактовки понятия «сад» как связующего звена между «природой» и «человеком»;

2) город-сад представляется как продукт «живописной планировки», то есть описывается другой категорией исследователей – архитекторами-планировщиками, дизайнерами архитектурной среды, транспортниками и пр. – со стороны: а) красивой трассировки криволинейных проездов и пешеходных связей с велосипедными дорожками и без оных; б) застройки малоэтажными домами

(коттеджного типа); в) удобных коротких связей с окружающей природой (речкой, озерком, березовой рощей)…

Практически во всех научных и публицистических трудах, рассматривающих феномен города-сада, эти расхожие описания упорно повторяются на разный лад. И все они не имеют никакого отношения к идее Эбенизера Говарда! Никакого отношения к городу-саду!

Идея города-сада не связана с устройством газонов, общественных зеленых пространств или садово-парковым искусством. В говардовских городах-садах никакого особого озеленения и благоустройства не было. Была обычная высадка деревьев вдоль улицы и стандартная разбивка газонов вдоль тротуаров (рис. 1).

Безусловно, общее впечатление от города-сада в отношении зеленых насаждений оказывалось совершенно иным, нежели от среды крупных городов, существовавших в тот же период. Но вовсе не потому, что в городе-саде некие команды специально обученных садовников устраивали гигантские цветники или высаживали экзотические деревья, а затем трудолюбиво ухаживали за ними, но потому, что люди, проявляя заботу о внешнем виде палисадников перед входом в свой собственный дом, своими руками высаживали цветы и иные растения просто для того, чтобы украсить место своего обитания. Зелень в виде «живых изгородей» из подстриженных кустов возникала потому, что формировать такие «заборы» собственникам земли и недвижимости было экономически выгоднее, нежели устанавливать чугунные решетки. Появлялась она и на муниципальных участках земли, где отдельные жители в свободное время по собственной инициативе высаживали деревья или кустарники.

Рис. 1. Город-сад Лё-Ложи (Le Logis) в Ватермель-Буасфор (под Брюсселем)

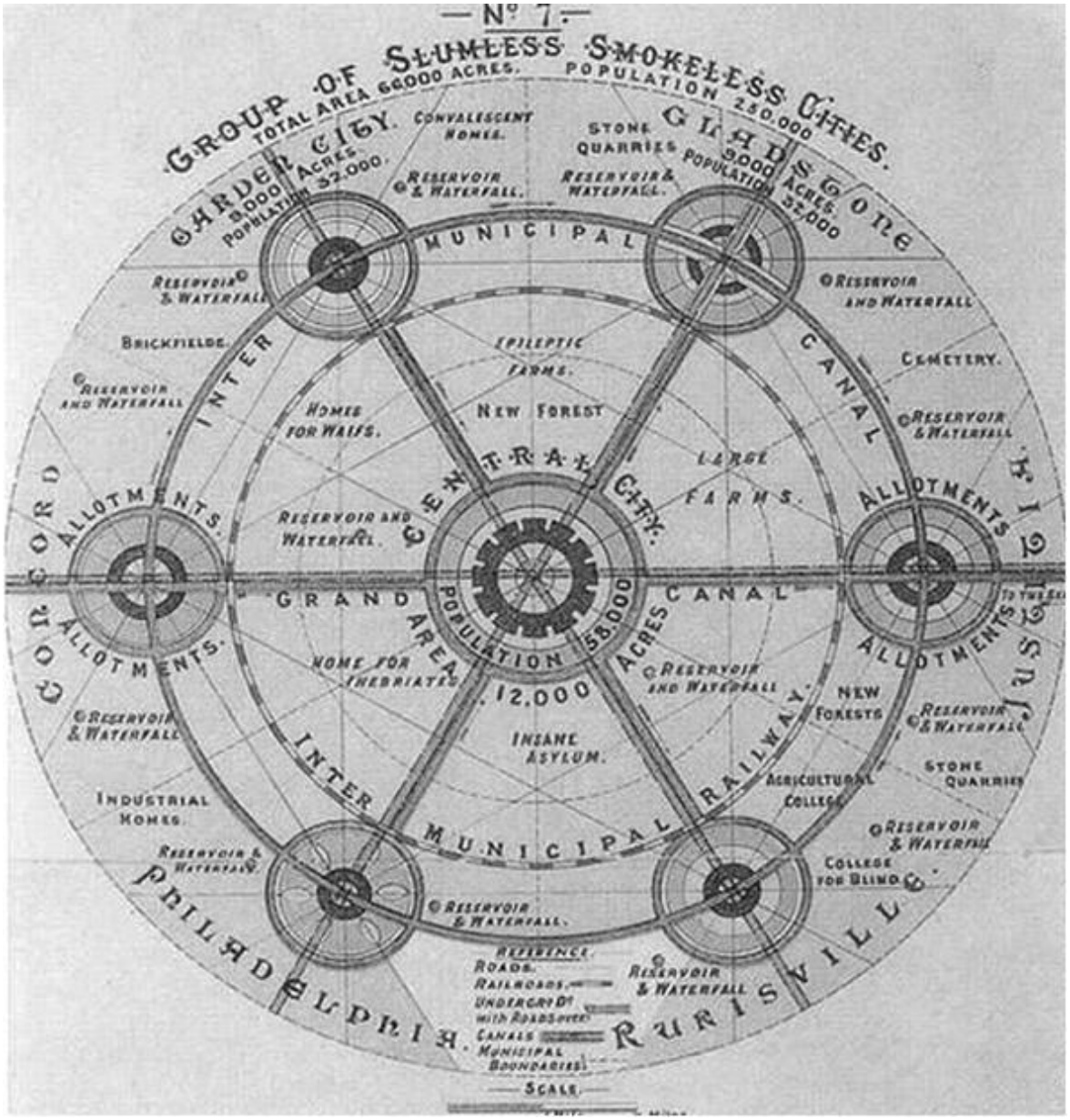

Рис. 2. Э. Говард. Теоретическая схема расположения городов-садов-пригородов вокруг большого города

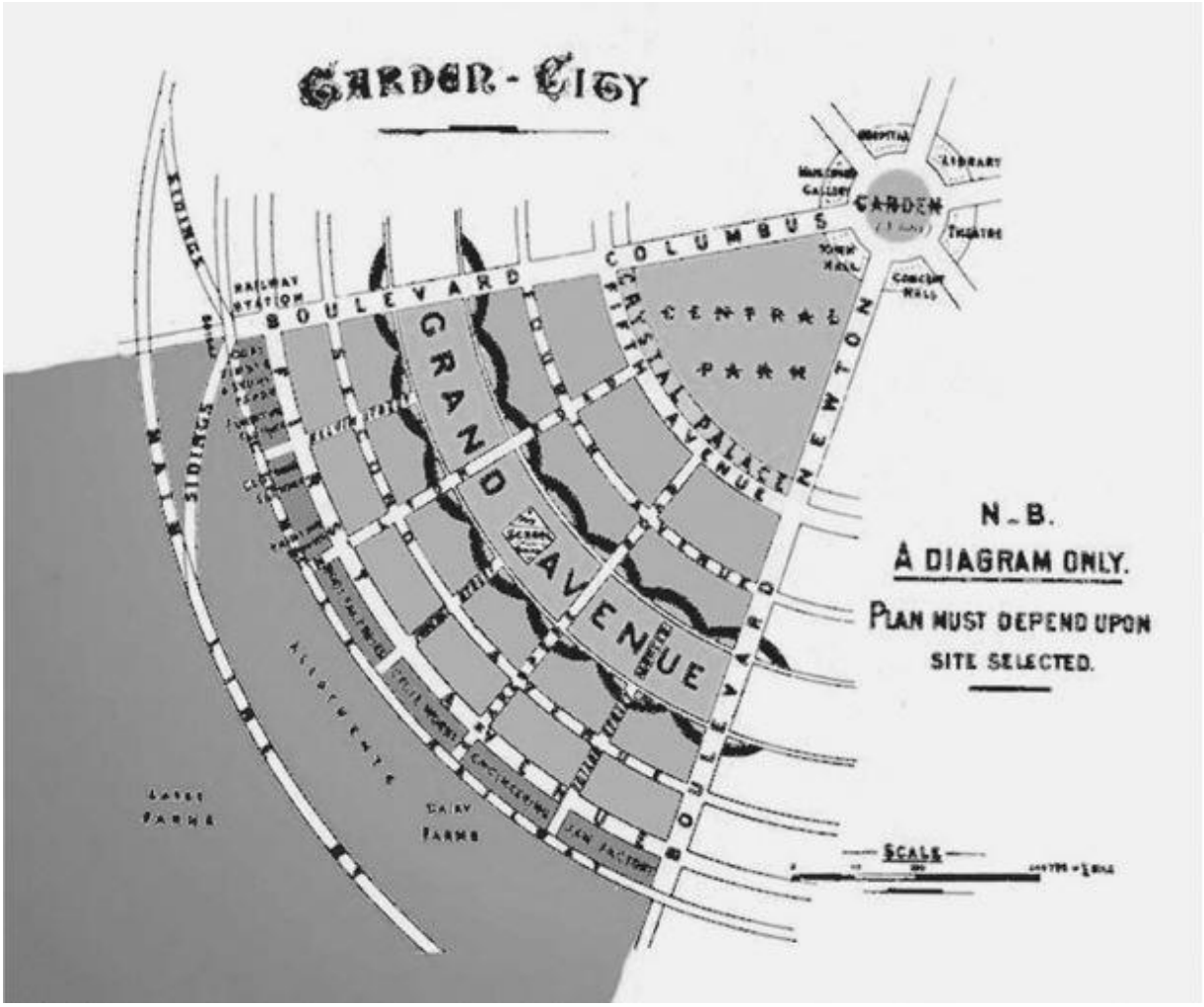

Рис. 3. Э. Говард. Теоретическая схема города-сада

Идея города-сада не основывалась на том, что планировка поселения обязательно должна была быть с криволинейными улицами или, напротив, с радиально-кольцевыми дорогами (как это изображено на условных диаграммах Говарда (рис. 2, 3), то есть с несколькими круговыми[12] и пересекающими их радиальными проездами, расходящимися в разные стороны от центральной площади, а еще с оконтуривающим круговым садово-парковым поясом и с окаймляющей кольцевой дорогой. Это заблуждение явилось следствием ошибочного превращения схем, отражающих смысл города-сада, в конкретные проекты планировок, примерно такой же ошибкой, как если бы кто-то вдруг занялся прочерчиванием по земле конкретных линий параллелей и меридианов…

Город-сад не был ни «садоводческим явлением», ни «планировочно-художественным изобретением». Он был прежде всего инновацией социального порядка[13]. Но именно эту социальную новизну идеи Говарда упорнее всего и отказывалась замечать советская градостроительная наука.

В советский период сами архитекторы под влиянием цензуры и идеологии, формировавшейся параллельно с упрочением сталинского единовластия, приложили руку к появлению и закреплению искаженного представления о феноменах мирового зодчества. Так, в статье «Город-сад», помещенной в «Технической энциклопедии» – главном информационно-справочном издании СССР конца 1920-х – начала 1930-х гг.[14], написано: «По проекту Говарда город-сад имеет круглую форму и разделен на 6 равных секторов… Вскоре выяснилось, что система особняков-коттеджей слишком дорога и не может быть основой для серьезного разрешения жилищного вопроса. Второй город-сад – Вельвин дает уже значительный сдвиг в сторону укрупнения строительства… Континентальные европейские государства, привыкшие вообще к многоквартирным домам, пошли еще дальше, и в настоящее время город-сад уже не связывается с понятием коттеджа. Теперь городами-садами называют благоустроенные, с большим количеством зелени пригородов дачные места, рабочие поселки…»[15]

Это описание ошибочно. Прежде всего потому, что никаких проектов планировки Э. Говард не создавал и поэтому не придавал планам никакой круглой формы. Ошибочно и в отношении строгой геометрии композиции городов-садов с разбивкой на сектора, и в отношении дороговизны «коттеджей-особняков», возведение которых в начале – середине 1920-х гг. в европейских странах, как и прочей малоэтажной отдельно стоящей застройки, обходилось дешевле, чем многоэтажной. А в СССР в условиях отсутствия технологий массового поточного строительства многоэтажного жилища, да и вообще полного отсутствия какой-либо передовой стройиндустрии (машин, механизмов, новых технологий, стройматериалов), возведение малоэтажных, мелкогабаритных отдельно стоящих домов было значительно дешевле.

Статья в «Технической энциклопедии» написана явно под влиянием навязываемой советской властью в конце 1920-х гг. всем видам застройщиков установки на отказ от индивидуального домостроительства, на укрупнение жилищного строительства до вида

многоэтажных секционных домов. Но самое удивительное – не в этих ошибочных трактовках, а в том, что написал их Владимир Николаевич Семенов, человек, который за 15 лет до этого в своей книге «Благоустройство городов», изданной, правда, еще до Октябрьской революции, в 1912 г., призывал к учету местных условий при приложении к ним абстрактных планировочных схем города-сада, ратовал за упорядочивание городской структуры. Человек, который был автором самого известного в России «города-сада»[16] и практически реализовывал в своих проектах якобы дорогостоящее коттеджное строительство. Человек, который прекрасно представлял себе истинные смыслы говардовской идеи, причем не понаслышке: он в течение пяти лет (1908–1912) жил в Англии, «посетил Париж, Вену, Брюссель и некоторые города Германии, где знакомился в натуре с планировкой и застройкой городов»[17] и, как следствие, был непосредственно знаком с планировочными новшествами того времени и, в частности, городами-садами.

Редакторами раздела «Архитектура, строительное дело, городское благоустройство, коммунальное хозяйство» в «Технической энциклопедии», где была опубликована процитированная выше статья, выступали профессор А. Н. Долгов, архитектор И. К. Запорожец, инженер Г. Б. Красин, а также академик архитектуры А. В. Щусев, которые, кстати, еще в дореволюционный период сами принимали активное участие в обсуждении и популяризации говардовской идеи, а кое-кто из них – даже в проектировании поселений на ее основе. И они тоже прекрасно знали, в чем заключался подлинный смысл говардовской концепции.

Истинная причина этого искаженного разъяснения сути идеи города-сада кроется не в непонимании, а в вынужденной необходимости следовать тем содержательно-идеологическим установкам государственной градостроительной и жилищной политики, которые в этот период получили в Советском Союзе уже вполне однозначную направленность. Если власть вопреки всем имевшимся расчетам доказывала экономическую неэффективность малоэтажного строительства, то и авторы/редакторы статьи вынуждены были говорить о его дороговизне. Если государство направляло свои усилия на возведение многоэтажного, многоквартирного жилого фонда, то авторы/редакторы представляли это как «общемировую тенденцию».

Если органы управления градостроительством отказывали идее города-сада в возможности войти в арсенал средств советской расселенческой и жилищной политики, то авторам/редакторам не оставалось ничего иного, как писать о том, что «…теперь городами-садами называют… дачные места…».

Советская наука после обретения Сталиным всей полноты власти была превращена в структуру, выражавшую и оформлявшую политическую волю власти. Она старательно избегала выявления и освещения социальных проблем. Во-первых, потому, что начиная со второй половины 1920-х гг. с каждым годом все большую незыблемость приобретал официальный идеологический постулат о том, что в СССР проблем (тем более социальных) не существует. А есть лишь «отдельные временные трудности», с которыми партия и правительство упорно борются и в конце концов успешно их преодолевают. Во-вторых, потому, что непредвзятое описание того, как решались средствами архитектуры и градостроительства социальные проблемы на Западе, давало советскому читателю материал для невольного сопоставления с существовавшим положением дел в нашей стране, которое было явно не в пользу СССР.

Как следствие в советском градоведении в трудах по истории западноевропейской урбанистики, написанных в 1970-е гг., но до сих пор являющихся, по сути, основополагающими учебниками для студентов, все прежние «формулы» были воспроизведены, несмотря на то что эти труды создавались во времена, которые если и не отличались особой свободой высказываний, то по крайней мере были намного демократичнее, чем начальный период индустриализации. В этих исследованиях и учебниках, на которых выросли десятки поколений отечественных архитекторов-планировщиков, писалось о том, что градостроительство капиталистических стран в целом оказалось тотально неуспешным в решении социальных проблем. Так, например, в отношении говардовской концепции городов-садов говорилось: «Основными причинами постигшего Говарда поражения явились трудность достижения экономической автономии городов-садов, с одной стороны, и недоступность благоустроенных коттеджей широким трудящимся массам – с другой. Лишь в редких случаях удавалось уговорить владельцев фабрик и торговых предприятий навсегда покинуть насиженные места в Лондоне. И в равной мере только очень

немногие из столичных жителей соглашались сменить свои городские дома и квартиры на далеко расположенные загородные, несмотря на всю соблазнительность сельской природы…»[18]

Все неверно в этой оценке! Никакого «поражения» идея Говарда не понесла, напротив, на Западе города-сады получили огромное распространение и во многом сняли остроту жилищного кризиса, решив жилищную проблему для широких масс населения. Никаких трудностей в «достижении экономической автономии» у городов-садов не было, они создавались и функционировали (и, кстати, до сих пор функционируют) как самоуправляемые и автономные. Миф о «недоступности благоустроенных коттеджей широким трудящимся массам», увы, стал наиболее устойчивым в отечественном градоведении, несмотря на то что как раз города-сады превратили этот тип домостроений в широкодоступный именно для малоимущих слоев населения. Никто не «уговаривал» владельцев фабрик и торговых предприятий переносить их за город, это было абсолютно ненужным в условиях западного градостроительства, в котором место жительства никоим образом не связывалось с местом приложения труда (градоформирование на Западе шло по пути разворачивания систем общественного транспорта и стремительного расширения объемов наличия личного транспорта). «Только очень немногие из столичных жителей соглашались сменить свои городские дома и квартиры на далеко расположенные загородные» – заявление, не имеющее никакого отношения к сути дела. Никому из квартировладельцев и не предлагалось «менять» свое городское жилище на пригородное: говардовская идея была направлена на предоставление жилища тем, кто его никогда не имел. Как раз в этом и заключалась ее главная отличительная особенность[19].

Инновационным в идее Говарда являлась не архитектура, не благоустройство, не композиция планировки поселения, а прежде всего ориентация на возведение дешевого, доступного, комфортного индивидуального жилища. Главным в идее города-сада было создание таких финансово-экономических и организационно-управленческих условий для самоорганизации граждан, которые позволяли им относительно быстро и сравнительно недорого решать свои жилищные проблемы. Идея базировалась на специфических формах: а) льготного кредитования строительства, б) общественного самоуправления, в)

коллективной собственности на землю, недвижимость и природные ресурсы[20].

Социальная новизна идеи города-сада реализовалась в формировании самоуправляемых, независимых, автономных жилых образований с количеством жителей, достаточным для того, чтобы за счет аккумулируемых средств ежемесячных налоговых сборов, необременительных по отношению к величине средней заработной платы, иметь возможность возводить оптимально загруженные школы, самодеятельный театр и иные городские здания воспитательного и общественно-культурного назначения. Новизна идеи города-сада также проявлялась в создании населенных мест такой величины, чтобы при невысокой плотности расселения в 1–2-этажных домах вся территория поселения все же находилась бы в пределах пешеходной доступности и не требовала создания внутрипоселкового транспорта. Она воплощалась в такой системе муниципального управления, которая способна была извлекать прибыль из сдачи в аренду земли, находившейся в коллективном пользовании, в объемах, достаточных для содержания коммунальной инфраструктуры и даже накопления некоторой части прибыли, постоянно направляемой на повышение уровня благоустройства среды обитания[21].

В организационном плане социальная новизна проявлялась в том, что город-сад предлагал свободное открытое членство любому пожелавшему вступить в кооперативное жилищное товарищество: внося незначительные стартовые суммы, простые рабочие и служащие записывались в члены товарищества, возводившего поселок, и затем начинали коллективно «владеть» поселением. Собираемый капитал направлялся на покупку недорогих земельных участков и на возведение домов, а остававшиеся свободными суммы взносов помещались под накопительные проценты в сберегательные кассы, принося товариществу прибыль. Постепенно погашая свой облигационный долг и тем самым выкупая жилье, члены товарищества превращались из нанимателей квартир в собственников.

Главным отличием города-сада от всех прочих форм поселений было именно устройство системы управления населенным местом, основанной на демократических принципах равного участия каждого члена в руководстве социальным организмом – вне зависимости от «финансового веса» человека. Согласно подавляющему большинству

уставов подобных кооперативных поселений каждый член товарищества, каким бы количеством паев он ни владел, при решении любых вопросов на общем собрании (высшем органе управления) имел только один решающий голос. Руководство всеми процессами функционирования поселения и распоряжение его территорией осуществлялось так, как мечталось некоторым отечественным идеалистам-реформаторам постперестроечного периода (конца 1990-х гг.) – на строгой законодательной основе, публично, в виде коллективного волеизъявления на общих собраниях акционеров (пайщиков), в которых на равных правах участвовали все члены жилищного товарищества, а в промежутках между ними – подотчетным, демократично избранным правлением, которому общее собрание делегировало право руководства повседневной жизнью поселения.

Руководство эксплуатацией города-сада было направлено также на то, чтобы обеспечить возведение оптимально необходимого «набора» общественных зданий: а) школы (из расчета количества учеников, равного 1/5 части населения); б) библиотеки, в) музея, г) общественного парка, д) системы водоснабжения и канализации. Любопытно, что устройство водопровода, освещения, рынка и иногда даже трамвая, несмотря на пешеходную доступность всех частей поселения, не включалось в статьи расходов, так как они рассматривались как виды услуг, финансируемых за счет их оплаты непосредственными потребителями (то есть за счет предприимчивости и окупаемости частных компаний, разворачивавших и предоставлявших данный сервис).

Город-сад также получал доходы от рачительного использования внутрипоселковой и прилегающих территорий. Причем сдача в аренду участков для промышленных, сельскохозяйственных и торговых целей не только приносила прибыль в городскую казну, но и приближала производителей к источнику сбыта, в свою очередь, снижая для жителей города-сада стоимость товаров и услуг. Так, например, для фермеров, получавших в аренду сельскохозяйственные угодья, находящиеся в собственности города-сада, по цене, сопоставимой с величиной аренды в других местах, эти земли были значительно более привлекательными из-за наличия постоянного контингента потребителей производимой ими сельхозпродукции – населения

города-сада. Овощи и фрукты не нужно было везти куда-то, оплачивая дополнительные транспортные расходы, и таким образом появлялась возможность несколько снизить розничные цены. А кроме того, городские отходы стабильно и практически бесплатно поступали для удобрения земли…

Ключевым для города-сада был вопрос о типе жилья. Предпочтение отдавалось не многоэтажным домам-казармам коридорного типа с общими туалетами и душевыми, какими повсеместно застраивались пригородные рабочие поселки Западной Европы, а небольшим отдельно стоящим 1–2-этажным (или блокированным вдоль улиц) домам с приусадебными участками. Прежде всего потому, что они были дешевле в постройке и эксплуатации, нежели многоэтажные и многоквартирные.

Основополагающим в таком самоуправляемом, саморазвивающемся, самодостаточном поселении было не количество деревьев и кустарников, а «уничтожение эксплуатации человека человеком в жилищной нужде».

Реальная практическая эффективность в преодолении жилищной нужды малоимущими слоями населения привлекла к данной идее в дореволюционный период широкое внимание. «Социализм без революции» – так она именовалась в этот период.

Однако об этом в отечественной исследовательской литературе до сих пор абсолютно ничего не написано[22]. Содержание этого специфического социально-организационного и финансово-экономического механизма не раскрыто. Практически никем из авторов целенаправленно не изучались причины того острого интереса к идее города-сада, который был проявлен советской жилищной кооперацией. Не исследовались особенности интерпретации этой идеи в практике проектирования советских ведомственных рабочих поселков 1920-х гг., возводившихся возле реконструируемых и строящихся промышленных объектов, электростанций, торфоразработок, паровозных депо и т. п. Не раскрывалось влияние на трансформацию этой идеи тех социально-политических и социально-организационных условий, в которых осуществлялась советская градостроительная политика. Никто из авторов так и не объяснил причины почти полного запрета идеи города-сада в СССР к концу 1930-х гг.

Данная книга заполняет этот пробел в отечественной историографии. В ней подробно разъясняется, почему советская градостроительная и жилищная политика пошли совершенно иным путем, чем в других странах мира. Показано, как постепенно изменялось содержание базовых идей, принципов, законодательных и нормативных регулятивов советского градостроительства, почему идея города-сада оказалась замененной на доктрину «советского ведомственного рабочего поселка» и чем одна отличалась от другой. Рассмотрено, какой была типология жилища в поселках советской жилищной кооперации и в чем заключалось ее отличие от типологии жилища в ведомственных рабочих поселках.

Глава 1. Город-сад как элемент градостроительной политики в России в предреволюционный период

1.1. Предпосылки интереса к идее города-сада и причины ее популярности

Идея города-сада Э. Говарда возникла в конце XVIII в. как ответ на неразрешимость жилищных проблем капиталистической эпохи, вызванных прежде всего высокой стоимостью городской земли. Выкупать под новое строительство территорию, уже находящуюся в чьей-то собственности, приходилось по спекулятивно завышенным ценам, в результате чего конечная стоимость возведенных жилищ оказывалась непосильной для большей части тех, кто в них нуждался.

Предложение возводить новые автономные поселения за чертой существующих городов позволяло не только размещать их в благоприятных природных условиях, но и серьезно снижать спекулятивную составляющую расходов. Кроме того, при строительстве на пустом месте появлялась возможность оптимизировать численность населения, обеспечивать нормирование размеров территории поселения и разбивку оптимальной величины участков земли, изначально комплексно формировать систему инженерных коммуникаций, обслуживающую инфраструктуру и пр.

Планомерность застройки новых пригородных поселений (то есть по заранее разработанному генплану) была одной из основных линий противостояния идеи города-сада существовавшей в тот период практике стихийного появления и развития промышленных поселков. Но самым главным в предложениях Э. Говарда было то, что города-сады основывались на специфических формах кредитования строительства, общественного самоуправления и коллективном характере собственности на землю и недвижимость. В организационном плане идея города-сада предполагала свободное открытое членство в кооперативном жилищном товариществе: все желающие, внося незначительные стартовые суммы, вступали в члены товарищества, возводившего поселок и затем владевшего им, становясь его акционерами (пайщиками)[23]. Причем каждый желающий мог приобрести не более изначально определенного количества акций (паев), например 10 акций, как в Берлинском строительном товариществе (стоимость одной акции равнялась 200 маркам). Деньги

можно было уплатить сразу либо постепенными еженедельными взносами по 40 пфеннингов. Собираемый капитал направлялся на постройку или приобретение домов и земельных участков, а свободные суммы помещались под накопительные проценты в сберегательные кассы или сохранялись «иным вполне надежным способом, подобно сиротским капиталам»[24].

Постепенно погашая свой облигационный долг и тем самым выкупая жилье, члены товарищества превращались из нанимателей квартир в собственников. В конечном счете сам поселок постепенно становился полной собственностью его обитателей. Руководство процессами функционирования поселения и распоряжение его территорией осуществлялось в виде коллективного волеизъявления: важнейшие вопросы решались общим собранием, в котором на равных правах участвовали все собственники (акционеры). Текущая работа по управлению поселением велась публично избранным правлением.

Возведенные или приобретенные жилищным товариществом строения принадлежали ему до тех пор, пока члены товарищества, пожелавшие приобрести их в личную собственность[25], не выплачивали товариществу полную стоимость – «покупную» (если приобреталось уже возведенное строение) или «строительную» (если строение возводилось). Причем право приобрести дом члены кооператива получали лишь в том случае, если к моменту покупки дома они, во-первых, состояли членами товарищества не менее полугода, во-вторых, уже уплатили 1/10 часть минимального паевого взноса (что в Берлинском строительном товариществе составляло, например, не менее 20 марок).

Члены товарищества заблаговременно оповещались об условиях приобретения, ценах и иных сведениях о домах, выставленных на продажу. Желающие приобрести дом должны были заявить об этом правлению и представить гарантию своей платежеспособности, а также обязательства выполнения всех прочих условий. Если число заявлений оказывалось более числа предлагаемых для продажи домов, то вопрос решался жребием, после чего оформлялась купчая и дом переходил в полную собственность покупателя (рис. 4). Если же покупная цена на момент приобретения недвижимости не была выплачена полностью, то на сумму долга совершалась закладная товариществу с выплатой годовых (в уставе Дрезденского общеполезного строительного союза,

например, величина этого процента была четко фиксированна – не более 4,5 % годовых)[26].

До полного перехода дома в собственность покупатель, кроме паевых взносов, был обязан выплачивать правлению квартирную плату. Причем если домостроение состояло из нескольких квартир, то оплата начислялась на весь дом, а «лишние» квартиры покупатель имел право сдавать в поднаем. Взимание квартирной платы с арендаторов было его личным делом, и квартплата от сданных в наем квартир поступала в его персональное распоряжение, но и заботы о содержании дома также полностью возлагались на него. Сдавать в поднаем свободные квартиры владелец имел право лишь на тех общих условиях, которые устанавливались правлением и наблюдательным советом, следившими за тем, чтобы покупатель в тот период, когда он распоряжался недвижимостью, не превратившейся пока в его безраздельную собственность, не назначал бы арендную плату произвольно.

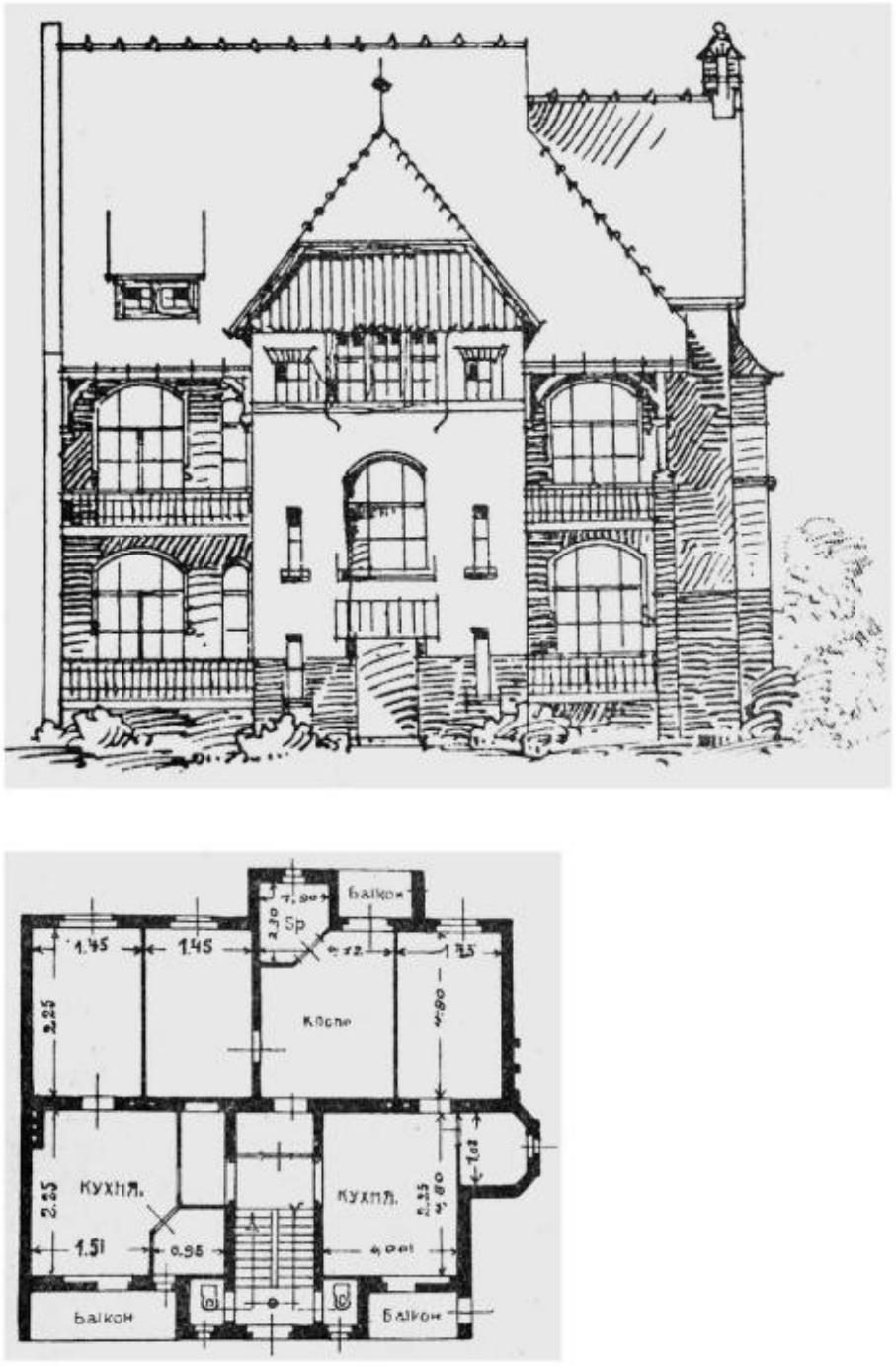

Рис. 4. Дома жилищной кооперации для рабочих в Дюссельдорфе (Германия). Фасад, план

Причем члены жилищного товарищества имели преимущественное право найма жилья за фиксированную квартирную плату, которая согласно уставу для членов товарищества устанавливалась «в возможно меньшем размере»: «Если наниматель

соблюдает все пункты договора, то до тех пор, пока он владеет акцией, квартирная плата в течение трех лет не может быть повышена, а также не может быть предъявлено требование о выселении. Такое же право сохраняет за собою и вдова, если акция перешла к ней до конца первоначального срока договора. В случае продажи дома время освобождения квартир устанавливается по общим законам»[27]. Если возникало несколько претендентов на аренду свободной квартиры, то вопрос о найме квартиры решался жребием.

Основополагающим принципом существования кооперативного жилищного движения было недопущение каких бы то ни было спекуляций с недвижимостью: членство в товариществе рассматривалось как средство удовлетворения личной потребности в жилище, а не как форма бизнеса. Исходя из этого категорически запрещалось использование кооперативного жилища в качестве доходных домов или в виде других форм коммерческой эксплуатации недвижимости. Уставы товариществ оговаривали специальное условие, при котором член товарищества не мог иметь в собственности больше одного дома[28].

Любопытно отметить, что финансовая сторона функционирования жилищного товарищества предполагала, что оно не только собирает со своих членов денежные средства и расходует их на означенные в уставе цели, но и осуществляет деятельность, направленную на извлечение прибыли из части собранных средств. Эта прибыль направлялась на выплату дивидендов членам товарищества[29].

Примечательно и то, что в социально-организационном плане кооперативное движение в буржуазных странах уже в дореволюционный период стремилось основываться на демократических принципах равного участия каждого члена в управлении социальным организмом вне зависимости от его «финансового веса». Согласно некоторым уставам в общем собрании (высший орган управления) каждый член, каким бы количеством паев он ни владел, при решении любых вопросов имел только один голос. Подобное условие было зафиксировано, в частности, в уставе Берлинского строительного товарищества. Правда, это правило не являлось всеобщим. Так, устав Дрезденского общеполезного строительного союза предусматривал некоторую зависимость числа голосов от количества акций, правда, ограниченную: «Правом участия в

общем собрании пользуется каждый акционер. Если акционер владеет тремя акциями, каждая акция дает ему один голос в общем собрании; если он владеет от 3 до 15 акций, то каждые 3 акции дают ему еще по одному голосу; свыше 15 акций – каждые 5 акций добавляют еще по одному голосу»[30].

Все эти демократические особенности организационно-финансовой стороны идеи города-сада и ее практическая эффективность в «разрешении жилищной нужды малоимущими слоями населения» (это словосочетание было весьма распространенным в литературе тех лет) привлекли к ней широкое внимание российской общественности. Но восприятие идеи города-сада в России было очень неоднозначным. Ее популярность среди городских слоев населения объяснялась наличием в городе-саде отдельного домовладения и участка земли при нем. Подобная тяга у россиян была предопределена тесной связью горожан с сельским землевладением, проявлявшейся в укладе городской жизни, во многом продолжавшем традиции деревенской общины или загородной усадьбы[31]. Но если горожане, либеральная общественность, а также архитектурное сообщество приняли идею города-сада почти восторженно, то органы государственного управления – царское правительство – отнеслись к ней весьма и весьма настороженно.

Причина в том, что идея города-сада базировалась на принципах общественного самоуправления, которое царское правительство воспринимало с большой опаской. Безусловно, в России в конце XIX в. существовало городское самоуправление: проведенная в 1870 г. реформа в известной мере отвечала потребностям развития буржуазного города и открывала некоторые пути рационализации городского управления[32]. Но основы городского самоуправления, заложенные земской, а затем и городской реформами, отвечали прежде всего интересам царского правительства, так как передавали общественному управлению лишь ту часть дел, с которой бюрократическому аппарату становилось все сложнее справляться.

В целом же в политике самодержавной власти хозяйственная целесообразность отступала на задний план перед соображениями политического характера. Правительственные органы были оппозиционны к структурам городского общественного управления, невзирая на успехи в муниципальной деятельности, достигнутые к

концу 1880-х гг. органами самоуправления на местах в таких сферах деятельности, как образование, медицинское обслуживание, общественное призрение и т. п. Появление в Европе в конце 1890-х гг. идеи города-сада совпало по времени с усилением в России попыток царского правительства за счет принятия нового Городового положения ограничить права местного самоуправления[33].

Государственной политике, направленной на ограничение местного самоуправления, активно противостояла либеральная общественность, не только поднявшая в конце 1880-х гг. голос в защиту органов самоуправления, но и осуществлявшая постоянные практические действия по развитию его начал во всех тех сферах жизни и деятельности, которые находились вне пристального внимания со стороны правительственной администрации. Например, в дачных поселках России в 1900–1910-х гг. возникли и развивались новые формы общественного самоуправления, так называемые общества (комитеты) благоустройства местности[34]. Подобные общества самостоятельно разрабатывали проекты использования отведенных им под строительство участков земли, решали проблемы повседневной жизни и вопросы создания инфраструктуры: осуществляли благоустройство, мощение дорог, вывоз мусора, электрифицирование освещения улиц, сооружали водопровод, канализацию, возводили учебные заведения, читальни, катальные горки, катки, детские площадки, спортивные сооружения, театры и библиотеки. Общества благоустройства местности издавали ежегодные отчеты о работе, имели собственные периодические печатные издания. Так, например, в начале XX в. только в Подмосковье издавались «Вестник поселка Лианозово», «Лосиноостровский вестник», «Малаховский вестник», журналы «Дачник», «Дачный вестник», «Постройка»; в Петербурге – журнал «Дачный курьер», газета «Поселковый голос» и др.[35] Общества активизировали самодеятельность населения, организовывали и направляли его инициативы, осуществляли фактическое самоуправление поселениями[36].

Но если в отношении дачных поселков общественные инициативы подобного рода мало беспокоили центральную власть, то, когда речь заходила о расширении полномочий городского самоуправления в существовавших городах или о возведении новых поселений изначально на основе общественного управления, власть проявляла не

только явное беспокойство, но и открытое противодействие. Так, в начале 1890-х гг. правительство разработало законодательные документы, ориентированные на частичное ограничение городского самоуправления, на включение земских и городских общественных объединений в общий строй государственных учреждений, причем путем максимального подчинения их бюрократическому аппарату. Для этого, в частности, предлагалось «во-первых, расширить полномочия Министерства внутренних дел по надзору за земскими, городскими и крестьянскими учреждениями и, во-вторых, ограничить начала выборности»[37]. В проекте Городового положения, внесенного на рассмотрение в Государственный совет 1 марта 1891 г., принцип выборности при замещении должностей по местному общественному управлению заменялся назначением на должности. Тем самым усиливалось зависимое положение органов общественного управления от администрации и возможность правительства оказывать воздействие на подбор их руководящего состава[38]. Напомним, что городской голова, его заместитель и городской секретарь рассматривались властью (и формально значились) как находящиеся на государственной службе. Кстати, впоследствии в Советской России этот принцип будет использован при формировании структуры органов местного управления: председатели исполкомов, их заместители и секретари будут назначаться органами НКВД и проходить по их штатам. Данное положение будет предписано постановлением ВЦИК РСФСР от 23 августа 1922 г. «О принятии к руководству выработанных комиссией Всероссийского центрального исполнительного комитета норм и штатов для наркоматов и подведомственных им учреждений»[39]. Согласно ему выплата заработной платы председателям исполнительных комитетов всех уровней, членам президиума исполкома (двум-трем, в зависимости от величины исполнительного органа) и секретарям (для губернских исполкомов) будет законодательно закреплена за НКВД.

Проект Городового положения 1891 г. сводил к минимуму самостоятельность городских дум. Так, если прежде губернатору принадлежало право надзирать лишь за «законностью» думских действий, то есть за соблюдением формальных требований, установленных законом, то теперь – за их «правильностью», что по существу давало ему возможность неограниченного вмешательства в

дела городского общественного управления, так как позволяло своевольно квалифицировать действия городских дум как «неправильные»[40]. Этому способствовало также и отсутствие в Городовом положении 1891 г. (в отличие от Городового положения 1870 г.) ключевой формулировки о том, что «городское общественное самоуправление в пределах предоставленной ему власти действует самостоятельно»[41].

Традиционно рассматривая дворянство как свою главную политическую опору, правительство с недовольством относилось к увеличению числа гласных лиц, принадлежащих к другой части населения – торгово-промышленной. А в отношении доступа в органы самоуправления представителей разночинной интеллигенции оно занимало совершенно непримиримую позицию, так как считало, что именно они потенциально способны привнести в думы нежелательные оппозиционные настроения. Поэтому усилия царского правительства были направлены на всяческое ограничение присутствия в думах интеллигенции, несмотря на то что само указывало в качестве одной из основных причин недостаточно эффективной деятельности органов самоуправления низкий образовательный уровень большинства их членов.

Правительство также отказывалось расширять круг избирателей за счет категории квартиронанимателей, то есть не желало распространять право участия в выборах в органы городского управления на тех, кто не имеет недвижимой собственности в городе и не занимается торгово-промышленной деятельностью, хотя и принадлежит к образованным слоям городского населения. Правительство отсеивало представителей нежелательных слоев населения за счет повышения имущественного ценза при допуске к выборам: согласно положению депутаты городской думы должны были избираться именно на его основе, а не на основе налогового ценза. Это означало, что избирательное право де-факто продолжало оставаться у самых крупных владельцев недвижимости.

Идея города-сада – самоуправляющегося и саморазвивающегося поселения – вызывала опасения царского правительства тем, что в случае воплощения ее социально-организационной и социально-политической составляющей именно квартиронаниматели оказывались основным составом органов городского общественного самоуправления. Самодержавная власть, негативно относясь к

либерально-демократическим идеям расширения общественного самоуправления, тем более не допускала мысли отдавать в его руки целые населенные пункты. Государственные органы не хотели утрачивать контроль над жилыми образованиями и прилегающими к ним значительными участками земли, над системами городского жизнеобеспечения и пр. Власть не могла допустить потери контроля над населением, позволяя ему самостоятельно создавать среду обитания и независимо управлять ею.

Негативное отношение царской власти к идее города-сада в значительной степени ограничивало реализацию социального, организационного, политического и экономического содержания говардовской идеи в градостроительной политике предреволюционной России. Кроме позиции правительства, ее широкому внедрению в российскую градостроительную практику дореволюционного периода препятствовали и другие причины: недостаточная степень развитости кооперативного движения, менее острая, нежели в Европе, потребность в децентрализации городов, несоответствие банковского кредитования существовавшей системе строительного законодательства и т. д.

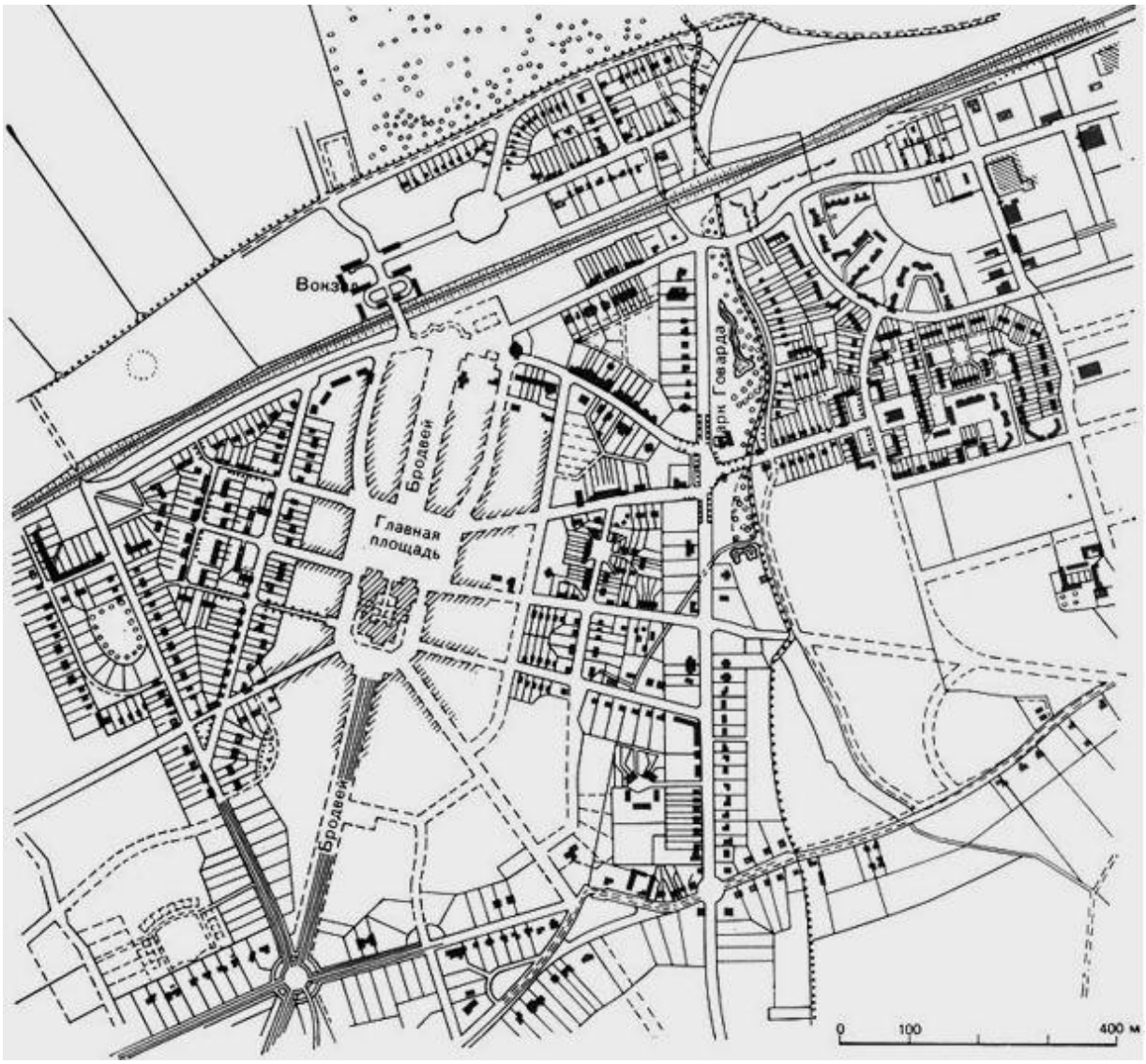

Рис. 5. Город-сад Лечвортс (близ Лондона). Генплан. Арх. Р. Энвин, Б. Паркер. 1904

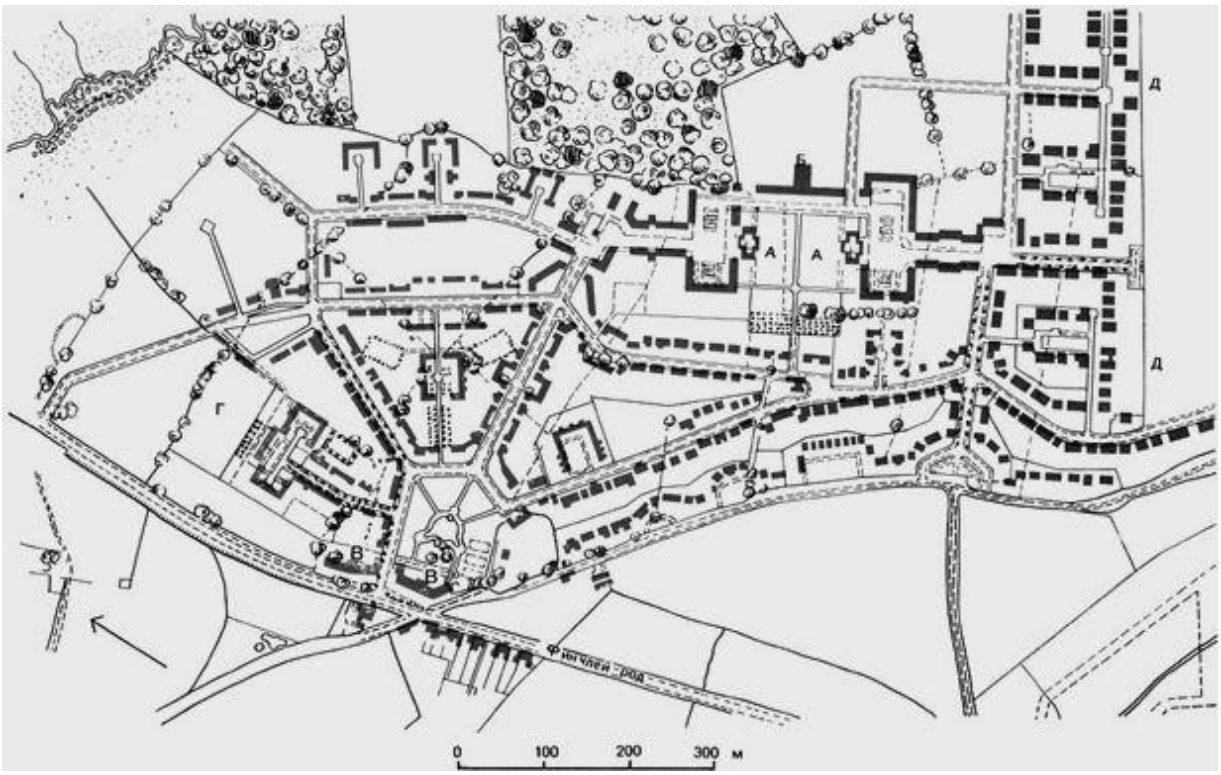

Рис. 6. Пригород-сад Хемпстед (вблизи Лондона). Арх. Р. Энвин, Б. Паркер и Ю. Лютиенс. 1907

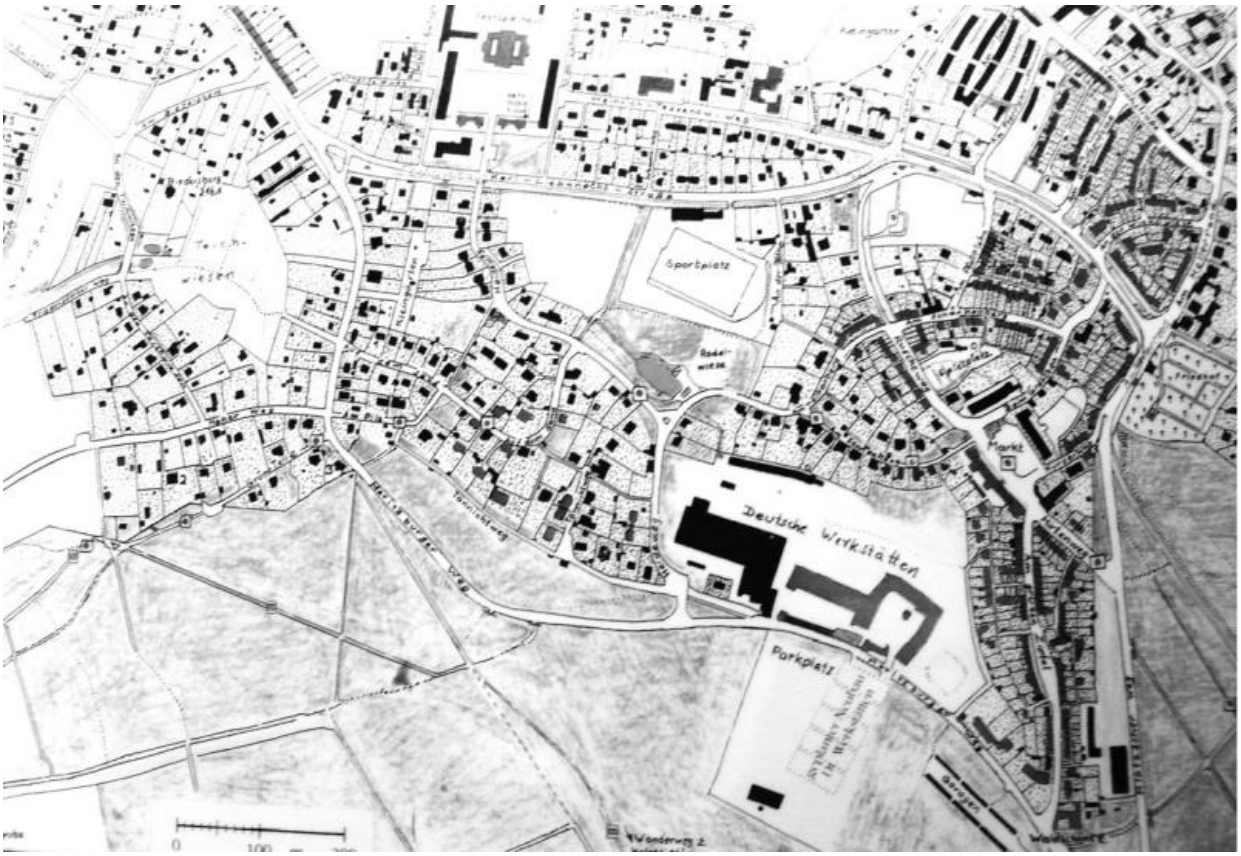

Рис. 7. План современного Геллерау (Германия)

1.2. Движение по возведению городов-садов

Идея Э. Говарда обрела на Западе большую популярность и широкое планировочное воплощение: на ее основе начали разрабатываться предложения по созданию вокруг английских городов системы новых сателлитных поселений, размещаемых на расстоянии до 50 км от старых городов – в природном окружении – и связываемых с существующим городом транспортным сообщением[42]. В октябре 1903 г. в 50 км от Лондона произошла закладка первого города-сада Лечвортса (рис. 5). Чуть позже начали строиться пригороды-сады: Хемпстед (рис. 6), Эдгбастон, Роифорд, Новый Эрсвик и др. В последующие годы поселения-сады появились также в Италии – Аньен близ Рима, Германии – Ротсгоф, Фолькенбург, Геллерау (рис. 7), Швейцарии и других странах.

Возникшее в конце XIX в. в общественном сознании России понимание необходимости планомерного (не стихийного) роста городов, комплексного (не фрагментарного) благоустройства рабочих поселков, ослабления жилищного кризиса в крупных городах за счет кооперирования малоимущих застройщиков (а не за счет возведения арендного жилья в виде доходных домов), рациональной планировки вновь возводимых поселений (а не случайной их застройки в результате земельных спекуляций) и т. п. подготовило к началу XX в. благоприятную среду для положительного восприятия российскими архитекторами пришедшей извне идеи города-сада.

В России новые социально-градостроительные веяния стали известны благодаря начатой с 1904 г. широкой публицистическо-пропагандистской деятельности журналов «Зодчий» и «Городское дело». Первое в России сообщение о городах-садах было опубликовано в журнале «Зодчий» в виде небольшой заметки некого Х[43]. В 1909 г. Д. Д. Протопопов публикует статью об организованной германским обществом городов-садов экскурсии в Англию[44]. В следующем году с активной пропагандой идеи городов-садов в журнале «Зодчий» выступает побывавший в Великобритании профессор А. К. Енш[45]. К этому времени в Англии уже практически возведены два рабочих поселка-сада, основанных на идее Э. Говарда, – Борнвиль под Бирмингемом и Порт-Сенлянд под Ливерпулем.

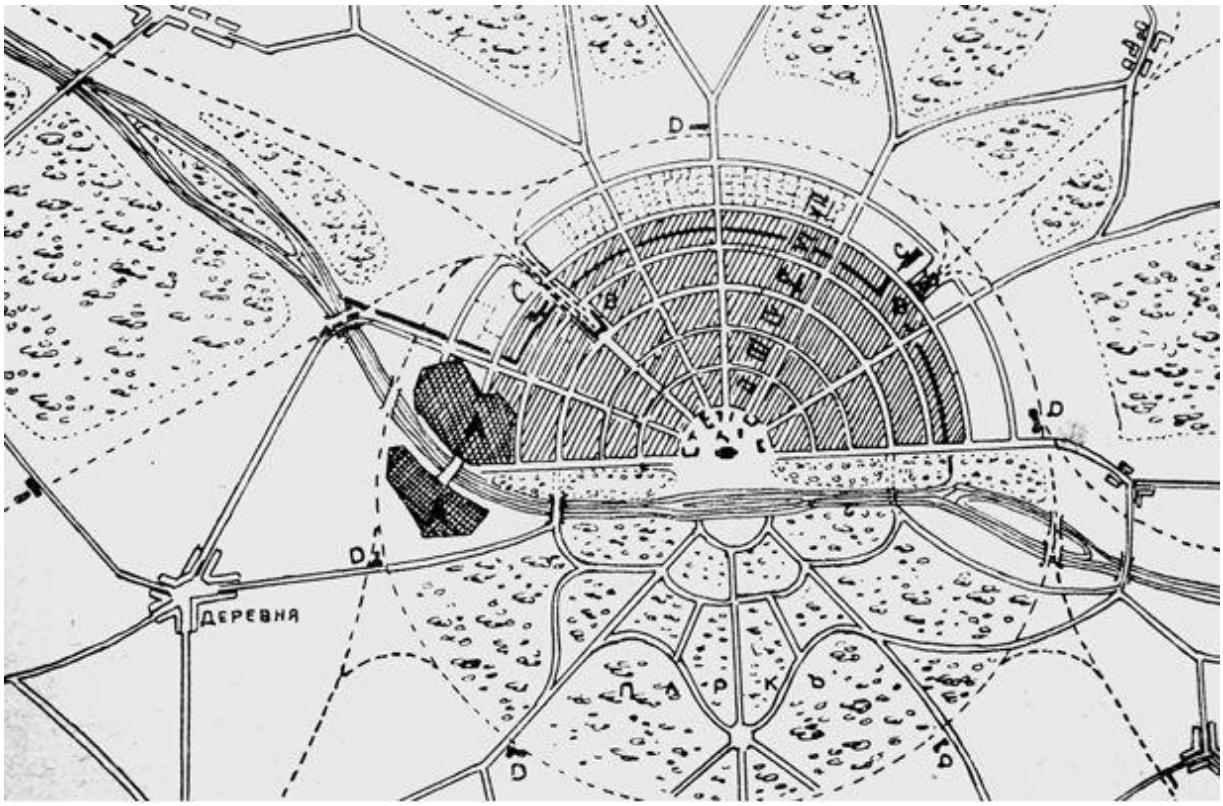

Рис. 8. Теоретические предложения компоновки поселения паркового типа. Арх. T. Fritsch

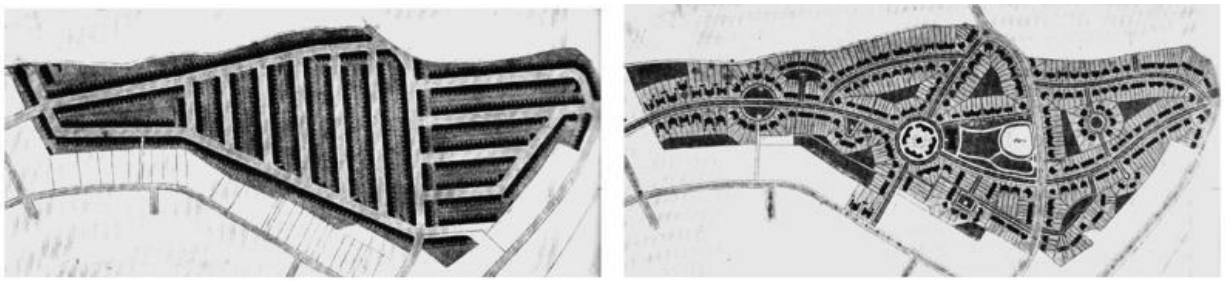

Рис. 9. Сравнение планировок: а) традиционной планировки участка и б) выполненной в соответствии с композиционными принципами города-сада

В 1911 г. распространение идеи Э. Говарда в общественном сознании получает дополнительный импульс: его книга[46] выходит на русском языке[47]. Кстати, книга немецкого градостроителя Теодора Фритча «Город будущего»[48], содержащая очень сходные с говардовскими предложения, была издана в Лейпциге двумя годами

ранее (рис. 8), но в силу целого ряда обстоятельств ни она, ни ее автор не получили такой широкой международной известности.

В 1913 г. по инициативе Д. Д. Протопопова и А. Ю. Блоха[49], который являлся переводчиком книги Э. Говарда на русский язык, возникает Русское общество городов-садов[50], а несколько позже – Общество изучения городского хозяйства. Журнал «Городское дело» писал: «…А. Ю. Блох – один из немногих русских, глубоко интересующихся жилищным вопросом. Он жил в Лечвортсе, сблизился с Говардом, который написал трогательное предисловие к переводу, полное теплого чувства к России и веры в ее будущее. Тщательно, любовно сделан перевод. Интересное предисловие переводчика и много полезных его примечаний»[51].

Российских архитекторов к идее города-сада притягивала ее художественно-планировочная составляющая. Привлекал отказ от монотонной регулярности застройки, характерной для сложившегося на Западе и в России способа распланировки территории, при котором участки нарезались узкими и длинными полосами, вытянутыми в глубь квартала, с фронтом всего 3–5 саженей с целью достижения максимальной плотности использования территории и экономической выгоды при проведении систем канализации, водопровода, газификации и пр. (рис. 9). Также влекла живописность создаваемой планировочной структуры и, как следствие, разнообразие форм пространственной композиции поселений, богатое образное решение облика жилой среды. В частности, в книгах В. Дадонова «Социализм без политики. Города-сады будущего в настоящем»[52] и П. Г. Мижуева «Сады-города и жилищный вопрос в Англии»[53] приводились примеры того, как один и тот же участок на основе существовавшего в Англии строительного законодательства мог быть распланирован двумя способами: а) по прямоугольной планировочной сетке (с соблюдением строительных постановлений и требований обеспечения аэрации поселения); б) по принципу города-сада (в качестве примера выступало английское предместье-сад Харборн (рис. 10).

Рис. 10. План предместья Харборн (Великобритания), выполненный в соответствии с планировочными принципами города-сада

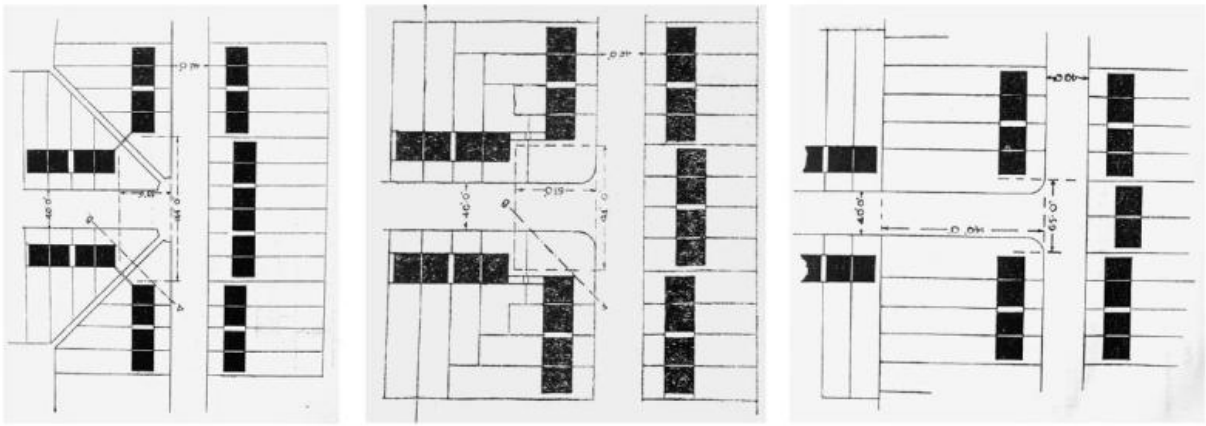

Рис. 11. Примеры расположения застройки в городах-садах в местах примыкания улиц

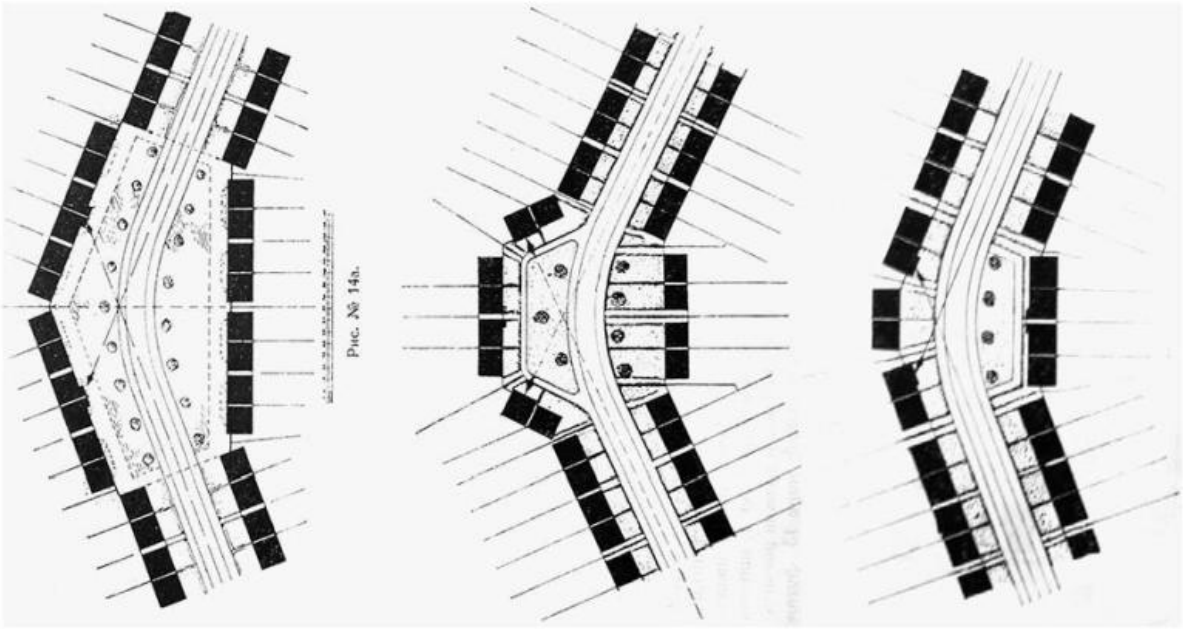

Рис. 12. Примеры расположения застройки в городах-садах на повороте улицы под тупым углом

Планировочные особенности возведенных на Западе городов-садов становились предметом изучения. В периодической литературе начала XX в. подробно описывались примеры практического воплощения городов-садов: приводились генпланы поселков, подчеркивалась важность нерегулярной композиции при прорисовке расположения улиц, зависимость трассировки проездов от уклонов местности; публиковались фотографии застройки, чертежи индивидуальных домов; сравнивались варианты планировки участков (рис. 11–19) и т. п.

Российских архитекторов привлекал в идее города-сада также и специфический характер решения социальных, финансовых, организационно-управленческих, технико-экономических вопросов. В конечном счете российские проекты поселений для рабочих и служащих (в том числе дачных), несмотря на то что многие из них разрабатывались вполне традиционным образом – в виде целостно спланированного поселка при промышленном предприятии (или без такового), но с общественным центром, некоторым количеством культурных, просветительных, детских, лечебных и иных обслуживающих учреждений, начинали именоваться городами-садами.

Идея города-сада стала в первом десятилетии XX в. крайне популярной не только среди архитекторов, но и в политических кругах либеральной общественности, питавшей надежды на то, что благодаря ей можно будет «без революционных катаклизмов» осуществить кардинальную социальную реформацию общества. Увлечение было настолько сильным, что основные постулаты говардовской идеи стали применяться не только к городским поселениям, но и к сельскому расселению в целом. Очень любопытный пример подобной «непрофильной» интерпретации идеи города-сада приведен в изданной в Московской губернии приблизительно в 1915–1916 гг. книге «Города-сады. Идея Говарда»[54]. Ее автор предлагал использовать концепцию города-сада для расселения русского крестьянства, переводимого на хуторское хозяйство: «Ломая старые формы хозяйства и жизни (крестьянское хозяйство с чересполосицей, трехпольем, переделами и т. п. – *М. М.*), надо создавать новые, по наилучшему плану, чтобы не пришлось переделывать их потом, когда это будет уже несравненно труднее. Наилучшим планом хозяйства, последним словом науки в этой области являются города-сады, соединяющие в себе преимущества города и деревни… В настоящее время, при наличности многих имений с неустановленной формой владения и хозяйства и при неизбежном переходе от общинного крестьянского хозяйства к отрубному, необходимо наметить целый ряд городов-садов, связав их между собой магистралями железных дорог»[55]. А в 1916 г. вблизи Омска, около железнодорожной станции Куломзино, даже было начато практическое проектирование «хутора-сада».

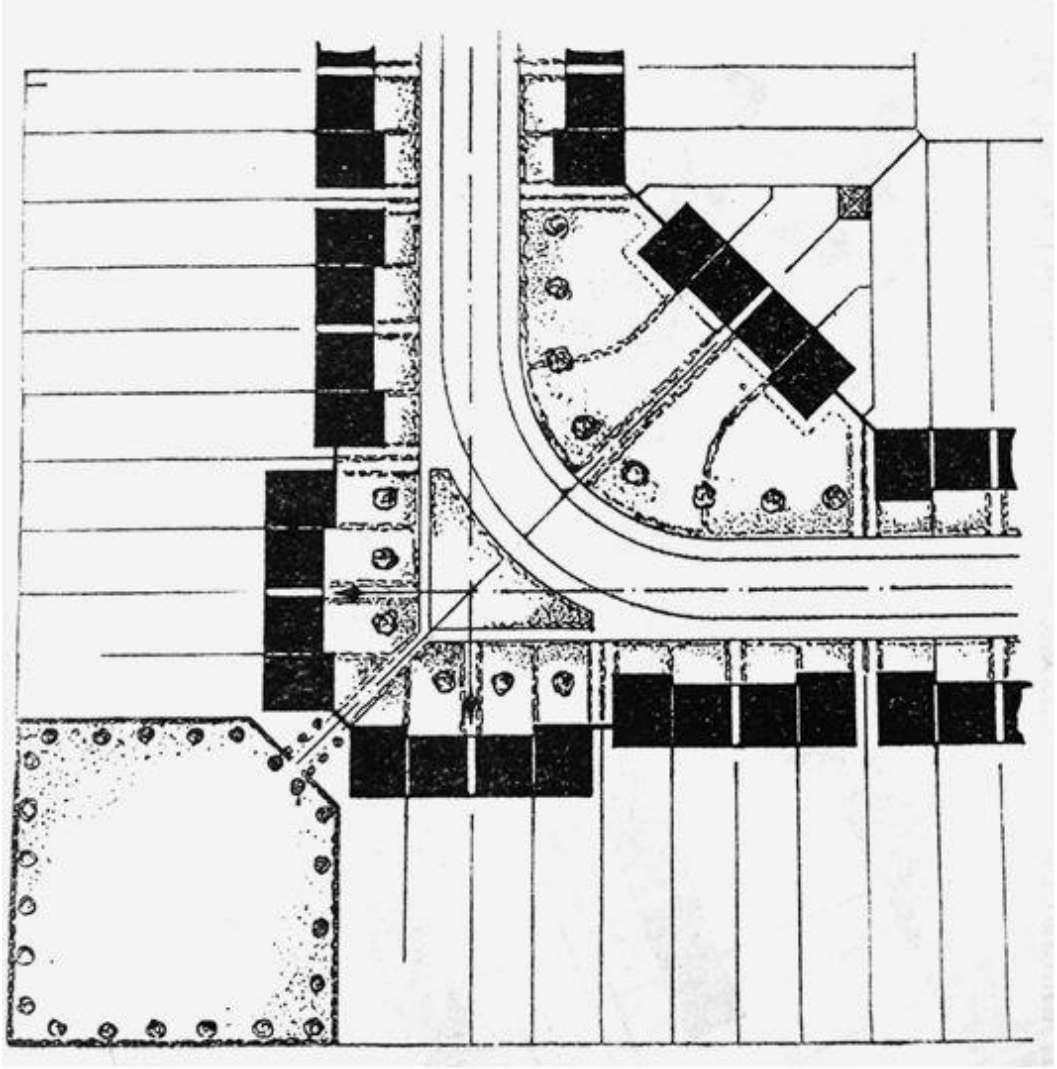

Рис. 13. Примеры расположения застройки в городах-садах на повороте улицы под прямым углом

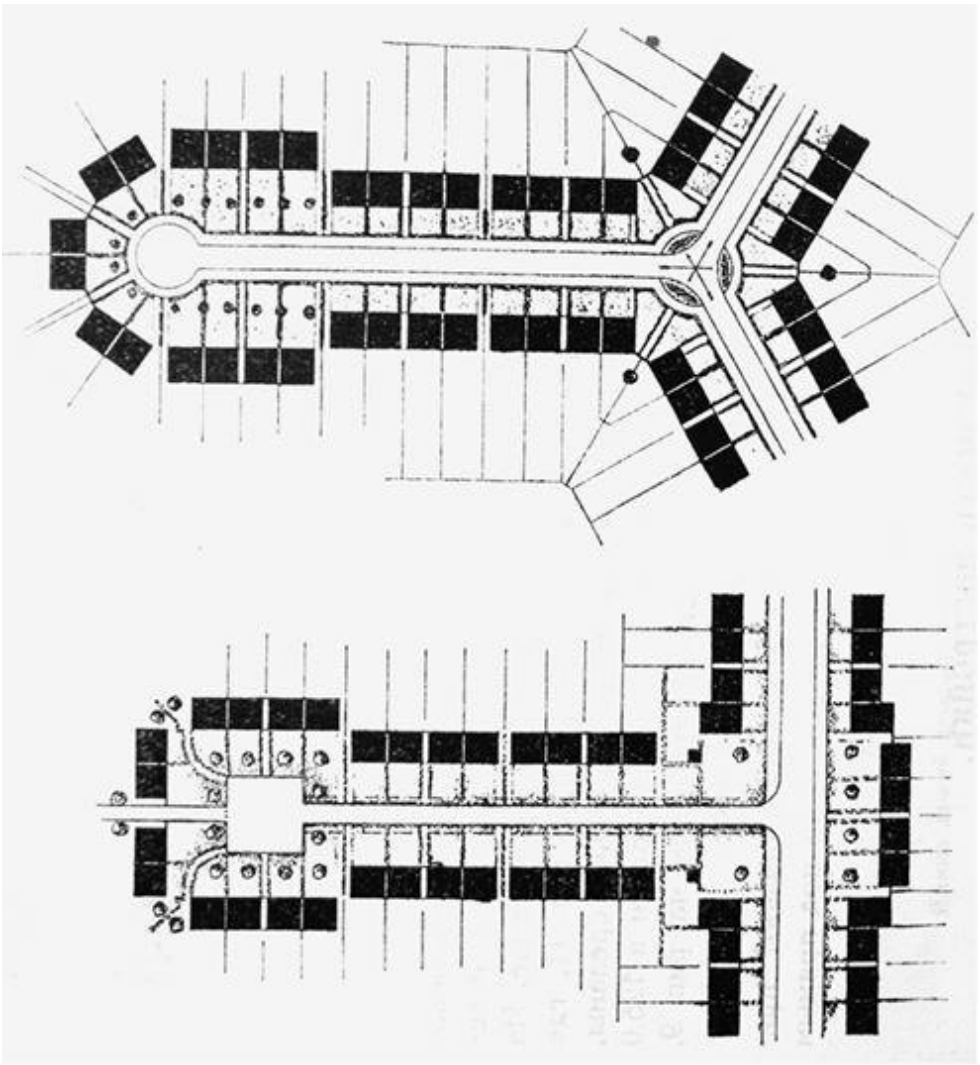

Рис. 14. Примеры расположения застройки в городах-садах на коротких тупиковых улицах в местах пересечения с главной улицей

Рис. 15. Пример зигзагообразной застройки квартала с открытыми общими садами для группы домов

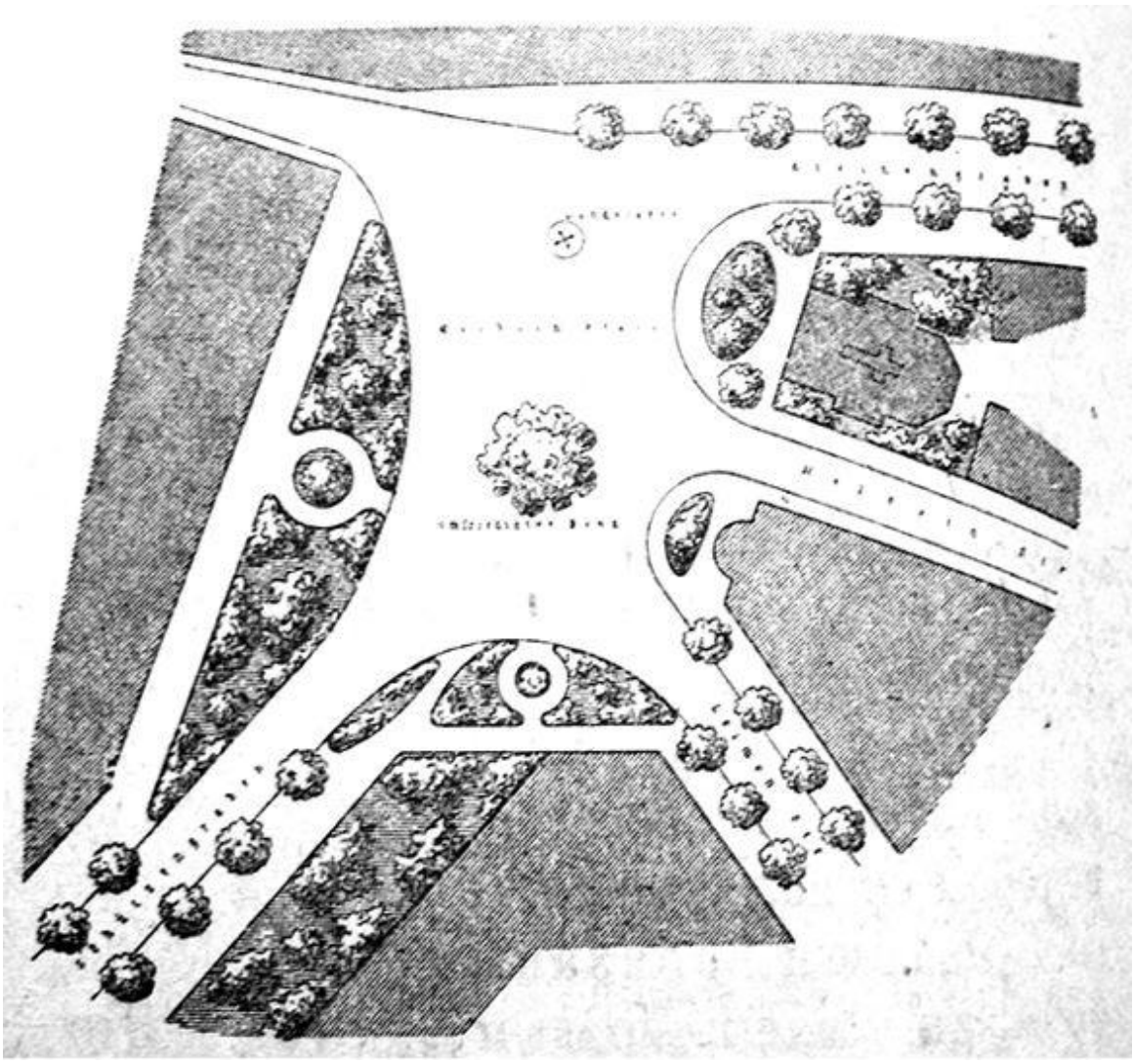

Рис. 16. Примеры размещения зеленых насаждений в углах кварталов на пересечении улиц в городах-садах

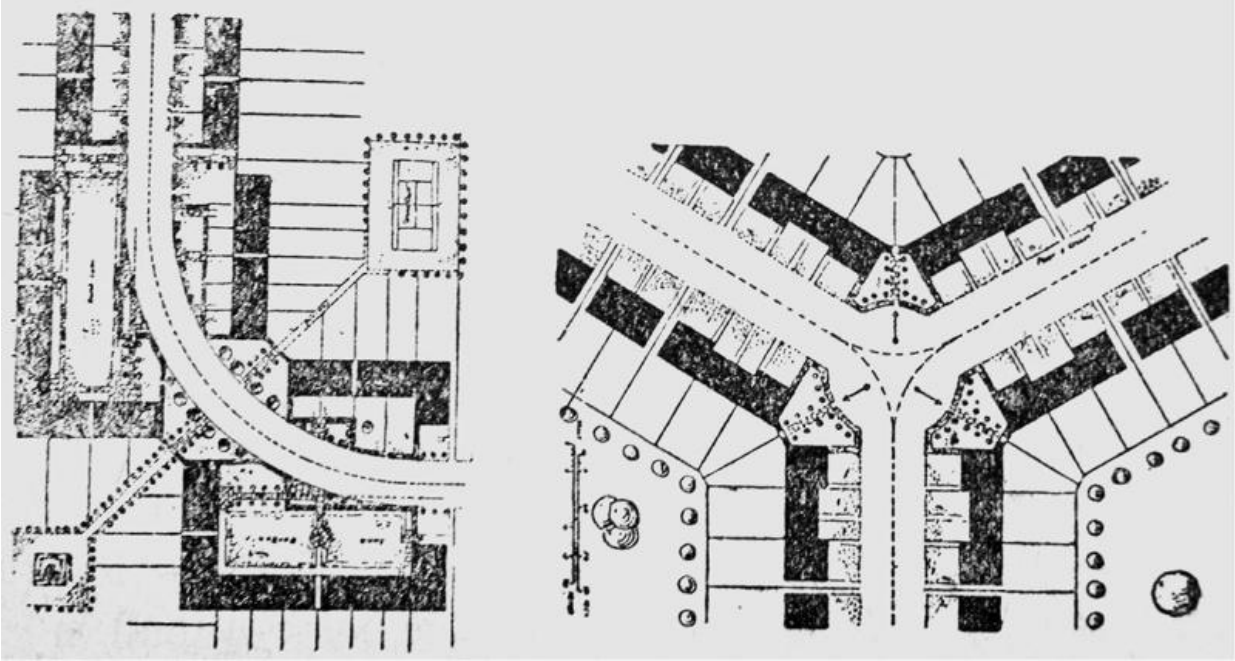

Рис. 17. Примеры застройки углов кварталов в городах-садах

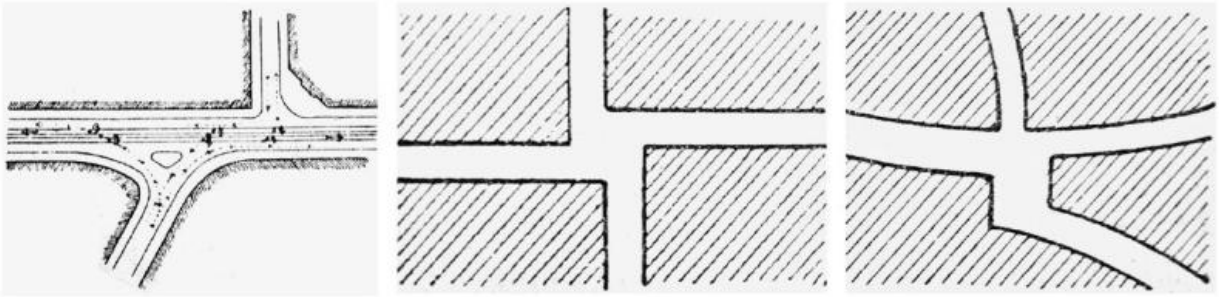

Рис. 18. Примеры устройства пересечения улиц в городах-садах

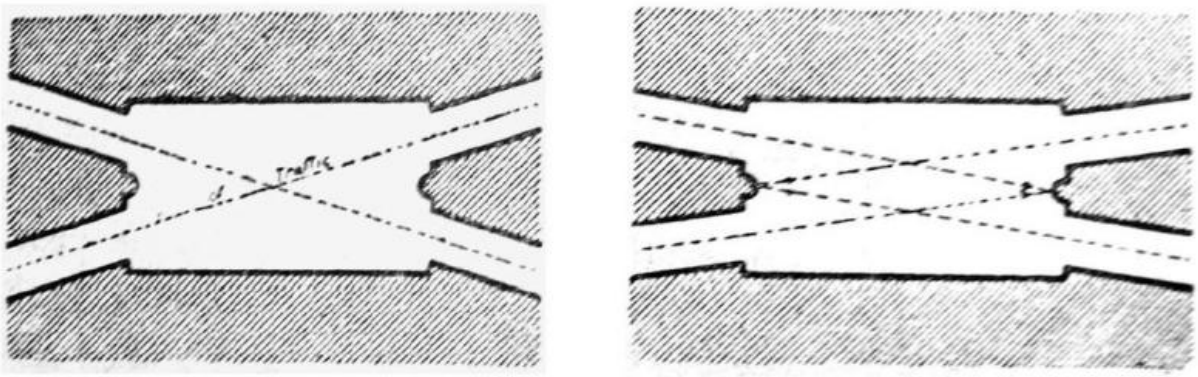

Рис. 19. Примеры примыкания улиц к площадям: а) в обычной, регулярной планировке; б) в художественной планировке города-сада

Большая организационная и содержательная работа осуществлялась в этот период Всероссийским союзом городов, наметившим в апреле 1917 г. проведение всероссийского съезда по оздоровлению городов. На нем предполагалось провести широкое общественное обсуждение проблем муниципальной жизни, кооперативного строительства, жилищной политики. Революция отменила проведение съезда.

1.3. Субъекты градостроительной деятельности в дореволюционной России

В России (как и в Германии, Америке, Англии, Франции, Нидерландах и т. п.) возведение поселков (жилищных колоний) для рабочих в середине XIX в., то есть задолго до возникновения идеи города-сада, инициировалось крупными частными промышленными объединениями, стремившимися улучшить жилищные условия для своих сотрудников. Внешне, по планировочным и художественно-образным характеристикам, некоторые из этих поселений были весьма похожи на будущие говардовские города-сады: они были живописны по планировке, включали некоторое количество усадебных жилых домов, здания образовательного и культурного предназначения.

В роли градообразующего потенциала здесь выступали производственные комплексы добывающей (каменноугольной, горнорудной и т. д.) или перерабатывающей (химической, металлургической и т. п.) промышленности или паровозоремонтные мастерские. Так, например, в начале XX в. от Сибирского железнодорожного пути к возникавшим бассейнам угледобычи были построены Ачинско-Минусинская, Алтайская, Кулундинская, Кольчугинская железнодорожные ветки и, соответственно, возведены поселения для железнодорожников и рабочих угольных разрезов.

Кроме частных инициатив отдельных промышленников, мощным инициирующим началом возведения автономных поселений для рабочих и служащих выступали государственные ведомства. Например, Министерство путей сообщения в конце XIX в. осуществляло программу возведения железнодорожных колоний и многочисленных поселений на КВЖД. Колонии также возводились на Екатерининской железной дороге, Западно-Сибирском участке (например, колонии на станциях Тайга, Боготол), на Восточно-Сибирской железной дороге (колонии мастерских в Чите) и т. д.

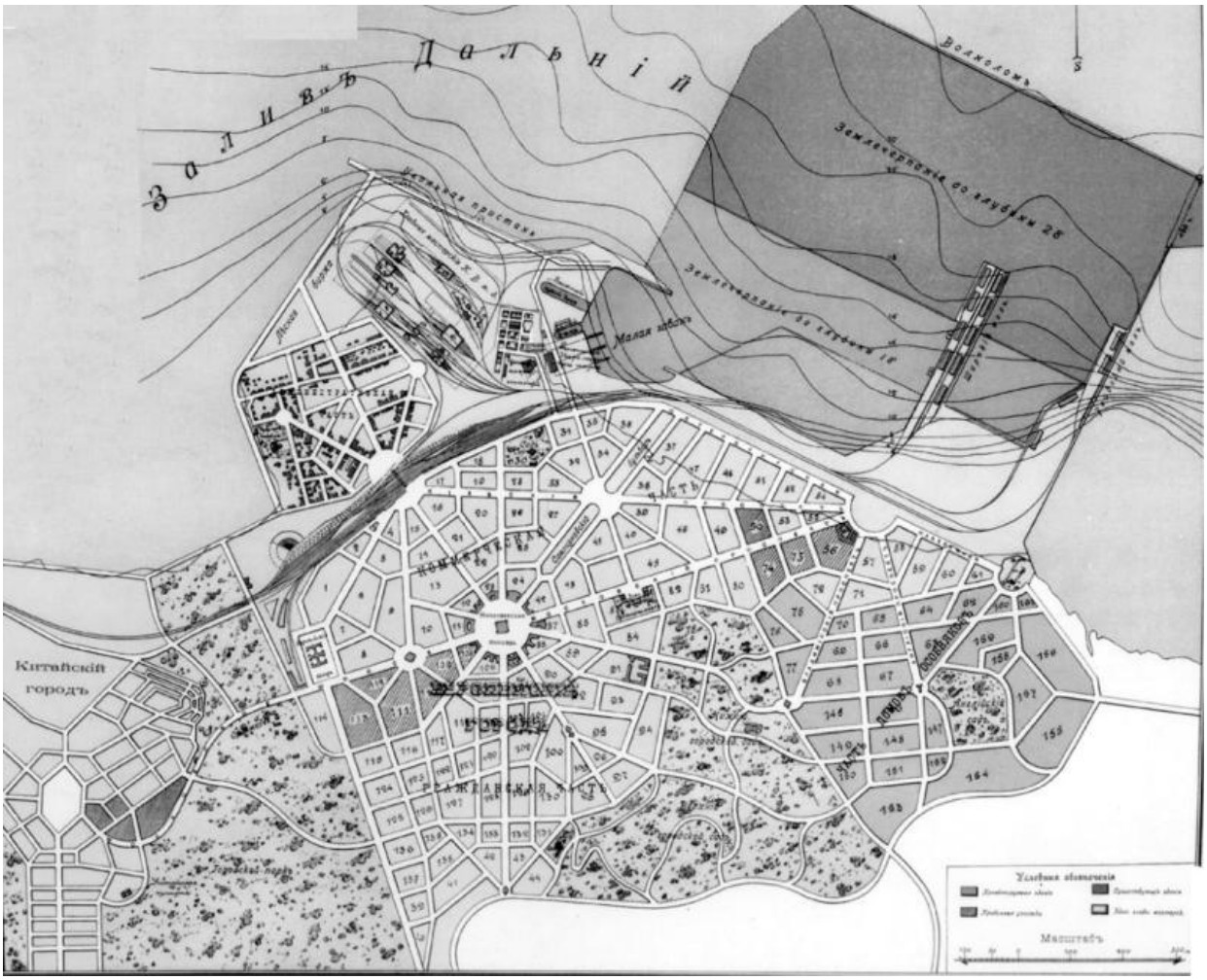

Рис. 20. Город Дальний. Генплан

Заметим, что российские архитекторы, еще ничего не зная в конце XIX в. об идее города-сада, воплощали в своем творчестве архитектурно-художественные принципы градостроительного проектирования, традиционные для отечественного зодчества и, как позднее окажется, весьма схожие с композиционно-планировочными приемами территориальной организации города-сада:

– учет конкретных историко-географических условий, применение приемов планировки, сообразных ландшафтным особенностям местности;

– применение специфического традиционного композиционно-художественного опыта русской архитектуры;

– широкое использование традиций пейзажного градостроительства;

– использование типа индивидуального жилого дома усадебного типа с садами и надворными постройками;

– устройство общественных скверов и бульваров;

– расположение промышленности за чертой жилой зоны.

Такие города, как Харбин, Дальний, Порт-Артур, а также десятки железнодорожных поселков, впервые основанных или выросших на базе существовавших китайских поселений в ходе прокладки и обустройства КВЖД, как на территории России, так и на территории Китая, реализовали в своей планировке и застройке ряд градостроительных принципов построения пространства, во многом совпадавших с художественно-композиционной стороной будущих городов-садов[56] (рис. 20). Территория для возведения таких поселений выбиралась по принципам, которые впоследствии станут концептуально присущи городам-садам, – на нетронутых человеческой деятельностью природных территориях, вблизи чистых источников воды (озер или рек), в лесных массивах, на сухих почвах, на расстоянии удобного транспортного сообщения с близлежащим городом (железная дорога, шоссе). Заметим, что данные признаки города-сада уже в этот период рассматривались как решающее преимущество в сравнении с пороками существовавших городов.

«Субъектами» возведения поселений-садов в России в начале XX в. являлись: а) городские управы; б) государственные ведомства (министерства); в) частные промышленники (фабриканты) и производственные объединения; г) дачные жилищные товарищества; д) землевладельцы[57]. Своеобразным «субъектом», инициирующим повсеместную реализацию идеи города-сада, выступали профессиональные сообщества, непосредственно связанные с проектированием поселений: архитекторы, гражданские инженеры, санитарные врачи, экономисты и др. Они широко и активно ратовали за проектирование и устройство разгружающих крупные города «поселков-садов», «предместий-садов»[58], «хуторов-садов». Призывали к осуществлению перспективного планирования и практической застройки поселений по единому генеральному плану, в точных границах, с рациональным размещением общественных зданий и общепоселковых центров, с обязательным устройством садов и парков рекреационного назначения, с развитой сетью досуговых и

обслуживающих учреждений, дифференцированной сетью жилых улиц и магистралей.

В провинции просветительскую работу вели местные отделы Общества городов-садов. В частности, в Барнауле действовало отделение, возглавляемое управляющим Алтайской железной дорогой А. В. Ларионовым. В общество входили гражданские инженеры И. Ф. Носович, А. Ф. Ильин, Лупицкий, краевед Г. Д. Няшин. Деятельность Барнаульского отделения стала настолько популярной, что в августе 1917 г. А. В. Ларионова избирали гласным Городской думы по отдельному списку Общества городов-садов. Сибирское отделение Русского общества городов-садов было создано также и в г. Бийске.

Теоретическое осмысление градостроительных проблем в связи с идеей городов-садов осуществлялось в России в предреволюционный период в работах А. К. Енша[59], Л. Н. Бенуа[60], Е. В. Виленц-Горовиц[61], В. Дадонова[62], М. Г. Диканского[63], Н. В. Дмитриева[64], Г. Д. Дубелира[65], В. С. Карповича[66], Г. П. Ковалевского[67], Б. Г. Кнатца[68], П. Г. Мижуева[69], Д. Д. Протопопова[70], В. Н. Семенова[71], Н. А. Сытенко[72], И. А. Фомина, З. Г. Френкеля[73] и др.

Городские управы при расширении зоны городской жилой застройки стремились использовать прогрессивный зарубежный опыт. Первым российским городом-садом был возведенный под Ригой поселок, названный Царский Лес[74]. Одним из инициаторов создания этого поселения выступал член-корреспондент Петербургского общества архитекторов гражданский инженер А. К. Енш (рис. 21, 22). В 1908 г. А. А. Веснин разрабатывает проект поселка-сада Никольское близ Москвы (рис. 23). В этот же период создается поселок-сад Новая Варшава (близ Варшавы)[75]. В 1913 г. была закончена инициированная городской управой постройка трех городов-садов под Петербургом – за Нарвской заставой, в Сосновке за Лесным и возле Полюстровского и Выборгского проспектов[76]. Московской городской управой было предпринято строительство предместья-сада на Ходынке[77], между Петербургским шоссе и Солдатенковской больницей (ныне больницей имени Боткина) (рис. 24).

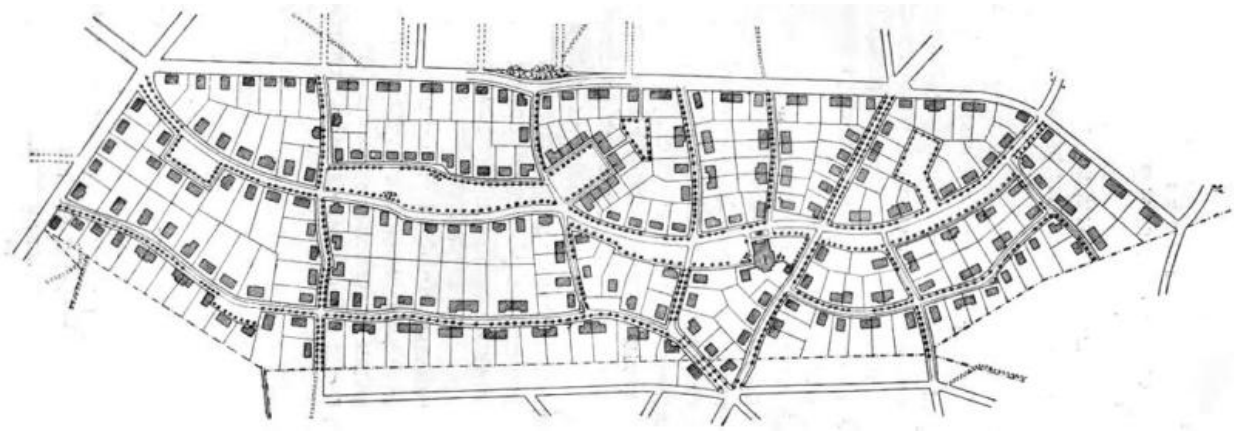

Рис. 21. Дачный поселок-сад Царский Лес под Ригой

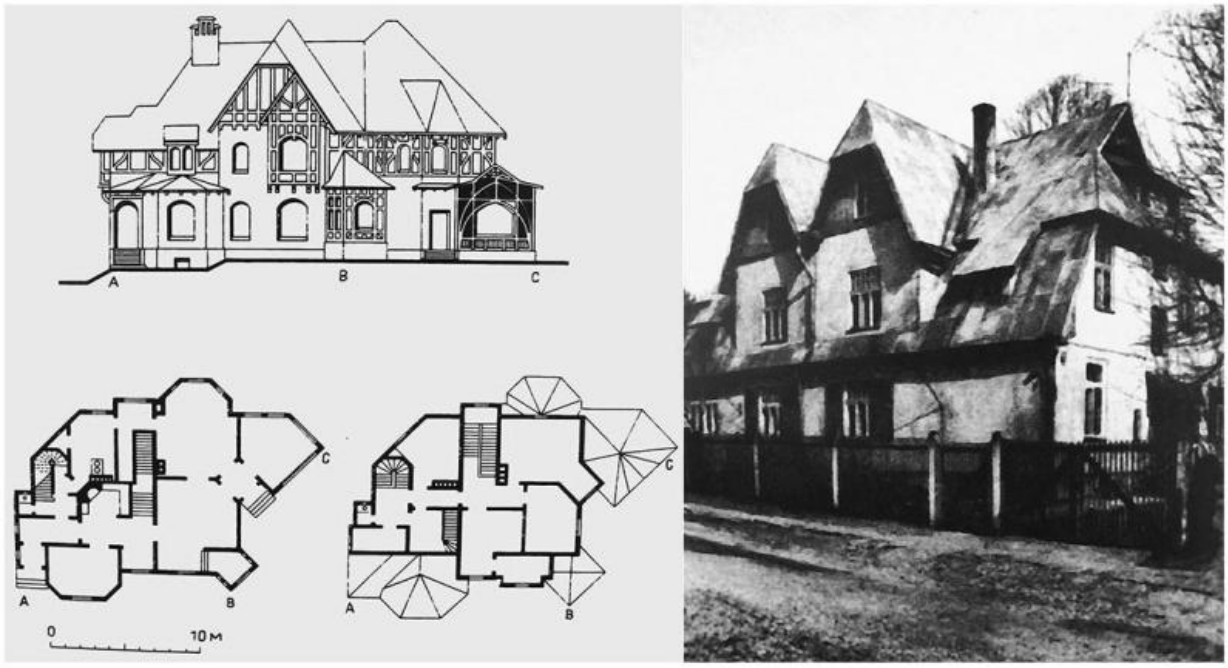

Рис. 22. Поселок Царский Лес под Ригой. Жилые дома. Фасад, планы. Фото с натуры

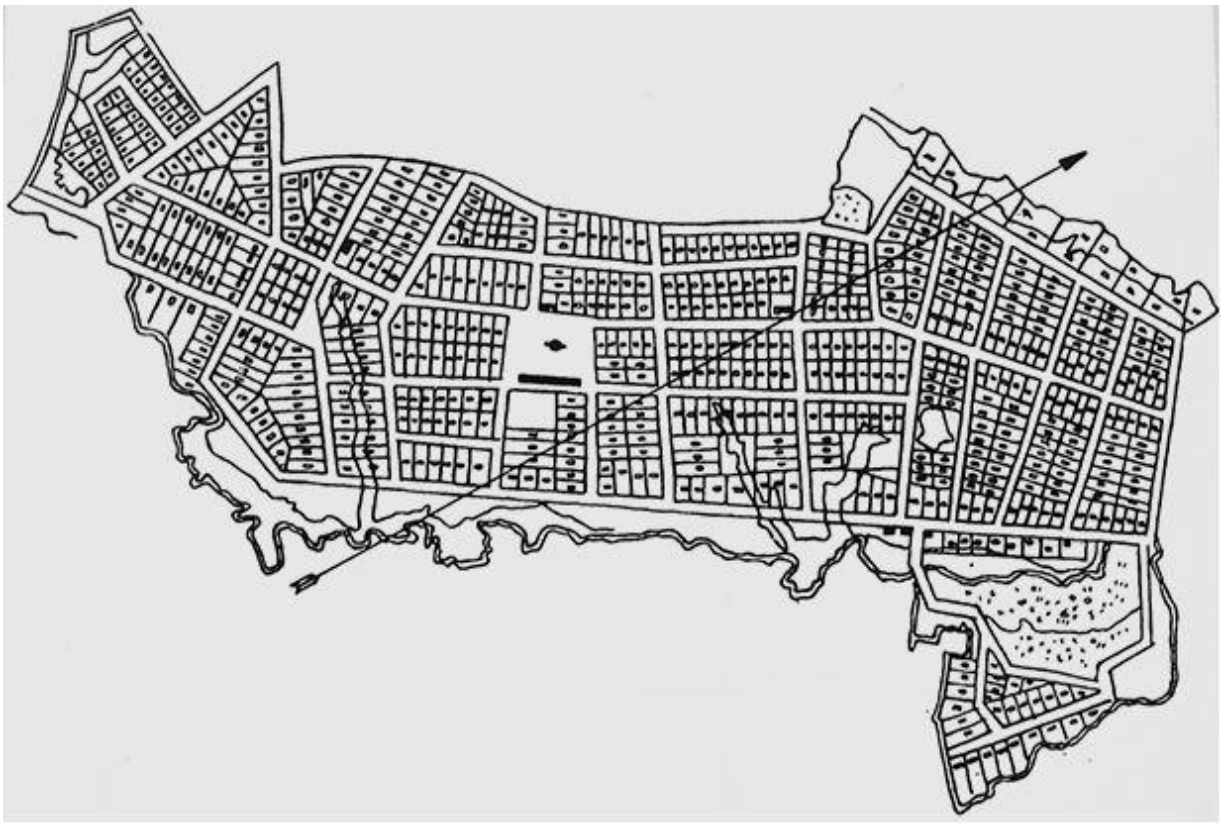

Рис. 23. Поселок-сад Никольское близ Москвы

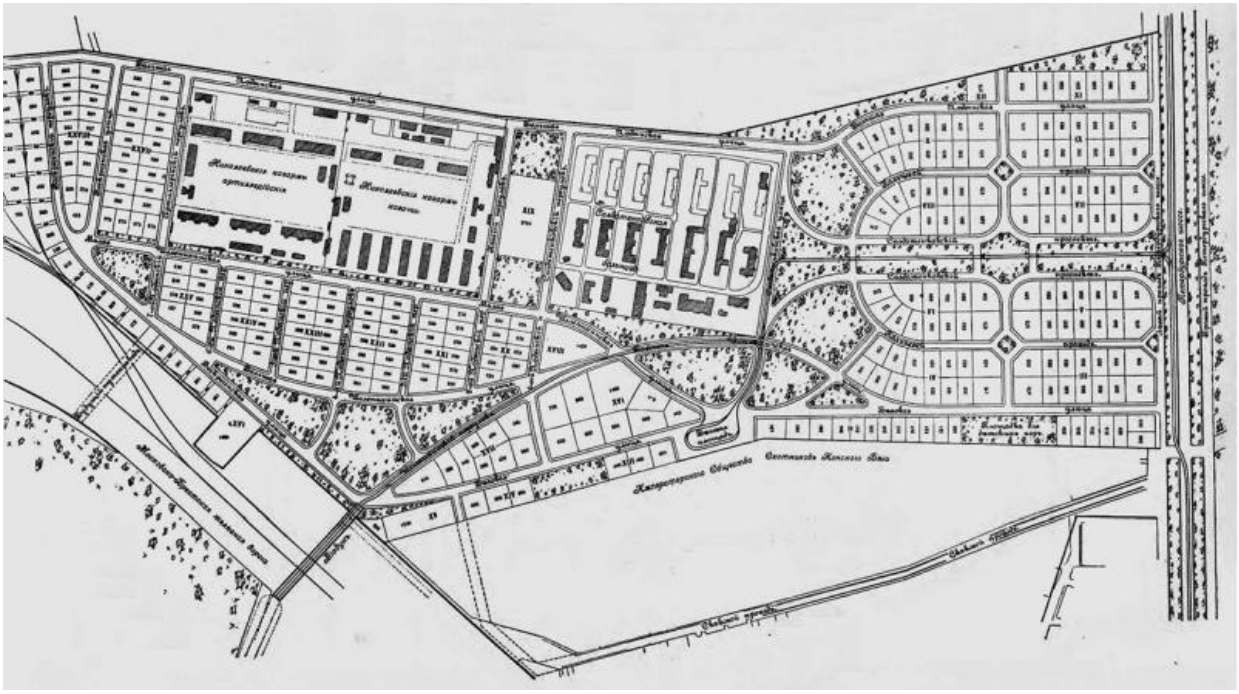

Рис. 24. Предместье-сад на Ходынском поле (Москва). Генплан

В 1914 г. также на основе принципов города-сада был выполнен проект планировки окраины Полтавы. Барнаульские городские власти после пожара 2 мая 1917 г., в котором сгорело 53 квартала наиболее благоустроенной городской застройки, приняли решение о строительстве города-сада (рис. 25). Его предполагалось разместить в северной части, у железной дороги, на территории выгона, где сохранился значительный участок березового леса. Активным организатором проектирования и строительства этого поселения-сада выступал секретарь Городской думы, член Общества городов-садов А. И. Петров, который в 1914 г. принимал участие в работе Первого международного конгресса городов-садов в Англии, а после революции стал активным участником советского кооперативного движения[78].

Рис. 25. План города-сада в северной части г. Барнаула

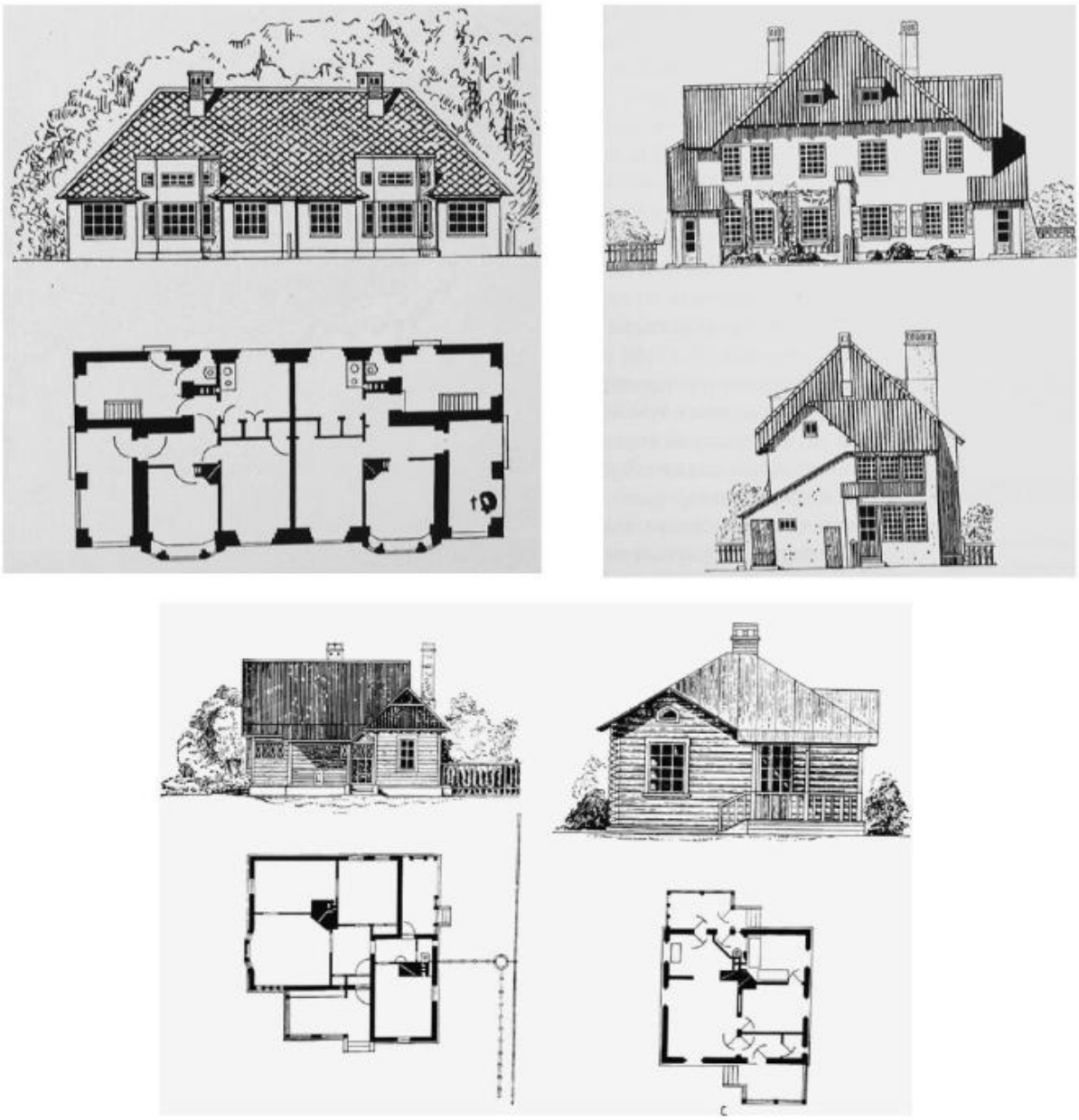

Рис. 26. Поселок для служащих Московско-Казанской железной дороги на станции Прозоровская. Жилые дома

Еще одним «субъектом» возведения поселений-садов являлись министерства. Так, строительная программа Министерства путей сообщения предусматривала подобное строительство для своих рабочих. В частности, предполагалось возвести поселок-сад близ Ново-Фарфоровского поста Николаевской железной дороги, в окрестностях Харькова. Министерство прорабатывало планы приобретения

земельных участков для подобных поселков и на других железных дорогах – Пермской, Северо-Донецкой, Самаро-Златоустовской. Для этой же цели Рязано-Уральская железная дорога приобрела участок земли на станции Уральск.

В качестве образца для строительства поселений-садов железнодорожное ведомство рассматривало поселок, заложенный в 1913 г. близ станции Прозоровская[79] (по проекту В. Н. Семенова и А. И. Таманова), в районе современной железнодорожной платформы Загорянка; бывш. ст. Раменская Московско-Казанской железной дороги, где ведомством было приобретено для возведения железнодорожного городка около 600 десятин земли у князя Голицина-Прозоровского, латифундии которого со всех сторон окружали Раменское[80].

Проект поселка близ станции Прозоровская, также в основе своей планировочной схемы имевший трехлучевую композицию, широко освещался на страницах центральных и периферийных журналов и в специальных архитектурных изданиях. Подробно описывался ход его строительства: «Город-сад на станции Прозоровская, предназначенный для железнодорожных служащих, привлек внимание широкой общественности и надолго стал своеобразным архитектурным эталоном, почти поселком-выставкой»[81] (рис. 26).

В 1916 г. Министерство путей сообщения приняло решение о строительстве новых поселков-садов для железнодорожных чинов Николаевской, Омской, Томской[82] и Московско-Казанской железной дороги для обеспечения жильем в общей сложности около двух миллионов рабочих и служащих[83]. В частности, в рамках этой программы руководством Московско-Казанской железной дорогой сооружался поселок-сад для рабочих при станции Муром[84]. Этому решению Министерства путей сообщения предшествовала инициатива гражданского инженера В. А. Глазырина, который в целях ликвидации жилищной нужды среди железнодорожных рабочих выдвинул предложение о создании единой общероссийской системы поселков для служащих железных дорог, «устроенной по типу городов-садов, обставленных по возможности хотя бы самыми необходимыми, элементарными удобствами жизни и имеющих быстрое и удобное сообщение с местом работы»[85].

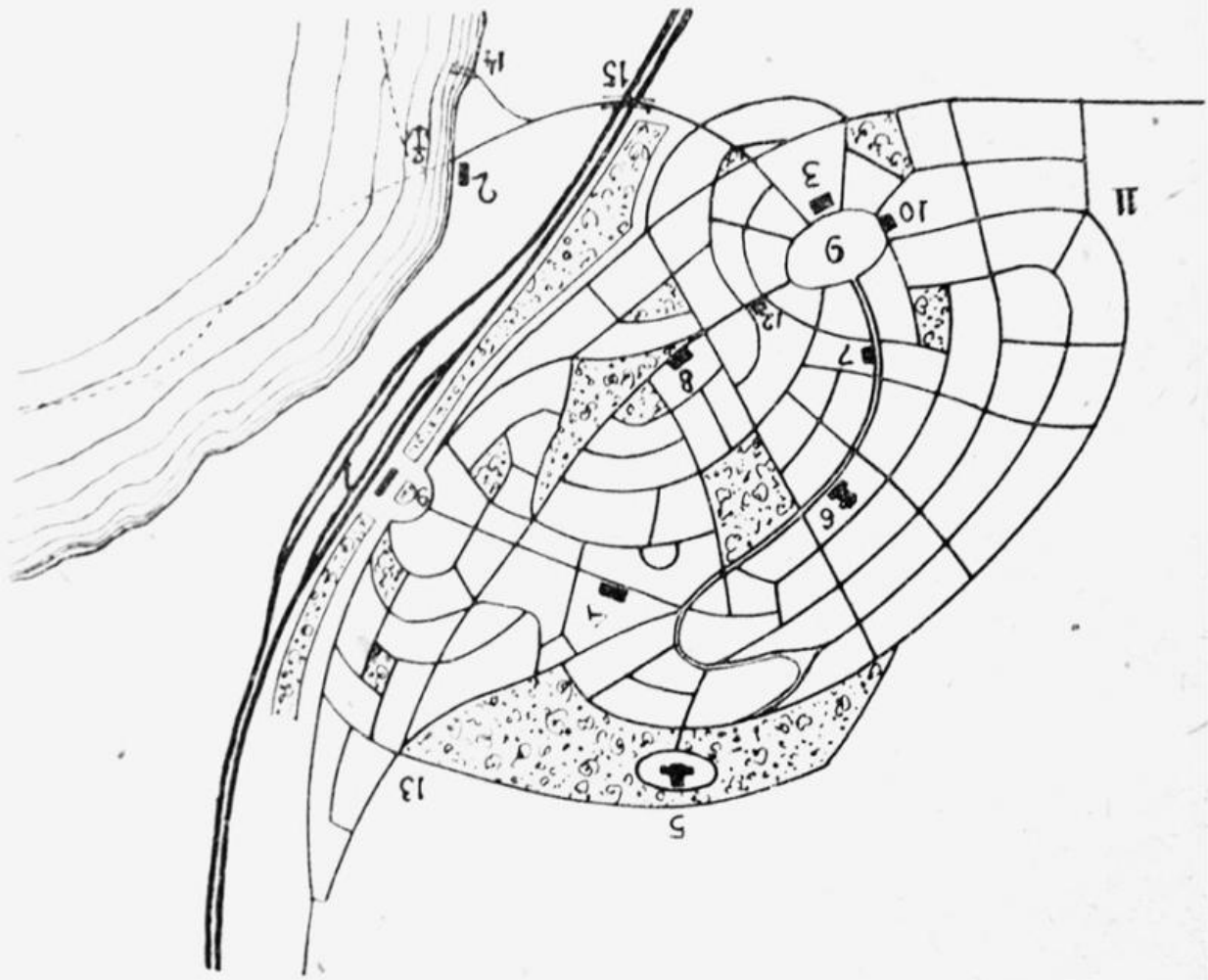

Рис. 27. Поселок-сад на берегу озера или в гористой местности. Академический проект. Арх. В. А. Глазырин

Экспликация: 1) пассажирское здание; 2) пароходная пристань; 3) рынок и кооперативы; 4) школа; 5) Дом культуры; 6) театр; 7) амбулатория и аптека; 8) общественная столовая; 9) площадь; 10) баня и прачечная; 11) спортивная площадь; 12) ясли; 13) огороды; 14) купальня; 15) путепровод

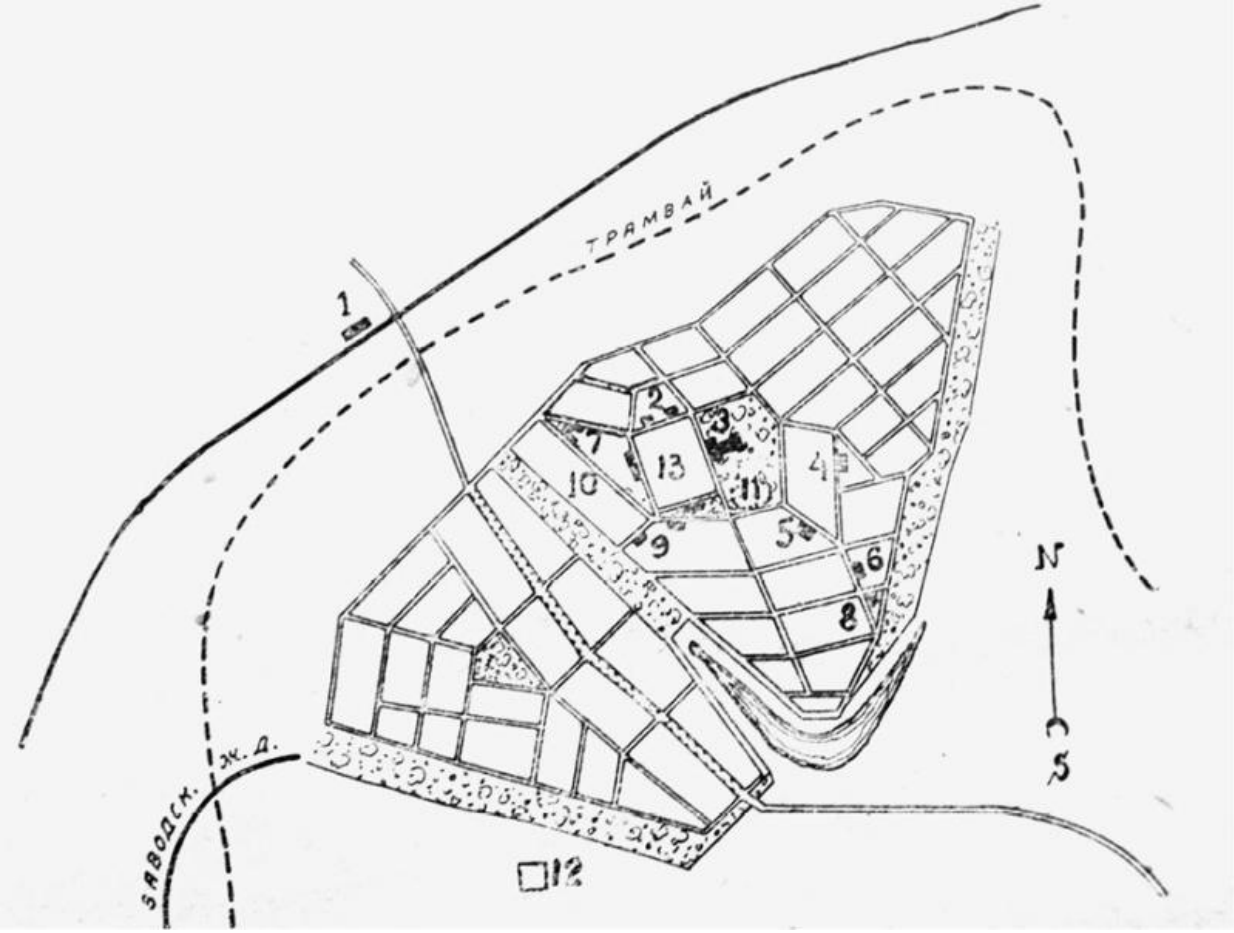

Рис. 28. Поселок-сад близ железнодорожной станции. Поселок-сад г. Сталино. Схема. Арх. В. А. Глазырин

Экспликация: 1) пассажирское здание на ст. Сталино Екатеринбургской железной дороги; 2) административное здание; 3) театр, клуб; 4) школа; 5) ясли; 6) амбулатория; 7) кооператив; 8) баня, прачечная; 9) лавки; 10) рынок; 11) спортивная площадь; 12) Никополь-Мариупольский рудник

Разработанная В. А. Глазыриным общероссийская система поселений-садов предусматривала создание поселков-садов близ столиц, крупных городов и узловых транспортных пунктов (железнодорожных, морских и речных портов), рядом с головными транзитными станциями, а также вблизи заводов, фабрик, рудников и копей, находящихся от городов на значительном удалении, рядом с морскими портами, в гористой местности и пр. (рис. 27–29). Она предлагала три разновидности поселений-садов и, соответственно, различные способы расположения их относительно базового

города:1) «пригородный поселок-сад», который размещался на некотором отдалении от города; 2) «предместье-сад» (рис. 30), которое, в отличие от пригородного поселка-сада (рис. 31), непосредственно примыкало к территории существовавших городов или крупных железнодорожных станций[86]; 3) «квартал-сад» – небольшой фрагмент застройки, спланированный по принципу города-сада на станциях со средним и малым движением (рис. 32–34).

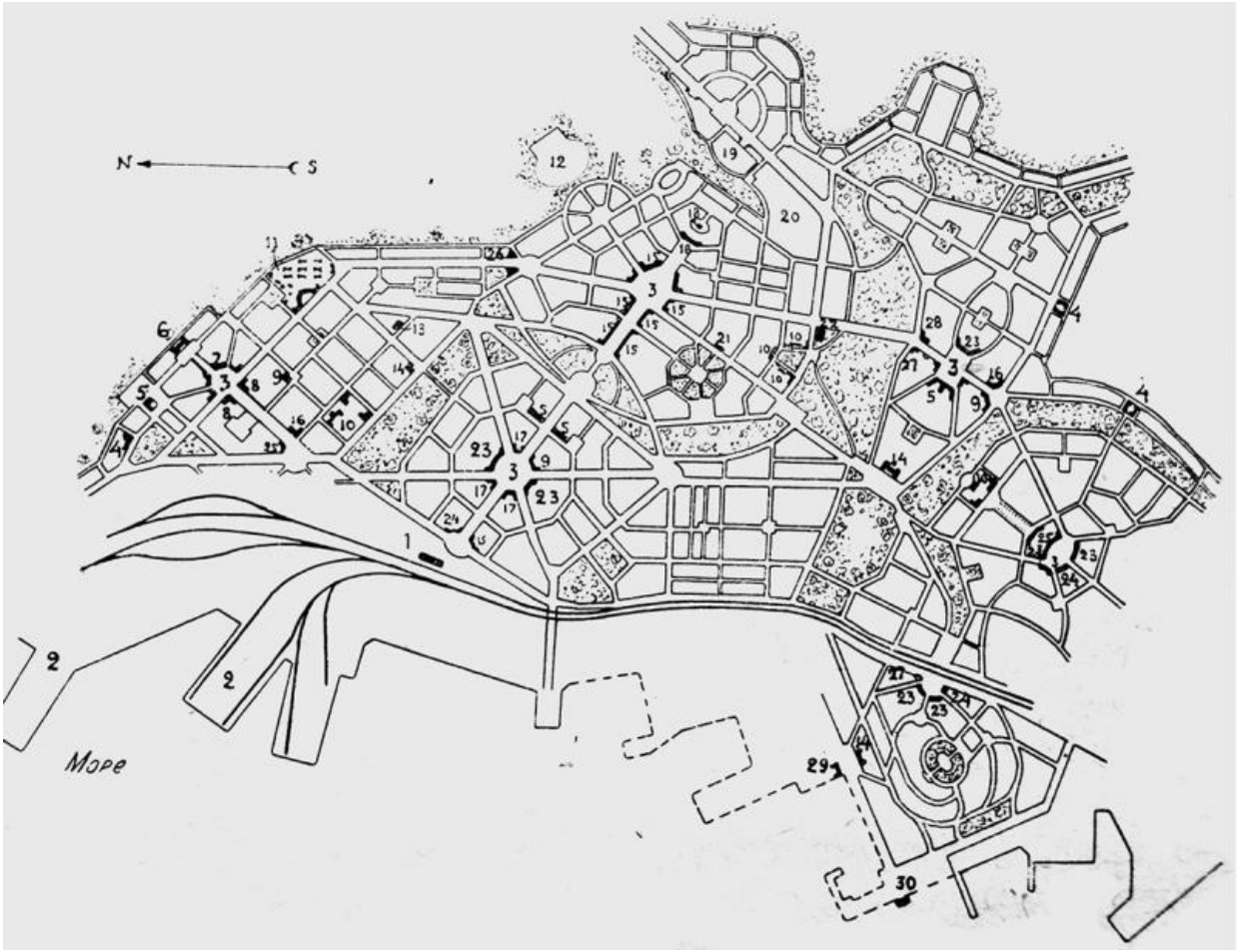

Рис. 29. Пригородный (приморский) город-сад. Планировочная схема. Арх. В. А. Глазырин

Экспликация: 1) пассажирское здание; 2) портовая территория; 3) площадь; 4) баня, прачечная; 5) рынок; 6) управление порта; 7) здание таможенного ведомства; 8) клуб; 9) почтовое отделение; 10) школьный городок; 11) больничный городок; 12) санаторий; 13) трамвайный парк; 14) гостиница; 15) правительственные учреждения; 16) пожарная часть; 17) кредитные учреждения; 18) водонапорная башня; 19) спортивное

поле; 20) участок водонапорной станции; 21) музей; 22) городской театр; 23) магазины; 24) кооператив; 25) кинематограф; 26) банк; 27) аптека; 28) общественная столовая; 29) пристань яхт-клуба; 30) пристань

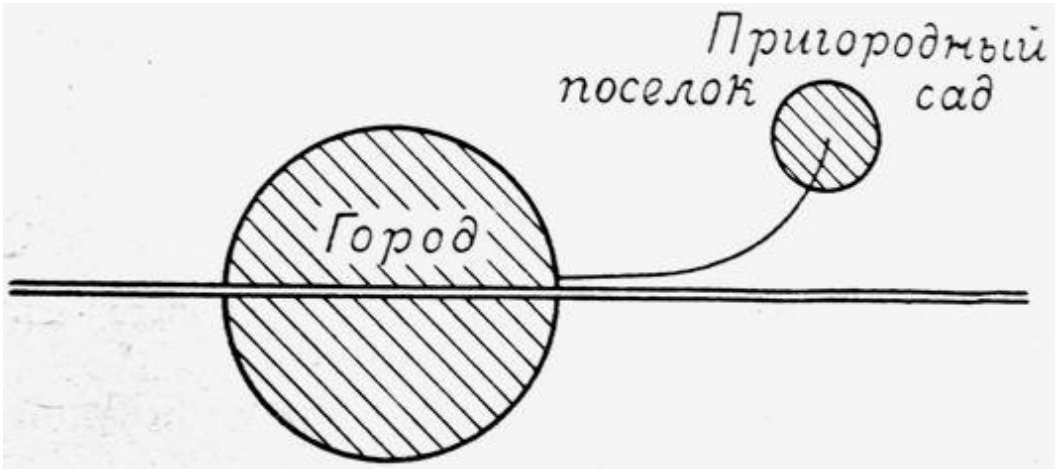

Рис. 30. Схемы расположения пригородного поселка-сада (находящегося на расстоянии от городской территории) по отношению к базовому городу. Арх. В. А. Глазырин

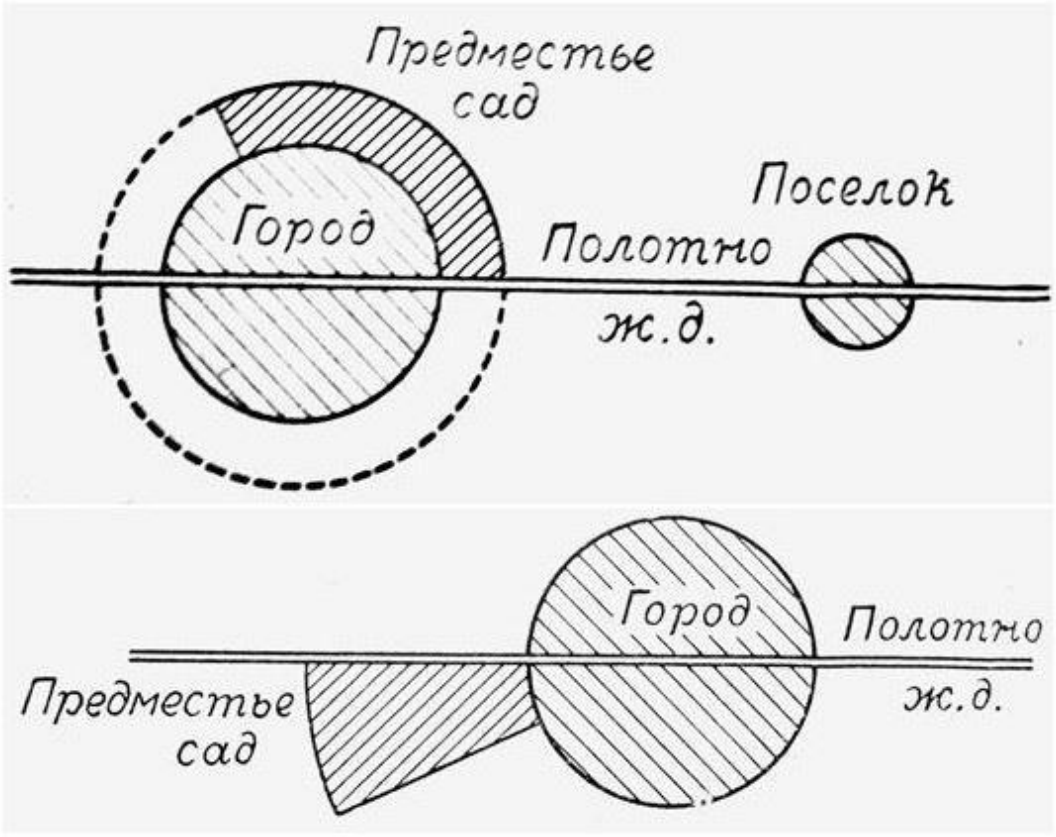

Рис. 31. Схемы расположения предместья-сада по отношению в базовому городу. Арх. В. А. Глазырин

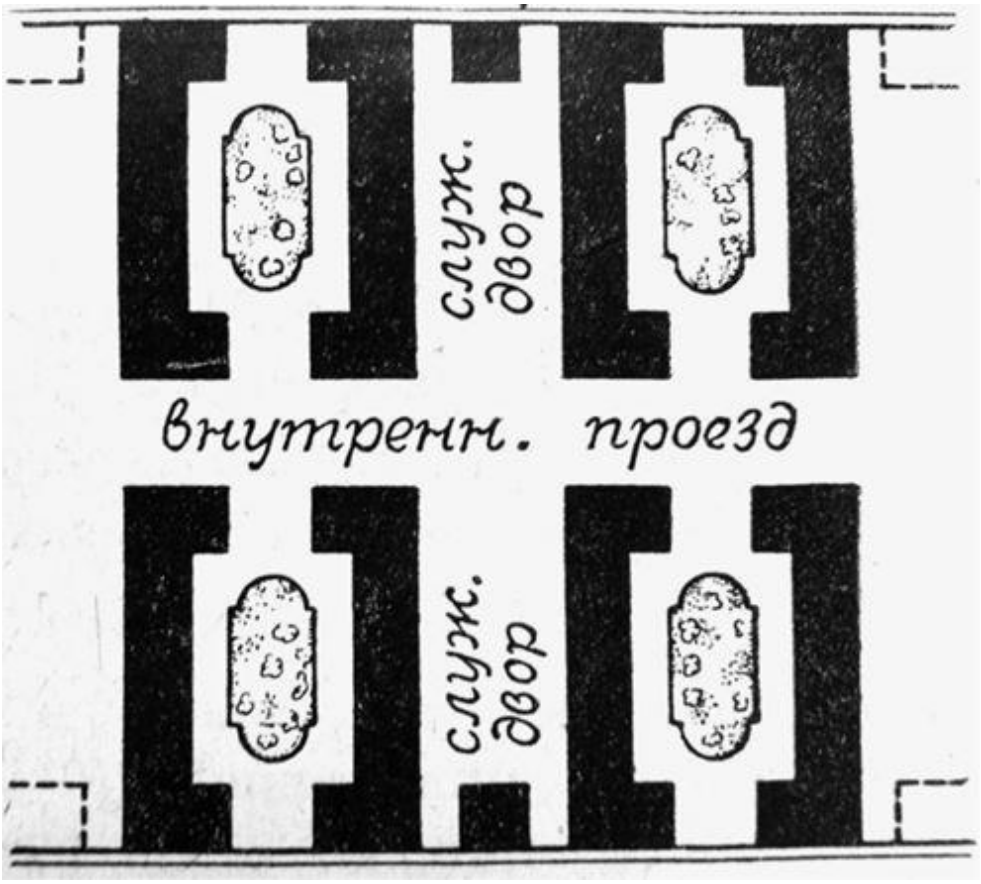

Рис. 32. Планировка пристанционного квартала-сада. Арх. В. А. Глазырин

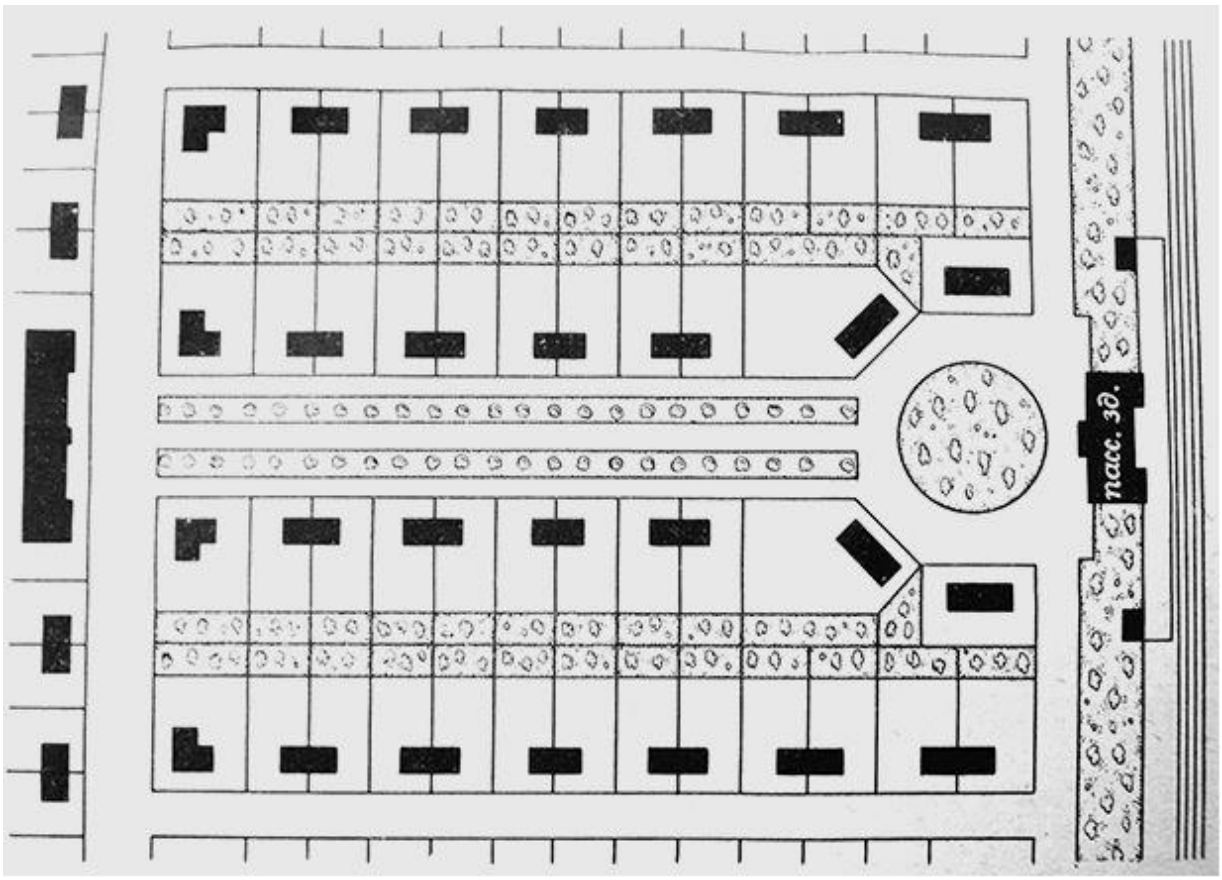

Рис. 33. Планировка пристанционного квартала-сада при интенсивной застройке. Арх. В. А. Глазырин

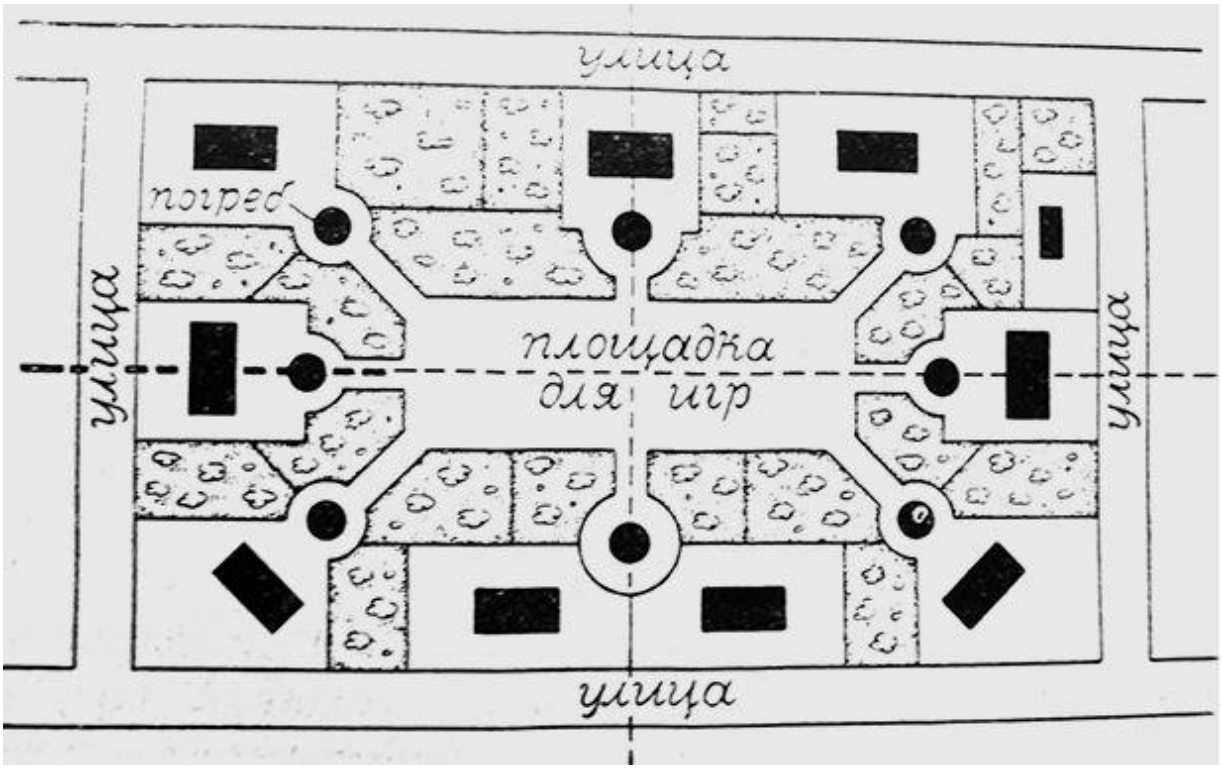

Рис. 34. Планировка пристанционного квартала-сада при экстенсивной застройке. Арх. В. А. Глазырин

В. А. Глазырин предлагал различные варианты планировочного сочетания существующего города и создаваемого при нем «предместья-сада»: «При проектировании предместий-садов или кварталов-садов поселкового характера должны быть определены те городские улицы, которые должны связывать предместья-сады или кварталы-сады с основным городом. Планировка предместий-садов или кварталов-садов должна ориентироваться относительно этих улиц. В предместьях-садах должны быть намечены свои местные центры… Сообщением с основным городом служат ведущие к периферии города улицы, причем в зависимости от числа этих улиц и общей конфигурации всего участка планируется и все предместье-сад…» (рис. 35).

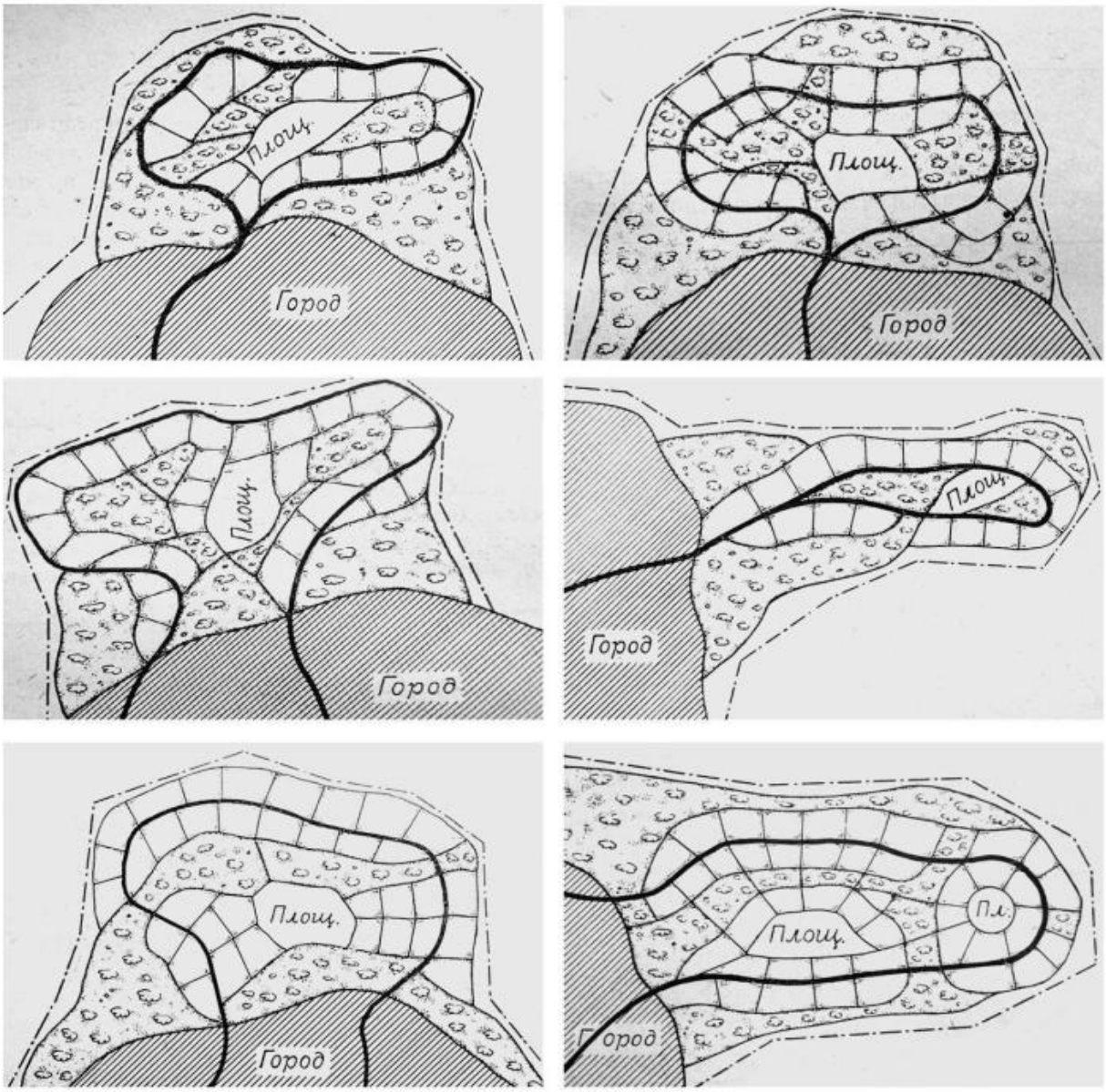

Рис. 35. Схемы связи предместья-сада с основным городом. Варианты планировки в зависимости от конфигурации участка, количества связывающих с городом дорог, способа компоновки жилой застройки и т. п.

В каждом из этих видов поселений-садов проектировщикам предлагалось предусматривать возведение обязательных типов производственных и общественных зданий: школ, больниц, переселенческих пунктов, общественных собраний, клубов, детских садов, яслей, рынков, библиотек[87]. В качестве образцов

планировочной организации жилой территории рекомендовались несколько видов застройки:

– открытая;

– полуоткрытая;

– полуоткрытая – линейная;

– групповая;

– рядовая и т. п. (рис. 36).

Программы создания поселений-садов для железнодорожных рабочих разрабатывались также инженерами путей сообщения Н. В. Куниciным и В. И. Бошко[88].

В 1916 г. Общество архитектурных знаний объявило конкурс на планировку поселка-сада Елицы-парк около станции Суйда и платформы Прибытковской Варшавской линии Северо-Западных железных дорог (рис. 37), а Общество городов-садов объявило конкурс на проекты трех поселений по типу городов-садов вдоль Рыбинской железной дороги (в 13–22 верстах от Петрограда)[89]. В 1917 г. Особое совещание по делам железнодорожного домостроительства, организованное при Управлении Юго-Западных железных дорог, провело заседания по выработке «проекта поселковой организации на местных дорогах» и, в частности, рассмотрело проект поселка по типу города-сада под Киевом, у разъезда Беличи (19–22-я верста Ковельской линии железной дороги) с размещением в нем учебных заведений, театра, библиотеки, клуба и т. п.

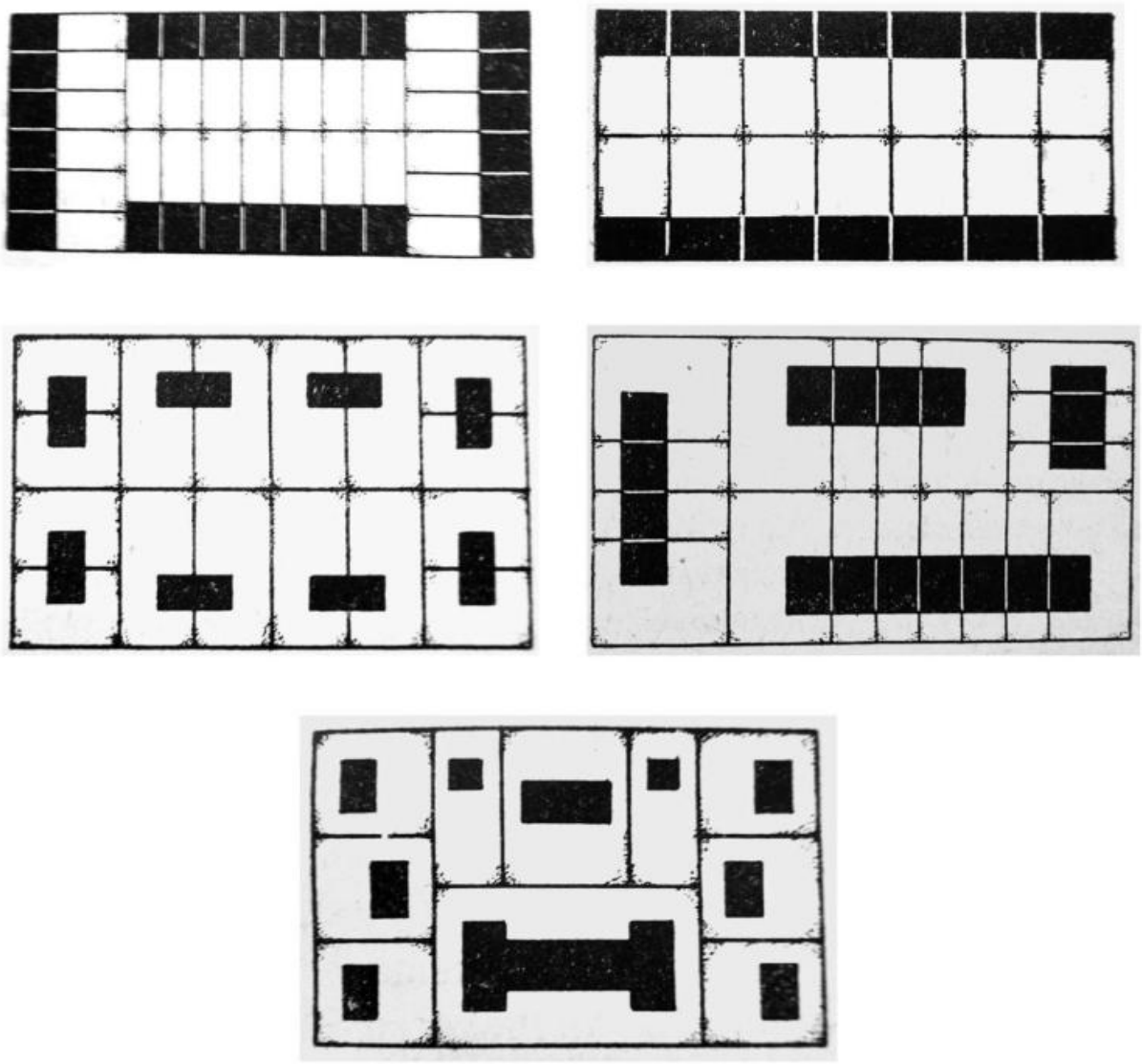

Рис. 36. Рекомендуемые способы застройки жилыми домами территории селитьбы в поселках-садах, предместьях-садах, пригородах-садах. Арх. В. А. Глазырин

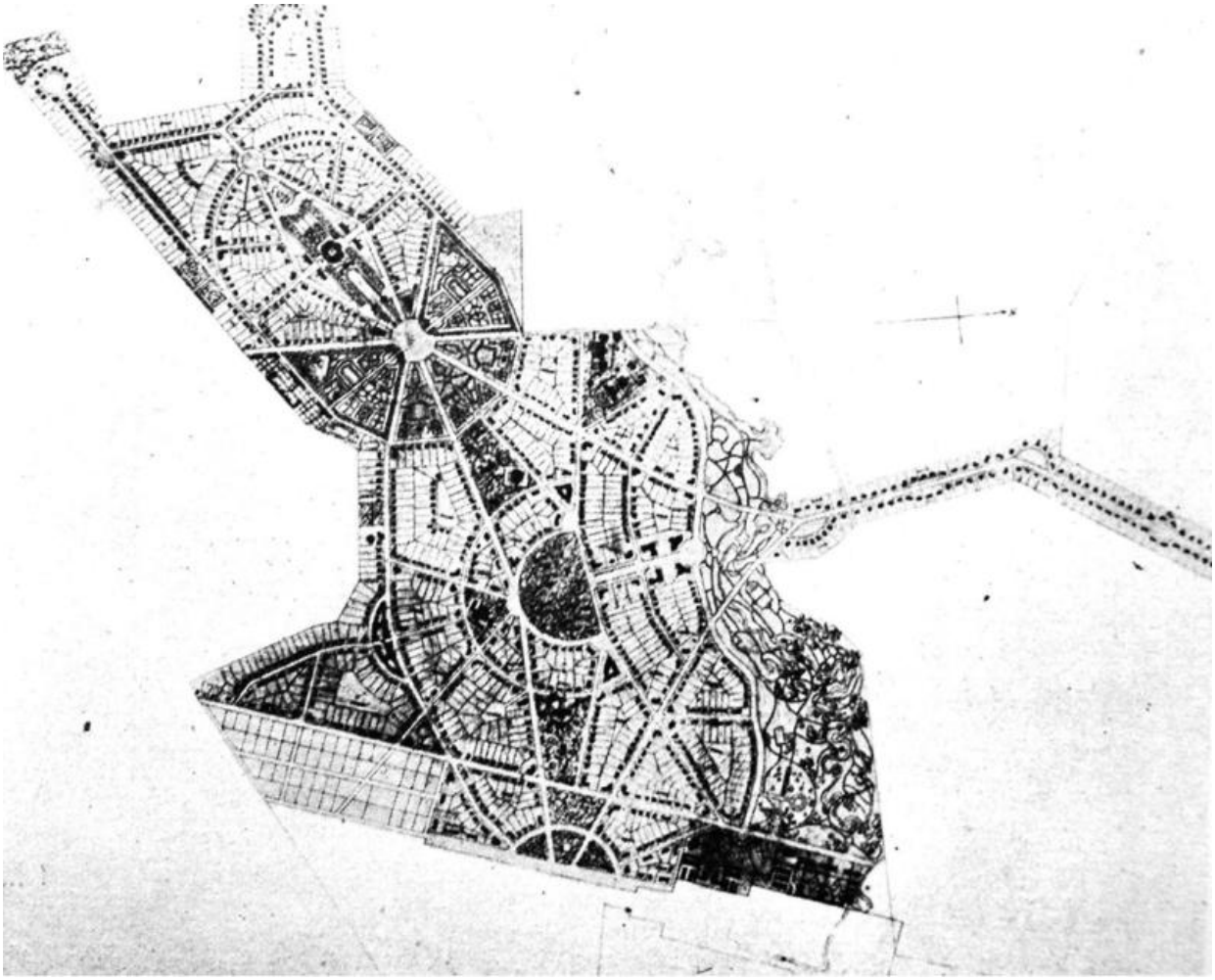

Рис. 37. Пригород-сад у станции Суйда Северо-Западных железных дорог. Арх. С. С. Некрасов

Еще одним «субъектом», прилагавшим усилия к практическому возведению поселений-садов, являлись частные промышленники (фабриканты) и производственные объединения. Например, возникшее с привлечением иностранного капитала в 1912 г. частное акционерное общество каменноугольных копей и металлургических заводов в Кузбассе («КопиКуз»), разрабатывавшее Кольчугинские и Кемеровские копи, вело исследование угольных месторождений Кузбасса и железорудных месторождений Тельбесского района. Для этих целей оно подтянуло к Кузнецку отдельную ветку частной железной дороги и в целях размещения рабочих возвело при станции Кузнецк (около деревень Черноусово и Горбуново) город-сад[90]. Проект выполнялся в 1916 г. гражданским инженером А. Д. Крячковым, специально

приглашенным для этой цели Управлением Кольчугинской железной дороги (рис. 38).

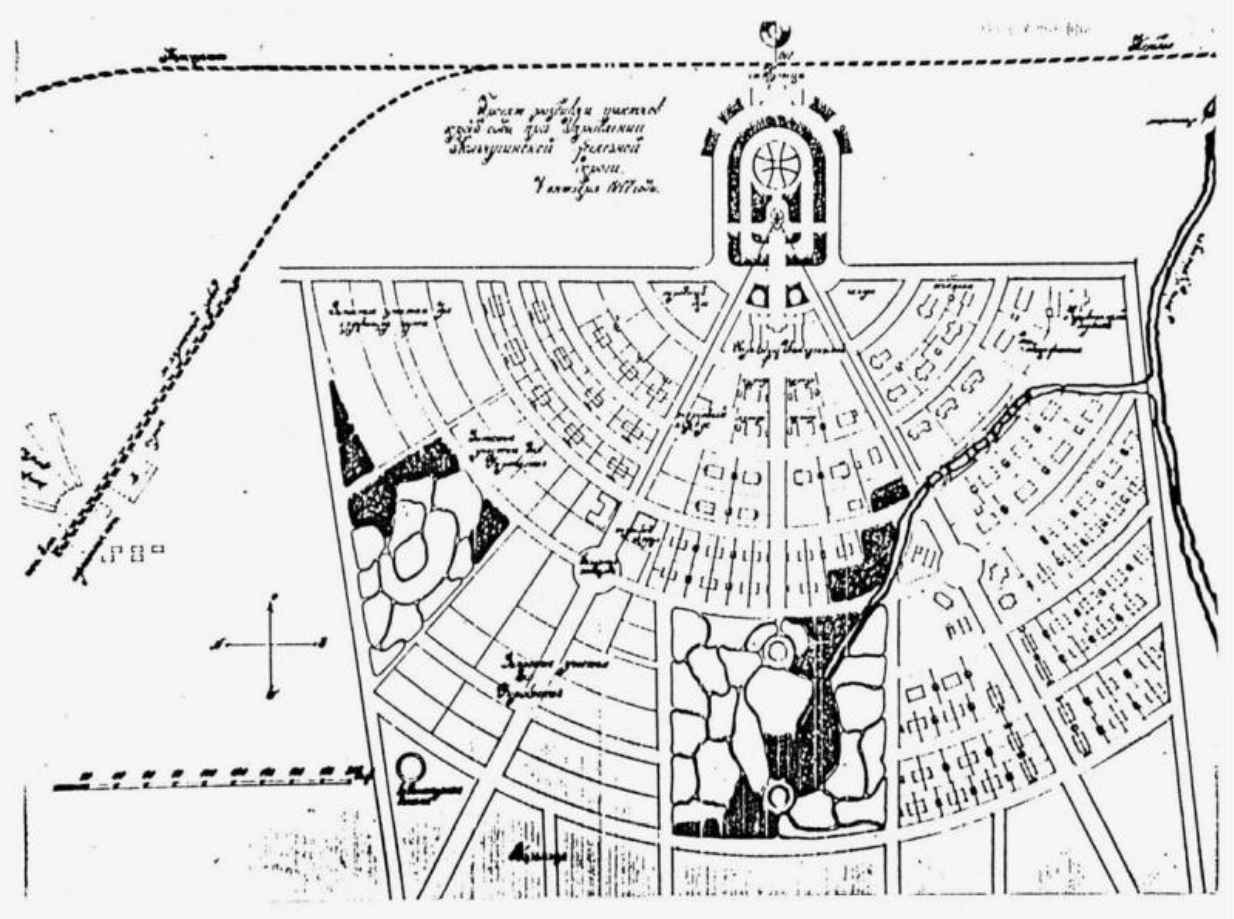

Рис. 38. Город-сад при станции Кузнецк. Арх. А. Д. Крячков. 1916

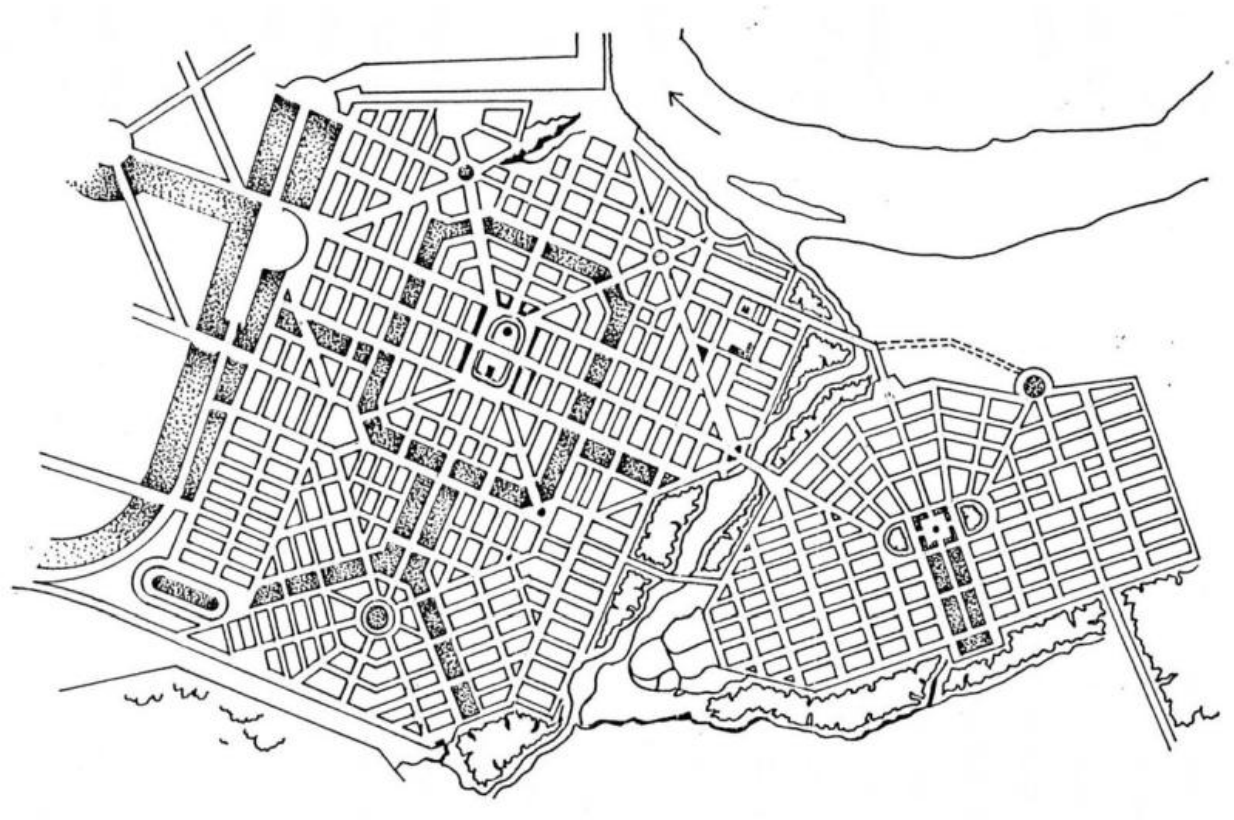

Рис. 39. Город-сад Щегловск. Генплан. Арх. П. А. Парамонов. 1916–1917

В 1915–1917 гг. общество «КопиКуз» осуществило новую инициативу – построило железнодорожную ветку от станции Топки Кольчугинской железной дороги до деревни Щеглово. Стихийно растущему новому поселению Коксохима срочно был нужен генплан. Был объявлен конкурс, в котором приняли участие профессора Томского технологического института, представившие пять проектов[91]: Николин (?), П. Земсков, А. Д. Крячков (представил два проекта) и П. А. Парамонов, который и победил в конкурсе[92]. Свое проектное решение он оформил «по типу города-сада»[93] (рис. 39).

Еще один проект поселка для рабочих и служащих нового металлургического завода вблизи Осиновского рудника, инициированный обществом «КопиКуз» и также разработанный в 1916–1918 гг. по типу городов-садов, остался лишь на бумаге. В 1917 г. архитектор А. А. Яковлев спроектировал город-сад[94] для Выксунского[95] завода в Нижегородской губернии, почти буквально

воспроизведя схему города-сада Э. Говарда и разместив церковь на круглой площадке в центре города.

«Субъектом» создания пригородных городов-садов являлись также и сами рабочие, добровольно объединявшиеся в кооперативные жилищные товарищества. Например, многочисленная группа московских рабочих (причем во главе ее стоял тоже простой рабочий) активно ратовала за формирование поселения-сада на Лосином острове. Особенность этой территории, подаренной Москве императорской фамилией, заключалась в том, что город не передаст подаренную землю в частную собственность и не вырубит ни одного дерева. Эти условия порождали ряд очень нестандартных юридических и планировочных ограничений[96] и приводили фактически к единственному возможному решению о формировании жилищного товарищества (с кооперативным характером землепользования), способного сохранить зеленые насаждения Лосиного острова за счет разбивки на нем поселения-сада.

С 1914 г. пытался осуществить инициативу по возведению поселка-сада давний энтузиаст говардовской идеи рабочий С. И. Шестеркин. Эта инициатива получила практическое воплощение лишь после революции – в 1919 г.: «Шестеркин С. И. добился выделения участка земли около 104 десятин, близ станции Перловка Северных ж. д. в 14 верстах от Москвы, где 30 мая 1922 г., по получении небольших денег, была произведена закладка первого дома»[97].

Своеобразной формой практического воплощения говардовской идеи в России стали курортные поселения. В 1916–1917 гг. появился ряд проектов небольших курортных городков, авторы которых, руководствуясь пониманием города как единого композиционного целого и необходимостью комплексного решения художественно-планировочных, транспортных, лечебно-хозяйственных и прочих задач, специально создавали их на основе принципов планировки города-сада. Так, в 1916 г. архитекторами Л. А. Ильиным и А. И. Зазерским был разработан проект курорта «Лирана» на Черноморском побережье Кавказа; И. А. Фоминым – «Ласпи» в Крыму; в 1917 г. П. Ф. Алешиным и Г. Д. Дубелиром – курорта «Комперия-Сарыч» близ «Ласпи»[98].

Другим проявлением идеи, вполне самостоятельным в организационно-управленческом отношении, явились, как мы уже отмечали, дачные поселки. Возникали они как в результате решений министерств и ведомств, так и по инициативе городских управ и

губернских органов власти. Например, основателем Анютовского дачного предместья Владивостока на берегу залива Угловой в районе «пионерных» частных заимок выступило Министерство земледелия. В 1912 г. был составлен и утвержден первый план и произведена разбивка территории в районе 26-й версты Уссурийской железной дороги. Первоначальная планировка Анютовского дачного поселка была далека от принципов города-сада и представляла собой обычную регулярную сетку прямоугольных кварталов, состоящую из 52 участков. Однако в 1916 г. в связи с расширением поселения с 53 до 839 участков[99] новый генплан поселка был переделан, причем уже на основе говардовской идеи (автор проекта – инженер путей сообщения А. И. Булгаков). Поселок получил соответствующее название – Сад-город. «Он, пожалуй, самый первый или один из самых первых дачных поселков на российском Дальнем Востоке, где немногие такие поселки появились позже, чем в Европейской России, хотя летние резиденции состоятельных людей существовали здесь и ранее, с конца XIX в.»[100] (рис. 40). Он, как и многие другие дачные поселки, был включен в сферу функционирования новых форм общественного самоуправления – обществ и комитетов благоустройства, развивавшихся в России, как мы отмечали, в 1900–1910 гг. Подобный комитет был создан в Анютовском дачном районе в 1915 г.[101] В его задачи входили разработка проекта оптимального использования отведенных участков и управление повседневной жизнью поселения.

Рис. 40. Поселок Сад-город под Владивостоком. Генплан. Инж. А. И. Булгаков. 1915

А вот реализация других проектов дачных поселений в Приморье являлась следствием инициатив местной власти, в частности проводимой местным генерал-губернатором Н. Л. Гондатти социальной политики, направленной на закрепление чиновничества на Дальнем Востоке: «…особое значение в вопросе о дачном строительстве имеет льготное обеспечение дачами семейств чиновников, служащих в крае, что улучшило бы их материальное положение и привязало бы их к краю»[102]. Однако замысел Гондатти был направлен не только на обеспечение дачными участками чиновников ведомств землеустройства и земледелия, но также на улучшение условий жизни в Приамурской губернии за счет предоставления дачных участков людям среднего достатка – квалифицированным рабочим и служащим всех категорий. Так, 7 ноября 1911 г. Н. Л. Гондатти писал: «…нужда городского населения Приамурского края в дачных участках в последнее время с

быстрым ростом городов крайне обострилась; ввиду этого мною дано указание в Управление Государственных имуществ о проектировании дачных поселков по морскому побережью и вдоль линии Уссурийской железной дороги Приморской области и вдоль берега Зеи вблизи г. Благовещенска Амурской области»[103].

В начале XX в. в своеобразные города-сады превращались и уже существовавшие призаводские села. По инициативе отдельных фабрикантов, увлеченных привлекательностью внешнего облика говардовских городов-садов, перепланировке и благоустройству подвергались принадлежавшие им поселки для размещения рабочих и служащих. Примером такого превращения может служить село Бонячки в Костромской губернии при фабрике текстильных магнатов Коноваловых. «В результате осуществления социальной программы Коноваловых к середине 1910-х гг. в Бонячках сложился образцовый по тем временам прифабричный город-сад… В его центре располагался обширный парк-сад, включавший не только аллеи и поляны, но и теннисные корты, площадки для крикета (что было редкостью для России тех лет). По одну сторону парка размещалась фабричная зона и целый ряд общественных зданий: церковь, училище, богадельня, ясли, клуб для служащих. Среди этих построек выделялся своими размерами гигантский Народный дом, включавший большой театральный зал и обширную библиотеку. На противоположном конце парка находился поселок для служащих (его выразительные двухквартирные дома с фронтонными портиками на главных фасадах строились предположительно по проекту И. В. Жолтовского)», а за ним – комплекс больницы…»[104] Пример Бонячек не был уникальным, так как подобные промышленные поселки возникали в этот период вокруг текстильных и льняных фабрик Красильниковых, Балиных, Ясюнинских, Щербаковых, в селах Родники, Южа, Кохма и др.

Любопытно отметить, что воспроизведение условных схем Э. Говарда в реальных генпланах российских поселений-садов (как, например, в Бонячках или в проекте А. А. Яковлева для Выксунского завода и др.) было распространенной ошибкой. Сам Говард неоднократно подчеркивал, что его графические иллюстрации являются лишь условными схемами, а не градостроительными проектами, что они призваны лишь пояснять смысл его рассуждений и не более. И если в английской практике строительства городов-садов практически не

обнаруживается формального подражания говардовским диаграммам, то в России схемы, изображавшие принципы организации города-сада, подчас воспринимались буквально, и фабриканты-землевладельцы почему-то считали, что поселение-сад обязательно должно состоять из нескольких концентрических кругов, в центре которых вокруг площади должны располагаться общественные здания, цветники и площадки для детских игр и гимнастики, затем – большой садово-парковый пояс, потом жилые кварталы, кольцевая дорога и сельскохозяйственное окружение…

Архитекторы, скорее всего, поддерживали эти композиционные взгляды заказчиков потому, что они невольно соответствовали русским градостроительным традициям – центричной композиции, радиально-кольцевой планировке, трехлучью и пр. Так, планы Петербурга и Твери, построенные на основе трехлучья, более века служили образцами при проектировании российских городов.

Усилия «субъектов» осуществления российской расселенческой (градостроительной) политики, направленные на придание существовавшим или возводимым фабричным, пристанционным, пригородным поселкам большего благоустройства и озеленения, как правило, приводили к появлению лишь внешнего сходства с говардовскими городами-садами. При этом многие российские сторонники идеи города-сада вслед за европейскими единомышленниками считали, что содержание идеи города-сада заключалось вовсе не в «прививке» существовавшим городам или прифабричным поселкам особых форм «городского садоводства» через насыщение улиц деревьями и кустарниками, не в устройстве общественных парков и скверов и не в увеличении количества зеленых насаждений.

Суть говардовской организационно-управленческой и финансово-экономической инновации заключалась в «разрешении жилищной нужды» для тех, кто при существовавшем уровне цен был не способен приобрести собственное жилье; в том, чтобы решить для малоимущих слоев населения жилищную проблему за счет строительства жилого фонда, более дешевого, чем в городах, но значительно более комфортабельного благодаря наличию собственного обособленного дома с индивидуальным участком земли (кстати, исходя из этого постройка в городах-садах «многоэтажных домов с массой квартир»

категорически отвергалась). Это была попытка «ввести социализм мирным путем», законодательно допустимым способом уничтожив главный признак капитализма – «эксплуатацию человека человеком в жилищной нужде». Сторонники идеи города-сада были уверены, что города-сады есть оптимальный в рамках существующего строя путь в решении жилищной проблемы, потому что он позволял:

– превратить нанимателей жилищ в собственников;

– ликвидировать присущую крупным городам скученность населения, пагубную для его здоровья;

– обеспечить каждой семье оптимальные жилищные условия;

– ввести демократические формы управления недвижимостью и землей, исключавшие обогащение одних за счет других;

– использовать поддержку государства, заинтересованного в ликвидации жилищной нужды и тем самым в снижении социальной напряженности в обществе.

Однако на практике подобные убеждения воплощались далеко не всегда. Даже в тех случаях, когда крупные промышленные компании и руководство железных дорог начинали именовать возводимые ими поселки для своих рабочих и служащих «поселениями-садами», даже когда эти поселения действительно представляли собой образцово спланированный поселок – с общественным центром, развитой сетью культурных, просветительных, детских, лечебных и обслуживающих учреждений и т. п., часто их социально-организационное «содержание» глубоко противоречило социальному замыслу говардовских городов-садов. Вопросы собственно социальных преобразований в них не только не решались, но даже и не ставились: «…в России города-сады весьма популярны не столько с их социальной стороны, как главным образом со стороны архитектурно-технической»[105].

Именно в отношении социального содержания эти поселения оказывались весьма далеки от собственно говардовского прототипа, специфика градостроительной парадигмы которого заключалась не столько в архитектурно-планировочной и художественно-образной составляющих, сколько в социально-экономической, организационно-управленческой и финансово-экономической компонентах.

Многие спроектированные и возведенные в конце XIX – начале XX в. поселения при приисках и предприятиях добывающей промышленности, железнодорожные поселения, дачные поселки и

даже отдельные жилые районы российских городов роднили с говардовскими поселениями-садами лишь внешние черты, а в организационно-управленческом плане действовала привычная схема: владельцем земли выступала городская управа, ведомство или фабрикант. Они, а не сами акционеры – члены кооперативного товарищества – предлагали (правда, на выбор) проекты домов для будущего строительства, предписывали характер планировки и общий тип застройки, настоятельно рекомендовали привлечь тех или иных подрядчиков, назначали конкретных поставщиков строительных материалов и т. п. Подобная система административного управления противоречила говардовской идее, основывавшейся на принципе добровольного объединения людей для возведения ими собственного жилища. Именно кооперативный характер движения по строительству поселений-садов являлся основополагающим постулатом для реализации этой идеи на Западе. В России же организаторами воплощения поселений-садов в подавляющем большинстве случаев выступали административные органы различного масштаба, частные владельцы земли, промышленники.

В итоге в тех случаях, когда провозглашаемые на Западе и в России лозунги о необходимости «разрешения жилищной нужды для малоимущих слоев населения» совпадали, и даже в тех случаях, когда поселки-сады, возведенные в России городскими управами, крупными заводчиками и ведомствами, внешне разительно походили на те, которые строились на Западе жилищными кооперативными товариществами, между ними существовало одно кардинальное различие: российские поселения возводились без образования жилищного товарищества. Так, например, произошло при строительстве предместья-сада на Ходынском поле, когда «…вся постановка дела не предусматривала образования и деятельности подобного товарищества»[106].

Другое отличие состояло в том, что в России при устройстве поселений-садов в качестве основного типа жилья часто возводили не индивидуальные жилые дома, а многоквартирные, доходные. Одним из множества примеров может служить Морозовский городок при Тверской мануфактуре Морозовых, с многоэтажными кирпичными домами-казармами, с коридорной системой планировки, общими кухнями и умывальными[107].

Причиной строительства многоэтажных, многоквартирных домов в поселениях-садах, которые возводились в пригородах существовавших городов муниципалитетами, было стремление привлечь к строительству крупный частный капитал (инвесторов, как сказали бы сегодня). Поэтому городские управы законодательно принимали такие правила застройки пригородных поселений-садов, которые позволяли использовать земли под размещение многоэтажной, многоквартирной застройки, забывая о том, что идея город-сада в основе своей имела не «…интересы стяжательства отдельных лиц, а оздоровление целого класса…»[108]. В результате крупный капитал, заинтересованный в извлечении прибыли, активно направлял свои финансовые средства на возведение именно многоквартирных домов (с последующей сдачей их в аренду), поскольку они приносили наибольший доход, а вовсе не на обеспечение малоимущих слоев населения собственным частным жильем.

Так, например, правила застройки предместья-сада на Ходынском поле в Москве разрешали использовать землю как под индивидуальные жилища, так и под многоэтажные доходные дома. Но крупный капитал, естественно, предпочитал вкладывать средства в более выгодное многоквартирное строительство и резко увеличивал в поселении долю именно этого типа жилища по отношению к индивидуальному. А кроме того, в целях наживы затевал комбинации с многократной перепродажей строительных участков. В итоге широко разворачивавшихся спекуляций земельными участками конечная цена на жилье многократно возрастала, и низкооплачиваемые слои городского населения – рабочие и мелкие городские служащие (для решения жилищных проблем которых, собственно, и затевалось создание поселений-садов) – так и оставались в прежнем положении, не имея средств для приобретения недвижимости. А «выгоды от дешевизны земли приобретало… лишь несколько лиц – устроителей поселка», но не его население[109].

«Могут ли доходные дома облегчить сколько-нибудь жилищную нужду московских обывателей, не имеющих средств самим снять участок и строить дом? Конечно, нет…Вообще города-сады исключают доходные дома частных лиц. Повсюду: в Лечвортсе, в Гемпстеде, в Геллерау, в Удеме – строятся большие дома или соединенные коттеджи, но они составляют или собственность города, или собственность

строительной компании, одинаково преследующих идейные цели, а не личную выгоду»[110]. «Жилищный вопрос только тогда приближается к своему разрешению, когда за постройку домов для всех классов населения, начиная с самых беднейших, принимаются или сами города, или строительные товарищества с дешевым кредитом, поставившие своей целью не коммерческую выгоду, а решение социальной задачи»[111].

Описанные выше действия и городских управ, и крупных частных инвесторов искажали и извращали социальное содержание говардовской идеи, коверкали организационную суть города-сада, заключенную в равноправном участии акционеров в общественном самоуправлении, равнодолевом владении акциями и в коллективном хозяйственном ведении строениями и самой территорией поселения-сада. Искажению социальной составляющей идеи города-сада способствовало еще и то обстоятельство, что в уставах российских поселений-садов (в отличие от западных) отсутствовали положения о «консервации» квартплаты на продолжительный срок (1–2 года); о регулировании величины арендных выплат (лимитирование «потолка» арендной платы): «…в числе правил, регулирующих владение землей, Московская городская управа не установила и не собирается устанавливать, подобно ульмской, обязательной максимальной платы за квартиру»[112].

Исключение подобного регулирования, принятого в практике функционирования кооперативных жилищных товариществ на Западе, нежелание удерживать «максимальную» величину квартплаты в жилищном кооперативе на уровне ниже среднегородской приводило к тому, что цена этих квартир оказывалась равной московским ценам, и Ходынский город-сад в конечном счете приносил выгоду одним лишь домовладельцам[113].

Подобный отход от основополагающих социально-организационных принципов города-сада наблюдался и в тех случаях, когда инициатором строительства поселений-садов, возводимых возле производств, добывающих предприятий или железнодорожных станций, выступало руководство промышленной или транспортной компании. Здесь, как и в случае с городскими управами, именно администрация оказывалась полным владельцем земли и домостроений. Причем жилище умышленно не передавалось в

собственность рабочим, потому что благодаря этому владельцы предприятия получали возможность прочнее привязывать наемных работников к месту труда. Подобная практика не являлась чисто российским изобретением, она основывалась на более чем полувековом европейском опыте (накопленном прежде всего в Англии и Германии) возведения владельцами промышленных предприятий призаводского жилья для своих рабочих. Этот опыт показывал, что передача квартир и домов в собственность рабочим и служащим уменьшала их зависимость от владельцев предприятия, а также часто приводила к превращению недвижимости в предмет перепродажи и иных спекуляций[114]. Поэтому ряд владельцев промышленных предприятий предоставлял жилье рабочим и служащим исключительно в аренду (причем не домов целиком, а только отдельных квартир).

Подобные условия действовали, например, в поселках-садах, построенных железнодорожным ведомством, и в частности Обществом Московско-Казанской железной дороги. Жилплощадь здесь не переходила в собственность граждан, а, находясь в ведении общества, предоставлялась в наем при условии ежемесячной выплаты аренды. Являясь фактическим хозяином поселения, администрация имела право по своему усмотрению устанавливать и изменять размеры арендной платы[115], которая в отдельных случаях достигала 50 % бюджета работника[116]. Администрация также оставляла за собой право в любой момент разорвать с рабочим или служащим договор о найме квартиры, то есть выселить его вместе с семьей. В результате, как отмечали современники: «…собственником земли и даже домов остается железная дорога, и ее директора при желании имеют возможность по своему усмотрению распоряжаться не только материальной, но даже и духовной жизнью поселка, населенного исключительно их подчиненными»[117]. «…С технической, санитарной и, быть может, даже с эстетической стороны это… настоящие города-сады, только социальные элементы отсутствуют в этом начинании…»[118]

Были и такие владельцы-промышленники, которые, выступая инициаторами создания жилищных товариществ, передавали недвижимость в распоряжение рабочих. Но не персонально, а в коллективную собственность, то есть формировали уставы создаваемых ими рабочих жилищных кооперативов таким образом, чтобы

домостроения оставались во владении всего товарищества, а не отдельных его членов.

В целом в российской практике предреволюционного периода в тех случаях, когда инициаторами возведения жилья для рабочих и служащих выступало руководство частными промышленными предприятиями или государственные ведомства, стремившиеся не утратить контроля над жилищем, самыми распространенными были два способа решения вопроса о предотвращении распыления жилого фонда и исключении возможности спекуляций недвижимостью со стороны получивших ее рабочих:

1) жилье строилось за счет казны и оставалось в ее собственности – квартиры рабочим и служащим предоставлялись только в аренду;

2) жилье сооружалось на долевых началах: с одной стороны, за счет средств администрации промышленных или транспортных предприятий и, с другой – с внесением персональных взносов рабочих и служащих[119], а затем передавалось в собственность. Однако право собственности являлось «ограниченным». Оно могло, например, оставаться «пожизненным», но только до момента смерти сотрудника, получившего жилье (на членов семьи право собственности не распространялось); либо недвижимость могла оставаться во владении семьей и после смерти сотрудника, но при условии, что кто-то из членов семьи продолжал поддерживать служебную связь с данным предприятием. В противном случае недвижимость принудительно продавалась кому-либо из сослуживцев, позволяя семье скончавшегося рабочего выручить определенную сумму денежных средств (жилплощадь при этом по-прежнему оставалась в «ограниченном» двустороннем ведении администрации и нового владельца). Право собственности также могло быть «наследственным», но опять же с ограничением права распоряжения. Например, продажа, залог или дарение квартиры (или дома) могли быть произведены собственником только лишь «в пользу или на имя служащих того же предприятия», но не в отношении посторонних лиц[120].

Подобные поселения использовались администрацией не столько для удовлетворения потребностей своих сотрудников в жилье, сколько в качестве формы привязывания их к месту работы, способа комплектования трудовых ресурсов, а также средства управления рабочими кадрами, потому что угроза потерять жилье и быть

выброшенным на улицу серьезно «саморегулировала» трудовое и бытовое поведение людей.

За счет возведения ведомственных поселений, модно именовавшихся городами-садами, администрация вполне успешно решала целый ряд организационно-управленческих и финансово-экономических задач:

а) своевольно назначая стоимость аренды жилища, не только быстро возвращала себе суммы, затраченные на его строительство, но и начинала извлекать прибыль;

б) использовала ведомственный жилой фонд для заполнения должностных вакансий;

в) предоставлением служебного жилья привязывала рабочих к своему предприятию, удерживая трудовые ресурсы;

г) косвенно использовала жилище как один из стимулов к повышению интенсивности труда и послушанию, так как в противном случае рабочим грозило увольнение и неизбежно следующее за этим изгнание из арендуемого жилья;

д) обеспечивала «династийную» преемственность в пополнении рабочей силы и т. п.

В целом дореволюционные российские проекты поселений-садов, как правило, представляли собой образцово спланированные поселки, часто воплощавшие художественно-планировочные принципы отечественного зодчества: учет природных условий, реализацию комплексного характера застройки и благоустройства территории, формирование общественного центра, возведение культурных, просветительных, детских, лечебных и обслуживающих учреждений и т. п. Но эти поселения, строившиеся в дореволюционный период в России городскими управами, крупными частными промышленными объединениями, отдельными фабрикантами и землевладельцами, руководством железных дорог и т. п., не ставили и не решали вопросов социальных преобразований[121]. В этом отношении они оказывались не просто далеки, а прямо противоположны идее города-сада.

Глава 2. Трансформация содержания идеи города-сада в послереволюционной России

2.1. Поселки-сады в послереволюционный период

В первые годы советской власти, в условиях революционных социальных преобразований – отмены частной собственности на землю, провозглашения приоритета общественных интересов перед частными и т. п., российские архитекторы обращаются к идее города-сада. Они надеются, что советская власть устранит все недостатки дореволюционных поселений подобного типа и создаст подлинные города-сады – с коллективными формами организации быта, общественным управлением процессами градоустройства и повседневной эксплуатации поселений, комфортабельными индивидуальными домами коттеджного типа для отдельной семьи, персональными участками земли для разведения сада, огорода и домашней живности. Архитекторы видели в городе-саде прообраз поселений будущего: с общественной собственностью на землю и государственным финансированием возведения жилья и инфраструктуры.

С этих позиций идея рабочего поселка-сада с учетом ее приложения к условиям послереволюционного периода рассматривалась в трудах Г. Б. Бархина, Б. Великовского, И. И. Верезубова, Е. В. Виленц-Горовиц, Л. В. Воронина, Я. Г. Гевирц, И. И. Гельмана, В. А. Глазырина, М. Г. Диканского, И. И. Загривко, В. Ф. Иванова, В. С. Карповича, П. М. Кожаного, В. Д. Мачинского, М. Н. Петрова, П. В. Прейса, В. Н. Веменова, З. Г. Френкеля, Д. И. Шейниса и др.[122]

Российские архитекторы, гражданские инженеры, гигиенисты, экономисты – все, кого объединяла идея города-сада, стремились уйти от тех типов домостроений, которые были присущи рабочим поселкам дореволюционной России, – казарм, общежитий, многоквартирных одноэтажных жилых домов (без воды и канализации).

Они были уверены, что в новых политических условиях смогут практически реализовать наиболее привлекательные художественно-планировочные принципы города-сада: комплексное проектирование застройки, озеленения и инженерной инфраструктуры; целостность

композиции; единое пространственное решение кварталов, улиц, поселения в целом и т. п. Но самое главное, они рассчитывали воплотить не реализованное в предреволюционной России социально-реформаторское содержание: государственную поддержку в финансировании массового строительства жилья и инфраструктуры, специфические организационные формы коллективного владения и распоряжения землей, кооперативные формы осуществления строительства, демократические принципы управления текущей эксплуатацией поселений, их благоустройством и развитием, то есть применить на практике те принципы градоустройства, которые вызревали до этого в России как протест против существовавших городов, но в них самих пока не были осуществимы. В 1918–1922 гг. в проектировании поселков-садов участвовали братья Веснины, В. В. Воейков, П. А. Голосов, А. З. Гринберг, Л. М. Гуржиенко, Г. Д. Дубелир, В. Е. Дубовский, И. В. Жолтовский, А. И. Иваницкий, А. Д. Крячков, А. В. Кузнецов, А. Л. Пастернак, П. А. Парамонов, А. В. Самойлов, В. Н. Семенов, С. Е. Чернышев, А. В. Щусев и многие другие.

Прежде всего идея города-сада рассматривалась как средство «разгрузки существующих городов». Так, например, разработка проектов пригородов-садов и поселков-садов для рабочих под Москвой была инициирована местной властью в начале 1918 г. именно в целях «частичного решения вопросов разгрузки г. Москвы»[123]. Для решения этих задач весной 1918 г. была создана первая государственная проектная организация – Архитектурно-художественная мастерская строительного отдела Московского совета РК и КД, которую возглавили И. В. Жолтовский и А. В. Щусев. Основным направлением ее деятельности стало «распределение территории г. Москвы на фабричные районы, торговые центры и сады-города»[124]. Аналогичная задача была поставлена и в рамках программы «Большой Петроград», направленной на превращение его и малых городов губернии в города-сады. Ее решала другая созданная в это же время государственная проектная организация – Архитектурная мастерская по урегулированию плана г. Петрограда и его окраин[125].

21 октября 1918 г. проект пригорода-сада под Москвой был представлен на рассмотрение председателя ВЦИК Я. М. Свердлова. Для строительства пригорода-сада определили участок в Рублево[126]. Газета «Правда» 14 ноября 1918 г. сообщала: «В президиум

Московского Совета поступил проект комиссара Елизарова об устройстве поселков-садов для рабочих. Согласно проекту поселки должны быть начаты постройкой уже зимой, с таким расчетом, чтобы к весне можно было переселить туда часть рабочих Москвы с их семьями. Президиум взял на себя инициативу выработки плана постройки поселков-садов для рабочих в близких районах, например в Марьиной роще, Сокольниках, на Воробьевых горах и др. Подробный проект постройки поселков-садов вокруг Москвы будет представлен Московским Советом Совнаркому для исходатайствования необходимых средств»[127].

Принципы города-сада воплощались также и в ведомственных инициативах по строительству жилья для рабочих. В частности, в проектах поселков, возводимых руководством железной дороги. Так, осенью 1918 г. при Всероссийском профсоюзе железнодорожников (Всепрофжель) был учрежден Центральный жилищный отдел, который в целях решения жилищной проблемы рабочих-железнодорожников разрабатывал программу возведения поселков-садов. Эта программа была утверждена 28 октября 1918 г. В качестве мест для размещения поселений рекомендовалось избирать линию железной дороги, узловые станции, усадьбы бывших помещиков и дачные поселки[128].

Примечательно, что в программе проектирования поселков для железнодорожников оказались совмещенными, во-первых, демократические принципы управления поселениями, присущие городам-садам и заимствованные из уставов европейских жилищных товариществ, во-вторых, принципы ведомственного владения и распоряжения недвижимостью и землей, введенные послереволюционной национализацией, и, в-третьих, идеология формирующейся в послереволюционной России вертикали государственного управления городским и поселковым жилым фондом.

В духе европейских уставов жилищных товариществ в программе Центрального жилищного отдела Всепрофжеля указывалось: «Права и обязанности всех членов равны… Управление поселками-садами возлагается на коллегию, члены которой выбираются из своей среды всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием на общих собраниях, которые ведают всеми делами поселка по выработанным правилам… Несогласия между членами поселков-садов должны

оканчиваться дружественными соглашениями при конфликтных комиссиях»[129].

В соответствии с ведомственными принципами закрепления прав собственности за администрацией производственного или транспортного предприятия, инициировавшей возведение поселка, в программе фиксировалось: «Отдельный член не может иметь никакой частной собственности: вся земля, дома, движимое имущество и т. п. – все это должно находиться в общем пользовании всех членов, отпускаться и распределяться с поселкового склада…»[130]. А сообразно формирующейся вертикали управления процессами возведения и эксплуатации жилища предписывалось: «…за правильность их действий общие собрания ответственны перед Центральным жилищным отделом (органом государственного управления ведомственным жилым фондом. – *М. М.*)»[131].

В 1919 г. работа по возведению поселков-садов для рабочих-железнодорожников обрела более серьезное продолжение, превратившись из отдельной инициативы профсоюза железнодорожников в разряд плановых работ Наркомата путей сообщения (НКПС). Для ее выполнения был даже создан специальный орган – Архитектурное подразделение Центрального жилищно-строительного отдела при техническом управлении НКПС, которое приступило к непосредственной «разработке проектов и смет поселков и городов-садов для рабочих[132]. Уже в середине 1919 г. по «серийно разработанным проектам» на железной дороге начало осуществляться строительство трех поселков[133].

Поселки-сады возводились также и другими ведомствами. Так, Государственное объединение машиностроительных заводов ВСНХ (ГОМЗА) поставило перед созданной им 11 ноября 1918 г. Жилищно-строительной комиссией следующие задачи строительного сезона 1919 г.: а) приступить к выработке плана улучшения уже существующих при заводах рабочих поселков (то есть их перепланировки, постройки нормальных жилищ и зданий общественного пользования и т. п.); б) приступить к постройке новых поселков по типу города-сада[134]. Пригласив архитекторов В. Е. Дубовского – одного из авторов проекта города-сада «Приволье» под Москвой[135], Л. М. Гуржиенко и санитарного врача А. Н. Сонина, Жилищно-строительная комиссия начала срочную разработку проектов

рабочих поселков-садов для десяти крупнейших машиностроительных заводов: Сормовского, Коломенского, Брянского, Кулебакского, Тверского, Мытищенского, Русско-Балтийского и др.[136], в целом численностью на 400–500 тыс. чел. В 1919 г. строительство поселков-садов началось «в малом масштабе» на Брянском, Коломенском, Кулебакском, Выксенском заводах[137]. В этом же году при Кузнецком металлургическом обществе (Томск) был создан Отдел проектирования сооружений и заводских поселений по типу городов-садов. Его заведующим стал архитектор А. Д. Крячков.

Еще одно ведомство – Главсахар, обследовав состояние жилищной нужды на 31 (из 45) подведомственном заводе, наметило возведение в 1919 г. 95 домов по две квартиры и 19 бань[138].

Другое ведомство – Главторф – также осуществляло инициативы по возведению поселков-садов. По его заданию над проектом поселка-сада при Шатурском государственном болоте в 1918–1920 гг. работало Архитектурное исполнительное бюро Главторфа[139]. Подобная работа рассматривалась как «начало широкого жилищного строительства на других торфяных месторождениях»[140] и предусматривала возведение по той же программе при станции Электропередача центрального поселка (на 1000 чел.) и восьми сезонных поселков для рабочих (на 500 чел. каждый), располагаемых непосредственно в зонах торфоразработок. Бюро Главторфа привлекло для проектирования Л. А. Веснина, который в этот период (а в целом с июня 1918 г. по май 1921 г.) работал в Главном торфяном комитете[141], а также В. Е. Дубовского и А. Л. Пастернака. Проектирование рабочих поселков на торфяных разработках целенаправленно основывалось на принципах города-сада: «искусство планировки населенных мест имеет за собой известную систему положительных правил, далекую, конечно, от канона, но, тем не менее, обязательную… в Англии создались лучшие образцы планировки поселков и городов-садов… в выработке плана поселения и в установлении принципов строительства и организации жизни населенных мест»[142] (рис. 41–44).

Принципы города-сада брались за основу при разработке проектов рабочих поселков, проектируемых и возводимых в первой половине 1920-х гг. при строящихся или реконструируемых крупных промышленных, паровозоремонтных и энергетических предприятиях: при ткацкой фабрике в Ярцево Смоленской губернии (рис. 45);

Истоминской текстильной фабрике под Москвой[143] (рис. 46); Каширской электростанции[144] (рис. 47); при станции Шилово[145]; Чернореченском химзаводе Нижегородской губернии[146]; Бондюжском Волго-Камском химическом заводе близ Перми[147]; паровозо-ремонтном заводе в Подольске[148] и заводе в Самаре[149] (рис. 48); заводе резинтреста «Красный богатырь»[150], поселке Кожуховский[151] и др. (рис. 49–51).

Рис. 41. Поселок-сад при Шатурском государственном болоте. Генплан. Арх. Л. А. Веснин. 1918

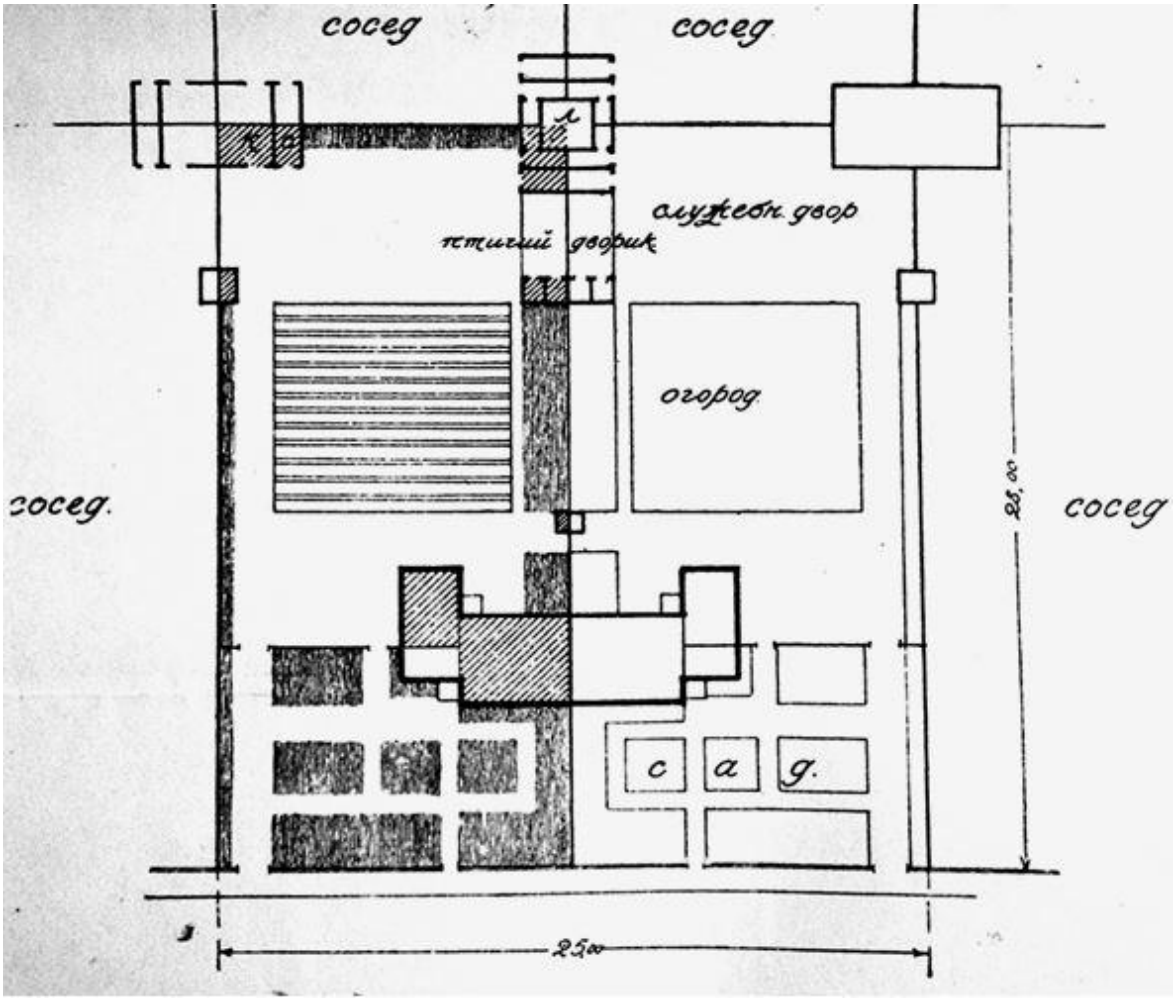

Рис. 42. Поселок-сад при Шатурском государственном болоте. Распланировка участка парных блокированных индивидуальных домов. 1918

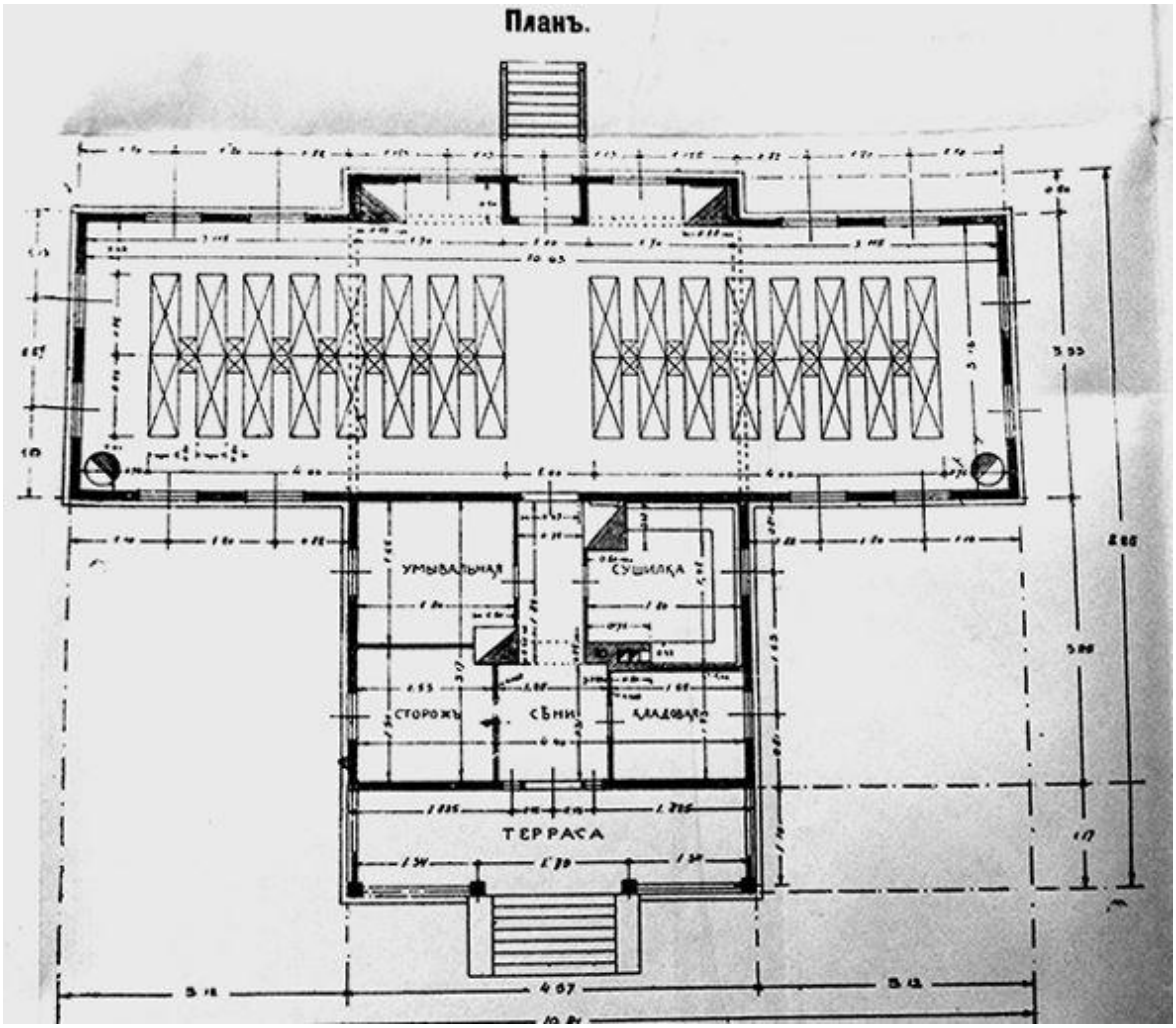

Рис. 43. Проект барака для рабочих в поселке-саде на Шатурских торфяных разработках. План. 1918

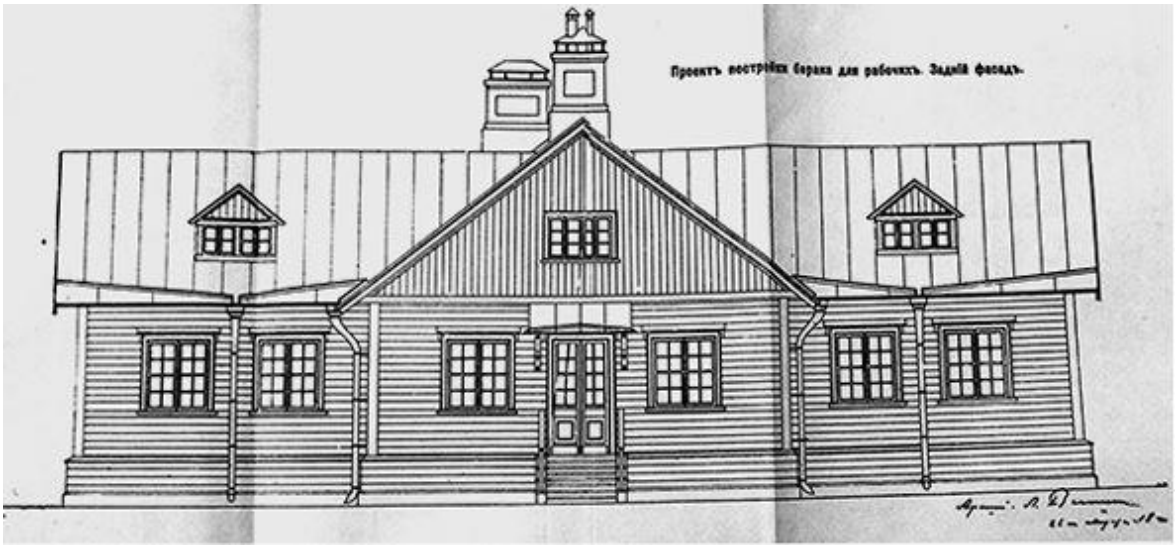

Рис. 44. Проект барака для рабочих в поселке-саде на Шатурских торфяных разработках. Фасад. 1918

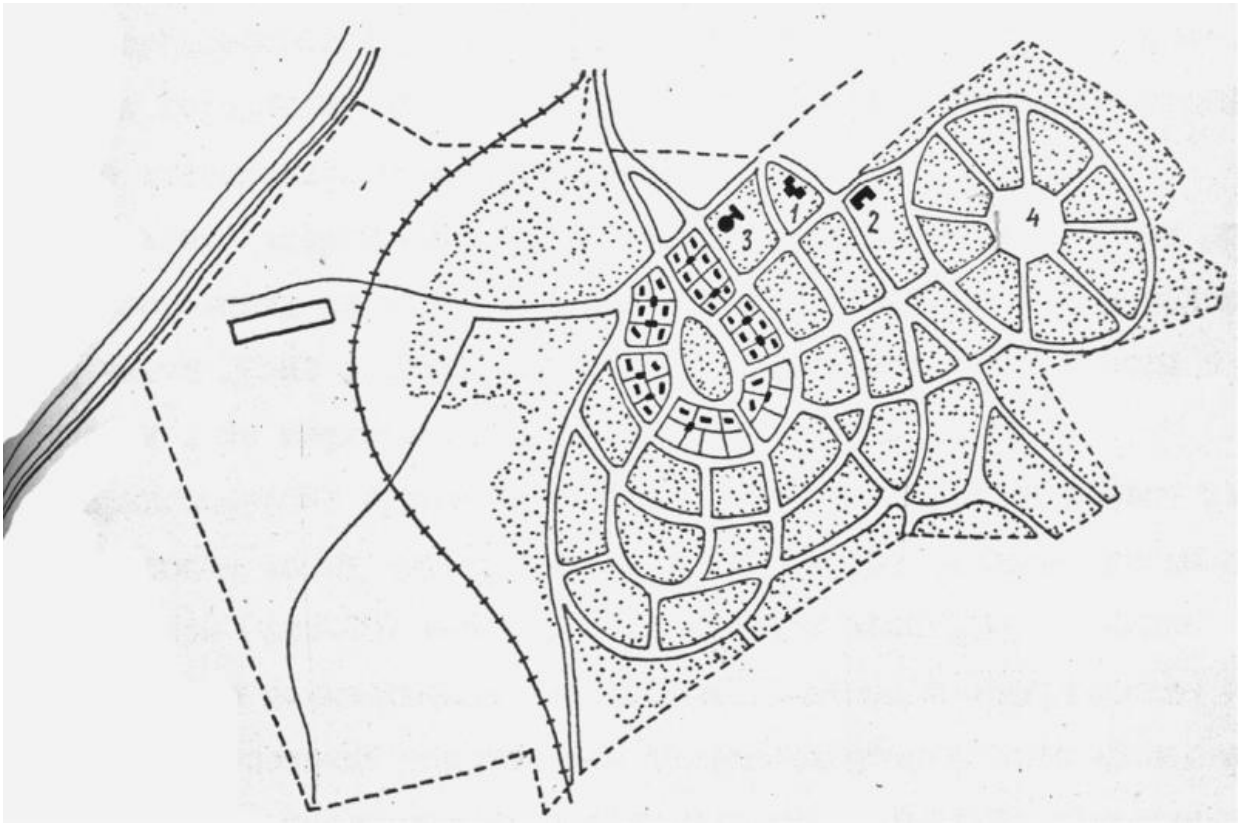

Рис. 45. Проект рабочего поселка при Ярцевской мануфактуре. Инж. Захаркин. 1919

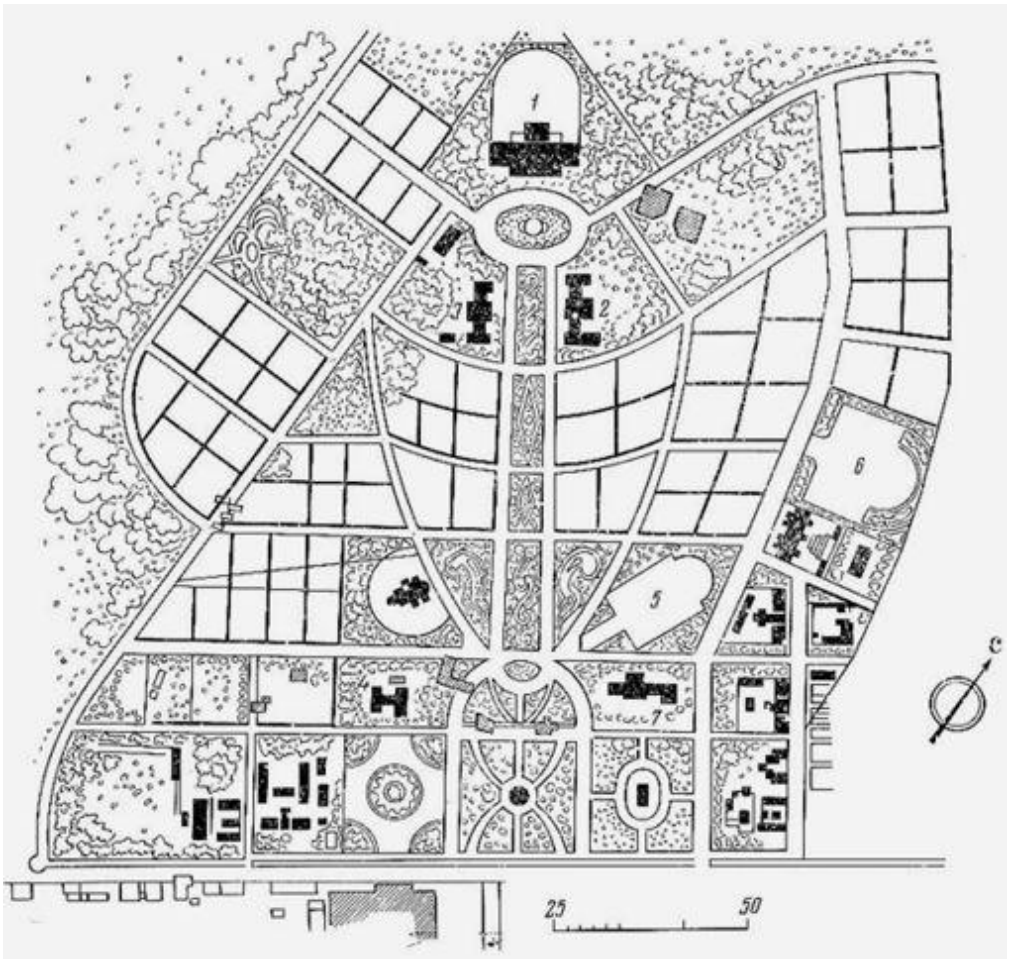

Рис. 46. Рабочий поселок при Истомкинской мануфактуре. Генплан. Арх. К. Карасев. 1920

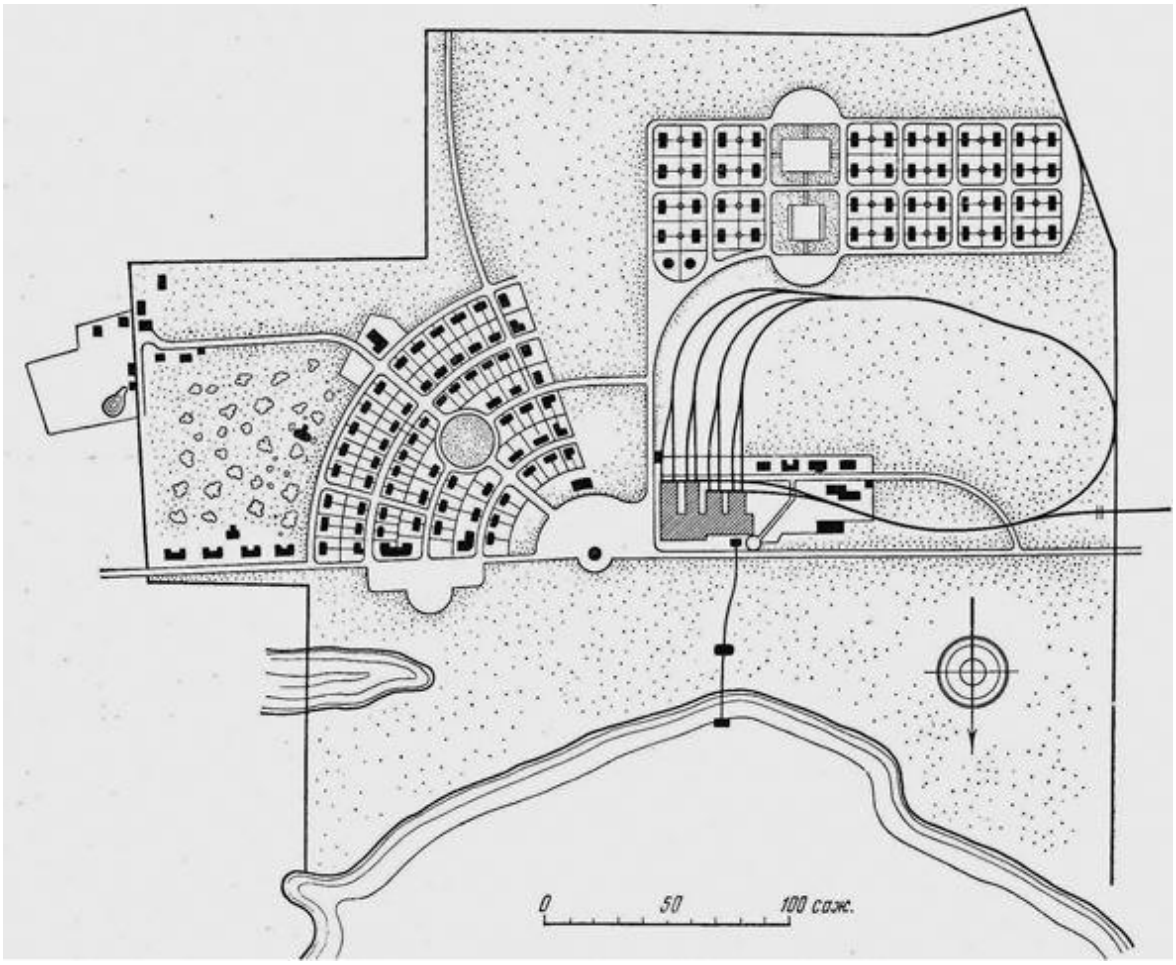

Рис. 47. Проект рабочего поселка при Каширской электростанции. Арх. П. А. Голосов

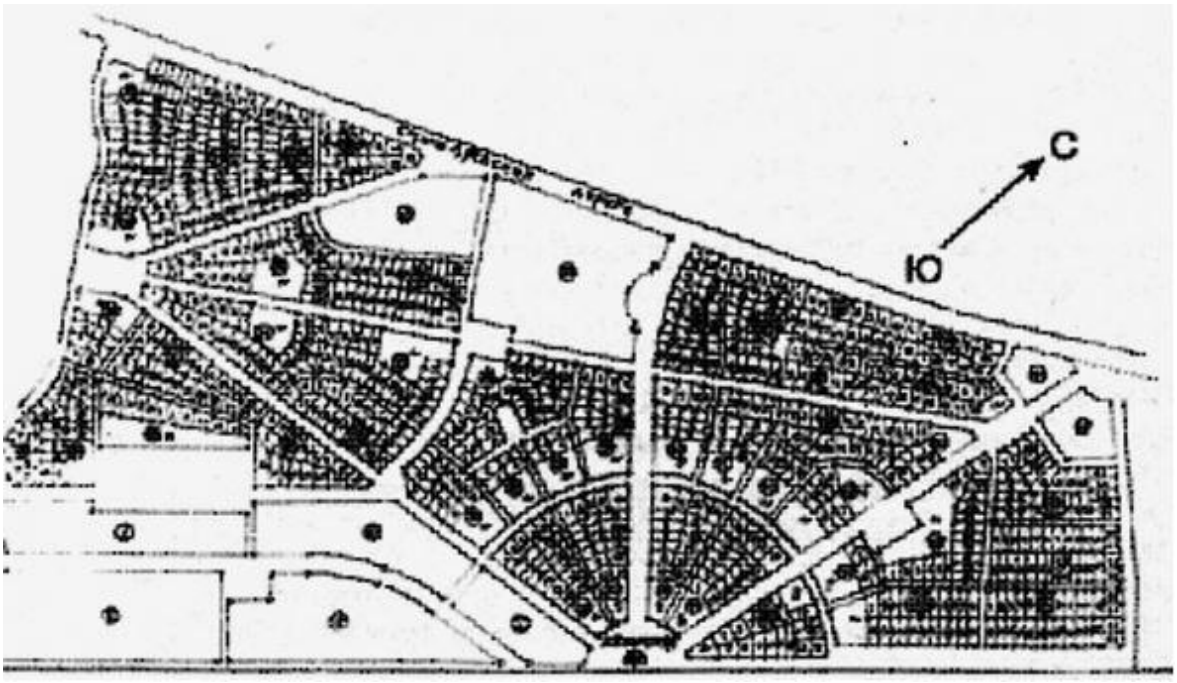

Рис. 48. Поселок «Сад-город» работников Самарского железнодорожно-ремонтного завода («Сажерез») близ станции Безымянка. 1922

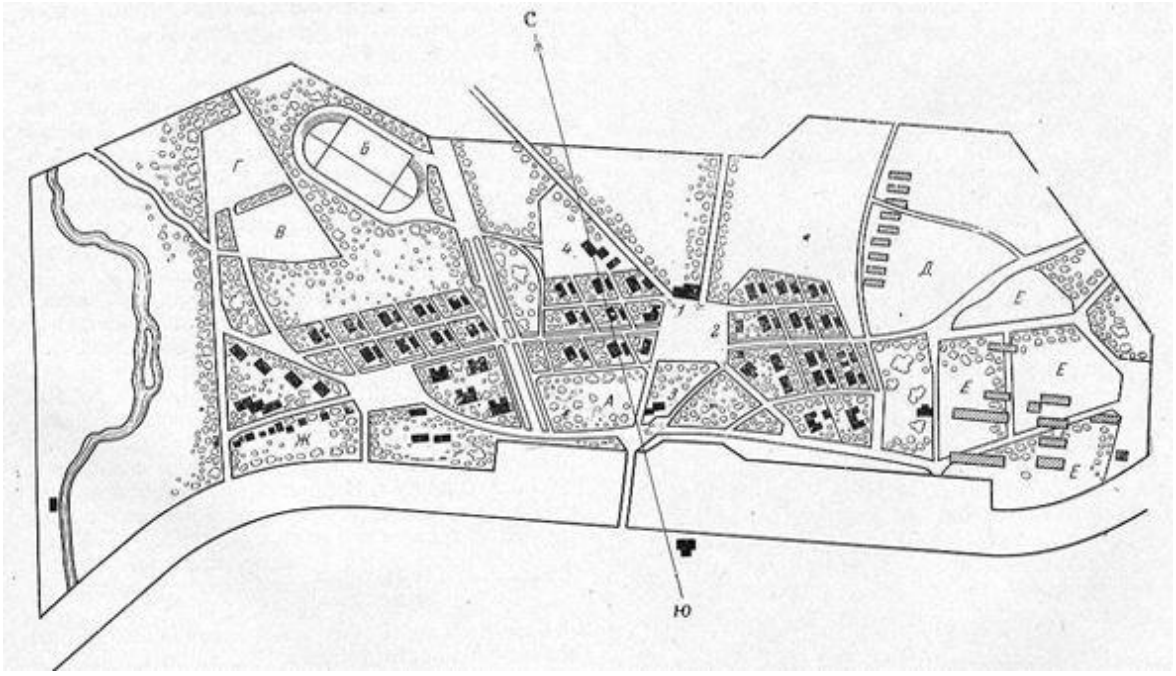

Рис. 49. Генеральный план рабочего поселка-сада при Кизелковской электростанции. 1921–1925

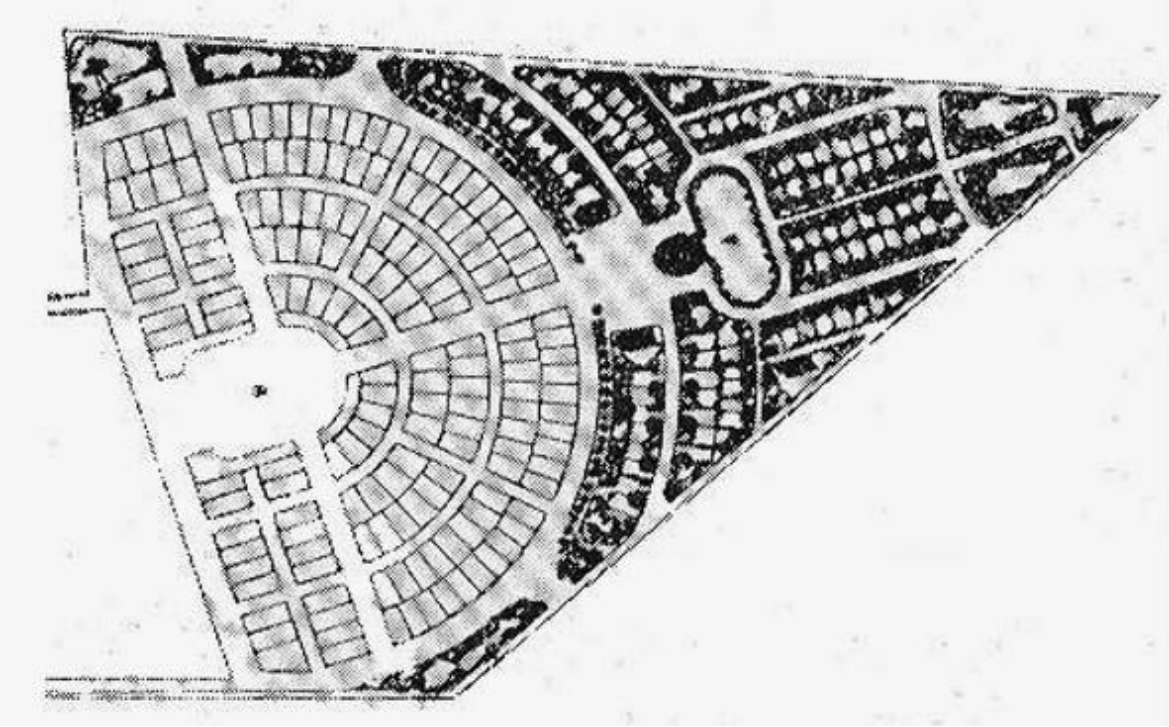

Рис. 50. Город Ленинград. Генеральный план рабочего поселка-сада при электростанции «Красный Октябрь». Арх. А. Оль. 1924

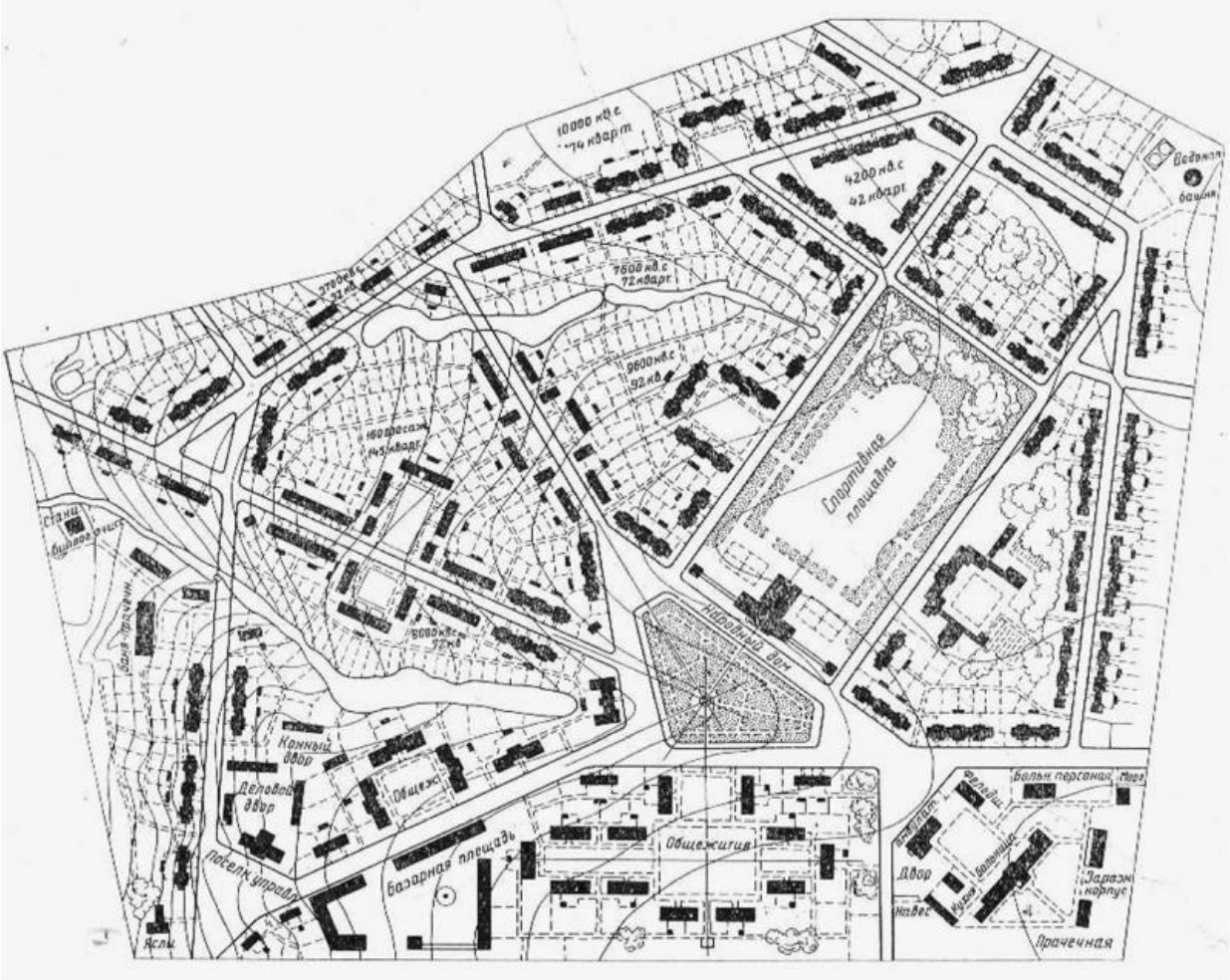

Рис. 51. Генеральный план рабочего поселка-сада при Подольском паровозо-ремонтном заводе. Арх. Л. Веснин. 1922

С предложениями строительства поселений-садов, помимо руководства ведомств, выступали также акционерные общества. В частности, акционерным обществом «Московское рабочее жилищное строительство»[152] была намечена на 1925 г. «постройка районных поселков-садов, которые окружат Москву кольцом здоровых, изящных, благоустроенных кварталов»[153].

Инициативы по возведению поселений-садов для рабочих проявляли также и государственные органы. Так, в 1919 г. при Комитете государственных сооружений (Комгосоор) была создана Коллегия по постройке, а точнее, по продолжению строительства автозавода в Филях, начатого еще в 1916 г. Русско-Балтийским акционерным обществом[154], а также поселка-сада при нем на 2000 чел. (1500

рабочих и 500 служащих). 21 февраля 1919 г. Управление городского и сельского строительства Комгосоора (Угорсельстрой) объявило заказной конкурс на проект поселка. В нем участвовали А. В. Самойлов, С. Е. Чернышев, П. А. Голосов, И. А. Голосов, Л. А. Веснин. 29 марта 1919 г. руководство Коллегии по постройке завода и поселка, недовольное постоянным переносом сроков завершения конкурса, заказало проект А. В. Кузнецову (при участии А. Ф. Лолейта) и не отменило этого решения, даже когда 10 июня 1919 г. жюри конкурса наконец-то подвело итоги, присудив первую премию проекту А. В. Самойлова, а вторую – проекту Л. А. Веснина (совместно с В. А. Весниным и А. И. Иваницким). Однако строительство поселка так и не состоялось, потому что 25 сентября 1919 г. Особое совещание по строительной политике Моссовета отказало ВСНХ в отводе участка в Филях для возведения самого завода и, соответственно, поселка при нем как «противоречащем основным задачам планировки и благоустройства окраин Москвы»[155]. 28 октября приказом по Угорсельстрою Управление работами по постройке рабочего поселка в Филях было расформировано[156].

Управление городского и сельского строительства Комгосоора как государственный орган курировало работы основных ведомств по строительству рабочих поселков – инициирование их проектирования и возведения, а также контроль над ходом работ являлось одним из основных направлений работы отдела градоустройства, специально для этих целей сформированного в рамках Угорсельстроя. В частности, 16 сентября 1919 г. на заседании отдела был рассмотрен вопрос о проектировании поселка для рабочих бывшей канатной фабрики Журавлева в селе Авакумово Рыбинского уезда[157]. Также осуществлялся контроль за проектированием и строительством рабочего поселка Звезда[158] на 8000 чел.[159] при Саратовском заводе сельскохозяйственных машин[160]; постройкой рабочего поселка при Собиновской мануфактуре[161].

Непосредственная организация работ по строительству завода «Звезда» и поселка при нем находилась в ведении Отдела металла ВСНХ. Автором окончательного проекта генплана предположительно был А. З. Гринберг. Первоначальный вариант планировки был готов к марту 1919 г., а уже осенью 1919 г. с возведения деревянных бараков и закладки двух каменных зданий началось строительство поселка, хотя

окончательно генплан был утвержден на заседании технического совещания Архистроя лишь 28 февраля 1921 г.[162]

Работа по возведению поселков-садов для рабочих оказалась столь масштабной, что потребовала объединения усилий государственных органов управления жилищным строительством, руководства ведомств, органов жилищной кооперации и местных органов власти. Так, 5 февраля 1919 г. отдел градоустройства Угорсельстроя совместно с Комитетом государственных сооружений ВСНХ рассмотрел предложение Московского центрального рабочего кооператива (МЦРК) об устройстве пригородных рабочих поселков, призванных разгрузить Москву. Г. Д. Дубелир докладывал по этому вопросу: «В промышленном отделе МЦРК возникло предложение об организации поселков, в которые могли бы вынести часть промышленных учреждений и которые вместе с тем могли бы служить городом-садом для жилья служащих»[163]. Один из поселков предполагалось разместить под Москвой (в районе Симонова), другой – на юге Самарской губернии (в Нижне-Бузулукском уезде). Второй поселок – «промышленно-кооперативного» типа должен был соединить в себе: фермы, огородно-садовый пояс, сельскохозяйственное производство, способное прокормить население города в 3000 чел., и постоянные промышленные предприятия, в частности большой кожевенно-обувной завод[164].

Г. Д. Дубелир, а затем и коллегия отдела градоустройства Угорсельстроя, которая позднее неоднократно рассматривала данный вопрос, подчеркивали, что «организация подобных городов промышленно-кооперативного типа является в высшей степени желательной», потому что подобное «соединение большой промышленности, сельского хозяйства и города-сада на кооперативных началах…»[165] дает значительный организационный и финансовый эффект.

Программа финансирования жилищного строительства «города-сада промышленно-кооперативного типа» была составлена, с одной стороны, в соответствии с основными положениями говардовской идеи, с другой – на основе провозглашенного советской властью приоритета промышленного строительства. Согласно этой программе сначала на основе государственной ссуды, а также других средств, собранных жилищным кооперативом, формировался общий капитал для

учреждения производственного предприятия и возведения первых жилых зданий города, а затем из доходов от начавшего функционировать производства частично погашался долг по ссуде, а частично, по мере прироста населения, расширялась жилая застройка[166]. В письменном заключении о результатах заседания коллегии отдела градоустройства особо подчеркивалась роль промышленного предприятия в возникновении поселений жилищной кооперации: «Только развитием промышленной деятельности населения можно в действительности покрыть расходы на построение жилищ»[167].

Все это свидетельствует о том, что с первых дней развертывания градостроительной политики новые органы государственной власти, руководство ведомств и жилищной кооперации, выступавшие инициаторами строительства советских рабочих поселков, рассматривали организационно-финансовые вопросы их возведения не только в контексте говардовской социально-управленческой программы, но и в соответствии с постулатами государственной идеологии о роли производственного предприятия (и шире – производственной деятельности) в организации жизни людей, в характере обустройства их повседневного бытового существования. Применительно к условиям Советской России эта новая социально-организационная и финансово-экономическая модель «советского города-сада» предлагала следующую схему действий:

– земля для города-сада бесплатно бралась у государства в долгосрочную аренду или бессрочное пользование создаваемым для этих целей общественным объединением (кооперативным товариществом), причем, как и в говардовском городе-саде, она не продавалась будущим жильцам (владельцам недвижимости – в говардовском варианте), а оставалась во владении акционерного общества[168];

– все желающие проживать в данном поселении вступали в члены данного товарищества (внося вступительный и паевой взносы);

– необходимые для строительства средства заимствовались на льготных условиях из государственного бюджета или частично предоставлялись соответствующим профильным ведомством (для рабочих которого возводилось поселение) на безвозмездной основе, так как предназначались в конечном счете для решения общезначимой

социальной задачи – удовлетворения потребностей рабочего населения в жилье;

– по мере застройки и эксплуатации поселка, а также функционирования промышленного предприятия, на котором трудилась основанная масса обитателей поселка, кооперативное товарищество, используя коллективную форму собственности на землю и строения, самостоятельно вело хозяйственную деятельность на подвластной территории и, аккумулируя средства, направляло их на благоустройство территории поселения и расширение состава обслуживающих учреждений, а также на развитие форм внутрипоселковой общественной жизни;

– кооперативное товарищество постепенно возвращало государственные кредиты, а члены кооператива (при желании) выкупали у товарищества недвижимость, превращаясь из арендаторов в собственников жилья и коллективных пользователей бесплатно предоставленной (в бессрочное аренду) землей[169].

Подобная программа финансирования и организации кооперативного жилищного строительства выражала романтические представления начального периода существования Советской России о сути кооперативного движения в новом обществе и о роли государства в решении социальных задач. Причинами того, что именно принципы города-сада были выбраны в качестве концептуально-теоретической базы проектирования рабочих поселений молодой Советской республики, являлись, во-первых, дореволюционная популярность этой идеи, постоянно пропагандировавшейся через периодическую печать, среди широких слоев населения. Во-вторых, уверенность в том, что финансовая схема города-сада может быть серьезно упрощена в советских условиях и теперь не нужно будет просить денег у частных банков, а советское государство, национализировавшее землю, станет «по справедливости» и, конечно, бесплатно предоставлять ее для нужд рабочих, возводя для них такие же красивые и комфортные поселения-сады, как и на Западе, или такие же, какие строились до революции в России для зажиточных слоев населения (например, в виде дачных поселков). В-третьих, потому, что подобные предпочтения энергично проповедовались главными «исполнителями» планировочных решений – архитекторами, которые предлагали, обосновывали, доказывали

необходимость проектирования поселков для рабочих именно по образцу городов-садов.

Любопытно, что архитекторам, ратовавшим за проектирование поселений-садов, приходилось подчас вступать в острую полемику с будущим потребителем – «революционно настроенными» рабочими, возражавшими против поселений подобного типа. Так, например, рабочие Саратовского завода сельскохозяйственных машин и орудий, для которых разрабатывался проект поселка Звезда, под влиянием революционных идей категорически отказывались от индивидуального жилища и связанных с ним личных огородов и домашнего животноводства, а В. Н. Семенов в развернутом отзыве на проект поселка критиковал их за эти убеждения, поясняя, что усадебная застройка является типичной для поселка-сада и совершенно нормальной для поселений подобного рода[170].

Планировочные идеи города-сада проявлялись во многих проектах рабочих поселков середины 1920-х гг., например в эскизном проекте планировки г. Люблино (рис. 52); в проекте планировки станционного поселка для рабочих и служащих железнодорожной станции, мастерских и депо в Кашире[171]; в проекте поселка рабочих текстильной фабрики на ст. Яхрома Савеловской железной дороги в 6 км от Дмитрова (рис. 53) и др. В последних особенно выразительно была воплощена живописная система трассировки улиц с учетом особенностей ландшафта – сильно выраженного рельефа, пересеченного глубокими оврагами.

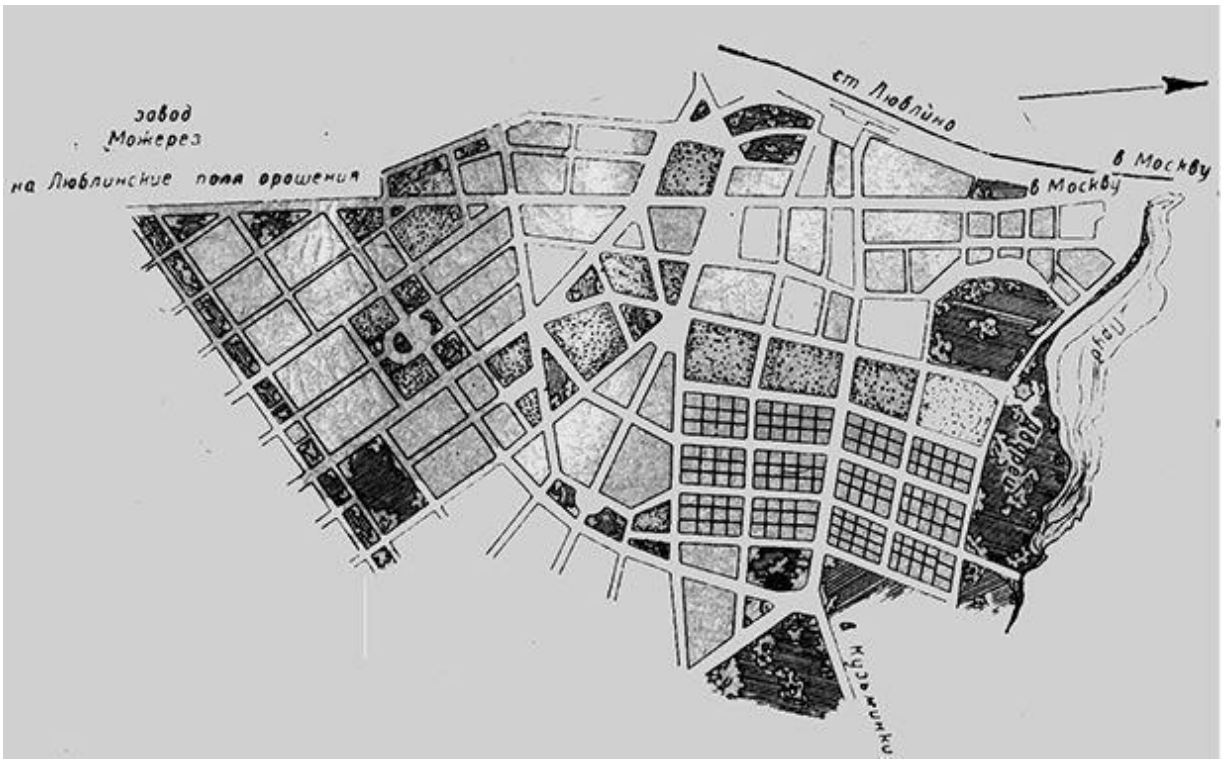

Рис. 52. Город Люблино. Эскизный проект планировки. 1927

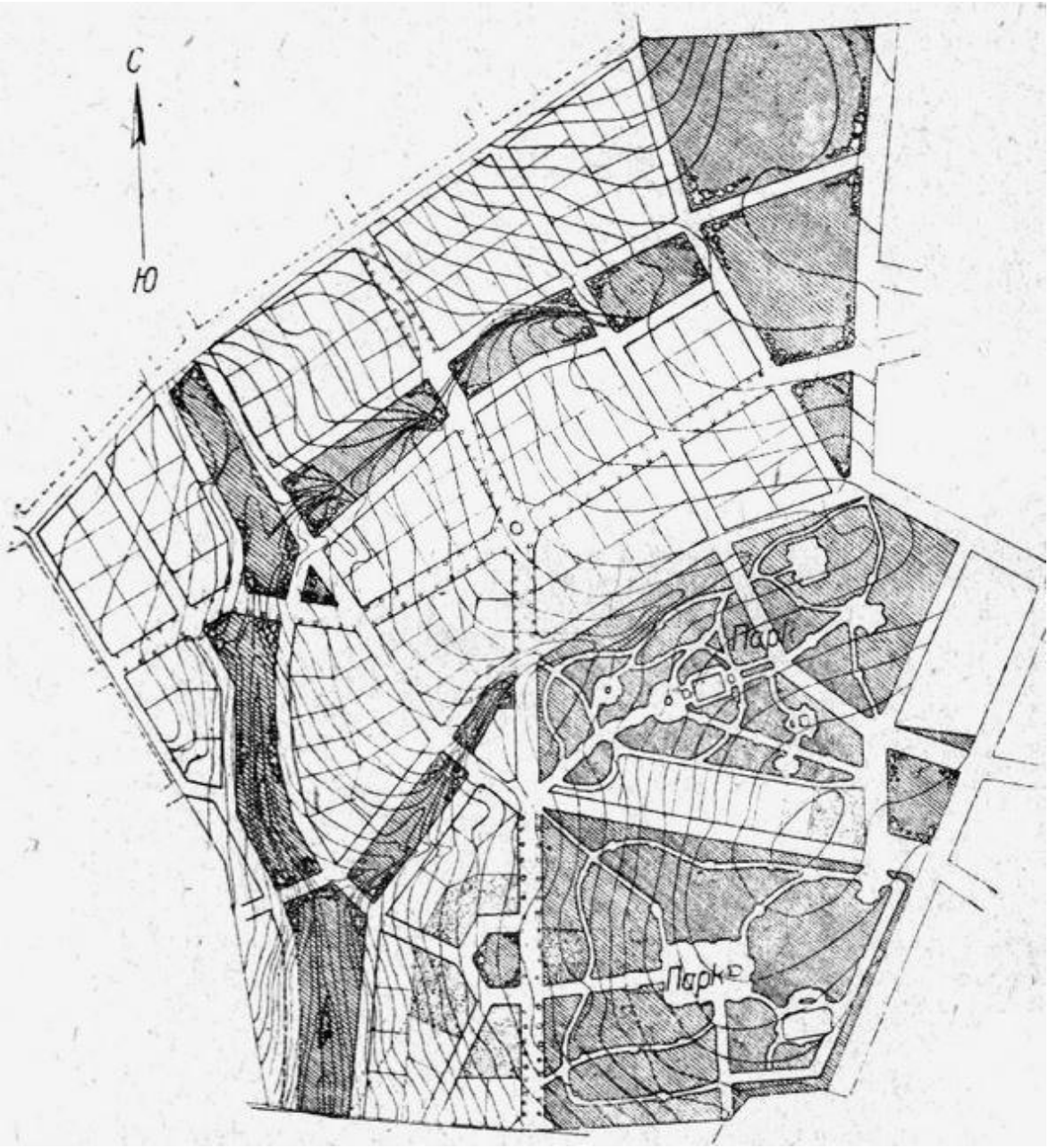

Рис. 53. Эскизный проект планировки района с. Андреевское при Яхромском поселке. 1927

Советская жилищная кооперация, возникшая в первые послереволюционные годы и особенно активизировавшая свою деятельность в период НЭПа и НЖП (новой жилищной политики[172]), являлась в первой половине 1920-х гг. одной из наиболее мощных движущих сил в проектировании поселений-садов. Руководящие органы жилищных кооперативных товариществ ориентировались на

возведение поселений именно по образцу городов-садов, потому что такая концепция подходила им прежде всего тем, что основывалась на добровольном объединении желающих обрести собственное жилье. В советских условиях это выражалось в привлечении будущих жильцов к самостоятельному возведению домостроений (своими руками), сводя к минимуму необходимость найма профессиональных строителей и тем самым экономя значительные суммы денег.

Идея города-сада в рамках советского кооперативного движения была скорректирована по численности населения с 32 тыс. чел. (как в говардовском городе-саде) до 0,7–1,5 тыс. чел. (большего количества членов жилищного товарищества, как правило, не набиралось). Поселения-сады жилищной кооперации в полном соответствии с говардовской идеей представляли собой обособленное поселение с индивидуальными домами усадебного типа. При этом, в отличие от городов-садов Западной Европы, являвшихся городским жилищем, поселения-сады в Советской России проектировались «сельско-городского» типа – с крупными приусадебными участками, изначально предназначавшимися для разбивки сада и огорода, а также для ведения домашнего хозяйства. Подобное решение в условиях острого продуктового дефицита было востребовано практически всеми категориями населения. Советские поселения-сады жилищной кооперации предусматривали создание обобществленных форм обслуживания (и самообслуживания): общественных столовых, коллективных прачечных, общественных библиотек, общего спортинвентаря и иных проявлений коллективных форм повседневной жизни.

Жилищно-строительные кооперативные товарищества (ЖСКТ) при разработке проектов поселений руководствовались именно этими принципами. Например, ЖСКТ, образованное в декабре 1921 г. сотрудниками Центросоюза и других кооперативных центров, арендовало в июле 1923 г. у Московского управления недвижимых имуществ (МУНИ) на 35 лет 49 десятин земли у села Всехсвятского (неподалеку от станции Серебряный Бор Окружной железной дороги). В начале 1923 г. был разработан проект кооперативного поселка-сада под названием Сокол. Первоначально поселок, задуманный и осуществленный по схеме города-сада, планировался Центросоюзом к постройке в Сокольниках. Но по результатам обследования выбранное

место было забраковано Московской жилищно-санитарной инспекцией, и для размещения поселка был предложен другой участок[173]. Генплан, спроектированный архитекторами Б. М. Великовским и П. М. Нахманом, предусматривал разбивку 250 индивидуальных участков в среднем по 200 кв. саженей[174] (рис. 54, 55).

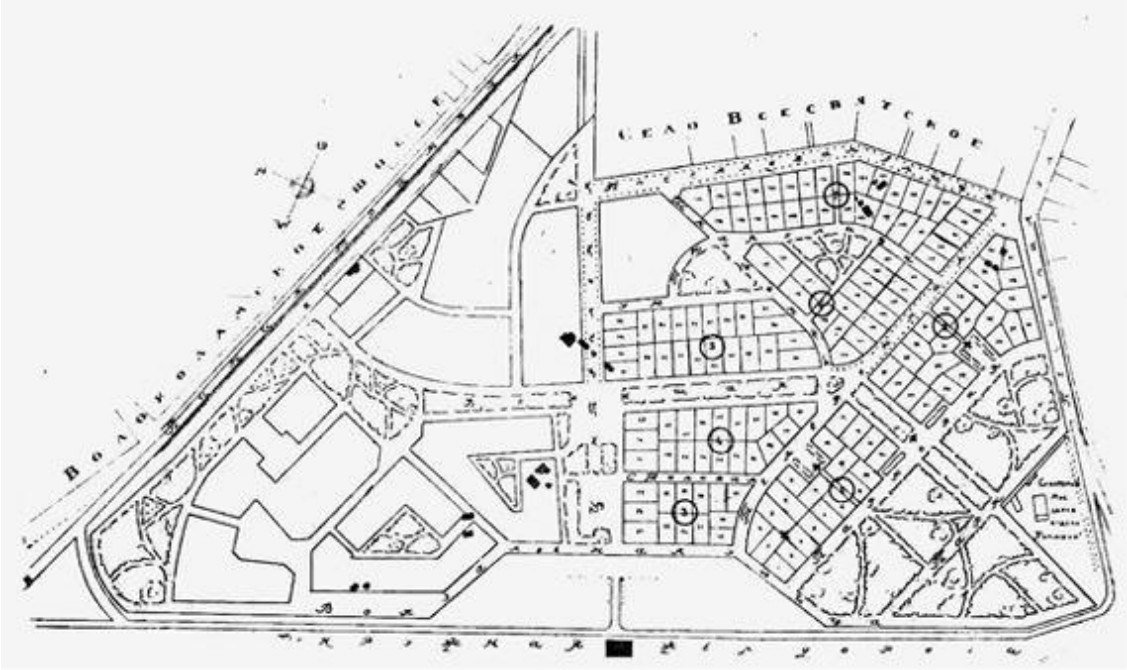

Рис. 54. Поселок Сокол. Генплан. Первая очередь застройки

Рис. 55. Поселок Сокол. Фото с натуры. Середина 1920-х

Рис. 56. Москва. Поселок Красный Богатырь (заложен 27 июля 1924 г.). Жилой дом. 1925

Строительство Сокола началось в 1923 г., несмотря на то что генеральный план поселка окончательно был утвержден отделом благоустройства Московского управления коммунального хозяйства с огромной задержкой – лишь в июне 1927 г. Необходимость жесточайшей экономии материалов подталкивала проектировщиков к поиску и принятию наиболее экономичных решений: наряду с традиционными рублеными деревянными домами были запроектированы и возведены щитовые, каркасно-засыпные, термолитовые[175] и другие типы жилых домов (рис. 56). При этом задаваемая проектировщиками технология возведения домов часто нарушалась из-за низкой квалификации привлекаемых строителей. В результате сильно страдало качество построек. Обследование, проведенное 4 августа 1927 г. заведующим лабораторией лесной фитопатологии и микологии Центральной лесной опытной станции НКЗема профессором Н. Ф. Слудским, показало, что деревянные каркасно-засыпные конструкции и обшивка этих зданий поражены и почти полностью разрушены грибком[176]. В итоге первые из возведенных в августе 1923 г.[177] двенадцати домов к июню 1927 г.[178] успели частично сгнить. В 1928 г. в поселке «проживало уже 500 человек. На 53 гектарах были построены 102 дома (с центральным отоплением, электрификацией, водопроводом)»[179].

В начале 1920-х гг. по инициативе кооперативного жилищно-строительного товарищества «Дружба», созданного в 1917 г. рабочими фабрики «Богатырь» и сотрудниками Центросоюза, был возведен другой крупный поселок-сад. Для его постройки товарищество получило участок земли в 103 десятины у станции Перловка Северной железной дороги и разбило территорию на 350 индивидуальных участков в среднем по 450 кв. саженей каждый. Поселок предполагалось застраивать спаренными коттеджами. В 1922 г. были возведены 8 одно– и двухквартирных домов.

Следует подчеркнуть серьезное отличие практики строительства ведомственных рабочих поселков от практики строительства поселков жилищной кооперации. Заключалось оно в том, что единственным типом жилья в поселках жилищной кооперации был индивидуальный, отдельно стоящий или парный (блокированный) дом с участком. А в ведомственных рабочих поселках при наличии небольшой группы таких же одно– или двухэтажных домов на одну-две семьи[180],

предназначенных для начальства, основным типом жилой застройки для населения были общежития в виде бараков или рабочих казарм[181].

2.2. Капиталистические города и социалистическое расселение

Кооперативное жилищное строительство в Советской России с каждым годом набирало все большие объемы и темпы проектирования и строительства, постепенно упираясь во все более сильное сопротивление со стороны государственных органов. Первое прямое столкновение произошло еще в середине 1922 г., когда советская жилищная кооперация неожиданно встретила противодействие своим инициативам по строительству поселков-садов со стороны представителей госструктур.

Поводом стало учредительное заседание по возрождению в Советской России общества городов-садов. Казалось бы, ничто не предвещало никаких проблем. Заседание проходило 30 июня 1922 г. в Москве в Центральном научно-техническом клубе ВЦСПС под «государственным патронатом»: председателем заседания был заместитель народного комиссара здравоохранения т. Соловьев[182].

Организаторы общества много говорили о том, что «идея города-сада и движение в пользу устройства городов-садов является одним из лучших наследий, которые оставило старое буржуазное общество, и революционный пролетариат, творящий новую коммунистическую культуру, должен реализовать великие идеи рационального градоустройства… в пользу устройства городов-садов»[183]. Они подчеркивали соответствие идеи Э. Говарда социальным задачам советских городских реформ:

– отказу от частной собственности на землю;

– слиянию города с деревней («сельскохозяйственный пояс» в говардовской концепции);

– рациональной планировке поселений;

– созданию новых социалистических типов жилья (в частности, «коттеджа для семьи рабочего»).

Совпадение концепций городов-садов Э. Говарда и поселков-садов советской жилищной кооперации виделось участникам заседания в том, что и те, и другие возводились за счет финансирования самим населением при поддержке государства, а также в том, что главной

инициирующей и движущей силой в появлении поселений-садов и в их последующем функционировании выступала «рабочая самодеятельность»[184]. В результате возводимые поселки-сады для рабочих должны были представлять собой не просто «улучшенные старые капиталистические города», а поселения совершенно нового – «синтетического» типа, объединяющего «инициативы рабочих и мощь заботящегося о них государства»[185].

Однако, кроме доводов в пользу городов-садов, на заседании звучали и прямо противоположные суждения. Критические выступления противников города-сада были направлены прежде всего на его социальное содержание[186]. Непосредственно на заседании и позднее, на страницах периодических изданий, представители органов, осуществляющих государственную градостроительную и жилищную политику (в частности, ГУКХ НКВД)[187], высказывали принципиальное несогласие с направленностью инициатив советской жилищной кооперации на возведение городов-садов. Утверждали, что идея Э. Говарда неразрывным образом связана с капитализмом. А социализм, по их мнению, должен был сознательно и целеустремленно формировать поселения совершенно иного – «некапиталистического» типа.

В их трактовке порочные закономерности развития городов при капитализме, породившие возникновение идеи города-сада, заключались в следующем: 1) стремление фабрикантов разместить промышленные предприятия в местах с дешевой природной энергией заставляло перемещать производства на периферию городов – к малым рекам или участкам залегания угля (этому процессу способствовало также естественное стремление капиталистов к снижению земельной ренты[188]); здесь же селились и рабочие; 2) стремление владельцев предприятий к использованию дешевой рабочей силы приводило к переносу промышленности из городов в близлежащие деревни; 3) сюда же – на периферию капиталистических городов – выталкивала малоимущие слои городского населения (рабочих и мигрировавших в города крестьян) высокая стоимость городского жилья (из-за этого часть рабочих вынуждена была селиться еще дальше – непосредственно в сельской местности, прилегавшей к городам); 4) постепенно, по мере своего территориального роста, город поглощал промышленные поселения-пригороды, ассимилировал их в городскую

среду, что вызывало так называемое «поясное (зональное) функциональное районирование» – появление районов различного функционального назначения: фабрично-заводских, торговых, деловых, жилых и т. п.[189]

По утверждению критиков говардовской идеи, социалистические поселения подобным закономерностям развития капиталистических городов категорически не должны были подчиняться. Города в СССР должны были быть принципиально иными, и пригородные поселения-сады рядом с ними не могли возникнуть, поскольку «рабочие поселки коммунистической эпохи» призваны были кардинально отличаться от «поселений капитализма». С позиции противников говардовской концепции, эти отличия заключались:

– в иных причинах возникновения городов-садов и советских рабочих поселков. Так, на Западе города-сады создавались «классовыми врагами пролетариата» для «затушевывания проблем» – кратковременного снятия остроты капиталистического кризиса, а не для его кардинального разрешения. А в СССР, в отличие от стран капитализма, возведение рабочих поселков должно было «инициироваться самим пролетариатом»;

– в характере отношения к жилью и производству. В капиталистическом мире поселения-сады являлись средством эксплуатации трудящихся: фабриканты получали завышенную арендную плату за жилище, принуждая при этом рабочих смиряться с плохими условиями труда, а в случае борьбы рабочих за свои права угрожали им лишением жилища[190]. А в СССР в противоположность этому рабочий поселок призван был архитектурно выражать и градостроительно оформлять успешное решение всех подобных социальных проблем;

– в путях реформирования существующей жизни в городах. Так, в капиталистических странах города-сады являлись «средством осуществления естественных перемен», формой медленной позитивной эволюции, мирных постепенных преобразований жилой среды, «социализмом без политики». В противоположность этому в Советском Союзе, где произошел радикальный социальный переворот, одномоментный революционный слом всего существовавшего политического строя в результате классовой борьбы и коммунистической революции, советский рабочий поселок должен был

стать такой же «кардинальной революцией в образе жизни», в реформировании среды обитания;

– в классовом составе населения. В СССР подавляющее большинство рабочих – вчерашние крестьяне, выходцы из деревни, в отличие, например, от Англии, где городское население составляет три четверти всего населения страны, и это с неизбежностью должно было накладывать свои специфические требования на планировку рабочего поселка и тип жилья в нем[191].

Противники идеи города-сада отмечали фактически лишь одну позитивную составляющую говардовской идеи, которая подходила, с их точки зрения, для поселений нового социального строя. Она состояла в возможности создавать обособленные рабочие поселки, не растворявшиеся в большом городе по мере его роста, не носившие характера временного явления, а напротив, являвшиеся автономными, «самодостаточными» поселениями особого «некапиталистического типа», разрешавшие противоречие города и деревни за счет индустриально-сельскохозяйственного характера застройки, а также сочетания культурных достижений города с природными качествами деревенской жизни[192].

Но, несмотря на эти представления, базировавшиеся на марксистско-ленинской доктрине, противостояние государственных органов усилиям жилкооперации по практическому воплощению на советской почве говардовской идеи все же было совершенно удивительным и парадоксальным. Прежде всего потому (и в этом самое удивительное), что, критикуя программу возведения городов-садов и противоборствуя жилищной кооперации, основные «субъекты» возведения советских рабочих поселков: а) ГУКХ НКВД – главный исполнитель государственной жилищной политики, нормировщик и контролер нового жилищного строительства; б) ВСНХ и наркоматы; в) муниципальные власти – в то же самое время (в начале 1920-х гг.) сами активно проектировали и строили поселения по образцу городов-садов для размещения контингентов ведомственных рабочих, решения жилищной проблемы в существующих городах за счет «разгрузки» их и т. д. Более того, даже отправляли за границу делегации с целью изучения зарубежного опыта строительства городов-садов.

Так, например, ГУКХ НКВД целенаправленно вело работу по изучению зарубежного опыта проектирования и строительства городов-

садов и поселков-садов: в 1921–1925 гг. в журналах, издаваемых ГУКХ, часто публиковались статьи, посвященные данному вопросу.

В 1920–1921 гг. практическую работу по созданию проектов городов-садов вели также государственные органы союзных республик. Например, проекты рабочих поселков-садов для трудящихся Баку и других промысловых районов разрабатывала специально созданная для этих целей государственная комиссия при Азербайджанском комитете государственных сооружений (Азкомгосоор)[193].

Аналогичную работу осуществляли наркоматы. Так, в 1922 г. в Москве по инициативе жилищно-санитарного подотдела Наркомздрава было создано акционерное общество по постройке «1-го рабочего поселка-сада в память Октябрьской революции», учредителями которого выступили несколько наркоматов и крупных ведомственных организаций: Наркомздрав, НКВД, МГСПС, Моссельпром, Москвотоль, Моссиликат, Цемтрест, ряд профсоюзов и других организаций. Строительство поселка предполагалось на выбор «в одном из подмосковных районов – дача Катуара, Останкино, Измайловский зверинец или Погоно-Лосиный остров… Поселок рассчитывался на 5000 чел. (1000 жилищ или 300–400 домов)»[194]. В 1919–1920 гг. Мосуголь силами своего архитектурного бюро осуществлял проектирование рабочих поселков-садов[195] и т. п.

Сотрудники госучреждений целенаправленно привозили из служебных поездок оригинальную литературу на иностранных языках. Так, профессор В. С. Карпович свидетельствует, что доктор А. И. Антоновский, участник гигиенического съезда в Брюсселе, привез ему работу главного инженера г. Остенде о рабочем строительстве, которая затем вместе с другими источниками была положена в основу статьи Карповича «Рост городов и достижения Запада»[196].

Муниципальные власти, проектируя и строя поселки-сады, активно изучали передовой зарубежный опыт возведения городов-садов. Например, в конце 1924 г. Московский Совет рабочих и крестьянских депутатов отправил в Англию и Германию для посещения «ряда рабочих поселков и городов-садов… с целью ознакомиться с жилищным строительством»[197] делегацию в составе: члена президиума Моссовета Желтова (?), начальника Московского управления недвижимыми имуществами Н. Попова, управляющего

строительной конторой Моссовета М. Крюкова, председателя Рогожско-Симоновского районного совета Вежиса (?).

Делегация имела вполне прагматические цели: поскольку в СССР жилищное строительство осуществлялось с «материальною и денежною помощью государства», постольку «совершенно неизбежным являлось вмешательство государства в дело регулирования строительства с целью уменьшения затрат на таковое… Не только рациональный выбор типа, но и правильная планировка поселка и правильное устройство улиц, включая их санитарно-техническое оборудование, в сильной степени влияли на экономичность строительства…»[198] Исходя из этого делегация решала практические вопросы: а) выявление наиболее экономичных планировочных решений поселков с целью выработки их «шаблонов» (стандартов); б) определение оптимальных показателей плотности застройки селитьбы; в) отбор конструктивно-технических решений «удешевленного, облегченного» строительства жилых домов (выявление наиболее эффективных способов так называемого суррогатного строительства); г) обобщение опыта применения дерева при постройке небольших жилых домов; д) обобщение опыта устройства систем отопления, водоснабжения и канализирования в поселковом строительстве[199].

Делегация посетила целый ряд рабочих поселков и городов-садов Германии, собрала и привезла материалы по строительству отдельных коммунальных домов и планировке целых кварталов таких домов, по экономичным конструктивным решениям и т. п. Она целенаправленно искала и, как водится, нашла обоснование экономической выгодности постройки многоэтажных домов по сравнению с отдельно стоящими одноэтажными. Так, в резюме (научная обработка материалов, привезенных делегацией, осуществлялась профессорами Л. А. Серком и А. Ф. Мейснером, инженерами А. С. Финкельштейном и Г. Я. Вольфензоном[200]) отмечалось: «…германские строители, проверив на опыте результаты последних лет, пришли к выводу, что стоимость единицы жилой площади в низких и многоэтажных домах почти одинакова… преимущество высотной застройки отпадает только в тех случаях, когда население поселка проявляет склонность к занятию огородничеством и мелким животноводством для своих собственных нужд…»[201] А так как ведение индивидуального домашнего хозяйства как в виде огородничества, так и в виде мелкого животноводства

противоречило стратегии формирования трудобытовых коллективов, то в рамках советской расселенческой доктрины решение о выборе предпочтительного типа жилища напрашивалось автоматически – многоэтажный, многоквартирный дом.

Члены делегации тщательно анализировали примеры формирования в домах помещений обслуживания коллективного пользования; изучали типы жилищ с помещениями коллективного проживания (общежитиями). В частности, знакомились с «домами с общими кухнями», возведенными в 1920 г. в рабочем районе Гамбурга (архитектор Шумахер). При этом особое внимание было обращено на то, что дом состоял из двух параллельных 3-этажных корпусов, образующих внутренний озелененный двор с площадкой для детских игр, в который обращены все входы в квартиры. Этот прием впоследствии стал ведущим в советской планировке селитебных территорий. Всего в коммунальном доме было: 2-комнатных квартир – 12; 3-комнатных – 60; 4-комнатных – 13. При этом на каждые 6 квартир устраивалась одна общая прачечная и кладовка для продуктов. Рядом располагалось общежитие для одиночек на 80 комнат. Между корпусами пролегал проезд шириной 7 метров. Отмечалось, что в проекте присутствуют «хозяйственные земельные участки» (огороды), планировочно размещенные в разрывах между жилыми блоками. Со стороны улицы огороды были «прикрыты» вытянутыми сплошным фронтом уличного фасада одноэтажными зданиями, в которых располагались торговые помещения[202].

Следует заметить, что установка советской власти на многоэтажное, многоквартирное жилище коммунального типа в первой половине 1920-х гг. не являлась единственной и всеобъемлющей. С инициативами возведения противоположного типа жилища – малоэтажного малокубатурного индивидуального выступали отдельные жилищные кооперативы, создаваемые при фабриках и заводах. Они выражали интересы своих членов, которые были далеко не в восторге от идеи обобществления быта. К тому же к выбору этого типа жилья руководство жилищных кооперативов подталкивала ограниченность в материальных средствах и отсутствие квалифицированных строительных кадров. Строить малоэтажные малокубатурные отдельно стоящие дома из недорогих строительных материалов и упрощенных конструкций силами малоквалифицированных (зато дешевых)

строителей или самих будущих владельцев оказывалось и проще, и выгоднее.

Руководство советских ведомств, в отличие от правлений жилищных кооперативов, было далеко не так свободно в выборе стратегии жилищно-строительной деятельности. Оно неукоснительно следовало предписаниям государственных органов власти. Правда, в этот период власть еще не выработала однозначной стратегии в отношении конкретных типов жилищ. Поэтому принятие конкретных решений о том, что строить, в первой половине 1920-х гг. оставалось за дирекцией фабрик и заводов, за руководством ведомств, а также за архитекторами, которые проектировали то, что они считали правильным.

2.3. Под надзором и контролем власти

Характерной чертой государственной градостроительной политики в первой половине 1920-х гг. было то, что она, политика, и тесно связанная с ней жилищная политика были как бы «многослойными». На низовом уровне стихийно возникавшие жилищные кооперативы возводили малоэтажные жилые дома усадебного типа. На среднем уровне крупные застройщики и муниципальные власти пытались заимствовать зарубежный опыт массового «индустриального» строительства удешевленного жилища с многоквартирными домами индивидуального заселения (в каждую квартиру по одной семье). А на высшем уровне основной государственный орган, руководивший в этот период в СССР осуществлением градостроительной и жилищной политики – ГУКХ НКВД – разрабатывал нормативные положения по возведению многоэтажных секционных многоквартирных домов и… резко критиковал советскую жилищную кооперацию в отношении возведения ею поселений-садов.

Впервые в открытой конфронтационной форме критика прозвучала, как отмечено выше, на заседании по возрождению общества городов-садов 30 июня 1922 г., а позднее развернулась и на страницах печати, потому что Российское общество городов-садов, невзирая на высказанные возражения, все же подало в начале 1923 г. свой устав на утверждение.

Наиболее острая претензия была высказана по поводу содержавшегося в уставе положения об устройстве советских поселков-садов для рабочих «по типу английских городов-садов». По мнению оппонентов, подобное с неизбежностью должно было воспроизвести «буржуазный индивидуализм», планировочно воплощенный в формуле: «одна семья – один дом» (коттедж или в крайнем случае отдельная квартира)[203], что рассматривалось с государственной точки зрения как абсолютно несовместимое с советскими идеологическими установками, которые клеймили индивидуальное жилище и индивидуализм как наиболее вредные «наследия старого общества».

Отвечая им, сторонники поселений-садов и индивидуального жилища пытались доказать, что «не следует опасаться, что английские особняки с мелким индивидуальным хозяйством будут отрицательно

влиять на психологию рабочих», потому что идеологически рабочие «…организуются на фабриках и заводах, где выковывается их революционное сознание. Дома, где они только живут и отдыхают, не оказывают на это никакого влияния…»[204]

Однако подобные доводы вызывали лишь еще более жесткие возражения, потому что резко противоречили социально-организационной установке советской власти на коллективизм, практически реализуемой через формирование трудобытовых коллективов («от станка – до пиджака»; «вместе работают – вместе живут»). Противники идеи города-сада вполне резонно замечали, что «в город-сад не способна проникнуть идея коммунизма, рабочий, попавший в такой рай, становится туговат на ухо к революционной пропаганде»[205]. С их точки зрения, индивидуальное жилище являлось не просто несовместимым, но принципиально враждебным советскому коллективизму.

Особенно резкой критике подвергалось стремление сторонников городов-садов реанимировать организационно-управленческую структуру, традиционно связанную с этой идеей, – Российское общество городов-садов. Наиболее жесткие претензии вызывал вопрос об источниках финансирования общества, программа деятельности которого включала довольно широкий спектр задач: а) издание научной и популярной литературы; б) проведение конкурсов по составлению планов городов, поселков и жилищ; в) организация систематических курсов по вопросам градоустройства с целью подготовки практических работников в области планирования и оздоровления городов; г) открытие музеев и выставок по вопросам градо– и благоустройства и т. д.[206]Противники говардовской идеи замечали: если общество рассчитывает на то, что получит право распределять правительственные субсидии, то это категорически неверно, так как распределение государственных средств – это дело главного государственного органа хозяйственного ведения и распоряжения жилищем – ГУКХ НКВД, а также ВСНХ, руководившего возведением поселков для промышленных рабочих. И не следует дублировать их функции, которые как раз и заключаются в издании литературы, проведении конкурсов, подготовке кадров и т. п.[207] А если Российское общество городов-садов собирается подменять коммунальные отделы на местах (находящиеся в непосредственном подчинении ГУКХ НКВД)

и выступить альтернативой им, выполняя их функции, то это тем более недопустимо, причем уже не столько с организационной, сколько с политической стороны[208].

При этом, резко критикуя программу Российского общества городов-садов и фактически отказывая ему в праве на существование, ГУКХ НКВД повело себя очень странным на первый взгляд образом: оно ввело в его руководство своего представителя. Секретарем общества стал сотрудник отдела благоустройства ГУКХ НКВД М. Н. Петров[209]. Однако странность подобного «соучастия» лишь кажущаяся: в этот период прием внедрения «надежных сотрудников» в руководство организаций, с направленностью деятельности которых советская власть была не совсем согласна, но законодательно пока еще не способна была ни запретить, ни ликвидировать их, являлся довольно распространенной формой контроля государственных органов над их текущей деятельностью.

Заметим, что градостроительное содержание идеи поселков-садов, возводимых жилищной кооперацией, и тип проектируемого и возводимого в них жилья изначально оказывались тесно связанными. Именно индивидуальное жилище коттеджного типа составляло основу социальных реформ, осуществлявшихся жилищной кооперацией в капиталистических городах-садах и воплощавшихся в дореволюционных российских проектах поселений-садов. И в послереволюционной России инициативы жилищной кооперации также оказались обращенными на возведение индивидуального жилища. И не столько из-за желания последовательно и точно воплотить исходные социально-реформаторские постулаты говардовской идеи, сколько, как мы отметили выше, по экономическим мотивам: строительство небольших стандартных домиков диктовалось «…не принципиальными, а хозяйственно-материальными соображениями… так как скудость средств, находящихся в распоряжении руководителей жилищной политики, не позволяла говорить о возведении дорогостоящих многоэтажных зданий, строящихся к тому же очень долго»[210].

Таким образом, выбор жилищной кооперацией отдельно стоящего жилого дома (коттеджа) как основного типа застройки был предопределен в значительной мере особенностями послереволюционной экономической обстановки в стране –

отсутствием квалифицированных кадров и строительной техники для осуществления многоэтажного строительства, дефицитом стройматериалов, стремлением предельно упростить и удешевить конструктивную систему, ускорить возведение жилья. Руководство жилищными кооперативами искало максимально экономичные проектные и строительные решения [211], стремилось к предельному сокращению сроков ввода объектов в эксплуатацию, к экономии всех видов строительных материалов[212] и т. п. В этот период по инициативе объединений жилищной кооперации велись исследовательские работы по поиску простых и дешевых конструктивных решений[213], переводились и публиковались статьи, обобщающие и популяризировавшие западный опыт возведения городов-садов[214] и поселков-садов, вырабатывались планировочные средства, способные объединить в градостроительное целое отдельно стоящие индивидуальные жилые дома[215], разрабатывались проекты малоэтажных малокубатурных зданий из доступных строительных материалов с применением упрощенных конструкций.

Истоки идеологических разногласий и беспокойства государственных органов осуществления градостроительной политики всех уровней (ГУКХ НКВД, местных Советов, коммунальных отделов исполкомов, управлений недвижимых имуществ и пр.) по поводу направленности усилий жилищной кооперации на возведение индивидуального жилища вполне понятны: официальная государственная жилищная политика направлена на возведение жилища для коллективного обитания, а жилищная кооперация вкладывает средства в возведение идеологически «чуждого», «мелкобуржуазного» типа жилища, рассчитанного на одну семью, обособленного, с прилегающим участком земли. Подобное не могло не беспокоить, не могло не возмущать тех, кто призван был воплощать партийно-государственные установки.

Власть отдавала себе отчет в том, что стихийное возникновение таких кооперативных поселений представляет прямую опасность для централизованно осуществляемых ею управленческих воздействий в сфере градоформирования, основанных на «единой планировочной конструкции» (так в этот период назывался генплан. – *М. М.*) населенных мест, потому что в это время уже оформлялись первые

концептуальные представления о том, какими должны быть рабочие поселки «особого социалистического» типа.

Они должны были основываться:

– в административно-организационном аспекте – на принципах трудобытовых коллективов (коммун);

– в территориальном – на дифференциации поселения на две части: а) производственную, где локализовались промышленные объекты; б) селитебную, где должны были проживать производственно-бытовые коллективы, обслуживавшие промышленные (транспортные, энергетические и пр.) предприятия;

– в управленческом – на членении селитебной территории города на административно-территориальные единицы, содержавшие фиксированное количество населения;

– в градостроительном – на объединении коммунального жилища (поскольку считалось, что данный тип расселения в несравненно большей степени, нежели индивидуальное жилище, соответствовал задачам повседневного контроля над людьми и территориального руководства ими) в единое планировочное целое в виде жилых комплексов-коммун, кварталов-коммун, селитебных районов.

Поселения, строившиеся жилищной кооперацией, мало походили на этот «идеал». А точнее, совершенно ему не соответствовали: жилые дома в них передавались членам кооператива в частную собственность, их заселение одной семьей приводило к возникновению права личного владения и распоряжения жилищем. Объекты «общественного обслуживания» в таких поселениях отсутствовали, а они не только обеспечивали удовлетворение части бытовых потребностей, но и выполняли важнейшую организационно-управленческую функцию – привязывали людей к местам обитания, так как ставили население в зависимость от административных органов, которые обеспечивали и контролировали нормированное распределение услуг[216]. Наличие прилегающего к частному дому земельного участка еще больше разрушало эту зависимость, так как позволяло людям в определенной мере самостоятельно обеспечивать себя пропитанием за счет возделывания клочка земли или разведения домашней скотины и птицы, что ослабляло их привязку к системе распределения продуктов и вещей, делало их до некоторой степени свободными от

подчиненности местному административно-территориальному руководству.

Подобное положение дел мешало органам осуществления государственной жилищной политики использовать жилище в качестве средства управления людьми – поощрять предоставлением жилья, наказывать принудительным выселением, осуществлять догляд и контроль благодаря «прозрачности» переуплотненного коммунального быта, вторгаться внешним нормирующим воздействием в пространство, традиционно являвшееся сферой личной жизни, и т. д. [217] Получалось, что индивидуальное жилище и персональный земельный участок разрушали организационный базис жилищной политики советской власти, которая основывалась на пространственном закреплении трудобытовых коллективов за счет создания коммунального жилища покомнатно-посемейного заселения, в сердцевине которой лежала управленческая стратегия использования жилища в качестве средства регулирования повседневного бытового и трудового поведения людей.

Власть не могла допустить в рамках единой планировочной структуры населенных мест никакой социально-культурной и территориально-управленческой автономизации отдельного человека или семьи, присущей кооперативным поселкам-садам с индивидуальным жилищем. Поэтому она противодействовала инициативам жилищной кооперации, которая в середине 1920-х гг. и в Москве, и в уездах возводила одноэтажные одно– или двухквартирные дома в основном для посемейного заселения: в одну квартиру – одна семья[218]. А когда кооперативные поселения-сады с индивидуальными жилыми домами все же появлялись, прилагала усилия к тому, чтобы «вернуть» их в рамки государственной жилищной политики – принуждала кооперацию заселять жилье (дом, квартиру), изначально предназначенное для одной семьи, двумя-тремя семьями, превращая возводимый жилой фонд в коммунальный[219].

Причины противодействия инициативам жилищной кооперации со стороны государственных органов, осуществлявших градостроительную политику, понятны. Непонятно другое: почему власть, борясь с жилищной кооперацией, в то же самое время сама – руками своих местных органов – проектировала и строила точно такие же, какие возводила кооперация, поселения-сады с индивидуальными

коттеджами. Например, в программе конкурса, объявленного научным бюро отдела градостроительства Петрогубсовкомхоза и проходившего в конце 1920 – середине 1921 г. в Петрограде, по составлению проектов планировки и застройки образцового «поселка-выставки» на территории Выборгского района, помимо указания на то, что основная масса «застройки поселка должна состоять главным образом из коллективных жилищ и домов-блоков», также предписывалось предусмотреть «некоторое количество индивидуальных жилищ, то есть отдельно стоящих особняков»[220].

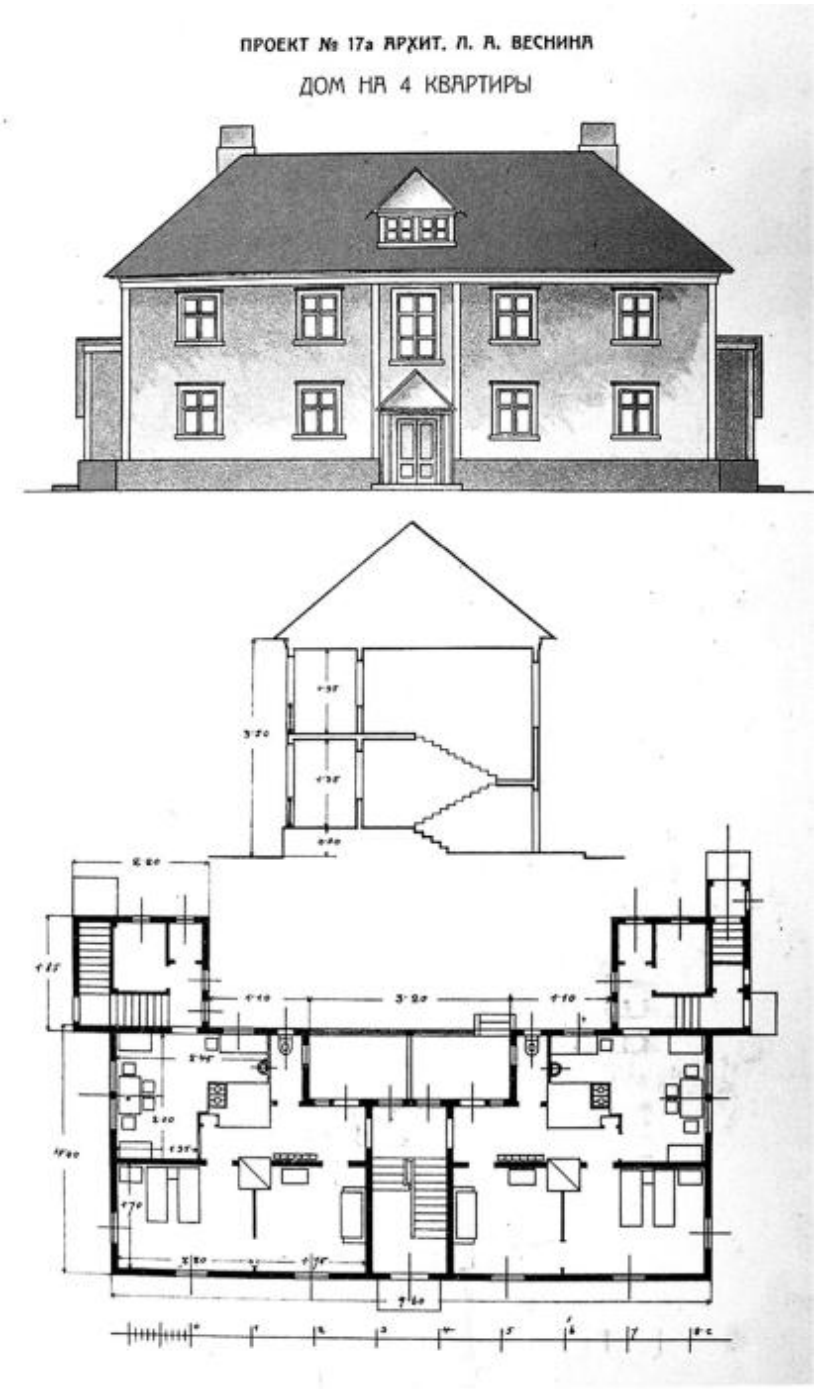

Рис. 57. Дом на 2 квартиры. Арх. Л. А. Веснин

Проектированием индивидуального жилища усадебного типа занимались наркоматы, которые, казалось бы, никак не могли нарушать партийно-правительственные установки и идеологические регулятивы. В этом отношении показательна типология жилых зданий, которая в 1921–1922 гг. была рекомендована Наркоматом труда (НКТ) к

возведению в рабочих поселках. Наркомат привлек к работе таких архитекторов, как Л. Веснин, Н. Колли, К. Грейнер, В. Кокорин, А. Иванов, Э. Норверт, С. Чернышев, гражданского инженера А. Иваницкого, санитарных врачей С. Гуревича, Я. Каца, Е. Виленц-Горовиц, и разработал целый альбом проектов, в числе которых, помимо прочих типов домостроений, были представлены различные варианты отдельно стоящих индивидуальных домов на 2–3 квартиры[221] (рис. 57–61).

Разгадка причины, по которой государственные органы осуществления градостроительной политики резко критиковали и законодательно ограничивали жилищную кооперацию в возведении ею индивидуального жилья, но в то же время сами широко проектировали и строили индивидуальное частное жилье коттеджного типа, заключается в том, что «частным» подобное жилище было лишь номинально, то есть лишь по названию.

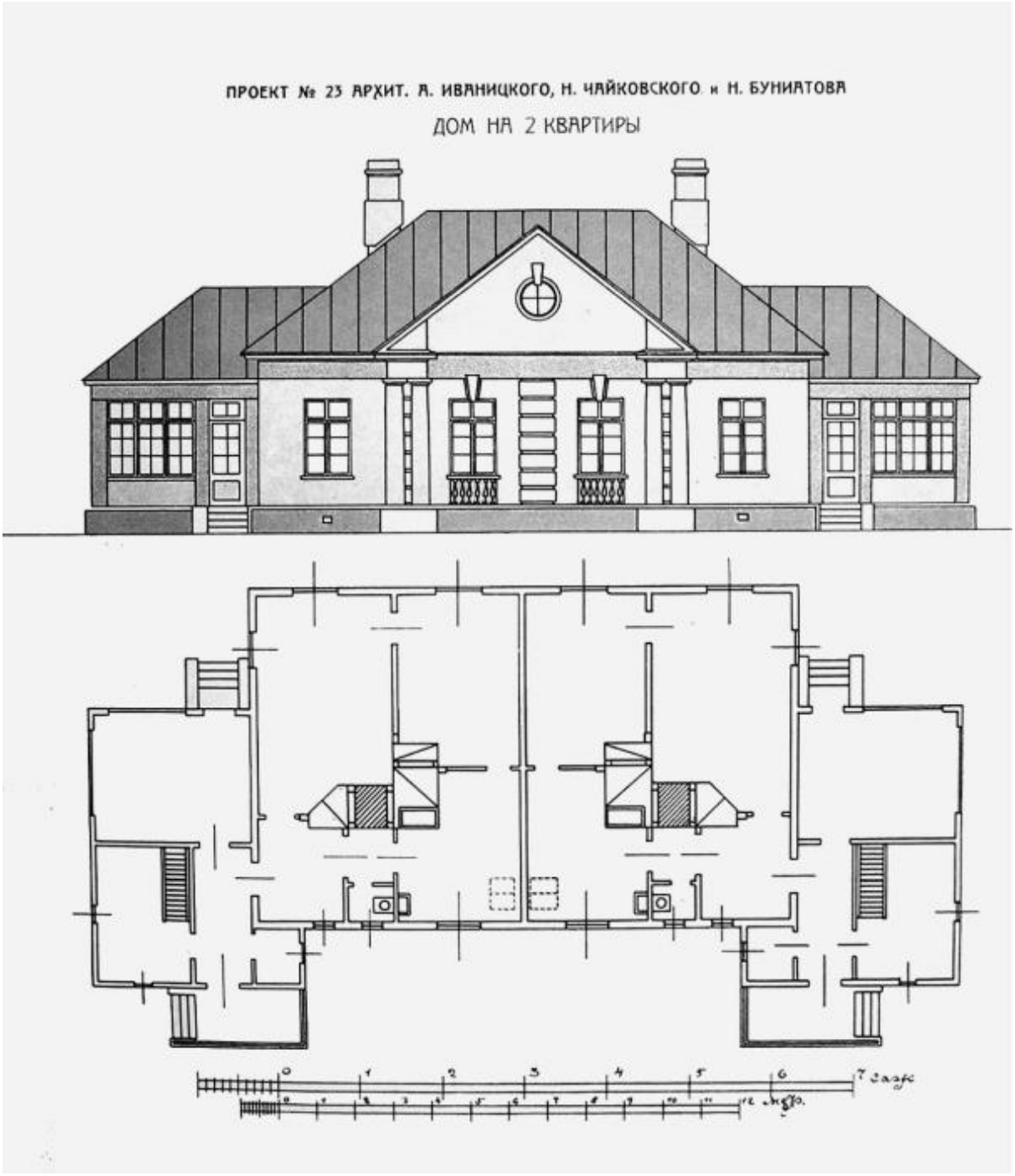

Рис. 58. Дом на 2 квартиры. Арх. А. Иваницкий, Н. Чайковский, Н. Буниатов

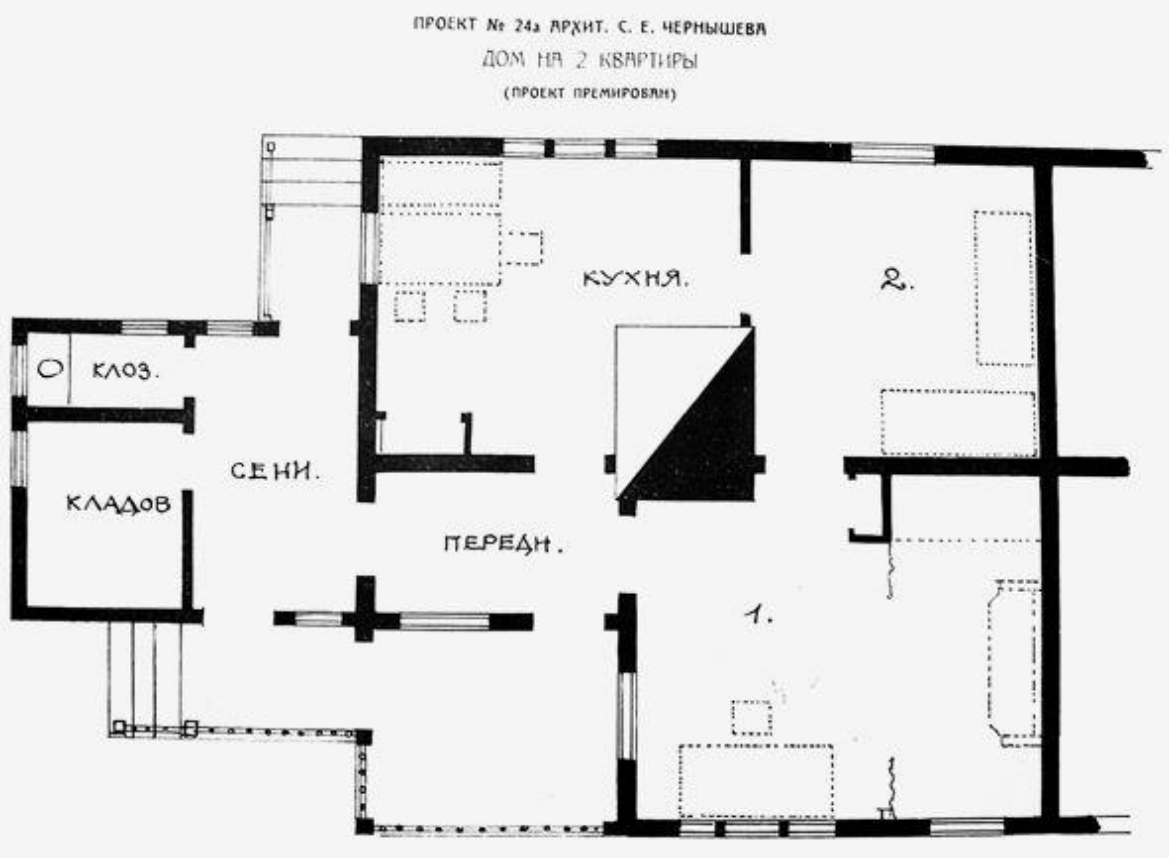

Рис. 59. Дом на 2 квартиры. Арх. С. Е. Чернышев

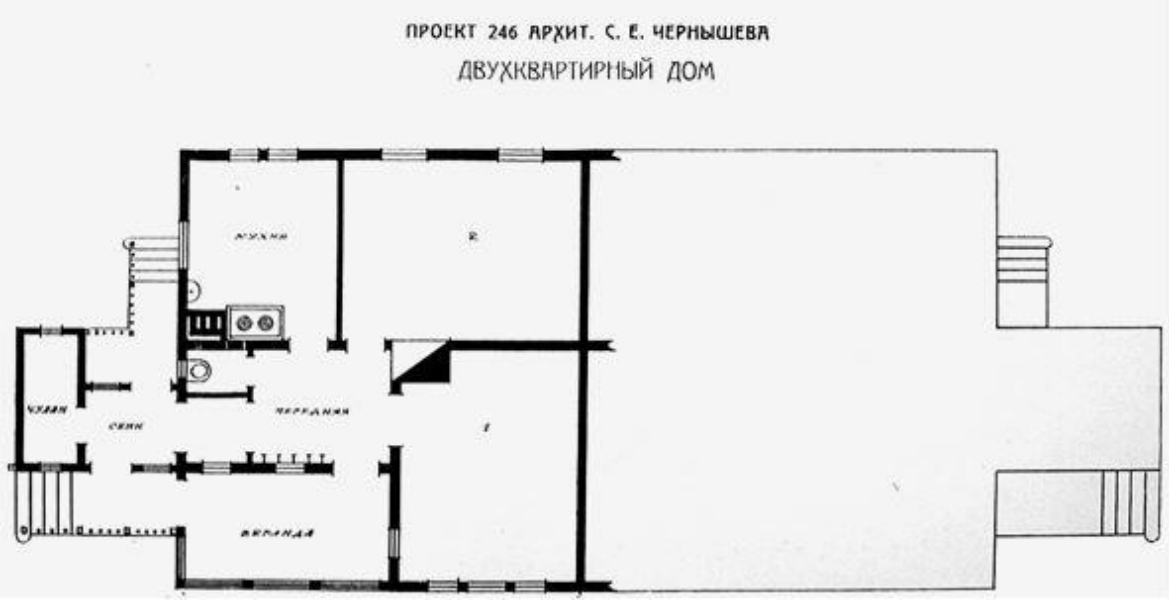

Рис. 60. Дом на 2 квартиры. Арх. С. Е. Чернышев

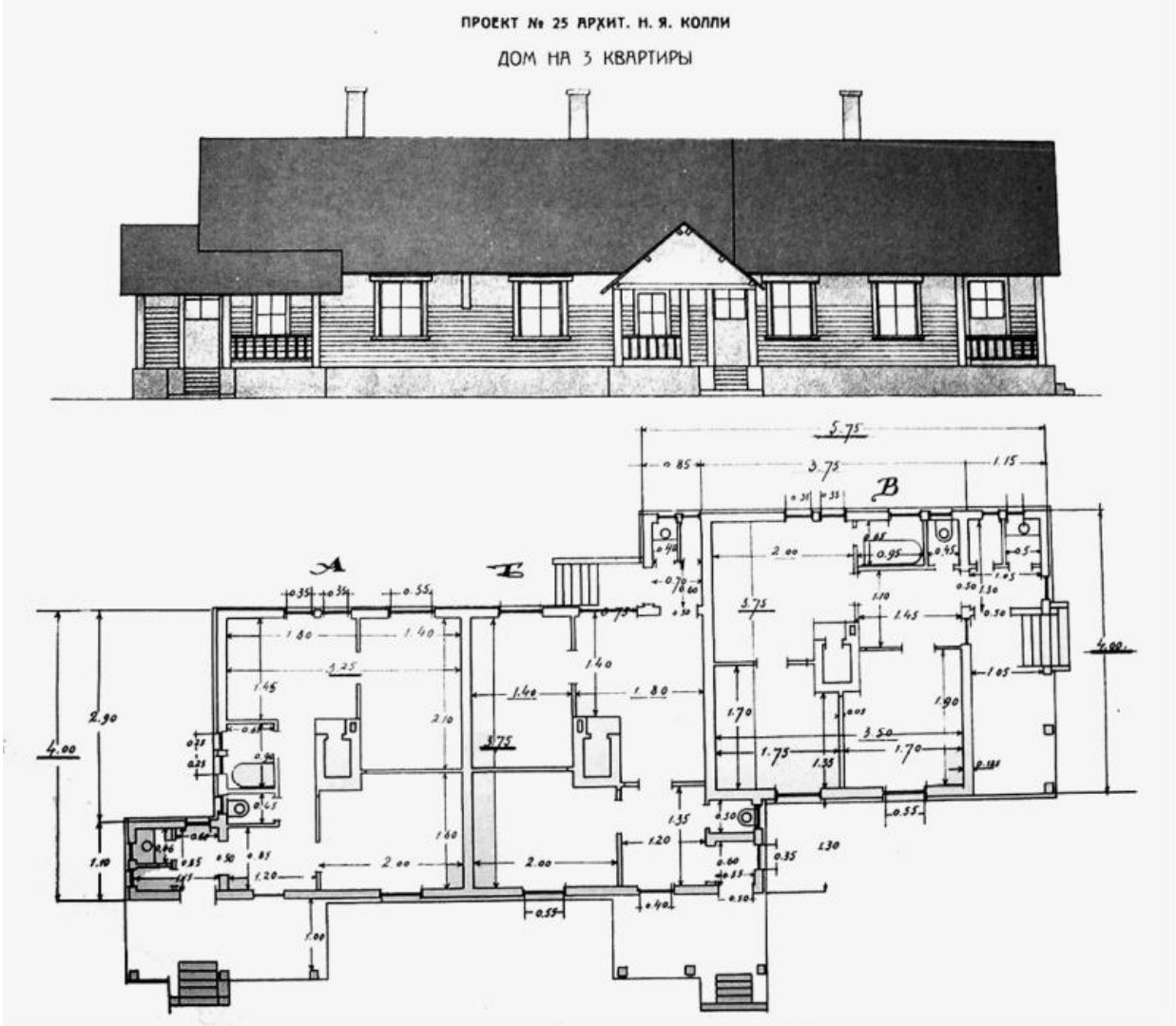

Рис. 61. Дом на 3 квартиры. Арх. Н. Я. Колли

Несмотря на внешнее сходство домостроений, возводимых государственно-ведомственными застройщиками, с одной стороны, и независимой жилищной кооперацией – с другой, они разительным образом отличались друг от друга. Прежде всего правом собственности. Никакой правовой основы личной собственности, личного владения и личного распоряжения жилищем и землей, на которой оно располагалось, за этим наименованием не стояло. Государство, в отличие от жилищной кооперации, возводило жилой фонд, который не переходил в собственность тех, кому потом разрешалось проживать в нем.

Подобное «частное» домовладение не давало вселенному в него лицу права собственности на недвижимость и землю. Гражданин,

обитавший в таком жилище, не имел права самовольно распорядиться им (продать, обменять, надстроить и т. д.). Напротив, он в любой момент мог быть выселен из жилища (в случае увольнения с работы или перехода на другую, судебного преследования и т. п.). И подчинялось такое коттеджное жилище тем же обязательствам, что и все прочие типы домовладений (то есть государственное, ведомственное): а) тарифам оплат за коммунальные услуги, назначаемым свыше; б) величине квартирной платы, устанавливаемой коммунальными органами; в) обязательным налоговым платежам; г) принудительным уплотнениям, подселениям дополнительных квартиросъемщиков; д) принудительным выселениям и пр.

Власть, не имея возможности контролировать деятельность жилищной кооперации, на протяжении всех 1920-х гг. предпринимала законодательные шаги по превращению ее в «ведомственную кооперацию»[222], то есть формировала соответствующее законодательство[223] и осуществляла комплекс практических мер к тому, чтобы жилищные кооперативы возникали не как свободное объединение людей, общим для которых было лишь отсутствие собственного жилища, а исключительно как объединения сотрудников одного трудового коллектива, общим для которых была подчиненность администрации фабрики, завода или советского учреждения, при котором создавался жилищно-строительный кооператив. Дирекция учреждения, в котором создавался жилищный кооператив, выступала ключевым соучастником осуществляемого жилищного строительства и получала в свои руки все рычаги управления и полный контроль над распределением жилья. Именовалось такое жилище «частным», однако по сути таковым абсолютно не являлось.

Осуществляя подобного рода «ведомственно-частно-кооперативное» строительство руками и деньгами членов жилищно-строительных кооперативных товариществ, власть получала в свои руки жилой фонд, который на самом деле (законодательно) являлся государственной собственностью. Именно поэтому «частное» строительство индивидуальных жилых домов в рамках государственно-ведомственного кооперативного движения не только не запрещалось, а, наоборот, приветствовалось. Власть допускала и поощряла возведение «частного» жилища законодательно, подталкивала людей к внесению личных средств в его строительство, при этом законодательно

формируя право распоряжаться им так же свободно, как и другими типами жилищно-домовой организации.

Вселения, выселения, переселения в частном жилище производились точно так же, как и в остальных видах домовладений. Не владелец частного дома решал, вселять ему в свой дом арендаторов (и на каких условиях), а власть – жильцы вселялись в частное жилище постановлениями жилищных и коммунальных отделов НКВД в количестве, определяемом этими же органами[224]. Не владелец частного дома определял, пускать или не пускать ему на временное пристанище в принадлежащие ему хозяйственные постройки (расположенные на территории частного домовладения) оставшихся без крова людей, а власть – специальными постановлениями она закрепила за собой право подвергать этих лиц принудительному выселению[225]. Не владелец определял, какую площадь будут занимать размещенные коммунальным отделом (против его воли) в его жилище люди, а власть – заселение осуществлялось по общегражданской жилищной норме, и при этом власть сама решала, предоставлять ли отдельным категориям жильцов дополнительную площадь (которую они получали фактически в чужом доме) или нет[226]. Не хозяин, а органы государственной власти решали, когда и кого следует выселить из данного строения – в постановлениях о выселении перечисляются категории лиц, подлежащих выселению в административном порядке, в том числе из частных домовладений.

Кроме того, власть облагала частно-владельческие дома такой же квартирной платой, что и муниципализированные и национализированные. Но, даже включая в квартплату стоимость эксплуатации, амортизации строений, погашения процентов на затраченный в строительстве капитал и пр., предлагала при этом ремонт и прочие работы по содержанию дома в нормальном состоянии осуществлять владельцам домов самим – за свой счет. Делалось это под угрозой изъятия плохо содержащихся строений[227], а законодательные основания подобной «муниципализации», зафиксированные в принятом еще 8 августа 1923 г. «Положении об управлении домами», продолжали действовать вплоть до начала первой пятилетки.

Власть руками ведомств сама возводила отдельно стоящие коттеджи усадебного типа (правда, в незначительных объемах), используя их для поощрения приближенных к себе: руководителей

советских строек, местного партийного и энкавэдэшного руководства и т. п. Однако свою официальную градостроительную политику основывала прежде всего на многоквартирном жилье коммунального заселения, строительство которого осуществляла силами ведомств, то есть через администрацию предприятий и учреждений. Она активно формировала ведомственный жилой фонд, предназначенный для расселения прежде всего промышленных рабочих и членов их семей, и поэтому законодательно предписывала местным советам «отводить государственным предприятиям под строительство рабочих жилищ… участки земли под застройку… на возможно близком расстоянии от соответствующих фабрик, заводов, мастерских и т. п.»[228]. Именно в этот тип жилищного строительства направлялись (и в рассматриваемый период, и в последующие годы) основные объемы финансовых средств, выделяемых государством на жилстроительство.

Противодействие инициативам жилищной кооперации со стороны органов, осуществлявших государственную градостроительную политику, возникало лишь в тех случаях, когда жилищный кооператив создавался независимо от администрации или когда его правление, используя имевшиеся лазейки в законодательстве, пыталось самостоятельно распоряжаться заселением возведенного жилья или, что еще хуже, передавало построенные домостроения жильцам на правах собственности. Последнее было особенно нетерпимо потому, что в этом случае жилище становилось основой независимости людей от воздействия на них государства. Поэтому органам власти приходилось постоянно укрощать самостоятельную жилищную кооперацию и идеологически, и политически, и организационно, и законодательно[229]. И хотя кооперативное жилище согласно принятым в начале 1920-х гг. декретам являлось обособленным видом собственности, которая не сводилась к государственной собственности, власть стремилась распоряжаться ею точно так же, как и всеми прочими видами: ведомственной, муниципальной – и постоянно корректировала под эту задачу существующее законодательство.

Организационно-управленческие и идеологические причины противостояния со стороны органов осуществления государственной градостроительной политики той строительной политике, которую проводила жилищная кооперация, заключались не в отрицании властью индивидуального жилища как такового[230], не в запрещении

живописной планировочной структуры поселения-сада, не в отказе от трактовки поселения как законченного планировочного целого, а в категорическом отрицании возможности персонального владения людьми собственным жилищем и приусадебным земельным участком.

Государственные органы противоборствовали не строительству поселков-садов и индивидуальных жилищ в них как таковому. Наоборот, власть была очень заинтересована в том, чтобы население, объединяемое в кооперативы, собственными усилиями и за свои деньги возводило новый и восстанавливало старый, стремительно разрушающийся жилой фонд. Она решительно выступала лишь против того, чтобы руководство жилищной кооперацией самостоятельно распоряжалось построенным жилым фондом – посемейно заселяло людей в обособленные, автономные домостроения.

Предоставление жилья в СССР являлось прерогативой исключительно государственных органов, а наделение кого-либо отдельным жилищем – серьезной мерой социального поощрения, практиковавшейся по отношению к лицам, особо отличившимся или приближенным к власти. На этом принципе была основана вся общегосударственная жилищная политика, на нем базировался механизм управления людьми – жилье предоставлялось лишь тем, кто трудился на фабриках, заводах и в советских учреждениях, а никак не безработным, частным кустарям, нэпманам, «социально чуждым» категориям граждан, мигрантам, не обретшим места работы в государственной системе труда. Исходя из этого принципа жилище на протяжении всего рассматриваемого периода использовалось как средство дисциплинарно-поведенческого воздействия на тех, кому оно предоставлялось[231].

Независимое от власти решение людьми жилищных проблем, самостоятельное объединение их для возведения персонального жилища на собственном клочке земли противоречило партийно-государственной установке на формирование социально однородных, зависимых, контролируемых, управляемых, прикрепленных к месту труда и месту жительства производительных единиц нового общества – трудобытовых коллективов[232], в которых за счет тесного переплетения трудовых и бытовых процессов должно было обеспечиваться взаимовлияние и взаимокорректировка норм бытового поведения людей и характера их отношения к труду. В этом и заключалось социально-

организационное содержание советской градостроительной политики изучаемого периода. Она и ее важнейшая составляющая – жилищная политика – были неразрывно связаны с общегосударственной административно-управленческой доктриной. В соответствии с этим и формулировались постулаты планировки советских рабочих поселков и типология жилища в них.

Итак, борьба органов, осуществлявших градостроительную политику, против возведения жилищной кооперацией поселков-садов, состоявших из индивидуальных домов, была направлена не против собственно планировочных особенностей города-сада, а против общественной природы его возникновения, против коллективного характера самоуправления и индивидуального права владения и распоряжения жилищем и придомовым участком. Это была борьба власти за возможность единолично распоряжаться любыми видами жилья, за контроль над его заселением, за возможность использовать его как средство формирования и управления трудобытовыми коллективами, за право централизованного руководства населенными местами.

Власть не имела ничего против поселка-сада, если с начала строительства и до момента заселения он целиком и полностью находился в ведении государственных органов, в распоряжении администрации советских учреждений и предприятий или «уполномоченных» ими профсоюзных или «общественных» структур. При этом условии она могла свободно распоряжаться жилым фондом, распределять его по своему усмотрению, заселять любой вид домостроений покомнатно-посемейно, превращать его в коммунальное жилище, формировать органы территориального руководства им и т. д.

Следует отметить, что высшая законодательная власть официально не запрещала строительство поселков по образцу говардовских городов-садов, но избегла упоминать об их истинном социально-инновационном содержании, игнорировала их, не описывала в учебной литературе. Города-сады никогда впрямую не упоминались в нормативных и методических документах, издававшихся в рассматриваемый период. В декретах и постановлениях речь шла исключительно о «рабочих поселках при промышленных предприятиях», «пригородных рабочих поселках», «советских рабочих поселках», но никогда – о «поселках-садах». При этом в специальной

научной литературе середины 1920-х гг., посвященной градостроительным вопросам и архитектурному проектированию, не охваченной тотально влиянием государственной идеологии и цензуры, этот термин использовался весьма широко: и отдельные авторы, и представители государственных строительных организаций изучали и описывали зарубежный опыт строительства рабочих поселков-садов. В том числе и критически. Так, Б. В. Сакулин – теоретик-градостроитель, занимавший позицию государственного управления территориями и с этой точки зрения категорически отрицавший идею города-сада, писал, что город-сад согласно идее Говарда – это враг существующему большому городу, он, как отшельник, бежит от него и культура такого города должна быть весьма невысока. Город-сад – это торжество власти на местах, кругозор города не дальше горизонта с его колокольни. Он вне государственности. По мнению Б. В. Сакулина, вопросы формирования инженерной инфраструктуры и транспортной системы в городах и между населенными пунктами (в частности, железнодорожные и водные станции, отдельные фрагменты дорожной сети и т. п.) ни в коем случае не должны были находиться в компетенции и практическом ведении местных органов самоуправления (тем более частных лиц или их объединений в виде «правлений» поселениями-садами). Транспортные структуры, инженерные сети, энергетические объекты, новую селитьбу и пр. следовало создавать по единому общегосударственному, строго продуманному свыше, единому для всей страны плану развития городов и территорий. Данная позиция предельно точно выражала официальную идеологию государственного управления территориями и отражала процессы, происходившие в рассматриваемый период в системе государственного руководства градоформированием, – процессы усиления диктатуры централизованной власти и ограничения самостоятельности Советов на местах.

Глава 3. Советская жилищная кооперация

3.1. Новая и «старая» жилищная кооперация

19 августа 1924 г. вышло в свет постановление ЦИК и СНК СССР «О жилищной кооперации»[233]. С этого момента советская историография начала исчислять официальную историю жилищной кооперации в СССР, замалчивая тот факт, что советская жилищная кооперация существовала задолго до этого. После Февральской революции дореволюционные жилищные товарищества продолжили свое функционирование на основе постановления Временного правительства от 20 марта 1917 г. «О кооперативных товариществах и их союзах»[234]. Не перестали они действовать и после Великой Октябрьской социалистической революции. Более того, после Октябрьской революции возникло много новых жилищных кооперативных товариществ, непроизвольно получивших от большевистской власти право на жизнь. Правда, советская власть этого вовсе не хотела и к этому совсем не стремилась. Но так получилось, что правовые условия для появления новых жилищных кооперативных товариществ случайно были созданы в рамках формировавшегося советского законодательства в отношении учреждения кооперативов совершенно иного рода – торгово-посреднических.

Именно вследствие принятия в 1918 г. двух постановлений: декрета ВСНХ «О порядке регистрации уставов кооперативных товариществ и их союзов»[235] и принятого через три месяца, 29 (16) мая 1918 г., почти одноименного постановления того же ВСНХ – «О регистрации уставов кооперативных товариществ и их союзов»[236] – и возникли законодательные возможности образования новых жилищных кооперативов. Эти правовые акты предписывали всем кооперативным товариществам и их союзам «…преобразоваться и зарегистрироваться в кооперативных отделах Советов народного хозяйства»[237]. В противном случае «… кооперативные товарищества и их объединения не будут признаны кооперативными организациями и лишены прав юридических лиц»[238]. Принятие этих постановлений давало законное право на жизнь тем жилищным кооперативным товариществам, которые продолжали существовать на тот момент, а также тем, которые начали учреждаться, поскольку наличие у населения дореволюционной

памяти об эффективности кооперативной формы самоорганизации для самостоятельного решения жилищных проблем подталкивало людей не только к перерегистрации старых, но и к созданию новых кооперативов, специализировавшихся на строительстве жилья[239].

Резкому расцвету жилищной кооперации в последующие годы способствовало введение новой экономической и новой жилищной политики. 8 августа 1921 г. «залповым» принятием четырех декретов: «О предоставлении кооперативным объединениям и отдельным гражданам права застройки городских участков»[240], «О пересмотре коммунальными отделами списков муниципализированных домов»[241], «О предоставлении собственникам немуниципализированных строений права возмездного отчуждения недвижимого имущества»[242], «Об управлении домами (положение)»[243] – в стране была введена новая жилищная политика (НЖП). А на следующий день, 9 августа 1921 г., декретом «Наказ СНК о проведении в жизнь новой экономической политики»[244] была принята НЭП.

Термин «новая жилищная политика» – это не современная выдумка. Это словосочетание было общеупотребимым и широко распространенным. Оно встречалось в заголовках статей[245], отчетах о деятельности государственных организаций[246], применялось в циркулярах НКВД[247], употреблялось в текстах статей в периодической печати. Причем не только в этот период, но и в последующие годы[248]. Именно этим словосочетанием именовался поворот на 180 градусов в политике партии и правительства в области жилищного и коммунального дела[249]. Власть провозгласила возвращение частного домовладельца, кардинально изменяя направленность той генеральной линии на всеобщее огосударствление жилого фонда, которая проводилась до этого момента. Однако, как показали последующие события, реального восстановления частной собственности на недвижимость и тем более на землю не произошло.

Действительно, в период НЭПа и НЖП советская власть усиленно создавала жилищные кооперативы, прежде всего в арендуемом людьми жилом фонде. Но не для того, чтобы превратить их в собственников жилья, а исключительно для того, чтобы возложить на их плечи лишь «хозяйственное попечение» о уже существующем и стремительно разрушающемся городском жилом фонде с целью поддержать его «в

исправном и годном для жилья состоянии»[250]. После того как 5 октября 1921 г. был утвержден Образцовый устав жилищного товарищества[251], в Москве, Петрограде и других крупных городах массово стали возникать так называемые жилищно-потребительские товарищества, занимавшиеся текущей эксплуатацией той части жилого фонда, в которой обитали их члены. А в 1922 г., после возвращения кооперативным организациям ранее отнятых (муниципализированных) строений[252], формирование жилищных товариществ приобрело массовый характер. Во второй половине 1922 г. в Москве их насчитывалось уже около 4 тыс., примерно столько же в Петрограде[253]. А на 1 марта 1923 г., по разным источникам, в Москве существовало уже почти в два раза больше – от 6300 до 8350 жилищно-потребительских товариществ[254].

В отличие от жилищно-потребительских кооперативных товариществ (они именовались также «жилищно-арендными кооперативными товариществами» – ЖАКТ), которые создавались в многоквартирном городском арендуемом жилище, возникла и особая разновидность товариществ, целью которых являлась не эксплуатация арендного жилья, а строительство нового жилого фонда. Они именовались «жилищно-строительными кооперативными товариществами» (ЖСКТ)[255]. Появились эти товарищества, как было отмечено выше, пользуясь лазейками в законодательных положениях декретов о потребительской кооперации. В планы советской власти существование этих кооперативов совершенно не входило.

Для того чтобы подчинить их деятельность общему строю формирующейся государственной градостроительной политики, власть использовала как в отношении уже существовавших, так и в отношении всех стихийно возникавших жилищно-строительных кооперативов эффективный организационный прием – «набрасывание организационной формы»: она принуждала все без исключения кооперативы к принятию выработанного госорганами однотипного устава. Подобное позволяло власти нормативно вводить деятельность жилищно-строительной кооперации в русло законодательного регулирования. 17 апреля 1923 г. Президиум Моссовета утвердил новый Образцовый устав жилищно-строительного кооперативного товарищества[256], который незамедлительно стал образцовым для провинциальных городов. Тем самым существование советской

жилищно-строительной кооперации было окончательно закреплено законодательно.

19 августа 1924 г. на государственном уровне было принято постановление «О жилищной кооперации», как бы заново «породившее» и так уже официально существовавшую жилищно-строительную кооперацию (успевшую даже пару раз заменить свои типовые уставы на предписываемые свыше новые – образцовые). Оно подстегнуло процесс формирования новых жилищно-строительных кооперативов (табл. 1).

Таблица 1. Рост числа жилищно-строительных кооперативов в Москве в 1924 г. (по данным журнала «Жилищное товарищество» [257] *)*

1.01. 1924	1.02. 1924	1.03. 1924	1.04. 1924	1.05. 1924	1.06. 1924	1.07. 1924	1.08. 1924	1.09. 1924	1.10. 1924	1.11. 1924	10.12. 1924
10	14	16	16	18	23	44	52	85	131	190	201

Однако, вводя новую жилищную политику, власть, несмотря на постоянные публичные декларации, вовсе не преследовала цели обеспечения населения жильем за счет предоставления режима максимального благоприятствования частным инициативам по его возведению. Государственная жилищная политика и в период, предшествовавший введению НЖП, и при ее объявлении, и в последующие годы рассматривалась как единый механизм, в котором все без исключения процессы, касавшиеся жилища: возведение, эксплуатация, распределение, перераспределение жилища; контроль, наказание и поощрение посредством жилища и др., – сосредотачивались исключительно в руках государства. Частному жилищу, персональному владению и распоряжению места в рамках этой политики не было.

Власть совершенно ясно осознавала возможную степень «размывания» своих организационных усилий по формированию и использованию жилища как средства управления людьми, самостоятельной и независимой деятельностью жилищно-строительных кооперативных товариществ, которые, давая людям

возможность обрести собственное жилье, невольно противодействовали целевой установке государства на сосредоточение в своих руках всех прав владения и распоряжения жилищем, на использование дефицита жилья как средства территориальной концентрации трудовых ресурсов и руководства ими. Бурно возникающие ЖСКТ (см. табл. 1) стремительно превращались в серьезное деструктивное начало в отношении государственной политики, в реальную угрозу государственным программам.

Правления ЖСКТ постоянно проявляли свое своеволие: они не спешили исполнять все новые и новые распоряжения свыше и вообще не слишком стремились быть послушным орудием в руках коммунальных отделов местных Советов – главных «субъектов» осуществления государственной политики на местах. Причина подобного «саботажа» в том, что в составе правлений жилищных товариществ значительную роль играли «бывшие», «социально чуждые» для новой власти люди. Они в силу своей образованности, правовой эрудиции, организационного опыта, а также привычки работать с бумагами и различного рода юридическими документами с первых дней возникновения жилищных кооперативных товариществ занимали влиятельное положение в их составе и, включаясь в состав руководящих органов товариществ, образовывали в их правлениях подавляющее большинство. По понятным причинам они были мало расположены к советской власти и всячески стремились уйти от исполнения распоряжений, казавшихся им неверными, ненужными, несправедливыми, непоследовательными. Такое положение дел постепенно приводило во все большее несоответствие их повседневную деятельность, с одной стороны, и организационно-управленческие усилия партийно-правительственных органов по централизации руководства советской жилищной кооперацией, с другой.

3.2. О чем во всеуслышание не говорилось

По официальной формулировке, зафиксированной в постановлении «О жилищной кооперации» от 19 августа 1924 г., жилищная кооперация создавалась «в целях борьбы с жилищным кризисом»[258]. Эта борьба предусматривала решение двух главных задач: а) ремонт и восстановление, а также поддержание в технически исправном состоянии существовавших домостроений («…содержать управляемые дома в надлежащем, годном для жилья состоянии, производить ремонт, принимать необходимые меры против разрушения, порчи, хищений, загрязнений, пожаров, замерзания труб и пр.»[259]); б) возведение новых домостроений. В соответствии с этим были законодательно образованы две разновидности жилищных кооперативов: 1) жилищно-арендные кооперативные товарищества (ЖАКТ); 2) жилищно-строительные кооперативные товарищества (ЖСКТ), которые, в свою очередь, подразделялись на рабочие (РЖСКТ) и общегражданские (ОЖСКТ)[260].

Принятием постановления «О жилищной кооперации» власть стремилась, не отменяя существовавшей жилищной кооперации, кардинально поменять ее содержание. Во-первых, за счет формирования системы новых кооперативов – изначально послушных и управляемых. А во-вторых, посредством реформирования старых – принуждая их к принятию спускаемых свыше новых уставов, изменявших прежние правовые положения их деятельности. Под предлогом принятия новых уставов власть планировала также «перетрясти» состав руководящих органов ЖАКТ и ЖСКТ и в конце концов превратить правления старых ЖСКТ в такие же подконтрольные и всецело управляемые, как те, которые создавались впервые.

Власть не особенно афишировала истинные цели создания новой жилищной кооперации взамен старой. Но особенно и не скрывала их, так как вынуждена была издавать указы и распоряжения, призванные ориентировать чиновников на местах на правильное понимание и точное исполнение государственной жилищной политики. Например, одной из основных целей создания заново жилищной кооперации было формирование новых составов правлений старых жилищных

товариществ с заменой «социально чуждых», плохо управляемых членов их правлений на «социально близких», классово сознательных, разделяющих политику советской власти и, как следствие, исполнительных. Эта цель открыто и непосредственно зафиксирована в циркуляре ГУКХ НКВД – главного «субъекта» осуществления жилищной политики в СССР. Этот циркуляр (№ 434) именовался «О содействии по организации жилищной кооперации»[261]. В нем указывалось: «…значительным недостатком существующих в настоящее время жилищных товариществ и им подобных объединений жильцов является их смешанный социальный состав, обуславливающий преобладающую роль буржуазных элементов в их правлениях…»[262]; «буржуазные элементы, составляющие повсеместно меньшинство жильцов, используют неорганизованность и пассивность остальных жильцов и приобретают решающее положение в делах жилтовариществ, захватывая в свои руки правления товариществ»[263].

ГУКХ НКВД провозглашало необходимость незамедлительного проведения кампании «орабочения» правлений жилищных товариществ, то есть «оздоровления» правлений существовавших жилищно-строительных товариществ за счет изменения состава их руководства в сторону «пролетарского элемента». Для этого ГУКХ НКВД предлагало вводить в руководство «свежие рабочие кадры» – создавать в правлениях кооперативов «рабочие группы» и «рабочие фракции» с целью ведения борьбы с правлениями в тех случаях, когда они занимали «политически неверную» позицию. Рабочие призывались к борьбе «за захват власти в правлениях»[264]. Кроме того, власть законодательно выставляла «социальные фильтры» для предотвращения дальнейшего попадания социально чуждых элементов в члены кооперативных товариществ. Подобные задачи широко обсуждались в этот период в центральной и периодической печати. Их же провозглашал в своих постановлениях и IV съезд заведующих коммунальными хозяйствами[265].

Принятие постановления «О жилищной кооперации» не только создавало законодательные основания для обеспечения преобладающего присутствия пролетарского элемента в составе жилищно-арендных и жилищно-строительных кооперативов, но и давало практические возможности для незамедлительного

осуществления передела состава их правлений в результате проведения проверки всех сотрудников органов «домового хозяйства» в отношении выявления социально чуждых элементов. В частности, в соответствии с ним в Петрограде в конце 1924 г. проходила «чистка управдомов»[266].

Кроме работы на низовом уровне, власть постоянно оптимизировала устройство системы вышестоящих органов управления и надзора над жилищно-строительной кооперацией – муниципальных, губернских, а также жилищных союзов различных уровней – районных, городских, областных и т. п. Каждый из этих союзов целенаправленно создавался при соответствующем отделе коммунального хозяйства (районном, городском, областном и т. п.) и был полностью подвластен и подчинен ему. Так, в Москве районные жилищные союзы формировались при городском отделе коммунального хозяйства (МКХ), действовали на основании устава, выработанного МКХ и утвержденного президиумом Московского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (МСРК и КД)[267], подчинялись МКХ и его органам и обязаны были соблюдать все распоряжения и постановления МКХ[268].

После выхода в свет постановления «О жилищной кооперации» началась не только реорганизация старых жилтовариществ, но и реформирование всей структуры руководства жилищной кооперацией. В частности, была осуществлена реорганизация районных союзов жилищных товариществ, действовавших до этих пор на основе старого устава, утвержденного еще в 1921 г.[269] В новом уставе союзов жилищных товариществ была предельно ясно и четко определена главная цель функционирования этих обновленных союзов: «Союз жилищных товариществ имеет целью объединение деятельности входящих в его состав жилищных товариществ для… согласования деятельности этих товариществ между собой и с работой жилищных органов и проведения в жизнь начал общегосударственной жилищной политики»[270].

Причем «участники» этого союза – ЖАКТ и ЖСКТ – были лишены права самостоятельного принятия решения о вступлении или невступлении в районные жилищные союзы; они были лишены возможности оценивать преимущества (или, наоборот, недостатки), которые давало им членство в районном жилищном союзе. У жилищных товариществ, ранее существовавших вполне независимо и

самостоятельно, никто не спрашивал об их желании или нежелании вхождения в подобный «союз». Вне зависимости от того, помогал ли районный орган руководству жилищного товарищества в осуществлении текущих хозяйственных и снабженческих мероприятий или нет, была ли практическая польза от членства в данном союзе или оно не сулило ничего хорошего, а лишь добавляло количество проверок и объемов текущей отчетности, товариществам предписывалось вступать в него: членство являлось обязательным[271].

Руководства «старых» жилищных товариществ, стремясь избежать ненужной им дополнительной вертикали подчинения, всякими силами оттягивали момент своего вступления в жилищные союзы. Так, например, Жилищный союз в Ленинграде давно уже был создан, а вступило в него к февралю 1925 г. всего лишь 50 % от числа зарегистрированных жилищных товариществ[272].

С момента выхода постановления от 19 августа 1924 г. власть безмерно благоволила к создаваемой ею новой жилищной кооперации, в особенности к рабочим жилищно-строительным кооперативным товариществам (РЖСКТ), потому что они создавались «…из числа «рабочих и служащих государственных предприятий»[273]. Власть благоволила к РЖСКТ прежде всего потому, что, в отличие от жилищных товариществ «старого» типа, подавляющее большинство их руководящего состава составляли «социально близкие». Это требование было прямым текстом зафиксировано в декрете «О жилищной кооперации»: РЖСКТ образуются при наличии всего лишь десяти желающих из числа «рабочих и служащих государственных предприятий»[274]. Причем в том случае, если три четверти членов РЖСКТ составляют рабочие и служащие (а также стандартный набор социально близких категорий населения – красноармейцы, пожарники, милиционеры, инвалиды и ветераны войны, прочие лица, состоящие на социальном обеспечении, и т. п.), власть постановлением ВЦИК и СНК от 16 мая 1924 г. предоставляет им льготы (в частности, по страхованию) – до 20 % скидки[275].

Несколько особняком в ряду новых жилищных кооперативных товариществ, созданных постановлением от 19 августа 1924 г., стоят Общегражданские жилищно-строительные кооперативные товарищества (ОЖСКТ). Они организуются в тех же целях, что и РЖСКТ[276], из граждан, достигших 18-летнего возраста (имеющих

имущественные права), а также «юридических лиц, в пределах предоставленных им прав»[277]. Однако ОЖСКТ в силу того, что не имеют преобладающего наличия в своем составе пролетарской массы, лишены льгот, предоставленных рабоче-строительной кооперации. При этом они все же «…являются одним из средств к изживанию жилищного кризиса» и поэтому заслуживают “внимания отделов местного хозяйства”»[278]. Если люди готовы безвозмездно вкладывать свои деньги, силы и время в строительство, ремонт и поддержание государственного жилого фонда, то почему бы им этого не позволить. Ослаблению жилищной проблемы это, безусловно, поспособствует.

Благоволение власти к РЖСКТ объясняется тем, что они изначально создаются как органы пусть и невольного, но активного проведения государственной жилищной политики. И в этом заключено коренное отличие роли и функций новой жилищной кооперации от старой. Если старые жилищные товарищества возникали прежде всего в целях улучшения жилищных условий своих членов, то новые изначально создаются как «подсобный аппарат» государственной (местной и центральной) власти[279]. Это предполагает неуклонное исполнение вменяемых им задач по: а) регистрации населения; б) содействию органам ЗАГСа; в) участию в актах дознания, обыска и пр.; г) содействию охране публичной безопасности; д) содействию военным комиссариатам в учете лиц, подлежащих призыву, е) учету неграмотных допризывников; ж) содействию органам Наркомтруда в удостоверении факта безработности и степени нуждаемости безработных; и) приему и вручению от судебных, административных, финансовых органов всякого рода повесток, пакетов, объявлений и т. д. [280]

Если жилищные товарищества «старой закваски» согласны реорганизоваться и активно включиться в исполнение этих задач, власть готова принять их в ряды новой жилищной кооперации. Если нет, то к ним применяется комплекс принудительных мер по превращению их в «послушных», беспрекословно исполняющих распоряжения и команды свыше.

К новой жилищно-строительной кооперации власть расположена еще и потому, что жилищные товарищества создаются исключительно по производственному принципу, то есть в соответствии с идеей трудобытовых коллективов: члены одного трудового коллектива

вступают по месту работы в один жилищный кооператив и впоследствии поселяются и живут вместе в одном кооперативном доме. В полном соответствии с этим принципом и проектируются кооперативные дома. Так, например, согласно этой установке был спроектирован, а затем в 1925 г. возведен и заселен в Москве дом Кожсиндиката (арх. А. Голубев). В нем на трех первых этажах располагались конторские помещения, а на четырех верхних – квартиры служащих синдиката[281].

РЖСКТ рассматриваются властью в роли дополнительного средства «переработки человеческого материала в соответствии с требованиями эпохи» – преобразования класса мелкой буржуазии в рабочих и служащих за счет включения ее в коллективную трудовую деятельность и бытовое сосуществование в коммунальном жилище: «… необходимо ставить буржуазных специалистов в обстановку товарищеского общего труда, рука об руку с массой рядовых рабочих, руководимых сознательными коммунистами…»[282] РЖСКТ являются еще одной организационной формой, в рамках которой обязательной и неизбежной для мелкобуржуазной интеллигенции и мигрантов из деревни является адаптация к внутриколлективным межличностным отношениям в среде рабочих и госслужащих, принятию писаных и неписаных правил поведения в быту, к отделению молодежи от старшего поколения и побуждению в ней стремления разделить с властью ее идеалы, цели и пр. Власть в полном соответствии со своей стратегией использования жилища как средства принуждения предлагает социально чуждым элементам осуществить добровольно-принудительный выбор – или принять вменяемые им нормы социального поведения и действия, или оказаться на улице, потеряв право пребывать в помещениях, принадлежащих жилищной кооперации.

Власть сознательно отделяет старые жилищные товарищества (имеющие в своем составе представителей буржуазии) от новых (РЖСКТ): новое положение о жилищно-арендных кооперативных товариществах и рабочих жилищно-строительных кооперативных товариществах устраняет нетрудовой элемент из состава этих товариществ, превращая их исключительно в организации трудящихся: «…В связи с вышеизложенным отделам местного хозяйства надлежит: 1) провести широкую кампанию по организации новых жилищно-

арендных кооперативных товариществ и реорганизации существующих на началах, определяемых новым положением о жилищной кооперации…»[283]

Власть не ликвидирует старые жилищные товарищества (зачем разрушать функционирующую систему?) – она постепенно заменяет элементы этой системы, замещая их новыми. Причем делает это таким образом, каким осуществляла подобное во всех тех случаях, когда хотела придать своему организационному воздействию вид, не привлекающий слишком большого общественного внимания, когда стремилась получить результат не за счет задействования административного ресурса, а чужими руками: власть подталкивает на создание новых и реорганизацию старых кооперативных товариществ «широкие народные массы».

Во-первых, за счет пропаганды и агитации нового жилищного кооперативного движения и призывов к активному вхождению в него трудящихся. Статьи в периодической печали, выходящие в конце 1924 – начале 1925 г., разъясняют необходимость реорганизации жилищных товариществ на новых условиях и призывают создать «общественные организации, способные нести ответственность за свои действия, имеющие устойчивость в своем устройстве и, как следствие, хозяйственную самостоятельность». Здесь же для широкого ознакомления публикуются образцы уставов ЖАКТ и РЖСКТ[284].

Во-вторых, за счет предоставления возникающим РЖСКТ широкого спектра льгот[285].

В-третьих, за счет создания для старых кооперативов режима максимального неблагоприятствования.

В-четвертых, за счет активизации вовлечения «сознательных членов кооперативов», представителей пролетариата в работу по «очистке» его от «вредных элементов». В частности, во исполнение этой установки руководство жилищной кооперации в лице жилсоюзов (полностью подчиненных власти) осуществляет планомерное введение в состав переизбираемых правлений старых жилищных товариществ (а также впервые формируемых правлений новых жилищно-арендных кооперативных товариществ) членов партии, которым настоятельно рекомендуется незамедлительно создавать из числа кооператоров-коммунистов коммунистические фракции, чтобы контролировать деятельность правлений и ревизионных комиссий в отношении того,

насколько последовательно они воплощают политику партии и правительства[286], а также для того, чтобы с их помощью, когда понадобится, «брать руководство кооперативами в свои руки»[287].

Власть, реформируя всю советскую жилищную кооперацию, действует параллельно по двум направлениям: а) ущемляет старые жилищные товарищества в их прежнем виде; б) поощряет их к реорганизации – к переходу на новый устав и к изгнанию из своих рядов «социально чуждых». В случае успешной реорганизации жилищные кооперативы, состоящие теперь из «социально близких», получают льготы по страхованию[288]; условиям аренды[289]; банковским и товарным кредитам[290]. Кроме того, рабочие жилищные кооперативы освобождаются от промыслового и подоходно-поимущественного налога[291]; земля под строительство рабочим жилищным кооперативам отводится на льготных условиях; строительные участки освобождаются от уплаты основной и дополнительной земельной ренты[292]. Также на льготных началах и на условиях долгосрочных ссуд отпускается лес, необходимый для строительства и оборудования жилищ[293]; по льготным ценам и на началах долгосрочного кредита местными Советами передаются рабочим жилищным кооперативам неиспользуемые строения (в частности, необитаемые дома)[294]; сделки, заключаемые рабочими жилищными кооперативами, освобождаются от нотариального и гербового сборов; устанавливается льготный тариф на перевозку материалов для постройки и оборудования[295] и пр. Особенно важно, что РЖСКТ предоставляется преимущественное право застройки в городах, а также аренды земельных участков вне городской черты[296].

Власть оказывает максимальный протекционизм новым жилищным кооперативам и их членам. Так, уже через две недели после создания новой жилищной кооперации власть отмечает ее льготой, которой до этого момента не была удостоена ни одна из существовавших категорий домовладений. Постановлением СНК от 2 сентября 1924 г. «О мероприятиях по проведению в жизнь постановления ЦИК и СНК СССР от 19 августа 1924 г. о жилищной кооперации» новые жилищно-кооперативные товарищества (ЖАКТ, РЖСКТ, ОЖСКТ) освобождаются от обязанности отчислять в коммунальный фонд 10 % жилой площади[297] (а старые продолжают

облагаться[298]). Такой привилегией не были одарены даже «частные» дома: их владельцы по-прежнему обязаны передавать под муниципальное заселение 10 % своей жилплощади.

И наконец, власть решается на почти невероятный шаг в условиях острейшего жилищного кризиса: она позволяет губернским и областным исполкомам увеличивать для рабочих жилищных кооперативов нормы пользования жилой площадью[299].

Власть благоволит к новой жилищно-строительной кооперации, потому что та выполняет две очень важные задачи.

Во-первых, стимулирует ненормированный добровольный безвозмездный труд по формированию жилого фонда. Как следствие, установка на активное привлечение материальных средств и труда самого населения к жилищному строительству превращается в этот период в официальную стратегию, программную установку. И хотя пропаганда постоянно трубит о «бесплатном жилище, которое в Советской России свободно предоставляется всем трудящимся», однако в реальности финансовое бремя обретения трудящимися крыши над головой все в большей степени перекладывает на их собственные плечи. Так, в резолюции XIII Съезда РКП (б) «О кооперации» от 31 мая 1924 г. прямо указывается: «Важнейшим вопросом материального быта рабочих все больше становится жилищный вопрос, который не может быть разрешен только одними государственными мерами и помощью, а и самодеятельностью самого населения и с его материальным участием. Наилучшей формой такой самодеятельности в изживании жилищной нужды трудящихся является жилищная кооперация…». Постоянной рубрикой в журналах этого периода становится «Применение личного труда в жилищно-строительных кооперативах», в которой разъясняется, как своими руками красить, белить, шпатлевать, штукатурить, ремонтировать крыши, окна, двери, балки, канализацию, водопровод, полы, потолки, как утеплять и отогревать замерзшие водопроводные трубы, как бороться с домовым грибком и пр.

Во-вторых, извлекает у населения денежные накопления и направляет их на возведение нового жилого фонда, в некоторой мере ослабляющего жилищный кризис – фонда, которым в конечном счете власть распоряжается так, как будто он является государственной собственностью. Построенная строительными кооперативами жилплощадь, хоть и именуется «частной», фактически подчиняется

всем тем же законодательным положениям и распоряжениям, что и ведомственная, – уплотнениям, подселениям, переселениям, принуждению к коммунальному заселению, оплате коммунальных услуг[300] и т. п. Власть распоряжается индивидуальным жилищем так же свободно, как и всем прочим[301]. Причем без всяких ограничений на то, что данный вид домовладений находится в частной, а не государственной собственности[302]. А в случаях нужды власть даже изымает жилую площадь у частных собственников. Например, целая череда постановлений содержит одну и ту же формулировку: «Разрешить… производить изъятие 20 % жилой площади в частновладельческих (демуниципализированных и немуниципализированных) домах, где это изъятие может дать отдельное помещение…»[303].

В той мере, в коей возникшая в период НЭПа жилищно-строительная кооперация успешно справляется с двумя этими задачами, – она любима властью. В той степени, в которой она пытается высвободиться из-под подчинения органам власти, демонстрирует независимость, принимая самостоятельные решения, осуществляя собственные строительные и хозяйственные программы, она оказывается нежелательной и даже вредной и именно поэтому переформатируется в вид РЖСКТ, подчиненных администрации предприятий, при которых эти жилищные товарищества создаются.

Власть допускала частное строительство потому, что рассматривала его как временную вынужденную меру. Потому, что использовала его как своеобразный резерв жилой площади – когда жилищная обстановка становилась катастрофичной, власть использовала частный жилой фонд точно так же, как и государственный, несмотря на то что частные дома должны были, по самому понятию «частного», быть независимыми в отношении распоряжения и хозяйственного ведения жилищем ни от кого, кроме самого владельца.

Но советская жилищная политика отвергла все принятые в буржуазном праве (и просто вытекающие из здравого смысла) представления о частной собственности, а «частное» владение жилищем превратила в явление, существующее во многом лишь на бумаге. В реальности не владелец, а именно власть определяла формы

эксплуатации жилища и характер распоряжения этим видом собственности.

По мере осуществления всего комплекса мероприятий по проведению в жизнь положений постановления ЦИК и СНК СССР от 19 августа 1924 г. «О жилищной кооперации» жилищно-строительные кооперативы все в большей степени преобразовывались из независимых в полностью контролируемые властью. С их помощью власть и «изживала» основную «родовую травму» города-сада – индивидуальное жилище, возводя исключительно коммунальные дома покомнатно-посемейного заселения. Новая советская жилищно-строительная кооперация к началу первой пятилетки из самостоятельной, самоорганизующейся, самодеятельной структуры окончательно превратилась в один из органов осуществления советской государственной градостроительной и жилищной политики, в рамках которых идея города-сада целенаправленно трансформировалась в совершенно иную доктрину – советского рабочего поселка[304].

3.3. Кооперация строит

Постановление ЦИК И СНК СССР «О жилищной кооперации» от 19 августа 1924 г. представляло собой очередную попытку власти ослабить с каждым годом все более обостряющийся жилищный кризис за счет финансовых средств и трудовых усилий самого населения[305]. Это постановление действительно инициировало вспышку активности жилищных кооперативов по проектированию и строительству именно поселков-садов: в середине 1920-х гг., разрешая возводить кооперативное жилище, власть еще не диктовала жилищной кооперации никаких конкретных требований в отношении поселений – не предписывала никакой конкретной формы планировки, не требовала возведения какого-либо определенного типа жилья. При этом дореволюционный российский опыт возведения кооперативных поселений имел фактически лишь один-единственный яркий и убедительный позитивный пример – поселения-сады.

Тотчас же после выхода постановления, а в следующем, 1925 г. особенно интенсивно, земельные органы в условиях отсутствия каких бы то ни было регулятивных указаний свыше в отношении землеотводов стали массово и достаточно бессистемно выделять жилищно-строительным кооперативным товариществам земельные участки под возведение поселений. Начиная с середины 1920-х гг. жилищная кооперация все более и более активно проектирует и строит кооперативные поселения-*сады*: поселок Дружба[306], поселок Орехово-Зуевского рабочего жилищно-строительного кооперативного товарищества с 2-квартирными (2 дома), 4-квартирными термолитовыми (24) и деревянными (7) домами[307]; Серебряный Бор – поселок жилищно-строительного кооператива при Всероссийской ассоциации инженеров (ВАИ)[308], запланированный к строительству в этот период; рабочий кооперативный поселок-сад реутовской прядильной фабрики «Красный Реутовец», рассчитанный на 1000 домиков на одну-две семьи[309] и т. д.

Поселки ЖСКТ возникали преимущественно как обособленные автономные жилые пригородные образования с индивидуальной малоэтажной жилой застройкой, практически без какой-либо связи с

существовавшими городами и без всякого учета их влияния на общую планировку населенных мест в будущем – вплотную к городской черте, без расчета на возможное превращение их в крупные жилые массивы и т. п. Подобное положение было вполне закономерным, поскольку эти проблемы попросту не интересовали правления ЖСКТ, так как лежали за пределами их компетенции (жилые кооперативы не «отвечали» за город в целом) и не относились к их текущим задачам (руководство ЖСКТ было нацелено на обеспечение жилищем только своих членов). Кроме того, эти проблемы казались бессмысленными: ЖСКТ возводили поселения не для того, чтобы в будущем заменять жилье на какое-то иное, они строили жилые дома, чтобы их владельцы обитали в них долгие годы, а затем передавали их своим наследникам, поэтому вопросы будущей перестройки поселений из-за расширения границ близлежащего города, учет возможных перспектив превращения малоэтажной застройки кооперативных поселков в многоэтажные крупные жилые массивы их абсолютно не интересовали.

А муниципальные органы, осуществлявшие землеотводы, были не в состоянии учитывать перспективы развития городов, так как в этот период не располагали ни разработанными перспективными планами (схемами) роста поселений, ни даже точными топографическими съемками существующей застройки. Количество «прирезанных» к городу, но планировочно независимых от него, обособленно существовавших поселений жилищной кооперации, проектировавшихся и возводившихся в течение 1920-х гг., как следствие, оказывалось довольно значительным. Например, в 1924 г. был утвержден устав кооперативного товарищества, именуемого «Поселок-сад», для строительства в окрестностях Киева сразу нескольких поселений-садов с «благоустроенными и здоровыми жилищами, а также содействия их материальному и духовному благосостоянию»[310]. В том же году был спроектирован рабочий поселок-сад при фабрике «Пролетарка» на окраине Твери[311]. В 1925 г. по принципам города-сада в сосновом бору, за железнодорожной линией, недалеко от главного вокзала станции Свердловск был разбит участок под строительство поселка жилищного кооператива «Пионер». В том же году было организовано жилищно-строительное товарищество для постройки города-сада на границе Севастополя[312]. В течение 1926 г. в Московской губернии лишь одной проектной

организацией – Секцией уездно-городской планировки МКХ – осуществлялись просмотр и корректура 15 проектов поселков жилкооперации, размещавшихся в окрестностях Москвы и близлежащих городов: «Красный Октябрь» (Раменское), «Лось», «Лосиная заимка», «Красный Казанец» (пос. Вешняки), «Пролетарий» (Мытищи), «Коопжилстройтранс Октябрьской ж. д.» (ст. Ховрино), «Красный суконщик» (Щелково), «Воронок» (Щелково), «Красный суконщик» (Пушкино), т-во «Пролетарий» (пос. Тайнинка), «Ивановское» (Подольск), «Стачка» (Воскресенск)[313], «Озеры» (рис. 62), «Лосиноостровская»[314] (рис. 63) и др. В 1927 г. на просмотр и корректуру был представлен уже 21 проект[315].

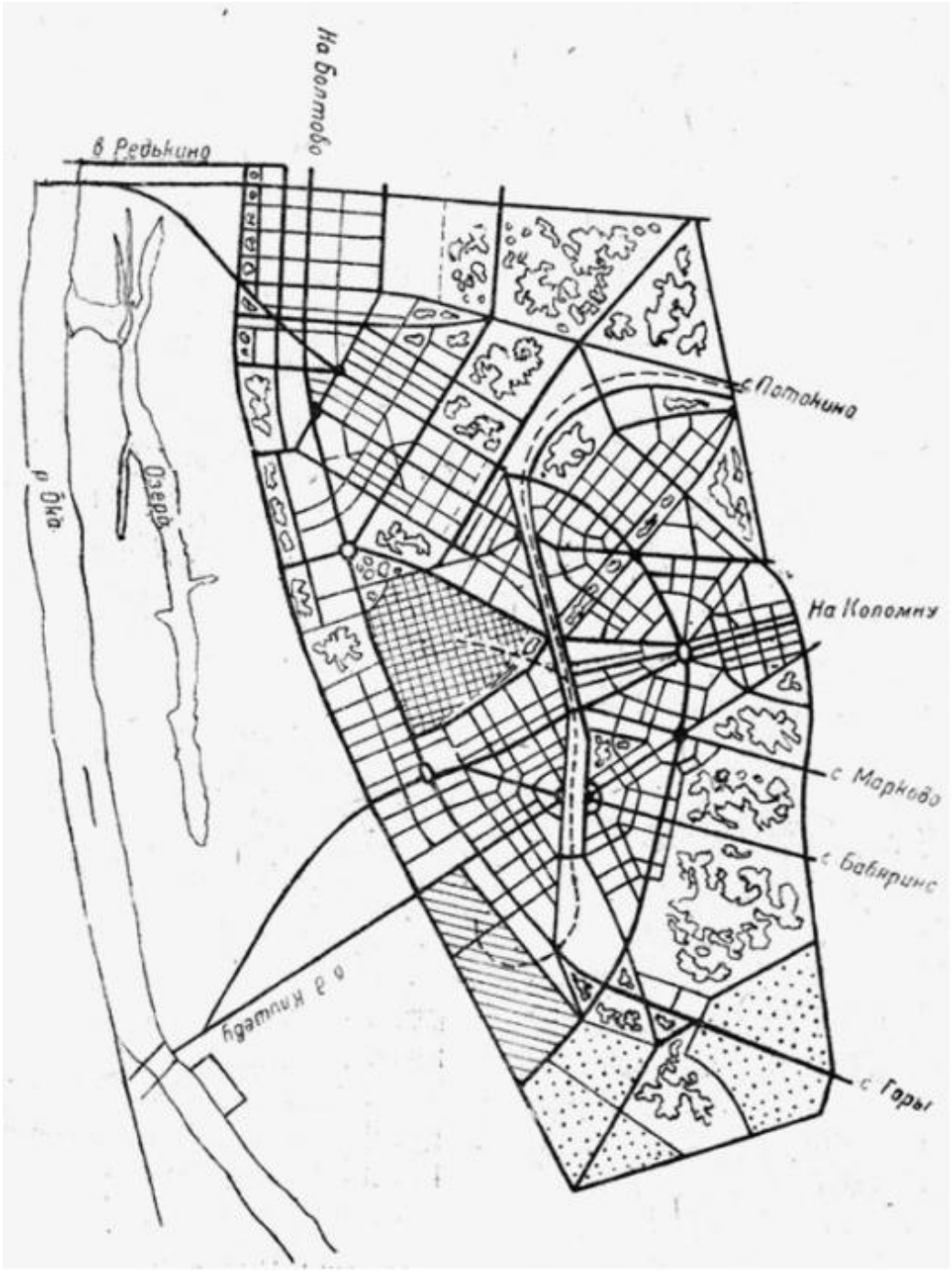

Рис. 62. Рабочий поселок Озеры. Схема планировки. 1929

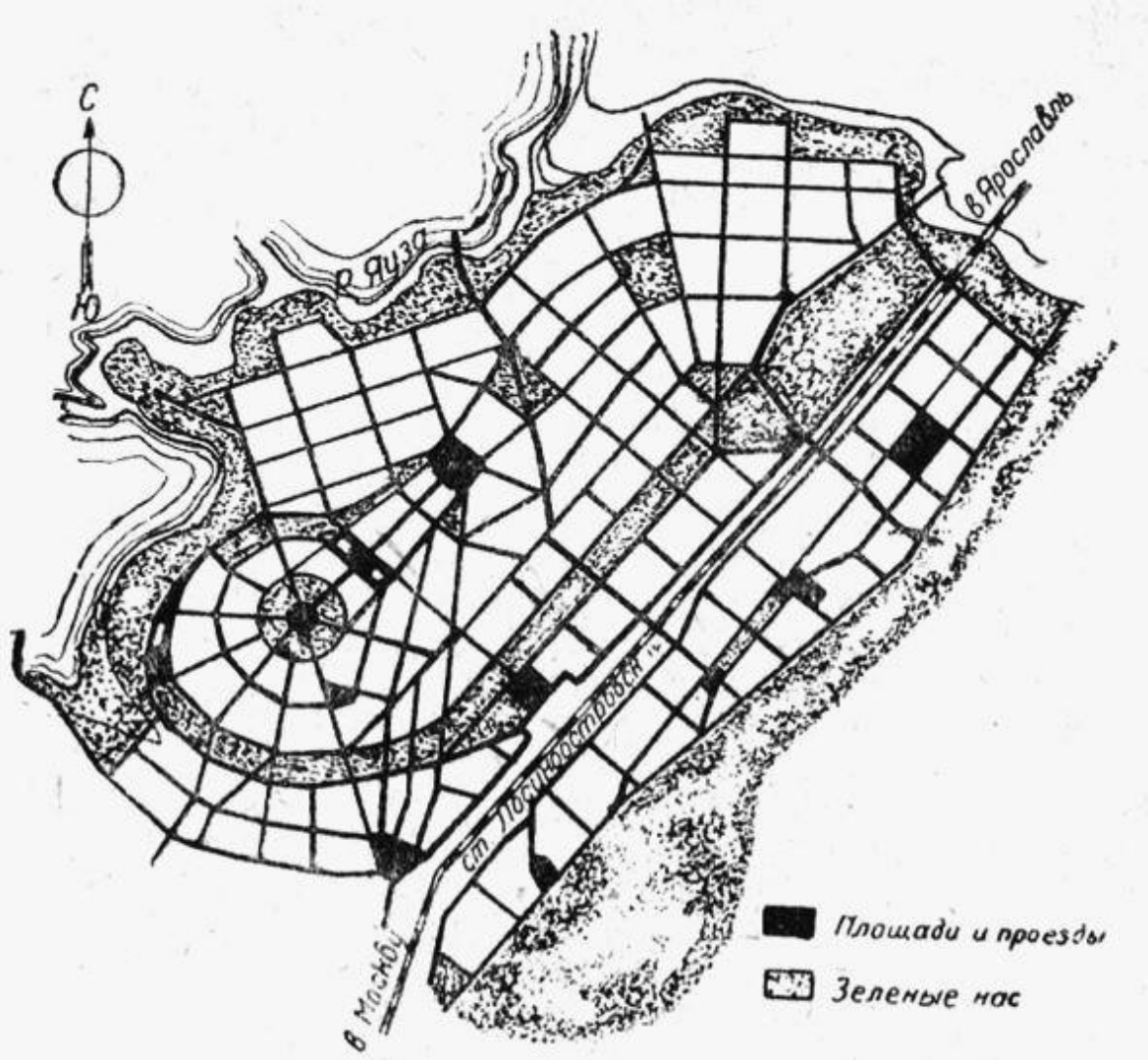

Рис. 63. Город Лосиноостровская. Схема планировки. 1927

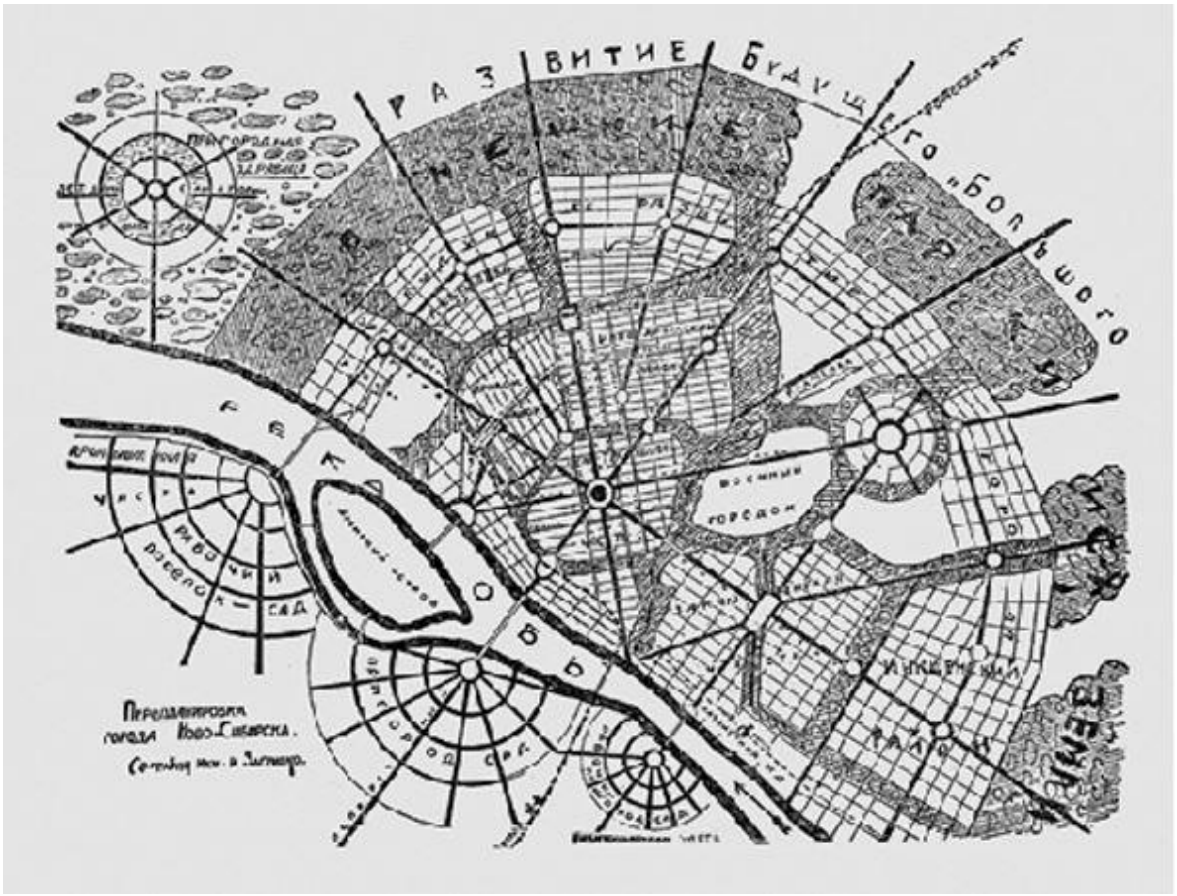

Рис. 64. Большой Новосибирск. Схема перепланировки по принципу города-сада. Арх. И. И. Загривко. 1925

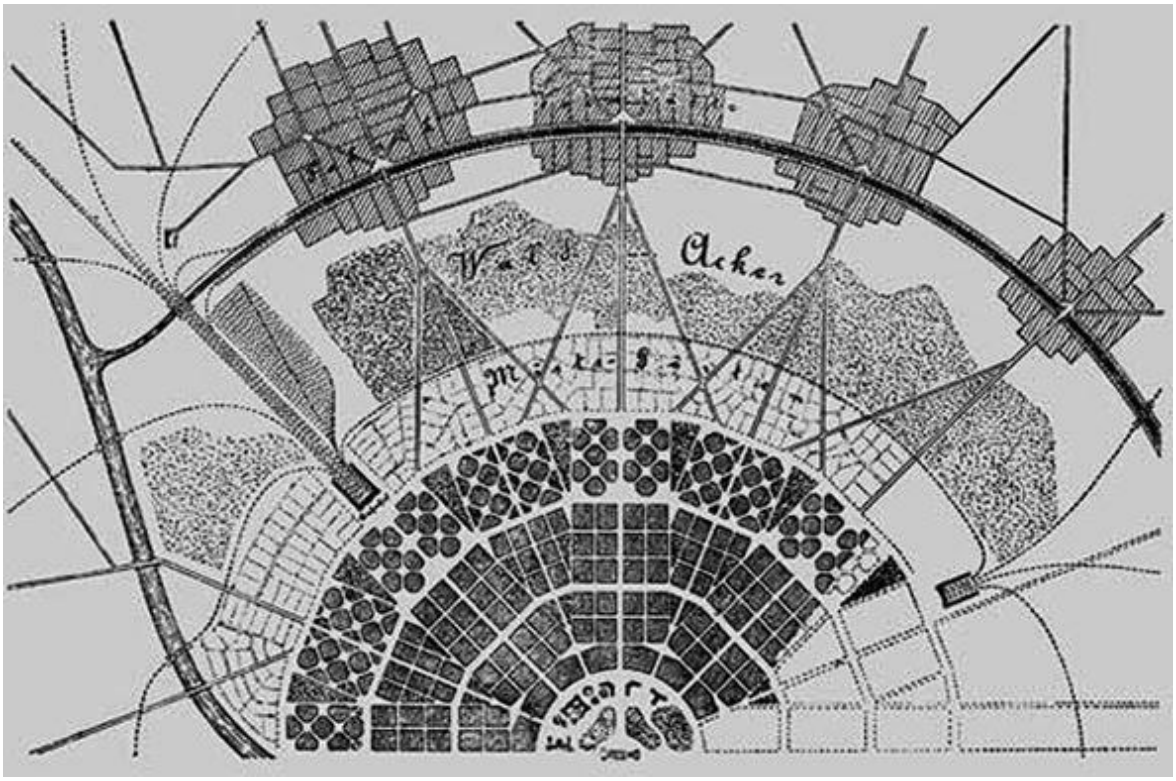

Рис. 65. Схема «Города будущего». Арх. Т. Фритч. 1896

Следует отметить, что в середине 1920-х гг. на принципах города-сада основывались также и проекты перепланировки существовавших городов, в частности проект Большого Новосибирска (арх. И. И. Загривко, 1925 г.) (рис. 64). Он, как и некоторые дореволюционные проекты российских поселений-садов, оказался несвободным от формального копирования структурно-смысловых схем Э. Говарда и, пожалуй, еще в большей степени схем германского архитектора Т. Фритча (рис. 65).

Глава 4. Государственная градостроительная политика в канун первой пятилетки

4.1. Селитьба при производстве

Советская градостроительная политика основывалась на той особой роли, которая в рамках советской идеологии была присвоена промышленному предприятию. При принятии решения о возведении нового рабочего поселка именно наличие производства, на котором будет задействовано население, являлось ключевым фактором. Общегосударственное распределение финансов на возведение селитьбы осуществлялось прежде всего по линии ведомств, для которых приоритетной задачей было промышленно-производственное, транспортное, энергетическое и прочее строительство: ВСНХ, НКТП, а также НКВМД. Каждая новая фабрика, завод, электростанция, железнодорожный узел, речной порт, ремонтные мастерские, возводимые, реконструируемые или расширяющиеся, выступали поводом для расширения существующей селитьбы или строительства новой, часто на пустом месте.

В рамках советской градостроительной политики именно промышленный объект выступал в роли градообразующего импульса. Его наличие запускало процессы осуществления жилищно-гражданского строительства и, как следствие, влияло на характер планировочной структуры населенного места. В советской градостроительной политике промышленное предприятие объявлялось: а) центром всей трудовой и общественно-культурной жизни поселения[316], б) «смысловым фокусом» пространственно-территориальной организации жилой зоны, ориентируемой на него.

Если говардовские города-сады не предполагали наличия собственной градообразующей базы, так как создавались на основе иных финансово-экономических и социально-организационных механизмов и оказывались, несмотря на наличие некоторого количества объектов местной обслуживающей промышленности, лишенными промышленного ядра (из-за чего и получили в советской специальной литературе негативное наименование «пригородов-спален»), то рабочий поселок должен был обладать промышленным ядром в обязательном порядке. Проектирование рабочих поселков, осуществляемое государственными структурами, начиная с 1920-х гг. происходило лишь при наличии градообразующего промышленного

объекта (мануфактуры, завода, паровозоремонтного депо, электростанции и т. п.).

В первых проектах советских рабочих поселков промышленный объект, как правило, располагался в центре поселения. Тесному «соприкосновению» производственного объекта с селитьбой способствовало то обстоятельство, что нормативные предписания начала 1920-х гг. метрически никак конкретно не задавали удаленность промышленного предприятия от жилых зданий. Указывалось лишь качественное требование: разрыв должен быть таким, чтобы «оградить жилые дома от вредного влияния». В итоге архитекторы сами принимали решения, каким образом «предотвратить вредное влияние», на какое расстояние отодвинуть или приблизить промышленный объект к селитьбе, как превратить или не превращать его в композиционный центр. Например, в проекте поселка-сада в Петрограде здание электростанции «Красный Октябрь» предлагалось расположить прямо в общественно-культурном центре, чтобы оно выступало композиционным ядром планировочной структуры и на него была ориентирована вся жилая застройка[317].

Требование размещения производственного объекта в центре поселения вовсе не являлось законодательным правилом, и в реальной практике проектирования и архитекторы, и эксперты в соответствии со своими представлениями предлагали и иные варианты. Так, например, в отзыве на первый проект рабочего поселка Звезда, в котором селитьба была отнесена от производства на значительное расстояние из-за санитарно-технических требований, В. Н. Семенов предлагал вместо завода в центре поселка разместить детский сад[318].

Однако, как правило, в тех немногочисленных случаях, когда в проектах советских рабочих поселков композиционное влияние отдельно стоящего производственного объекта на структуру поселения не было достаточно ярко проявлено в планировке и расположении домов или даже вовсе отсутствовало, они подвергались разрушительной критике. Так, экспертиза проекта поселка при Кожуховской электростанции, проведенная отделением поселкового строительства Архистроя, указывала в качестве одного из важнейших отрицательных замечаний: «…по отношению к зданию электрической станции расположение домов является случайным, не связанным с этим зданием»[319]. Другой пример – проект поселка Каширской

электростанции, который также был отклонен после рассмотрения его в январе 1922 г. комиссией Архистроя и Бюро планировки и градостроения ВСНХ РСФСР, потому что, как и проект поселка при Кожуховской электростанции, не имел центра, планировочно выделенного и зафиксированного промышленным объектом: «план поселка не имеет архитектурного центра, каким могло бы явиться… здание электростанции…»[320]

В отдельных случаях, когда производство по причине своей вредности вынужденно располагалось на значительном отдалении от поселка (как в рабочем поселке Звезда), главенствующую композиционную роль промышленного предприятия начинал играть «объект-заместитель» – здание общественного назначения (здание административно-партийных органов власти, народный дом, клуб, дом для приезжих и даже баня-прачечная и т. п.) или производственно-управленческого назначения (заводоуправление). Замещение промышленного объекта зданием общественного или административного назначения обнаруживается уже в первых проектах рабочих поселков, выполненных в начале 1920-х гг.

Подобное, например, встречается в проекте рабочего поселка при Истомкинской мануфактуре, заложенного в июле 1919 г., а также в проекте рабочего поселка-сада при орудийном заводе в Подлипках, где центральная площадь формировалась зданиями библиотеки, гостиницы и зала для общественных собраний[321]. В проекте соцпоселка Правдинск под Нижним Новгородом присутствовали «объекты-заместители» обоих видов – здание заводоуправления и здания общественного назначения. Одна из двух взаимно перпендикулярных планировочных осей поселка, направленная в сторону бумажного комбината (для работников которого он и был построен), завершалась зданием заводоуправления (вдоль этой оси располагались школа, стадион, детский сад, ясли). А центральная площадь формировалась зданиями общественного назначения: Домом культуры, пожарным депо, поселковым советом и гостиницей[322].

Постулат о ведущей композиционной роли градообразующего предприятия и требование его размещения в планировочно выделенном общественном центре поселения сформировались не сразу, а складывались постепенно. Поэтому в некоторых проектах рабочих поселков, выполненных в первые послереволюционные годы, не только

отсутствовал промышленный объект, но и не был предусмотрен сам общественный центр[323]. Например, поселок Сокол имел децентрализованную планировку с несколькими подцентрами, связанными широкими озелененными аллеями[324], лишенными крупных зданий административно-культурного назначения. Фактически отсутствовал общественный центр также и в проекте рабочего поселка при Ярцевской мануфактуре[325]. В первом варианте рабочего поселка в Иваново-Вознесенске общественный центр также не был предусмотрен, а композиционным ядром планировочной структуры выступал парк. Кстати, экспертиза резко критиковала за это генплан Иваново-Вознесенска, и в последующих вариантах в поселке был заложен обширный общественный центр, включавший здания театра, клуба, библиотеки, магазинов, спортивного зала, двух школ.

Промышленный объект и общественный центр не были предусмотрены также и в первом варианте проекта поселка для рабочих главных железнодорожных мастерских Вологды. Местом строительства поселка была выбрана усадьба Ковырино – бывшее имение фон Тюмена под Вологдой. Инициаторами строительства рабочего поселка (который получил название Октябрьский), состоявшего из группы жилых домов, выступили сами рабочие, пытавшиеся своими руками решить жилищные проблемы. Они сами «проектировали» будущие дома, смастерив в деревообделочном цехе паровозоремонтных мастерских модель деревянного одноквартирного домика; сами и строили поселок, используя для фундаментов домов кирпич разрушенной церкви Михаила Архангела[326]. Именно из-за отсутствия градообразующего производственного предприятия или «объектов-заместителей» обоих видов проект разбивки территории поселка на застроечные участки при прохождении экспертизы в октябре 1922 г. был признан неудовлетворительным, а его авторам предложили в обязательном порядке ввести в генплан центральную площадь[327]. Что и было сделано, и в 1923 г. поселок был торжественно открыт[328]. Однако из-за отсутствия общественных зданий, которые было некому строить и непонятно на чьи деньги, планировочно выделенная центральная площадь так и осталась незастроенным пустырем (рис. 66). В целом отсутствие в генпланах поселений планировочно выделенного общественного центра с градообразующим предприятием или «объектом-заместителем» квалифицировалось

экспертизой как серьезный недостаток, требовавший переработки проекта.

Рис. 66. Рабочий поселок-сад Октябрьский жилищно-строительного кооператива железнодорожных мастерских (г. Вологда). План разбивки участков. Арх. Д. Кржижановский, гражд. инж. А. Монтов. 1928

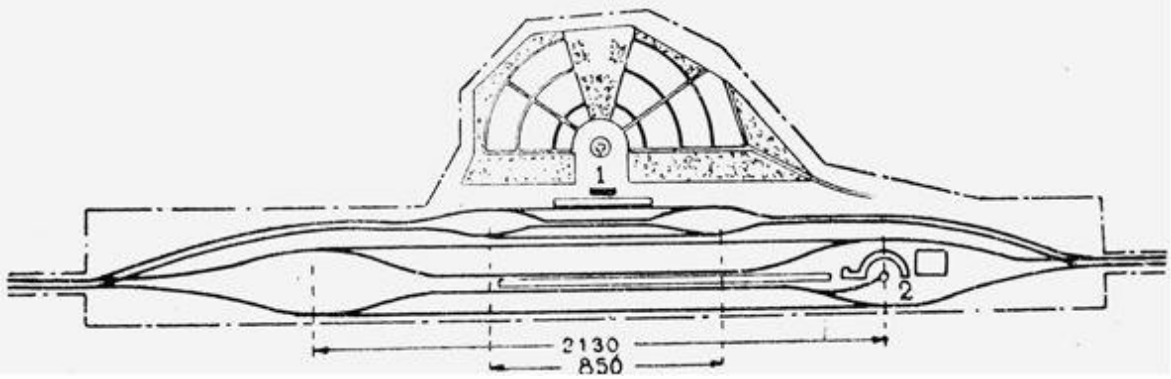

Рис. 67. Поселок-сад при параллельном расположении пассажирской и сортировочной станций. Генеральный план. Схема. Инж. В. А. Глазырин

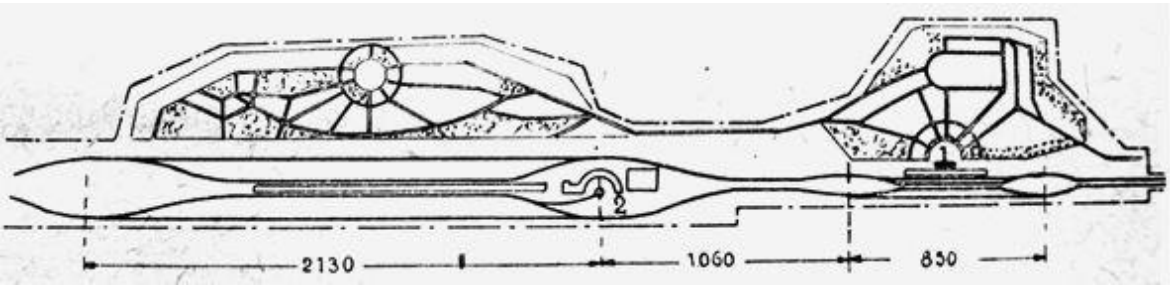

Рис. 68. Поселок-сад при последовательном расположении пассажирской и сортировочной станций. Генеральный план. Схема. Инж. В. А. Глазырин

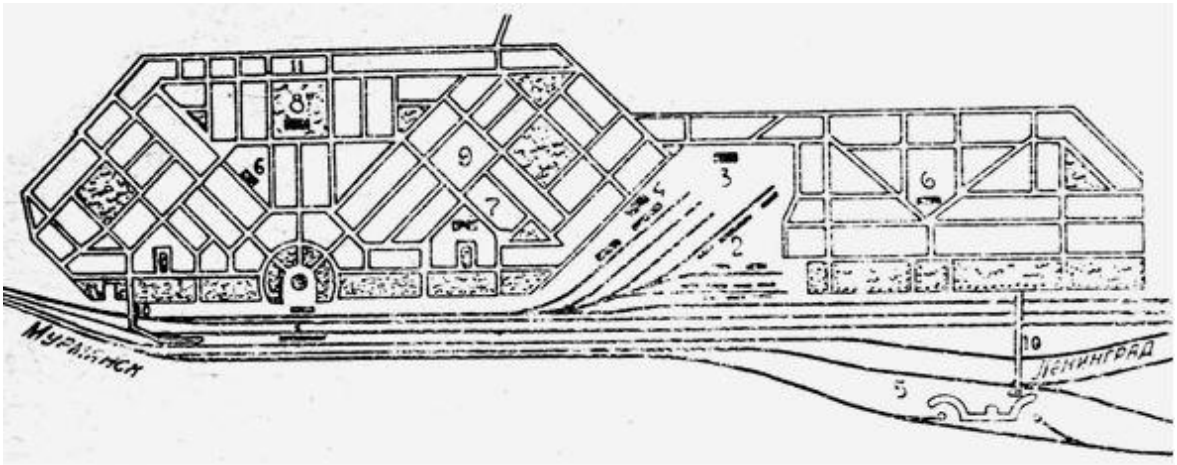

Рис. 69. Поселок-сад на станции Званка Мурманской железной дороги.

Экспликация: 1) пассажирское здание; 2) пакгаузы; 3) товарная контора; 4) дом врачебной службы; 5) тяговое хозяйство (депо и

мастерские); 6) школы; 7) кооператив; 8) Дом культуры; 9) рынок; 10) путепровод; 11) спортивная площадка

Следует заметить, что на первых порах формирования советской градостроительной политики планировочная структура рабочих поселений могла включать и два центра. Предпосылкой таких решений выступал дореволюционный опыт возведения железнодорожных поселков, принципиальное влияние на планировочную структуру которых оказывало наличие двух станций – пассажирской и сортировочной (товарной) (рис. 67), в отличие от случаев параллельного расположения станций, вызывавшего формирование единого центра (рис. 68). В частности, последовательное расположение сортировочной и пассажирской станций часто обусловливало разбивку единой селитебной территории на два поселения – для станционных рабочих и для железнодорожных служащих. Эти поселения через некоторое время, как правило, сливались в одно, но наличие двух отдельных планировочных центров сохранялось (рис. 69). Иногда такие прижелезнодорожные поселки проектировались как единые, но сразу с двумя центрами. Примером такой двухцентровой композиции может служить рабочий поселок-сад на станции Дно Северо-Западных железных дорог, спроектированный А. А. Гречанниковым по эскизу В. А. Глазырина[329] (начал строиться в 1920 г.) (рис. 70). Здесь роль главного центра принадлежала привокзальной площади, формировавшейся пассажирским зданием, а центральная площадь поселка трактовалась авторами проекта как второстепенный (местный) «фокус»[330].

Поселения при железнодорожных станциях характеризовались также и многоцентровым решением. Причиной возникновения подобных структур являлось наличие: а) пассажирской станции, которая способствовала возникновению особого, «въездного» центра; б) общепоселкового общественного центра; в) речного порта или автостанции с интенсивным шоссейным сообщением с близлежащим крупным городом. Все эти функциональные ядра вызывали формирование своих планировочных центров. Пример подобного рода трехцентровой композиции – проект поселка-сада около платформы Средняя Детскосельской линии Северо-Западных железных дорог[331] (рис. 71). Формирование трех центров в данном случае было вызвано

расположением поселения вблизи крупного города (Ленинграда), связанного с поселком не только железной дорогой, но и трамвайной линией, а также шоссе. Эти дороги вливались в поселковые улицы и способствовали образованию трех площадей – около пассажирского здания железнодорожной станции, перед Домом культуры и около площади, фиксирующей «точку» входа на территорию поселка трамвайной линии. Ярко выражена трехцентровая композиция и в проекте поселка для рабочих Азнефти им. Ст. Разина (архитекторы А. П. Иваницкий, А. А. Веснин, В. А. Веснин и др.)[332].

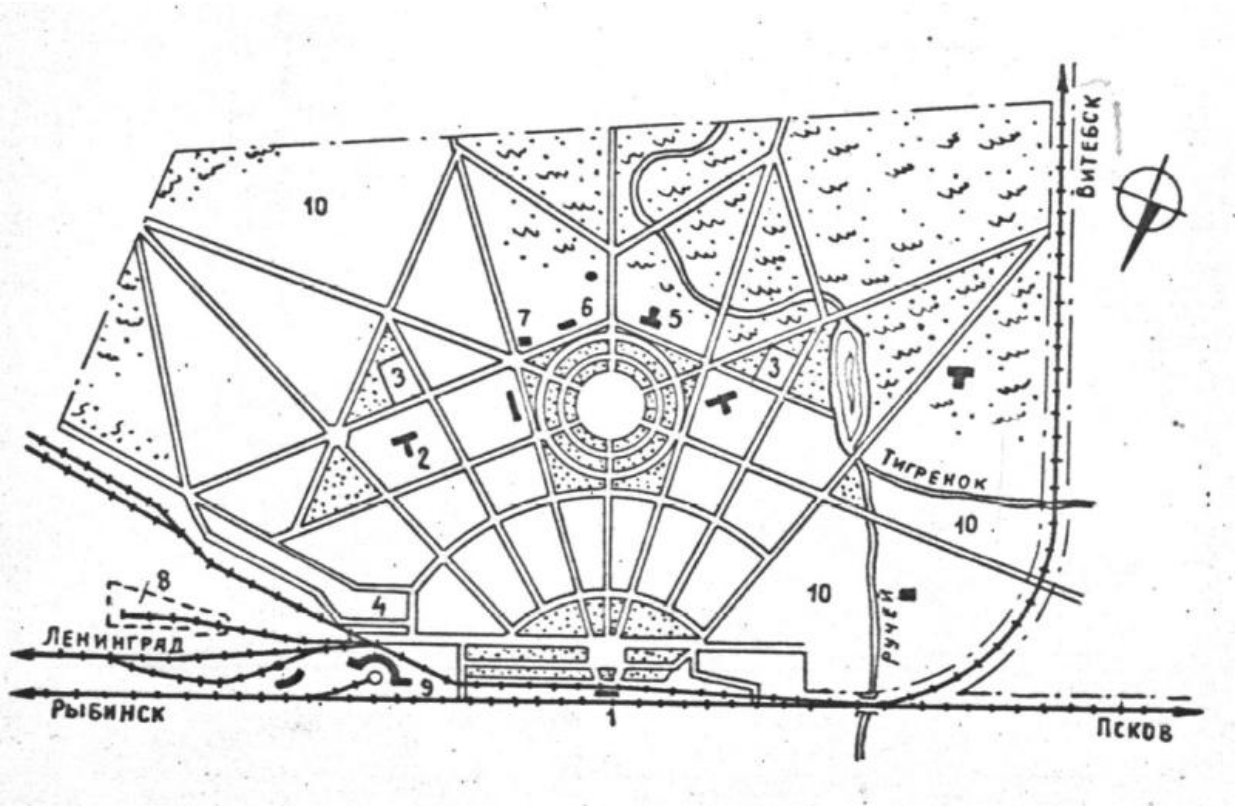

Рис. 70. Поселок-сад при станции Дно Северо-Западных железных дорог. Проект. Инж. А. А. Гречанников по эскизу В. А. Глазырина. 1919

Экспликация: 1) пассажирское здание; 2) школа; 3) спортплощадки; 4) рынок; 5) клуб; 6) исполком; 7) почта; 8) склад; 9) депо; 10) сельскохозяйственные угодья

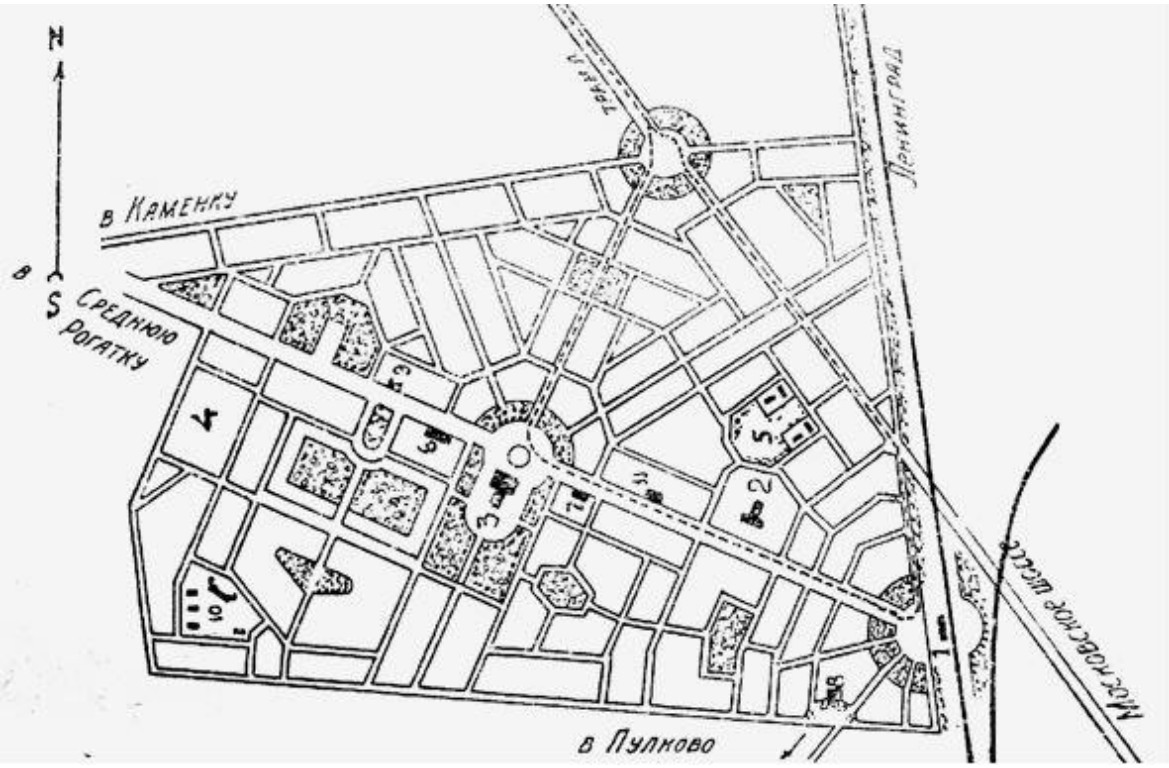

Рис. 71. Поселок-сад около платформы Средняя Детскосельской линии Северо-Западных железных дорог

Экспликация: 1) пассажирское здание; 2) школа; 3) театр; 4) спортивная площадка; 5) рынок и кооперативы; 6) здание для общественных собраний; 7) библиотека; 8) баня и прачечная; 9) дом врачебной службы; 10) больница; 11) детский сад и ясли

Примером более сложной, четырехцентровой композиции может служить генеральный план рабочего поселка-сада на станции Малая Вишера Октябрьской железной дороги, спроектированный в 1919–1920 гг. А. В. Самойловым[333] (рис. 72).

Пятицентровая композиция представлена в проекте поселка около Ново-Фарфоровского Поста Октябрьской железной дороги (рис. 73). Здесь формирование трех основных центров было вызвано наличием трех направлений людских потоков к местам службы подавляющей части жителей города: 1) к пассажирской станции; 2) к сортировочной станции; 3) к близлежащему большому городу (Ленинграду), с которым поселок был соединен трамвайной линией. Кроме основных, были созданы еще два центра: 4) площадь около Дома культуры, расположенного в парке (в зоне протекания реки Волковки); 5) главная

площадь, предназначенная для «общественных собраний в дни празднеств», располагавшаяся на пересечении «парковой» оси и поперечной с ней центральной улицы, по которой проходил трамвай[334].

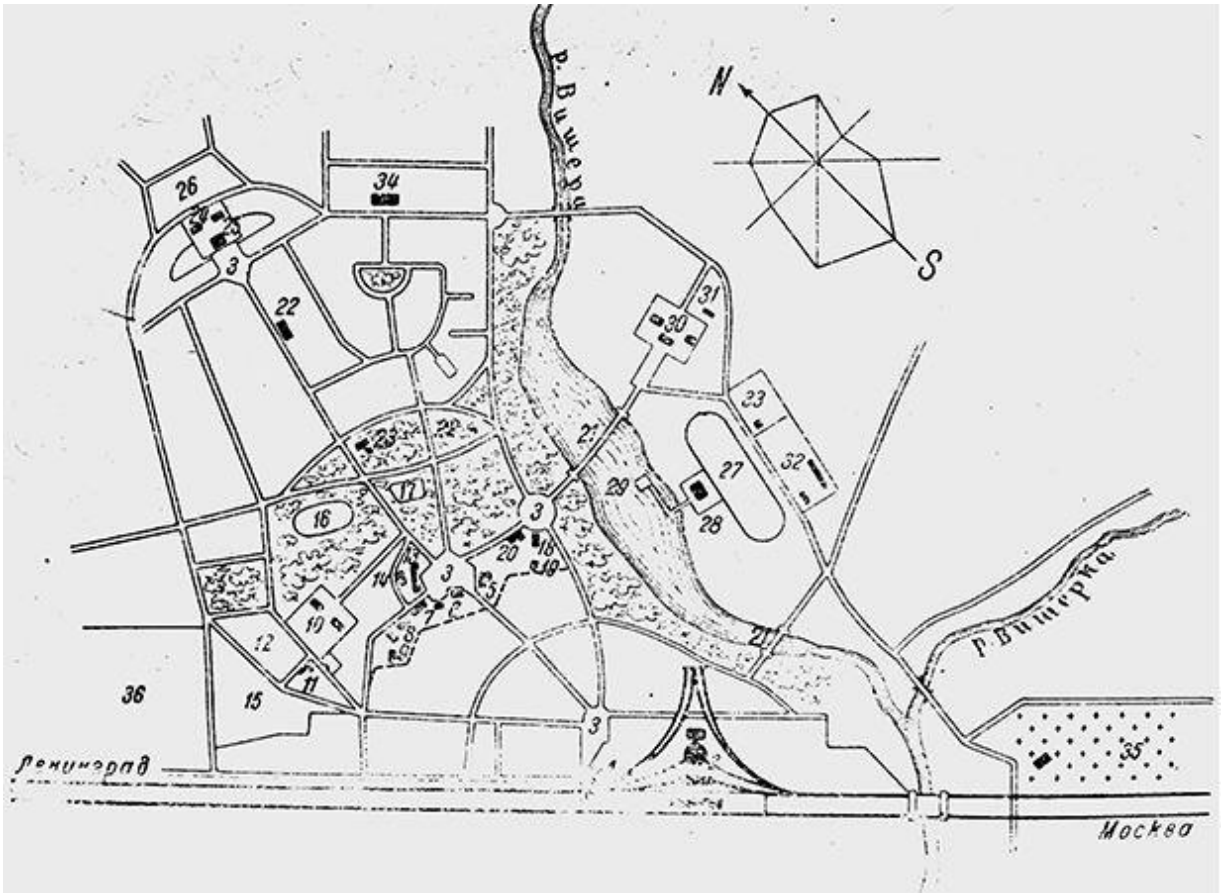

Рис. 72. Поселок-сад на станции Малая Вишера Октябрьской железной дороги. Арх. А. Самойлов. 1919

Экспликация: 1) пассажирское здание; 2) депо и мастерские; 3) площадь; 4) павильон для приезжающих; 5) гостиница; 6) магистратура, аптека, почта; 7) хлебопекарня; 8) склады; 9) ремонтные мастерские; 10) школьный городок; 11) интернат; 12) квартал с домами педагогов; 13) магазины; 14) базарная площадь; 15) служебный двор; 16) футбольная площадка; 17) детская площадка; 18) народный дом; 19) открытая эстрада; 20) клуб; 21) мостик; 22) общежитие; 23) ясли; 24) водопроводная станция; 25) водоемное здание; 26) склад топлива; 27) спортивное поле; 28) речной клуб; 29) купальня; 30) больница; 31) заразные бараки и служебный двор; 32) ферма; 33) контора; 34) баня и прачечная; 35) кладбище; 36) стеклянный завод

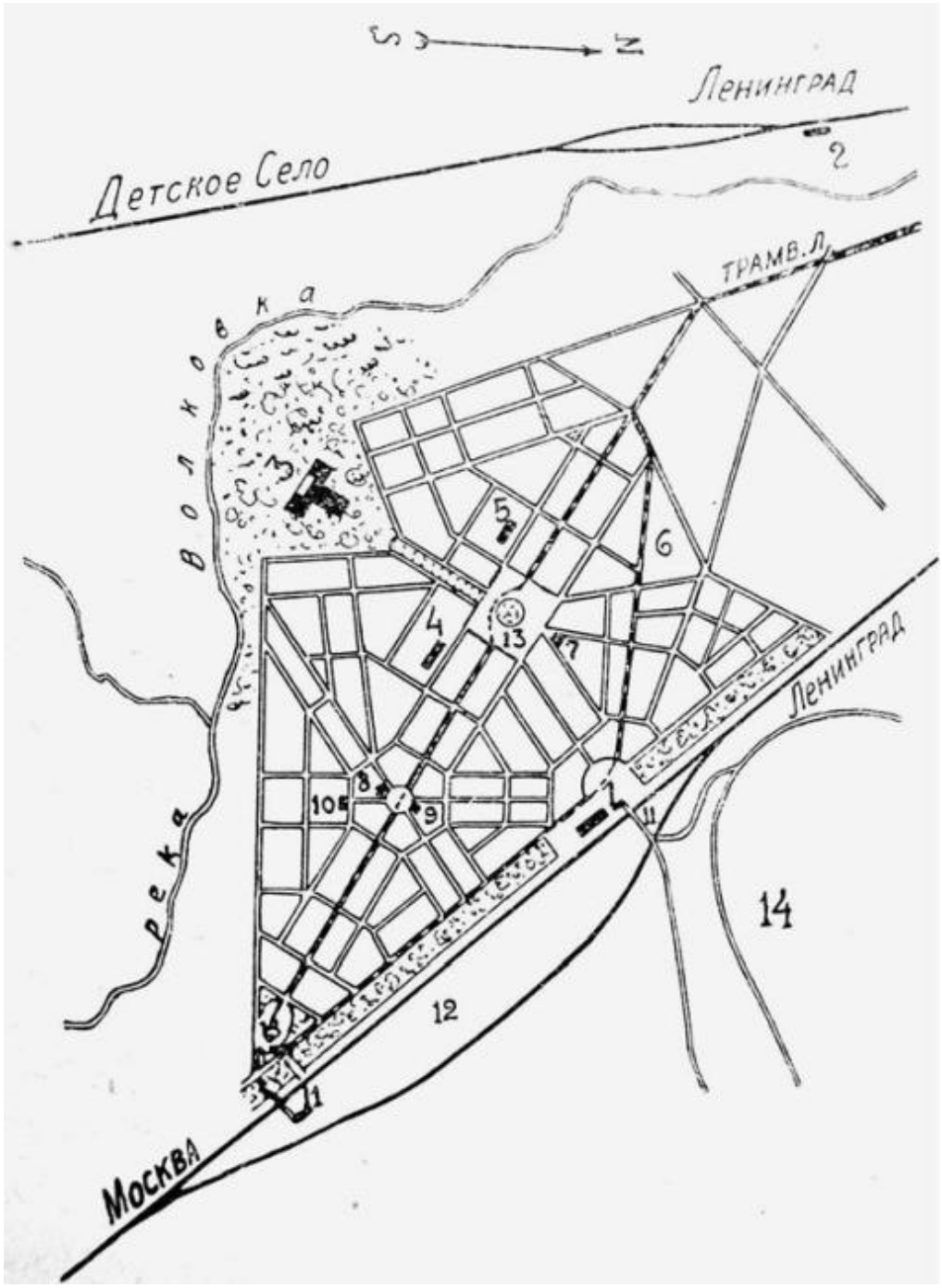

Рис. 73. Поселок-сад около Н. – Фарфоровского Поста Октябрьской железной дороги

Экспликация: 1) пассажирское здание у остановочного пункта «Н. – Фарфоровский Пост» Октябрьской железной дороги; 2) остановочный пункт у платформы «Воздухоплавательный парк» Детскосельской линии Северо-Западных железных дорог; 3) Дом

культуры; 4) школа; 5) детский сад; 6) рынок; 7) театр и библиотека; 8) дом врачебной службы; 9) ясли; 10) баня и прачечная; 11) пешеходный мостик; 12) сортировочная станция; 13) центральная площадь; 14) заводская территория

Впоследствии, когда концепция «советского рабочего поселка» будет заменена доктриной «социалистического города», планировочная структура последнего в обязательном порядке станет предполагать наличие лишь одного главного общегородского общественного центра. А вот количество центров «второго уровня» – центров планировочных районов – в соцгороде будет варьироваться в зависимости от исходных планировочных условий, например когда соцгород будет состоять из нескольких рабочих поселков или включать одновременно крупный речной (морской) порт и железнодорожный узел.

27 сентября 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли декрет «О рабочих поселках»[335]. Он связывал «рабочий» характер поселения с необходимостью его обитателей трудиться на градообразующем предприятии уже законодательно: «рабочими» поселками могли быть признаны только те населенные пункты, в которых «количество взрослого населения было не менее 400 чел., причем для большинства населения (не менее 65 %) основным источником существования являлась заработная плата»[336]. Земельные отношения в рабочих поселках предписывалось регулировать декретом ВЦИК и СНК «Положение о земельных распорядках в городах»[337]. А составление списков существовавших и возникавших рабочих поселков возлагалось на административную комиссию[338].

Следует подчеркнуть, что советский рабочий поселок возникал в особых социально-политических условиях, исключавших капиталистическое предпринимательство и частную коммерческую инициативу. Это обстоятельство выдвигало целый ряд проектных задач, которые ранее полностью отсутствовали в планировочной деятельности. В частности, в дореволюционных российских проектах поселений-садов не предусматривалось размещение магазинов (вещевых, продуктовых и пр.), объектов обслуживания (парикмахерских, салонов фотографии, мастерских по ремонту бытовой утвари, пошивочных и пр.), объектов питания (кафе, ресторанов и пр.) и т. п. Архитекторы лишь оставляли первые этажи зданий не занятыми

квартирами. А появление в этих этажах вышеперечисленных заведений являлось исключительно следствием частной инициативы и индивидуального предпринимательства: помещения арендовались и в них размещались те службы, которые были востребованы потребителями. Задача проектного создания мелких объектов повседневного обслуживания даже не могла возникнуть в капиталистических условиях, она не входила в традиционные работы по градостроительному моделированию, расчету, архитектурному проектированию, объемно-планировочному воплощению. Например, программа проектирования поселка-сада Прозоровская предусматривала размещение только крупных общественных объектов, которые должны были возводиться на муниципальные либо государственные средства: 1) церкви (на 400–500 чел.); 2) общественного собрания (с театральным залом, библиотекой и читальней, помещениями для лекций и пр.); 3) бани (мужской и женской)[339]; 4) больничного городка; 5) школьного городка; 6) общежития для детей служащих, живущих на трассе железной дороги; 7) прачечной и сушильни; 8) почты; 9) телеграфа; 10) пожарной команды; 11) спортивных площадок (теннис, футбол, крокет). А все остальные множественные службы для удовлетворения повседневных потребностей, прочие заведения и учреждения должны были возникать сами по себе – по мере удовлетворения частными предпринимателями насущных потребностей обитателей.

Советский рабочий поселок, в отличие от города-сада, полностью исключал частное предпринимательство в сфере удовлетворения нужд населения. Зато выдвигал задачу создания системы общественного обслуживания, что требовало предварительного расчетного определения оптимального состава форм быта и нормативных объемов предлагаемых услуг. Как следствие, проекты советских рабочих поселков в качестве обязательной составляющей должны были включать объекты системы коллективного обслуживания[340]. Заметим, что позднее, в конце 1920-х – начале 1930-х гг., эта задача получит неожиданное продолжение, когда власть отменит идею «обобществления быта», а перед архитекторами и градостроителями поставит задачу разработки списка учреждений «общественного обслуживания», необходимых для нормального функционирования поселений, а также принципов их территориального размещения,

причем уже не в соцпоселках, а в соцгородах – населенных местах, в десятки и даже сотни раз превышавших численность и территорию советских рабочих поселков.

В середине 1920-х гг. система обслуживания бытовых потребностей населения уже предусматривала несколько пространственно-территориальных уровней (очень сходных с трехступенчатым обслуживанием, которое позднее станет общепринятым в советском и мировом градостроительстве):

– обслуживание нужд внутри небольшой группы первичного коллектива (внутри жилого сооружения), например с заменой общих комнат в квартирах («гостиных») на помещения, являвшиеся общими для всех жильцов дома (общие постирочные, мастерские, красные уголки для чтения, общения, политической и культурной пропаганды и т. п.), или с заменой личных кухонь местами для коллективного приготовления пищи;

– учреждения для обслуживания группы таких коллективов, пристроенные к жилым зданиям. Например, квартальные кухни-столовые (так, например, программой конкурса на проектирование поселка при автозаводе в Филях (1919 г.) было предписано проектировать жилища таким образом, чтобы затем, с организацией общественного питания в столовых, превратить кухни в квартирах в жилые комнаты, а часть квартир изначально проектировать без кухонь, предусмотрев коллективные кухни-столовые[341]);

– учреждения для нужд всего поселка в виде отдельно стоящих зданий: библиотека-читальня, зал общественных собраний – народный дом, детский сад, школа, баня-прачечная.

Как следствие, в советских рабочих поселках в сравнении с городом-садом функции жилых зон расширялись за счет включения в них объектов общественного обслуживания, а также устройства при группах жилых домов коллективных досуговых, спортивных, детских площадок и внутриквартальных пространств коллективного пользования хозяйственного и рекреационного назначения. Планировка советского рабочего поселка также предусматривала создание специальной зоны, в которой на озелененных участках располагались школа, детские заведения, больница, общепоселковое спортивное сооружение. В соцпоселках создавалась сеть малых спортивных сооружений (спортплощадки при домах, школах и клубах). На

периферии соцпоселка нормативно предусматривалось размещение зеленой зоны для эпизодического отдыха проживавшего в нем населения.

Селитебная зона должна была формироваться из особого типа жилища – коммунального (то есть покомнатно-посемейного) заселения трудобытовыми коллективами рабочих градообразующего предприятия и обслуживающих учреждений.

В полном соответствии с вышеназванными принципами-постулатами в период, предшествовавший массовому старту программы индустриализации (1926–1928 гг.), проектировались и строились новые рабочие поселки при небольших промышленных предприятиях и районных электростанциях. Прекрасным примером может служить рабочее поселение при Челябинской государственной районной электростанции (ЧГРЭС)[342], игравшей роль градообразующего предприятия. Жилые дома государственного жилого фонда были «строчно» расположены в планировочных квадратах. Они состояли из двух типов – общежитий и 2–3-этажных секционных домов. В секционных домах заселение рабочих и служащих – членов трудобытовых коллективов градообразующего предприятия и обслуживающих учреждений – осуществлялось коммунально[343] (рис. 74). Между параллельными группами домов были «размещены просторные озелененные дворы с различными досуговыми площадками»[344] для коллективного отдыха взрослых и детей. В полном соответствии с постулатами градостроительной политики по проектированию рабочих поселков здесь была создана система общественно-бытового обслуживания[345] и выделена отдельная зона, в которой на озелененных участках размещались: школы I и II ступеней, амбулатория-больница и энерготехникум. Детские учреждения (детский сад и ясли) располагались в «детской зоне» – на берегу р. Миасс, рядом с вынесенными сюда же клубом и стадионом. Следует заметить, что в поселке ЧГРЭС в противоречии с указанными выше принципами компактный общественный центр отсутствовал – социально-бытовые учреждения были рассредоточены по всей территории.

Кроме обособленных рабочих поселков, в середине 1920-х гг. проектировались и строились группы жилых домов на периферии существовавших городов или везде, где это было возможно, – прямо за городской чертой. Они возводились в виде обособленных жилых

кварталов или даже целых районов и также именовались рабочими поселками. Подобное решение было вынужденным, вызванным острейшим жилищным кризисом, который заставлял администрацию промышленных предприятий требовать от городских органов власти незамедлительных отводов земли под строительство жилищ для рабочих. В свою очередь, городские власти переадресовывали это требование проектным организациям, предлагая им самим определять приемлемые места возведения новых жилых образований. А у последних для принятия взвешенных, грамотных решений не было ни средств, ни времени, ни исходной геодезической документации, ни каких бы то ни было объемлющих планировочных материалов, ни даже квалифицированных специалистов[346]. В результате проектировщики оказывались не в состоянии осуществлять полномасштабную работу по составлению общей схемы планировки городов (как того требовало существовавшее законодательство и что действительно было необходимо для принятия согласованных решений). В итоге при разработке планировочной документации проектировщикам приходилось выбирать под новую застройку те территории, которые в силу их отрезанности от основного массива городской застройки могли проектироваться независимо от общей схемы планировки и развития города (которой не было), то есть как изолированные и относительно самостоятельные районы.

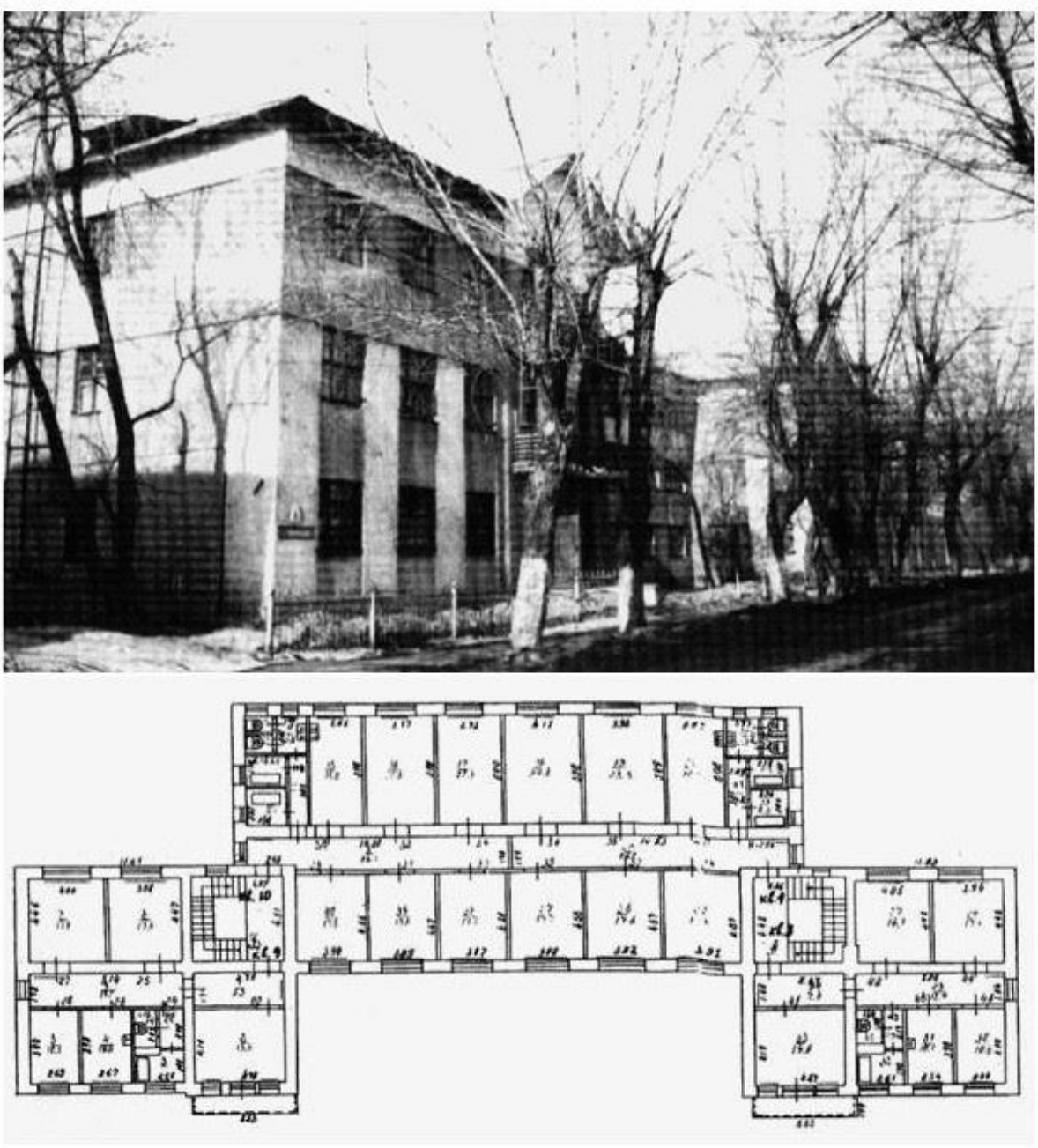

Рис. 74. Рабочий поселок ЧГРЭС. Секционные дома покомнатно-посемейного заселения. Общий вид. План. Начало 1930-х

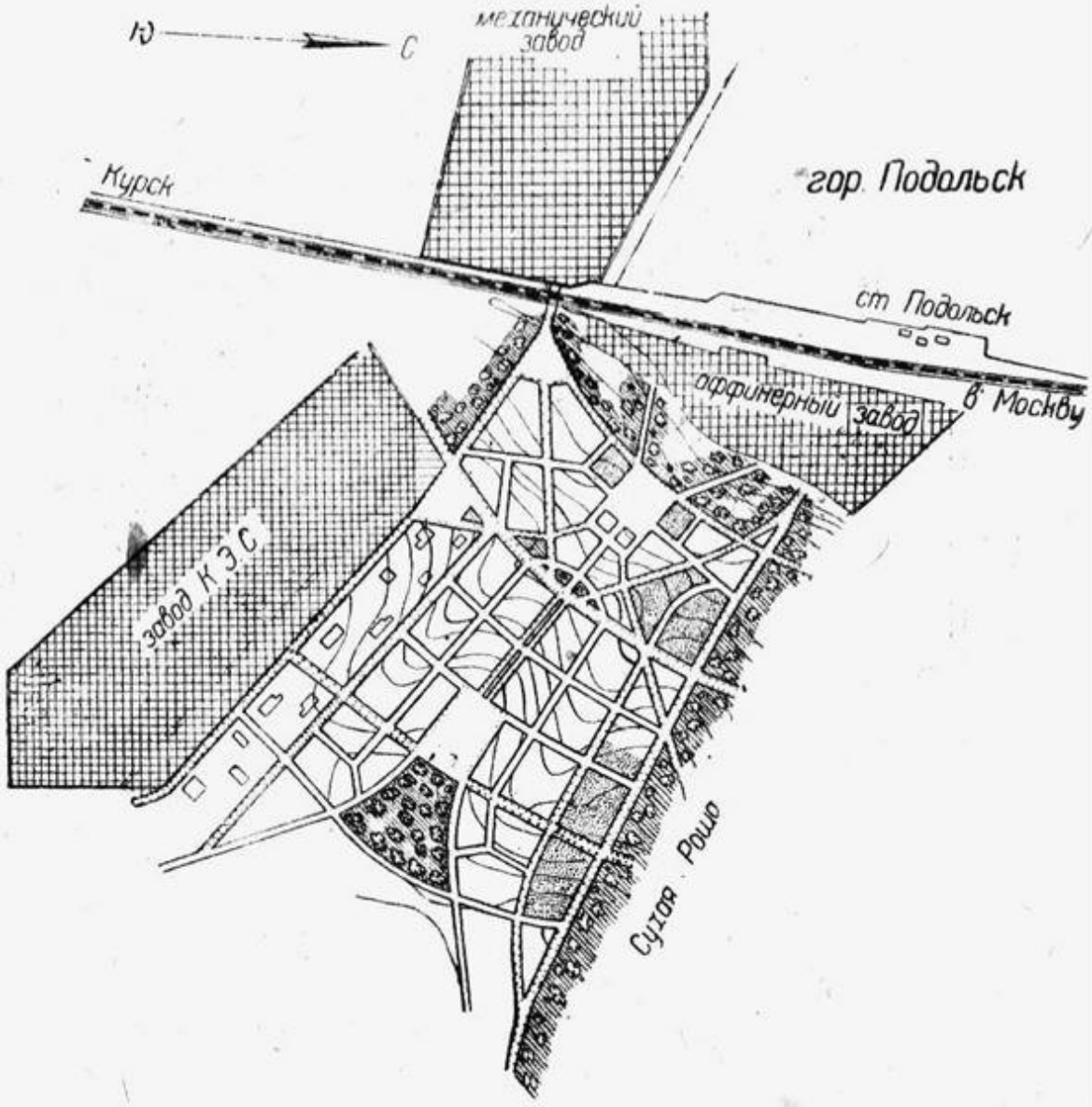

Рис. 75. Район Сухая Роща в г. Подольске. Схема и проект детальной планировки. 1927

Одним из многочисленных примеров такого рода является поселение в урочище Сухая Роща в Подольске (рис. 75). Изолированное от города полосой отчуждения Курской железной дороги и ограниченное с двух других сторон лесным массивом и болотом, оно представляло собой удачное место для проектирования обособленного жилого образования. В 1926 г. было принято решение об отводе этой территории под жилищное строительство и начались проектные работы по созданию схемы планировки отдельного жилого района, композиция

которого была предопределена расположением двух линий железной дороги и промышленных предприятий, ограничивающих участок строительства: одна прокладывалась вдоль паровозоремонтного завода; вторая проводилась по опушке леса. Связь района с городом осуществлялась боковым ответвлением центральной оси на железнодорожный переезд, что планировочно оформлялось в виде широкого бульварного проспекта, замыкаемого по концам двумя площадями. Аналогичные примеры проектирования в 1926–1928 гг. изолированных жилых районов – поселок Крутое в Орехово-Зуево, Занарский район в Серпухове, который специально (для упрощения и ускорения процесса разработки проектной документации) проектировался «изолированно от общего проекта планировки», что стало возможным благодаря отрезанности данного района на всем его протяжении от центральной части города рекой Нарой[347] (рис. 76), и др.

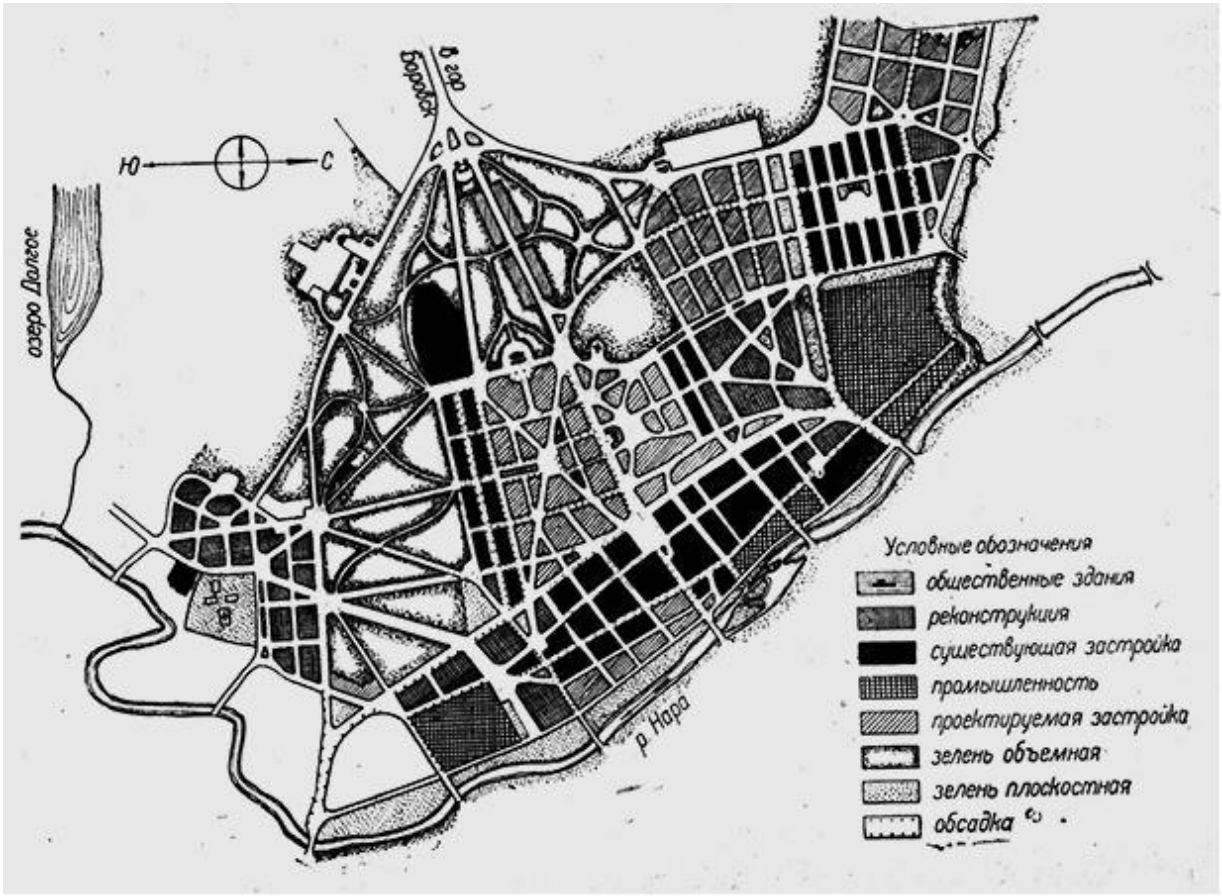

Рис. 76. Город Серпухов. Планировка части Занарского района. Эскизный проект. Схемы: а) расположения главных проездов; б)

зеленых насаждений

Следует заметить, что поскольку большинство этих новых рабочих поселений располагались за чертой города – в естественном природном окружении, то далеко не очевидной была необходимость наличия внутри их планировочной структуры массивов общественных озелененных пространств. Близость естественной природы и стремление сэкономить на протяженности инженерных сетей и обустройстве внутрипоселковых улиц за счет придания поселению максимальной компактности приводили к тому, что объемы искусственного озеленения сводились к минимуму и предусматривали озеленение одной только центральной площади или центрального бульвара.

4.2. Многоэтажки против коттеджей

Как показано в предыдущих главах, с первых дней своего существования советская власть негативно относилась к малоэтажной индивидуальной застройке. Этот тип жилища лежал вне стратегической направленности ее градостроительной политики, которая была ориентирована на формирование многоэтажного, многоквартирного коммунального жилища покомнатно-посемейного заселения. Власть предпочитала коммунальный способ расселения всем прочим, потому что, во-первых, не умела управлять рассредоточенными человеческими массами; во-вторых, расценивала жилище совместного проживания трудовых коллективов (бараки, общежития, рабочие казармы и пр.) как наиболее подходящее для контроля над бытовыми процессами; в-третьих, использовала уплотненный коммунальный быт (наиболее прозрачный для догляда и доносительства) в качестве эффективного средства руководства повседневным поведением людей; в-четвертых, рассматривала многокомнатное, многоквартирное жилище как основной элемент централизованной ведомственно-государственной политики по возведению и распределению нового жилища, хозяйственному управлению им[348].

Однако эти доводы оставались скрытыми от публичной огласки. В качестве официальных, более «убедительных» доводов власть распространяла утверждения о том, что индивидуальное жилище коттеджного типа неэкономично, материалоемко, неэффективно в эксплуатационном отношении и в конечном счете абсолютно невыгодно для государственно-муниципального строительства.

Истину в этом вопросе сегодня установить трудно. Расчетные данные и доводы сторонников многоквартирного жилища, с одной стороны, и апологетов индивидуального строительства – с другой, конечно же, противоречат друг другу.

В частности, показатели стоимости, обобщенные Г. Вегманом, показывали, что строительство 1 кв. сажени в индивидуальном отдельно стоящем доме обходилось в среднем на треть дешевле: приблизительно – 378 руб., в то время как строительство 1 кв. сажени в многоэтажном, многоквартирном доме – 492 руб.[349] Расчеты Н. Марковникова, имевшего за плечами опыт проектирования и

возведения жилых домов в экспериментальном поселке Сокол и практическую возможность определить их фактическую стоимость, однозначно свидетельствовали в пользу отдельно стоящего одно– и двухэтажного дома коттеджного типа перед многоквартирным, многоэтажным, 3-этажным. Следует, однако, заметить, автор специально оговаривал, что метод оценки стоимости дома по стоимости 1 кубического метра (куб. саж.) слишком приблизителен[350] (табл. 2).

В то же время, по подсчетам Всеукраинского комитета содействия кооперативному строительству рабочих жилищ, крупное (многоквартирное, многоэтажное) строительство позволяло осуществлять экономию материалов: «В кирпичном доме в две комнаты с кухней на одну строительную кубическую сажень расходуется около 1500 штук кирпича, между тем в доме с такими же стенами… в 8 комнат расход кирпича на 1 строительную кубическую сажень составляет уже 1000 штук, в двухэтажном доме-коммуне количество снижается до 900 штук»[351]. В итоге стоимость 1 куб. саж. может быть 120 руб.

Таблица 2. Сравнение стоимости строительства различных типов домов [352]

Тип дома	Стоимость 1 куб. саж., руб.	Стоимость 1 кв. саж., руб.
Дом № 99, одноэтажный, рублен., высота помещ. 4 арш.	199	406
Дом № 77, одноэтажный, рублен., полы частью паркетные, высота помещ. 4 арш. 12 верш.	207	535
Дом № 36, кирпичный коттеджный, полы частью паркетные, высота помещ. 4 арш.	226	472
Дом № 12, кирпичный коттеджный, полы во всех комнатах паркетные, центральная система отопления	226	498
Дом в Скатертном пер., центральное отопление, высота внизу 5 арш., вверху 4 арш. 4 верш.	210	490
Дом № 50 одноэтажный, каркасный засыпной, самой простой отделки, высота 4 арш.	253	520
Сравнительная стоимость квартиры такой же площади, как № 36, в трехэтажном доме обычного типа	250	628

Однако при этом, по доводам противников многоэтажного строительства, удельный вес стоимости материалов составлял от общей суммы строительства всего 5 %[353] и экономия кирпича на 1 строительную кубическую сажень даже в два раза мало что меняла в конечной стоимости. При более широком рассмотрении вопроса – не на уровне стоимости отдельного строения, а на уровне стоимости поселения в целом – обнаруживалось, что 75 % затрат на строительство приходилось вообще не на здания, а на инженерное оборудование территории (магистральные и локальные коммуникации)[354]. Казалось бы, довод против раскиданных по территории поселка индивидуальных

особняков, удорожавших разводку канализации, отопления, водопровода[355]. Однако согласно контрдоводам сторонников индивидуального жилища использование блокированной индивидуальной застройки позволяло получать значительную экономию средств за счет сокращения протяженности сетей канализации, а также отопления в результате сокращения периметра капитальных стен[356], особенно в сравнении с необходимостью возведения насосных станций по нагнетанию воды на верхние этажи многоэтажных домов и перекачивающих канализационных устройств вместо слива самотеком.

Кроме того, индивидуальное малоэтажное строительство обходилось без привлечения мощной строительной техники, что серьезно уменьшало конечную стоимость строительства. В то же время крупное жилищное строительство позволяло механизировать ручной труд и «концентрировать» дорогостоящие строительные процессы[357], что по логике вещей также должно было приводить к значительному удешевлению строительства.

В индивидуальном жилище, как критически указывали сторонники многоквартирного строительства, текущее содержание дома, то есть эксплуатационные расходы, были более высокими, нежели в многоэтажном, и т. п. «Все с точностью до наоборот», – возражали апологеты малоэтажного…

Подтвердить или опровергнуть эти доводы конкретными цифрами сегодня не представляется возможным, так как, например, величины фактических эксплуатационных затрат нельзя определить, основываясь на финансовых отчетах того времени. В частности, потому, что власть, стимулируя рабочих к въезду в многоэтажные дома, искусственно создавала у них представление о «дешевизне» этих домов, сознательно снижая размер квартирной платы либо вообще отменяя квартплату и «относя эксплуатационные расходы по жилищу на государственный бюджет»[358]. Причина невозможности выяснения реальных эксплуатационных затрат заключается и в том, что власть разрешала домоуправлениям использовать часть излишка доходов от взимания квартплаты по своему усмотрению[359], и домоуправления быстро приспосабливались переводить часть денег, предназначенных на «улучшение домового хозяйства», в вид своей прямой или косвенной (премиальные) заработной платы, а потом, мотивируя нехваткой денег

на ремонт дома, повышали величину арендной платы, взимаемой с квартиронанимателей. Точно так же, как и домоуправления, некоторые ЖАКТ, собирая квартирную плату, вместо того чтобы направлять ее на ремонт и эксплуатацию жилища, использовали ее на содержание собственного административного аппарата, а потом дополнительными взносами добирали средства на ремонт. В итоге реальные эксплуатационные затраты оказывались завышенными: «Система жилищной кооперации, состоящая из многочисленных звеньев – подрайжилсоюзы, райжилсоюзы, городские, областные (краевые) и республиканские жилсоюзы, расходует около 40 млн руб. в год на содержание аппарата союзов и при этом не обеспечивает должного управления и сохранности жилого фонда»[360].

Объективно обсчитать показатели сравнительной стоимости квадратного (кубического) метра индивидуального дома коттеджного типа, с одной стороны, и многоэтажного, многоквартирного жилища – с другой, и в те годы, и особенно сейчас представляется невозможным. Да, вероятно, и не нужно искать ответы о предпочтительных типах жилищного строительства собственно в экономической области, так как власть, осуществляя в условиях внеэкономических отношений свою жилищную политику, принимала решения, исходя прежде всего из идей и поставленных целей, а не из величины затрат. Главным для власти было формирование эффективной системы «руководства-подчинения», позволявшей привлекать к трудовому использованию столько человеческих ресурсов, сколько было нужно, превращать людей в послушных «исполнителей высшей воли». Для этого среди прочих средств использовался и дефицит жилища, и целенаправленное возведение того типа домостроений, которые наиболее подходили для осуществления стратегической задачи – управления людьми. Власть формировала организационные формы руководства жилищной политикой, исходя из принципа «цель определяет средства», и, безусловно, готова была идти и реально шла ради этого на любые расходы.

Однако каких-либо однозначных предписывающих или запретительных указаний в отношении того, какое конкретно жилище следует строить, вплоть до конца 1920-х гг. так и не появилось. Внимание и усилия государственных плановых органов в середине 1920-х гг. были направлены прежде всего на развертывание системы

промышленного производства, возведение объектов энергетики и транспорта. Жилищное строительство в поселениях-новостройках, необходимое для размещения трудовых ресурсов, – второстепенное по отношению к промышленному, согласно постановлению СНК[361] полностью передавалось в ведение государственных «субъектов», осуществлявших строительство градообразующих промышленных предприятий: ВСНХ и наркоматов. То есть оно включалось в производственно-финансовые планы промышленного строительства ВСНХ; проектировалось силами организаций, занимавшихся промышленным строительством; проходило экспертизу, согласовывалось и утверждалось ВСНХ; возводилось силами строительных трестов, входивших в состав ВСНХ, и т. д.

Строительные ведомства и главки ВСНХ самостоятельно решали вопросы жилищного строительства, в том числе и с оглядкой на зарубежный опыт. Информация о нем, доступная руководству советских ведомств, свидетельствовала о том, что в Германии инициативы муниципалитетов по массовому возведению дешевого жилища оказывались весьма эффективными в ликвидации жилищной нужды. Так, городское управление Франкфурта-на-Майне в 1925 г. приняло 10-летнюю программу жилищного строительства, которая предусматривала в 1926 г. возвести 1200 квартир для наименее имущих слоев населения. Реально же было возведено почти в два раза больше – 2200 квартир. А в 1927 г. вместо запланированных 1400 квартир опять было построено в два раза больше – 2855. В 1928 г. программа вновь была откорректирована в сторону увеличения: в последующие четыре года намечалось возведение уже по 4000 квартир в год[362].

Очевидная эффективность подобных строительных программ не могла не привлечь пристального внимания руководства советских организаций, перед которыми в середине 1920-х гг. в контексте реализации разворачивавшегося плана индустриализации стояла абсолютно аналогичная задача – массового осуществления рабочего жилищного строительства. Как следствие, осенью 1927 г. в Германию с целью изучения опыта жилищного строительства отдельных кварталов и целых рабочих поселков была направлена делегация ряда крупных советских строительных организаций, являвшихся в данный период основными застройщиками жилья для рабочих в СССР и некоторых союзных республиках – Строительного директората ВСНХ РСФСР,

Стройконвенции, Мосстроя, Госпромстроя, Текстильстроя, 3-го Государственного хлопчатобумажного треста, Главэлектро, Югостали, Индустроя, ВСНХ Азербайджана, Азнефти, НИГРЭСа, завода «Красное Сормово»[363] (рис. 77).

Рис. 77. Заграничная экскурсия инженеров-строителей и архитекторов в Германию (1927)

Состав делегации: Н. А. Андреев, Н. А. Волков, В. С. Саркисов, А. Я. Герасев, М. Я. Гриссик, А. О. Новак, С. А. Новиков, К. П. Виганд, Д. И. Равдин, В. Г. Кулябко, Г. Н. Суханов, Г. П. Воробьев

Рис. 78. Застройка поселка Бритц. Берлин (Германия). Б. Таут. Современное состояние. Фото с натуры

Рис. 79. Застройка поселка Тёртен. Дессау (Германия). В. Гропиус. Современный вид. Фото с натуры

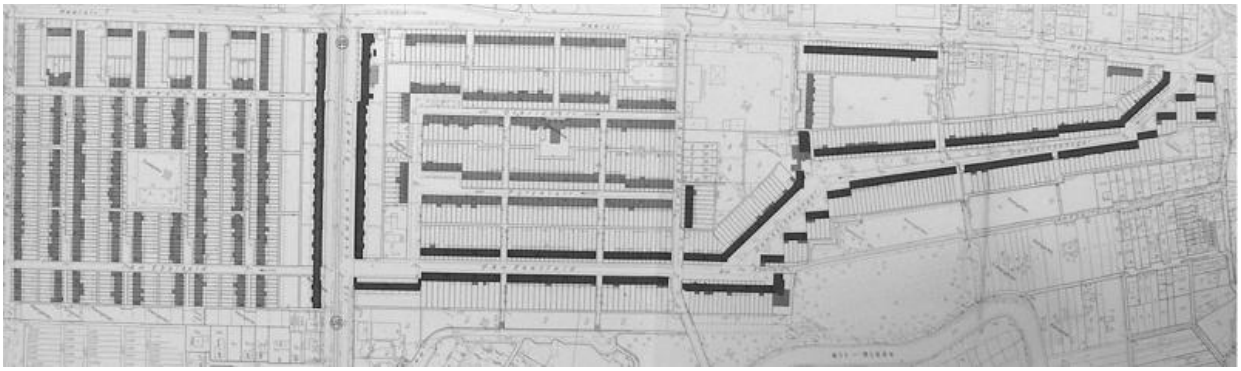

Рис. 80. Э. Май. Застройка поселка Праунхейм (Siedlung Praunheim). Франкфурт-на-Майне (Германия). 1926–1929. План

Советская делегация посетила Штуттгартскую строительную выставку «Жилище» (Die Wohnung) и изучила возведенные и находящиеся в процессе строительства рабочие пригородные поселки: Бритц (Берлин, арх. Б. Таут) (рис. 78), Тёртен (Дессау, арх. В. Гропиус) (рис. 79), Праунхейм, Максмориц и Брухфельдштрассе (Франкфурт-на-Майне, арх. Э. Май) (рис. 80–82) и др. Эти рабочие поселки были интересны руководству советских строительных ведомств не только высокой скоростью строительства и эффективной организацией производства работ, не только комфортом получавшейся жилой среды, но и тем, что они, сколь бы невероятным это ни казалось, соответствовали базовым положениям марксистской доктрины: а) обеспечивали разукрупнение существовавших городов за счет строительства автономных пригородных поселков-саттелитов; б) были изначально лишены негативных последствий чрезмерной плотности застройки; в) свободны от высокой земельной городской ренты; г) располагались в «здоровой местности», то есть в более привлекательных, чем в существовавших городах, гигиенических и природных условиях; д) обладали фиксированным количеством населения, а также социальной, инфраструктурной и бытовой самодостаточностью. Пригородные рабочие поселки «являли блестящие перспективы… в смысле улучшения состояния здоровья и физического развития… перенесения постоянного времяпребывания жителей и их семейств за черту скученных городов»[364], тем самым

практически воплощая заповеди основоположников марксизма-ленинизма о «слиянии города и деревни».

Рис. 81. Э. Май. Застройка поселка Праунхейм (Siedlung Praunheim). Франкфурт-на-Майне (Германия). 1929–1931. Фото с высоты птичьего полета

Рис. 82. Э. Май. Застройка поселка Праунхейм (Siedlung Praunheim). Франкфурт-на-Майне (Германия). 1929–1931. Современный вид. Фото с натуры

В новой застройке Берлина, Франкфурта-на-Майне, Дессау советскую делегацию привлекало то, что она была типизированной и стандартизированной как по планировочным решениям, так по конструкциям и способу монтажа. Этот момент был особенно важен, так как разработка типовых приемов застройки, оптимальной номенклатуры возводимых жилых домов и общественных сооружений, типовых профилей улиц (с учетом различия в их функциональном назначении – жилых, транспортных и т. п.), тиражируемых решений благоустройства и озеленения, конкретного сортамента внутреннего оборудования дома, принципиальным образом преобразовывала традиционные процессы проектирования и строительства – удешевляла, ускоряла их, превращала в массовые.

Совпадали, как это ни удивительно, и финансовые стороны германского и советского строительства. Так, во франкфуртских поселках (Праунхейм, Ремерштадт, Ниддабекен, Брухфельдштрассе) финансирование строительства осуществлялось по долевому принципу:

а) средства из государственных источников; б) муниципальные – в виде кредита, отпускаемого из сумм квартирного налога; в) средства, вносимые строительными фирмами и жилищными акционерными обществами (то есть общегосударственный, муниципальный и частно-предпринимательский капитал[365]). Кроме того, главным инициатором и организатором жилищного строительства выступали не частные (хоть и крупные) строительные фирмы, а общественно избираемый административный орган (в частности, городское управление Франкфурта-на-Майне)[366]. В советском варианте подобное долевое финансирование обретало своеобразный аналог: а) государственное кредитование муниципального строительства; б) материальные и денежные средства застройщиков-ведомств; в) средства советской жилищной кооперации (то есть вложение трудящимися части своего заработка). А в качестве органа, организующего жилищное строительство, в СССР, так же как в Германии, выступали «выборные» городские органы власти плюс промышленное ведомство в роли заказчика.

Заметим, что эта «модель» долевого финансирования с сосредоточением всех функций управления в руках государства (в лице местных органов власти) привлекала представителей советских ведомств-застройщиков прежде всего тем, что являла серьезный противовес идее города-сада – «продукту буржуазной жилищной кооперации»[367], основанному исключительно на частном финансировании (пусть и при поддержке банковского кредита).

Советская модель «государственно-ведомственно-кооперативного» жилищного строительства отрицала западный город-сад как организационный и имущественный прототип, потому что исключала возможность существования частной собственности на недвижимость и землю. Но позволяла населению через «советскую рабочую жилищную кооперацию» вкладывать в жилстроительство собственные средства, при этом основываясь на исключительном праве государства распоряжаться возведенной недвижимостью. Финансирование советского градостроительства базировалось на объединении средств из различных источников. Но затем распределение и эксплуатация возведенного жилого фонда осуществлялись исключительно централизованно, под полным контролем ведомств (наркоматов) или местных органов коммунального хозяйства, которым высшее партийно-

правительственное руководство страной делегировало права «субъектов» градостроительной активности. В Советском Союзе, так же как и в Германии, подобная централизация финансирования градостроительной политики и управления ею призвана была обеспечивать «рационализацию» строительства[368].

Представителей советских ведомств-застройщиков привлекало в индустриальном строительстве Германии также и то, что квартиры вводились в эксплуатацию с комплектованием стандартным набором основных предметов мебели. В рамках требований производства мебели для удовлетворения нужд трудящихся, которые декларировала в этот период советская власть, подобный опыт не мог не притягивать к себе внимание.

Делегация отмечала те положительные отличия германской строительной отрасли от советского ведомственного строительного комплекса, которые следовало превратить в материал для серьезного анализа и заимствования. Это прежде всего технологичность строительного производства. Изучаемые примеры массовой застройки для рабочих поразили советскую делегацию полным отказом от кирпичной кладки: дома не возводились на стройплощадке, а собирались на месте из готовых элементов. Так, крупные пемзобетонные плиты размером 3×1,1×0,2 м и весом 726 кг[369] изготавливались не на стройплощадке, а на заводе (рис. 83). А на площадке из этих уже готовых строительных элементов дома складывались, как из заготовок детского конструктора. Благодаря этому удавалось вчерне осуществлять монтаж двухэтажных домов жилой площадью 65–70 кв. м (с погребом) за 17 дней с незначительным количеством рабочих[370] или большим количеством (18 человек), но очень быстро – за 1,5 дня[371]. Кроме того, пемзобетонные плиты позволяли осуществлять серьезную экономию материалов: а) дорогостоящей арматуры, в которой не нуждался подобный сборный дом; б) кирпича, так как плита толщиной 20 см заменяла кирпичную стену толщиной 46 см, обеспечивая те же самые теплоизоляционные показатели, которых требовали германские нормы, и т. п.

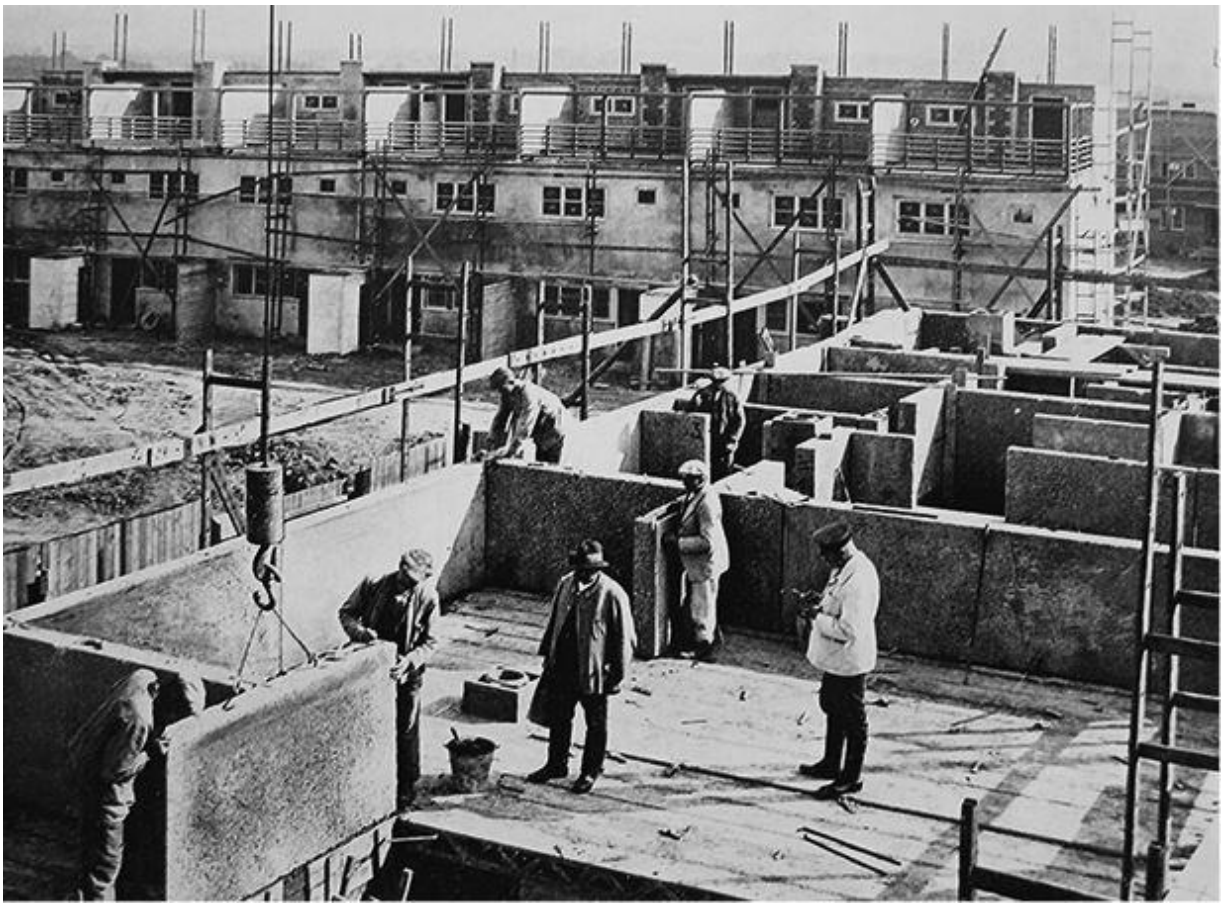

Рис. 83. Монтаж домов из крупных пемзобетонных плит

Другой тип домов – сооружения из шлакобетонных пустотелых блоков размером 22,5×25×50 см, то есть такого веса, чтобы один человек мог легко поднять и уложить их, – также собирался в немыслимые сроки: два блокированных дома вчерне за три дня. Перекрытия этажа из облегченных дырчатых железобетонных балок монтировались за три четверти часа[372].

На фоне советской строительной практики середины 1920-х гг., основанной на ручной кирпичной кладке и лишенной даже намека на индустриальные методы возведения зданий[373], подобная технология имела очевидные преимущества. Ее внедрение обещало дать серьезный выигрыш в трудозатратах, материалоемкости, скорости и в конечном счете сулило значительную эффективность массового строительства.

Будущее советских городов и рабочих поселков, перспективы рабочего жилищного строительства в СССР виделись руководству советских ведомств-застройщиков вполне традиционным образом. Но

не в виде «буржуазных коттеджей», а в форме многоэтажного, многоквартирного городского жилища с индивидуальными квартирами на одну семью[374]. Поэтому внимание делегации особенно привлекал тот факт, что при общем поселковом характере планировки германских пригородных поселков в их застройке использовались дома именно городского типа. В этот период советские застройщики исходили из представления о том, что основным типом застройки в поселениях-новостройках возле промышленных, энергетических, транспортных предприятий должно являться коллективное жилище: многоэтажные благоустроенные общежития, рабочие казармы, жилые здания коридорного типа, секционные дома коммунального заселения и т. п.

Делегация обратила особое внимание на то, что возводимое в Германии жилище снабжалось горячей водой, отоплением и канализацией централизованно, а не от локальных котельных и мелких очистных сооружений. Особо подчеркивался факт максимально полного использования всех помещений здания, в частности подвалов и чердаков. Так, например, подвалы изначально приспосабливались для хозяйственных нужд и поэтому имели естественное освещение за счет поднятия пола первого этажа на 0,9–1,1 м выше уровня тротуара, с входом в подвал с общей лестничной клетки, что позволяло избежать привычного в России отдельного наружного входа, «загромождавшего двор навесами и ограждениями, неудобного для жильцов и требовавшего на свое осуществление излишних средств». А чердаки, образуемые стенами, специально приподнятыми выше верхнего перекрытия, использовались для устройства помещений общего пользования (в частности, прачечных, одна прачечная на две лестницы для 12 квартир), а также для размещения дополнительных хозяйственных помещений общего пользования[375].

Индустриализация строительного производства положительно отличала германскую деятельность массового проектирования и возведения рабочего жилища от традиционной на тот период в России практики штучного проектирования и «ремесленного» строительства. В преддверии первой пятилетки именно эта тема стала предметом пристального внимания со стороны руководства советского строительного комплекса. Новизна подхода, реализованного в осмотренных делегацией поселках Праунхейм, Максмориц и Брухфельдштрассе, состояла в следующем: 1) изготовление домов

осуществлялось не ремесленным, а фабричным способом, то есть элементы, предназначенные для монтажа (включая перекрытия, крыши, стены и т. д.), изготавливаются в стационарных мастерских, а не на месте постройки, по определенным сериям и сортаментам (заметим, что в Германии и Америке в это время даже частичное применение стандартных частей зданий, изготовленных заводским способом, сразу давало экономию до 30 %[376]); 2) в техническом отношении сборное домостроение многократно ускоряло возведение зданий, причем разбивка наружной стены на несколько типов панелей: подоконных, опорных, межоконных – позволяла снизить вес конструкций и обходиться более легкими и более дешевыми переносными или самоходными кранами; 3) строительное производство на месте работы организовывалось в несколько смен (а также круглогодично), что позволяло максимально полно использовать дневное время и весь строительный период; 4) оно осуществлялось по четкому календарному графику с полным исключением простоев, подобно промышленному конвейерному производству; 5) подобная технология была лишена привычных для России «приобъектных складов», совершенно ненужных в условиях подвоза материалов небольшими партиями по мере надобности, а также свободна от услуг кладовщиков, счетоводов, конторщиков, сторожей и исключала выписку бесконечных требований, разрешений, расписок и пр.; 6) проектно-строительная документация разрабатывалась на основе планировочных стандартов с обязательным использованием всего ассортимента заранее разработанных элементов; в ее составе, кроме обычных чертежей (планы, фасады, разрезы, узлы, детали), изготавливались специальные сборочные чертежи, подобно монтажным чертежам по сборке автомобилей[377]; 7) финансовая и организационная политика была направлена на снижение строительных затрат, прежде всего за счет ликвидации непроизводительных промежуточных операций и лишних технологических этапов, а также в результате привлечения фирм, специализировавшихся на выполнении отдельных видов работ и обладавших специальными машинами, механизмами, приспособлениями, инструментами и высококвалифицированными кадрами[378].

Основной вывод, который сделала советская делегация, состоял в том, что все вышеизложенные достоинства германской строительной практики могли бы получить значительно более сильный импульс в

реализации и развитии, если бы основывались на возможностях крупной государственной строительной промышленности, как в СССР. Скорее всего именно это понимание и легло в основу постановки задачи переноса в Советский Союз передового немецкого опыта ускоренного, стандартизированного, дешевого и качественного строительства массового жилья для рабочих («индустриального домостроения», как назвали бы его сегодня), для этого по результатам экскурсии в СССР были приглашены на работу архитекторы – авторы изучавшихся рабочих поселков[379]: Вальтер Гропиус это приглашение отверг, Бруно Таут и Эрнст Май приняли[380].

4.3. Частное или государственное?

В 1928 г. власть на государственном уровне фактически впервые за весь период своего существования высказала официальную позицию в отношении жилищной политики: 4 января 1928 г. было принято постановление Центрального исполнительного комитета и Совета Народных Комиссаров Союза ССР, которое так и называлось – «О жилищной политике»[381].

Постановление однозначно фиксировало цели государственной жилищной политики, фактически приводя в вид конкретных формулировок ту стратегию использования жилища как средства обеспечения процесса индустриализации, которую власть и так реально осуществляла все предшествовавшие годы: «Придавая строительству рабочих жилищ и улучшению общего состояния жилищного и коммунального хозяйства первостепенное значение в деле индустриализации страны и считая очередной задачей обеспечить дальнейшее увеличение жилой площади для рабочих промышленности и транспорта… должно производиться наиболее рациональное с точки зрения индустриализации страны и достижения максимального эффекта строительства (рабочих жилищ. – *М. М.*) распределение средств»[382].

Постановление объявляло «целесообразным дальнейшее расширение индивидуального рабочего жилищного строительства»[383], но делало это с тремя принципиальными оговорками.

Во-первых, поскольку частное жилище заменялось в рамках советской жилищно-расселенческой политики особым типом жилья – коммунальным покомнатно-посемейного заселения, постольку его возведение допускалось лишь в тех рабочих поселках и промышленных районах, которые не включались в программу индустриализации и поэтому сюда не направлялось государственное финансирование. Как следствие, здесь «бытовые и экономические условия не позволяли в достаточных размерах развивать крупное государственное и кооперативное жилищное строительство» (то есть в дачных и курортных поселках, располагавшихся вне промышленных районов, а также в мелких городах, лежавших вне ареалов индустриализации и,

следовательно, вне направленности стратегических интересов власти) [384].

Во-вторых, поскольку никакие иные категории населения, кроме пролетариата, не «пользовались доверием» власти, к возведению частного жилища допускались только застройщики из числа рабочих.

В-третьих, в силу того что политика власти основывалась на управлении организованными массами населения (рассредоточенными по территории индивидами советская власть управлять не умела), строительство частного жилища допускалось лишь на коллективных началах в форме долевого участия собственными финансовыми средствами, под обязательным контролем государства в лице заводской администрации или правлений рабочих жилищно-строительных кооперативов, в которые по месту работы должны были объединяться «частные» застройщики[385].

В преамбуле постановления фиксировалось: «Несмотря на то что принятыми за последние три года мерами в ряде крупных промышленных центров достигнуто некоторое улучшение жилищного положения рабочих, состояние жилищного дела на всей территории Союза ССР продолжает оставаться тяжелым»[386]. Постановление определяло ряд задач в осуществлении жилищной политики: «…ЦИК и СНК Союза ССР признают необходимым для разрешения жилищного кризиса: 1) усиление темпа строительства новых жилищ; 2) максимальное накопление средств внутри самого жилищного хозяйства, в частности, за счет квартирной платы; 3) правильную и целесообразную постановку управления и эксплуатации жилищного фонда; 4) укрепление и развитие кооперативного жилищного строительства; 5) возможно большее привлечение частного капитала в жилищное строительство; 6) упорядочение организации жилищного строительства и его удешевление»[387].

Формулируя положения своей жилищной политики, власть исходила из рассмотрения «рабочего жилища» как «селитьбы при производстве», что также последовательно и закономерно воплощало реализуемую ею концепцию «соцрасселения»[388]. Постановление постулировало необходимость формирования такой финансовой политики распределения средств на жилищное строительство, которая обеспечивала бы «наиболее рациональное» использование

материальных и финансовых ресурсов прежде всего «с точки зрения индустриализации страны»[389].

Придавая первоочередное значение строительству промышленных производств, власть отдавала себе отчет в том, что ни само возведение промышленных предприятий, ни их последующая эксплуатация невозможны без решения вопроса о размещении в каком-либо жилище прибывающих на эти предприятия рабочих и их семей. Основным застройщиком рабочих жилищ в новостройках, опять же в полном соответствии с концепцией «соцрасселения», назначалась администрация возводимых промышленных предприятий[390]. В крупных городах, где скрещивались интересы разных промышленных ведомств, таким ответственным «лицом» определялись местные Советы, единственные, кто мог использовать свои властные полномочия для осуществления комплексной строительной деятельности, согласовывая для этого разнонаправленные цели и интересы различных ведомств, перекрещивавшиеся на территории города[391].

Всем им последующими регулирующими документами предписывалось осуществлять покомнатно-посемейное проектирование, строительство и заселение. Так, в 1929 г. вышло в свет официальное издание Строительной комиссии ЭКОСО РСФСР под названием «Типовые проекты и конструкции жилищного строительства, рекомендуемые на 1930 г.»[392], в котором, во-первых, указывалось: «…Все строящие государственные, общественные и кооперативные учреждения и предприятия, проектные и строительные организации, а также акционерные общества (паевые товарищества) с исключительным или преобладающим участием государственного или кооперативного капитала должны при проектировании и осуществлении строительства в 1929/1930 гг. жилых домов: а) руководствоваться утвержденными президиумом Стройкома РСФСР[393] типовые проекты и конструкции, публикуемые в сборнике-альбоме…»[394] А во-вторых, в данном издании были приведены рекомендуемые проекты, в которых покомнатно-посемейное поселение изображалось на планах квартир расстановкой нужного количества условных кроватей. Так, в частности, проекты двух-трехкомнатных квартир (без ванн и душа), разработанные комиссией по стандартизации ВСНХ СССР, предполагали заселение в три комнаты –

двух семейных пар и одиночку; в две комнаты – семью из трех человек плюс одиночку[395]. Проекты квартир с люфт-клозетом, разработанные этой же комиссией, предполагали заселение в три комнаты – трех семей из двух-трех человек каждая[396]. То же самое в проектах ЦК Банка и проектах 3-комнатных квартир Стройкома Москвы[397].

В этот период власть рассматривала в качестве ведущей и реализовала как основную государственно-ведомственную форму хозяйственного возведения и управления жилым фондом, в соответствии с которой на администрацию предприятий и учреждений возлагалась задача формирования трудобытовых коллективов, посредством предоставления нанимаемым ею рабочим и служащим ведомственного жилья. И поэтому постановление «О жилищной политике» именно администрации предприятий и учреждений предоставляет максимальные права владения и распоряжения жилищем. Так, промышленным и транспортным предприятиям передавалось «право полного освобождения в административном порядке жилых помещений, находящихся на территории предприятий, от лиц, не работающих в данном предприятии»[398]; администрация этих предприятий получала возможность в ущерб правам жилищно-арендных кооперативных товариществ заселять в дома, принадлежавшие кооперации, своих рабочих даже в том случае, если эти рабочие и служащие не являлись членами данных кооперативов[399]. Администрация предприятий промышленности и транспорта получала дополнительные возможности контроля над стабильностью трудобытовых коллективов за счет исключительного права разрешения или запрета обмена (в пределах города, пригородных районов, между городами) ведомственными жилыми помещениями[400]. За администрацией предприятий закреплялась эксплуатация (как непосредственная, так и путем сдачи в аренду) той части жилищного фонда, которая находилась в ведении предприятий промышленности и транспорта[401], а также право заключать с отдельными съемщиками договоры по найму жилой площади с оговоренными обязанностями съемщиков по эксплуатации жилищ, указанием конкретных условий и сроков найма[402]. При сдаче закрепленных домов в аренду за администрацией сохранялось право «регулировать заселение этих домов»[403].

Власть согласно новой жилищной политике, введенной в 1921 г., ратовала за активное привлечение в жилищное строительство частного капитала, но привлекала его в соответствии со своей жилищной стратегией – исключительно к строительству крупных жилых домов[404]. Поэтому основным типом массового жилищного строительства объявлялось многоквартирное, многоэтажное жилище[405]. Везде, где осуществлялось возведение социалистических городов, власть была ориентирована именно на него и только на его возведение направляла силы крупной государственной строительной индустрии. При этом везде, где власть не вела интенсивного строительства новых промышленных предприятий, на всех тех территориях, где она не имела стратегических интересов, она давала людям возможность самостоятельно решать свои жилищные проблемы, разрешая «рабочее жилищное строительство»[406].

Не была забыта в постановлении и жилищная кооперация, на которую в данный период власть возлагала особые надежды как на отдельного, но полностью контролируемого государством субъекта хозяйствования, призванного и способного привлекать деньги и силы трудящихся на строительство жилищ: «…на почве роста реальной заработной платы… существенно увеличивается возможность охвата рабочего населения жилищно-строительной кооперацией и вовлечения таким путем в это дело собственных средств рабочих и служащих…»[407] Постановление также призывало повысить квартплату, называя это «введением реальной квартплаты», приближенной к фактическим затратам по эксплуатации жилищ[408].

Власть не противилась участию архитекторов в проектировании индивидуальных жилых домов и «городов-садов», но лишь до тех пор, пока работа архитекторов в «кустарных, домашних мастерских»[409] не начала противоречить задачам осуществления единой государственной жилищной политики и создаваемой для ее реализации государственной системы массового архитектурно-проектного дела[410], в целом ориентированной на многоквартирное, многоэтажное строительство. После того как частная проектная практика своей устремленностью на другие задачи, нежели те, которые ставило руководство страной, стала мешать формированию иерархической системы централизованного управления сферой архитектурного и градостроительного проектирования, она была целенаправленно ликвидирована. Однако,

поскольку государство не способно было непосредственно воздействовать на частнопрактикующих архитекторов, так как они не входили в состав государственных проектных организаций, постольку, изживая частную проектную практику, оно действовало с той стороны, которая была ему подконтрольна – со стороны государственного заказчика в лице ведомственных строительных организаций и местных административных органов и т. п. Циркуляром ВСНХ СССР от 12 февраля 1929 г. всем промышленно-строительным трестам предписывалось работы по проектированию передавать государственным проектным организациям, категорически «отказавшись от услуг частных консультантов»[411].

В рамках советской жилищной и градостроительной политики само понятие «индивидуальная (частная) застройка» сильно трансформировалось в сравнении с дореволюционным. Оно распалось на несколько очень непохожих друг на друга разновидностей: а) официально разрешенное частное (персональное) одноэтажное (редко – двухэтажное), как правило, деревянное строительство на отводимых для этого участках на периферии существовавших городов; б) кооперативное жилищное строительство (осуществляемое РЖСКТ) отдельно стоящих или блокированных 1–2-, 2–3-этажных домов (часто заселяемое покомнатно-посемейно), объединяемых в поселки; в) незаконное строительство – самострой (так называемые нахаловки); г) коттеджи для руководства для заселения одной семьей, выдаваемые официальной пропагандой за жилье для простых рабочих[412]; д) многоквартирные дома коммунального типа, возводимые администрациями предприятий и учреждений при долевом участии личных вкладов рабочих и служащих, что позволяло трактовать их как «индивидуальную» застройку.

И лишь первое из них, в отношении собственности, хотя бы отдаленно напоминало дореволюционное частное автономное, индивидуальное (для одной семьи) домовладение. Остальные хоть таковыми и именовались, но по сути не являлись.

В традиционном частновладельческом жилище субъектом хозяйственного ведения являются владельцы домов. Но по отношению к советскому частному жилищу это положение оказалось резко измененным в сторону огосударствления. Обладать частным жилищем в СССР вовсе не означало иметь право самовольно и независимо

распоряжаться им. Согласно декрету «Об управлении домами»[413] в советском частном жилище права собственности серьезно регулировались распоряжениями извне. В результате этого оно оказалось тотально регламентируемым внешними распоряжениями по уплотнению, подселениям, ограничению в характере использования[414] и пр., как и другие виды государственной недвижимой собственности. Власть распоряжалась индивидуальным жилищем так же свободно, как и всем прочим. Причем без всяких ограничений на то, что данный вид домовладений находится в частной, а не государственной собственности.

Осуществлять индивидуальное жилищное строительство в условиях социализма (при централизованном государственном распределении лимитов на строительные материалы и при почти неизбежном условии государственного же кредитования) – это вовсе не значило строить что хочется и как придется. «Содержание» индивидуального строительства строго контролировалось не только администрацией предприятий, через которую осуществлялось финансирование, но и в целом, в общегосударственном масштабе. Надзор и контроль были возложены на главного субъекта хозяйственного ведения и политического распоряжения жилищем – НКВД в лице его главного исполнительного органа ГУКХ (Главного управления коммунального хозяйства). Ему поручалось упорядочивать индивидуальное жилищное строительство (в масштабе всей страны), обеспечивать технический надзор за ним, разрабатывать меры в отношении его нормирования[415] и управления эксплуатацией, разрабатывать проекты, рекомендуемые (а по сути, обязательные) для его возведения, и т. п.

В результате владельцы частных домов попадали если не в прямое подчинение, то в тотальную зависимость от жилищно-коммунальных отделов местных органов власти. В том числе и после возведения домостроения, поскольку они несли «…ответственность… перед жилищными отделами»[416] горсоветов, которые, кстати, находились в двойном подчинении – местной власти, с одной стороны, и ГУКХ НКВД – с другой[417]. В случае невыполнения владельцем возложенных на них жилищным отделом обязательств по управлению домом и произошедшего по этой причине разрушения дома коммунальный

отдел имел право отобрать у владельца дом и представить его «к муниципализации как бесхозяинный»[418].

Люди стремились построить себе собственное жилище, а власть – к тому, чтобы именно в свои руки стянуть руководство всеми процессами возведения и распределения жилища. Для этого она принуждала жилищные кооперативы к отказу от возведения индивидуальных обособленно стоящих домостроений, к строительству вместо них многоквартирных домов, особенно на территориях существовавших городов. Так, в частности, в строительном сезоне 1924 г. в Москве проектировались и возводились преимущественно деревянные рубленые 2-этажные 4-квартирные дома[419] либо здания каркасного типа с засыпкой опилками или применением «антисептика» инженера Галахова[420]. Что же касается пригородов, до которых в этот период руки не доходили, то в поселках для промышленных рабочих, располагавшихся на территории Московской губернии, «излюбленным типом жилого дома»[421] в первой половине 1920-х гг. оставался одноэтажный одно– или двухквартирный дом – «возможность удобного и изолированного расположения на участке, близость и удобство сообщения со службами, наличие веранды-крыльца, возможность устройства отопления и варки пищи с помощью русской печи – все это, приближая к условиям крестьянской семьи, рассматривается как тип, наиболее приемлемый в тех местах, где сельское хозяйство является добавочным источником существования фабричного рабочего»[422].

Таким образом, государственная жилищная и градостроительная политика, с одной стороны, и инициативы советской жилищной кооперации – с другой, были направлены в диаметрально противоположные стороны. Но власть начиная с середины 1920-х гг. последовательно и упорно направляла деятельность жилищной кооперации в общее русло государственной политики. И по мере конкретизации своей социально-организационной стратегии все более вынуждала и государственные строительные организации, и жилкооперацию переориентироваться на возведение многоэтажного, многоквартирного жилого фонда. Как следствие, уже в середине 1920-х гг. отдельные жилтоварищества начинают искать компромиссные решения. Показателен пример трансформации под влиянием государственных установок строительной программы рабочего жилищно-строительного кооперативного товарищества «Пролетарий».

РЖСКТ было образовано в 1924 г.[423], оно объединяло рабочих крупнейших государственных заводов и фабрик Мытищенского района Московского уезда. В 1924 г. РЖСКТ возводит на земельном участке у станции Тайнинская Северных железных дорог два тесовых дома. В следующем, 1925 г. возводится девять отдельно стоящих одноэтажных бревенчатых домов для индивидуального заселения; в 1926 г. – десять 2-этажных домов. А уже в 1927 г. товарищество окончательно «встает на путь укрупнения строительства и возводит, как это предписывается официальной жилищной политикой, главным образом 2-этажные 4-квартирные дома»[424] для коммунального (покомнатно-посемейного) заселения.

Советская власть целенаправленно изменяла организационно-правовое содержание частного индивидуального жилища и в конечном счете придала ему ту особую форму собственности (владения и распоряжения), которую, как бы парадоксально это ни звучало, следует именовать «государственно-частной». И несмотря на почти полное искажение «сути» частного, индивидуального жилища, политика советской власти неизменно была направлена на планомерное сокращение даже такого псевдоиндивидуального жилищного строительства. К концу 1920-х гг. государственная градостроительная политика окончательно сместила приоритеты от частной и индивидуально-кооперативной форм возведения жилища и поселений возле промышленных предприятий к ведомственно-государственной, предельно сузив зону самостоятельности кооперативного движения и полностью подчинив ее администрации промышленных предприятий и отделам коммунального хозяйства на местах.

Приведенная ниже таблица объемов жилой площади различных форм собственности (общественной и индивидуальной), возведенной в 1923–1930 гг., демонстрирует практический результат усилий власти в осуществлении государственной жилищной и градостроительной политики – уменьшение объема собственно индивидуального строительства в 1931 г. в сравнении с 1923 г. почти в 45 раз (табл. 3).

Таблица 3. Сравнение объемов жилой площади (тыс. кв. м) различных форм собственности (общественной и индивидуальной), возведенной в 1923–1930 гг. [425]

Годы	Обобществленный сектор	Индивидуальный сектор	Всего
1923–1928	7 040	9 650	16 690
1929–1931	15 220	3 460	18 680
1932 (план)	16 100	220	16 320
Итого	38 360	13 330	51 690

Сегодня точной ретроспективной оценке объемов и «содержания» индивидуального (частного) жилищного строительства в СССР в 1920–1930-е гг. во многом препятствует терминологическая путаница из-за того, что в конце 1920-х гг. «индивидуальной» застройкой часто именовались ведомственные или муниципальные многоквартирные дома коммунального типа заселения. Причина такого странного названия связана с тем, что в качестве инициаторов застройки этих домов выступали «индивидуально» (по собственному желанию) рабочие и совслужащие (не персонально, как это было еще возможно в период НЭПа, а в обязательном порядке объединяемые в жилищно-строительный кооператив по месту работы), то есть как «коллективный застройщик». При этом рабочие имели возможность «персонального» получения от государства кредита на возведение жилища, опять же не в индивидуальном порядке, а в «организованном». Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 31 декабря 1928 г. «О политике и практике рабочего жилищного строительства в городах и рабочих поселках» разъясняло значение такой соорганизации: «…начиная с 1928–1929 гг. произвести увеличение кредитования индивидуальных застройщиков из рабочих и служащих»[426]; но при соблюдении обязательного условия – осуществления строительства на коллективных началах: «…поставить использование кредитов в формах, способствующих организации как самого строительства, так и ведения домового хозяйства индивидуальных застройщиков на коллективных началах»[427]. Таким образом, рабочие и служащие за счет прежде всего собственных средств, а иногда и получая ссуды, но при неизбежном финансовом, организационном соучастии и руководстве со стороны администрации предприятия, на котором они работали, имели возможность долевого строительства многоквартирных зданий, куда и вселялись потом, как правило, покомнатно-посемейно. Именно это и именовалось в конце 1920-х гг. «индивидуальным» строительством.

Основополагающим постулатом государственной жилищной политики в СССР было формирование единой системы расселения, а в ее рамках – недопущение какой бы то ни было социально-культурной и территориально-управленческой автономии, присущей говардовским поселкам-садам и преемственным им поселкам советской жилищной кооперации. Власть устремила свои усилия на формирование и реализацию новой планировочной доктрины – «советского рабочего поселка».

Глава 5. Советский рабочий поселок

5.1. Жилищно-производственный комплекс

Планировочные черты рабочих поселков, проектировавшихся и строившихся советскими ведомствами в середине 1920-х гг., претерпели к концу 1920-х гг. в сравнении с прототипом говардовских городов-садов значительные изменения. В частности, свободная планировка, основанная на художественно-живописных принципах, практически повсеместно оказалась вытесненной регулярной. К ее выбору планировщиков невольно подталкивала провозглашаемая руководством страны ориентация на максимальную экономию финансовых средств и материальных ресурсов при проектировании жилищного строительства. Именно экономия вынуждала проектировщиков выбирать прямоугольную планировочную сетку улиц с укрупненным кварталом, потому что она позволяла сокращать: а) общую протяженность проездов; б) число проездов с односторонней ориентацией застройки; в) протяженность инженерных сетей[428]. Все это в совокупности приводило к снижению расходов на благоустройство и инженерное оборудование территории и к уменьшению затрат на строительство поселения в целом. Кроме того, требование экономии денег вызывало сокращение числа скверов, объезды вокруг которых увеличивали протяженность улиц[429]. Как следствие, стремление придать планировке поселка черты художественной живописности отсутствовало изначально, так как ни заказчик, ни проектировщики, осознавая приоритет требования экономии денег и материалов, таких задач даже не выдвигали. В подобных случаях планировка рабочих поселков производилась по принципу простейшей геометрической (прямоугольно-решетчатой) разбивки территории на строительные участки (рис. 84, 85).

Рис. 84. Рабочий поселок им. Рыкова завода «Красный Октябрь» (г. Сталинград). 1925

Рис. 85. Рабочий поселок им. Минина (г. Сталинград). Арх. И. Летюшов. 1925

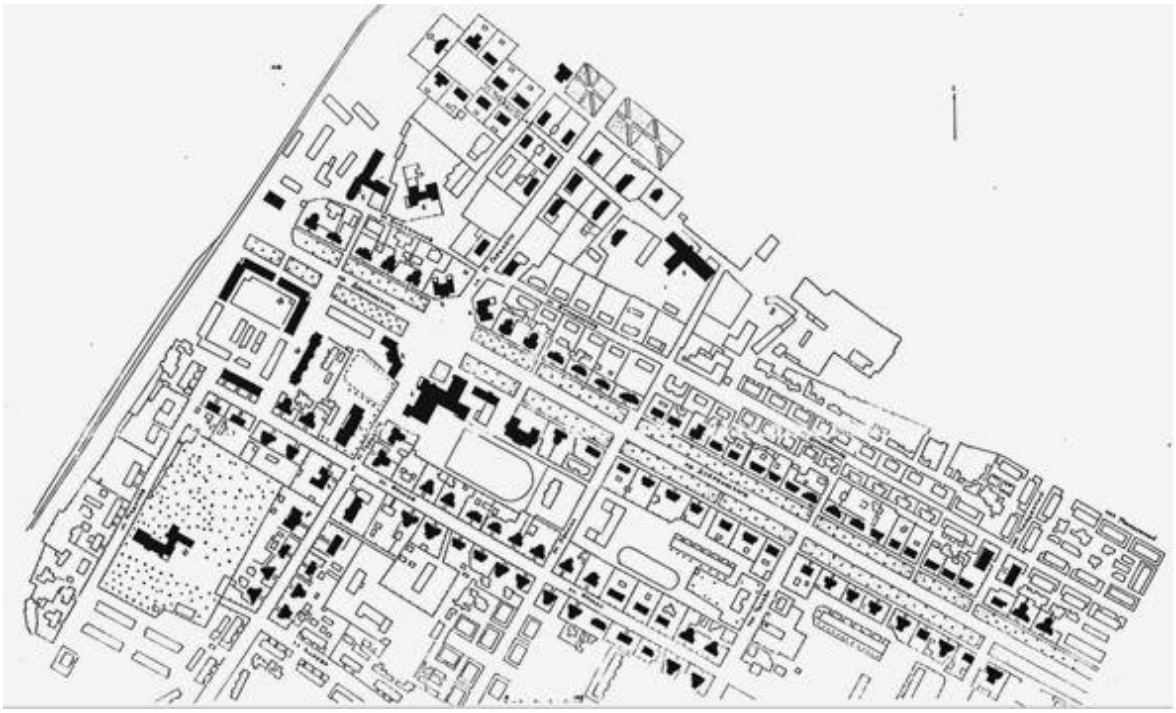

Рис. 86. Соцпоселок Правдинск (г. Нижний Новгород). Генплан. Арх. П. Струков. 1926

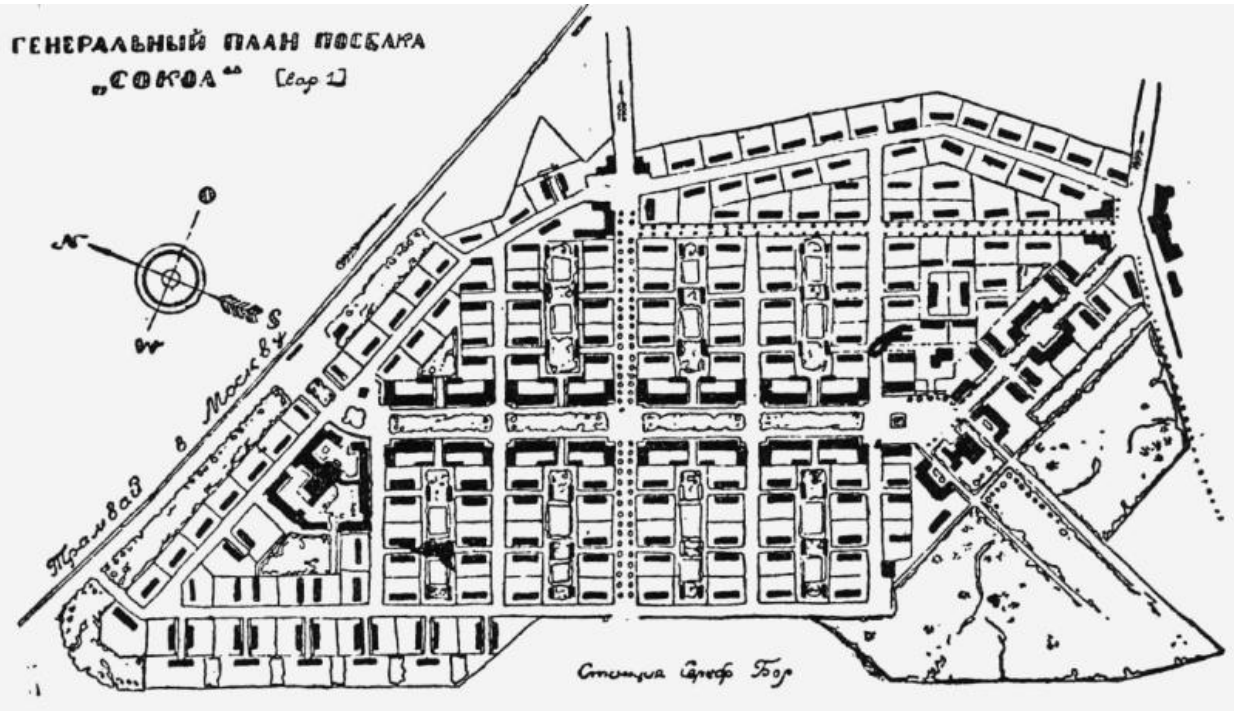

Рис. 87. Поселок Сокол. Альтернативная планировка территории (с прямоугольной сеткой улиц). 1-й вариант. Застройка блокированными (по 4–5 шт.) коттеджами с индивидуальными садовыми участками. Арх. Н. В. Марковников

Один из примеров «рационализации распланирования» и отказа от какой бы то ни было живописности в пользу «параллельно-решетчатой» планировки – соцпоселок Правдинск (арх. П. Струков, 1926), проектирование и строительство которого велось акционерным обществом «Центробумтрест». Его структура задавалась двумя взаимно перпендикулярными транспортными осями, а параллельно главной продольной оси поселка по обе ее стороны располагались второстепенные жилые улицы[430] (рис. 86).

При сравнении живописной и регулярной планировок в отношении экономической эффективности – последняя давала очевидную экономию и денег, и материалов. С этим вынужден был согласиться даже такой несгибаемый приверженец живописной планировочной структуры поселений, как архитектор Н. В. Марковников[431]. Будучи

убежденным сторонником индивидуального жилища и приверженцем использования художественных принципов при формировании планировочной композиции поселений-садов, он проводил сравнение живописной планировочной структуры существовавшего поселка-сада Сокол с возможными вариантами планировки того же самого поселка, но основанными на регулярной сетке улиц, и невольно приходил к выводу об экономической эффективности регулярной структуры.

При разработке альтернативных вариантов планировки Н. В. Марковников оставлял неизменным общий абрис территории поселения и исходную идею формирования двух перпендикулярных главных улиц – центральной бульварной и поперечной, обсаженной деревьями и ведущей к станции Серебряный Бор (далее переходящей в проезжую улицу, направленную к селу Всехсвятскому). При этом каждый из альтернативных вариантов, в отличие от исходного, имел прямоугольную сетку улиц, квартальную структуру и иные, нежели в исходной схеме, типы домов (рис. 87–90).

В первом варианте альтернативной планировки Марковников разбивал территорию на регулярные типовые кварталы, застраиваемые блокированными коттеджами с индивидуальными садовыми участками и общими внутриквартальными дворами, в которых располагались детские и спортивные площадками, а также группы сараев для дров (рис. 91).

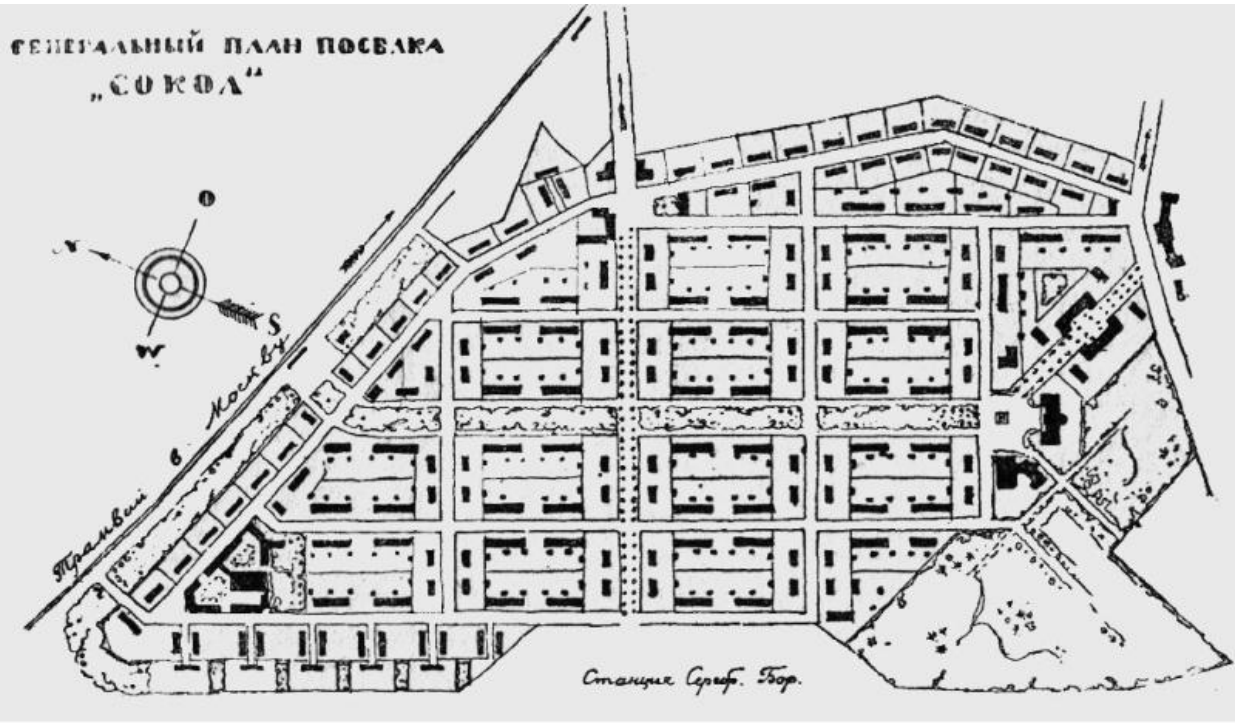

Рис. 88. Поселок Сокол. Альтернативная планировка территории (с прямоугольной сеткой улиц). 2-й вариант. Застройка 2-этажными домами облегченной конструкции с поэтажным расположением квартир при общей лестничной клетке. Арх. Н. В. Марковников

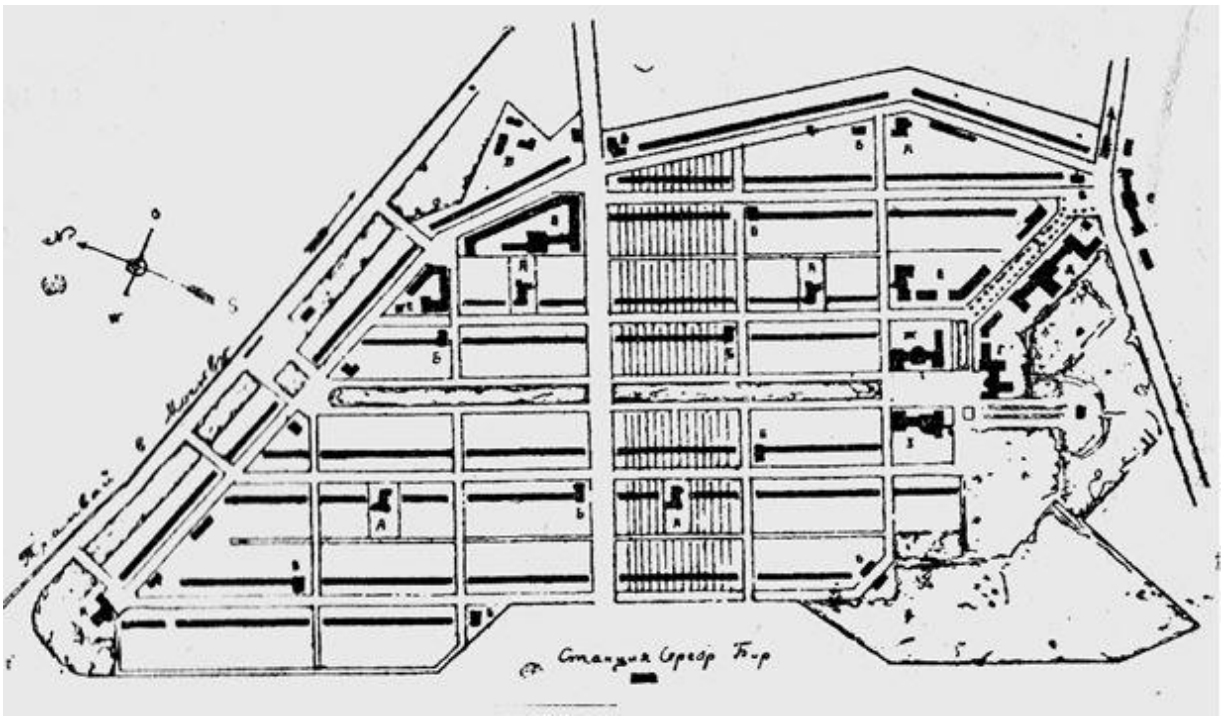

Рис. 89. Поселок Сокол. Альтернативная планировка территории (с прямоугольной сеткой улиц). 3-й вариант. Застройка одноэтажными сплошными блоками стандартных домов. Арх. Н. В. Марковников

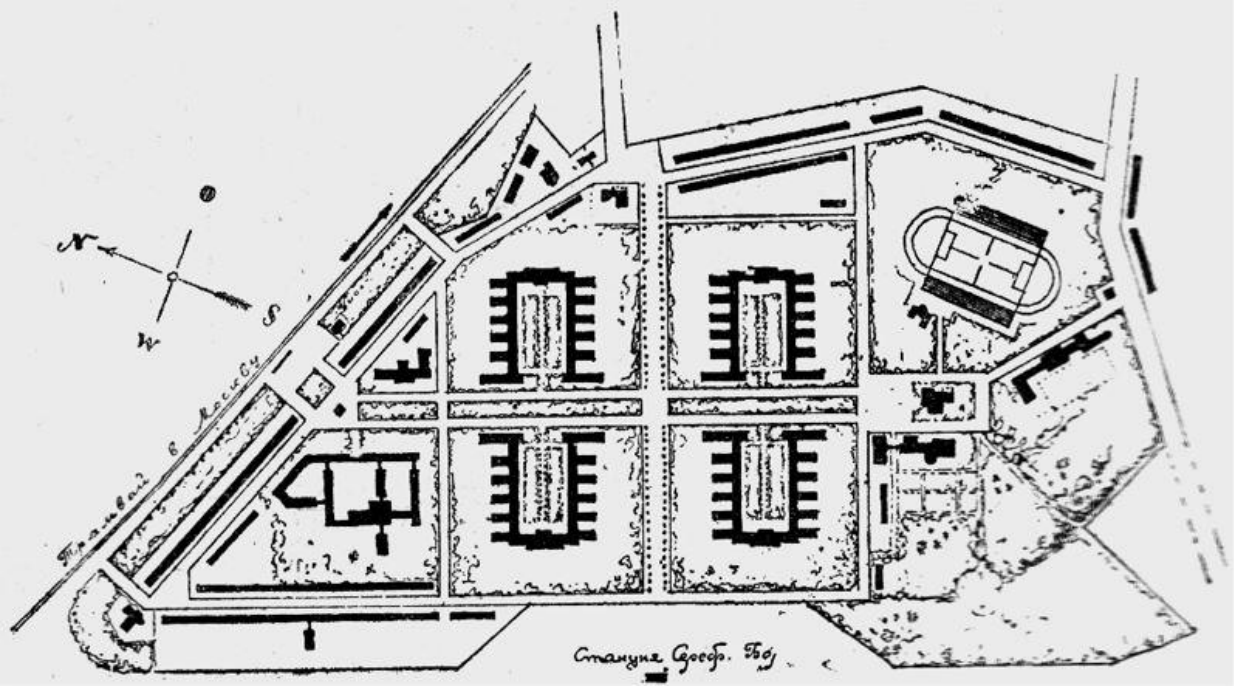

Рис. 90. Поселок Сокол. Альтернативная планировка территории (с прямоугольной сеткой улиц). 4-й вариант. Застройка домами коммунального типа. Арх. Н. В. Марковников

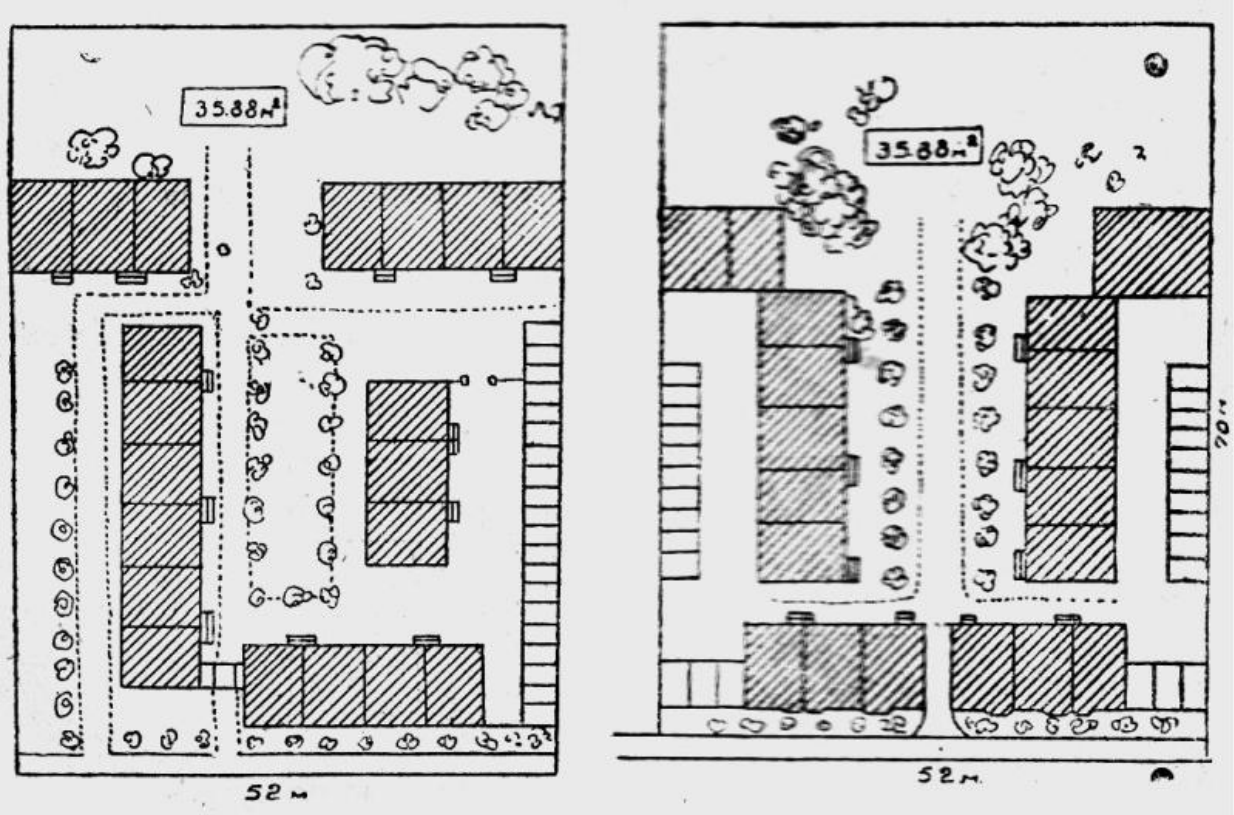

Рис. 91. Поселок Сокол. Вариант застройки квартала блокированными домами (25 % территории строительного участка). Арх. Н. В. Марковников

Во втором альтернативном варианте предусматривались типовые кварталы с 2-этажными домами облегченной конструкции (с поэтажным расположением квартир при общей лестничной клетке) (рис. 92), а также размещались восемь общежитий и один коммунальный дом (типа фаланстера)[432] общей жилой площадью около 8 тыс. кв. м (рис. 93).

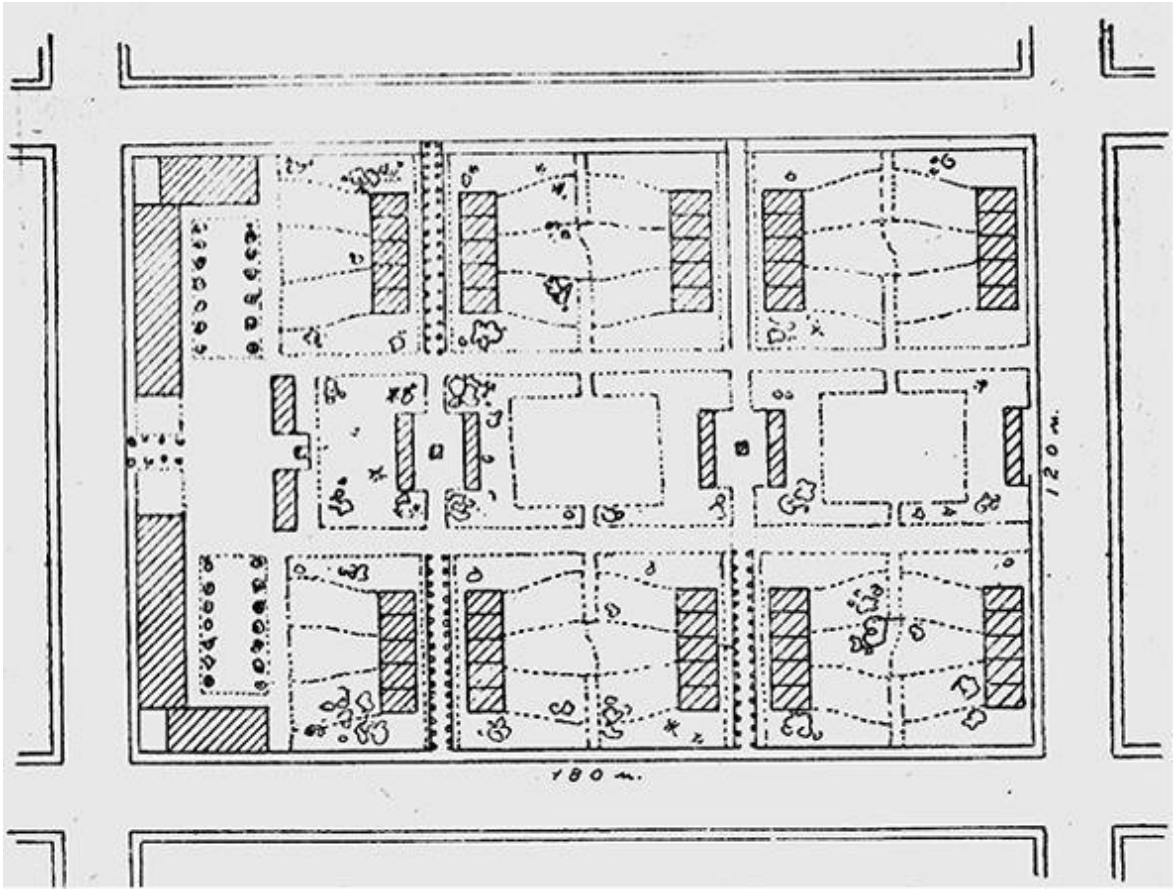

Рис. 92. Поселок Сокол. Вариант застройки квартала 2-этажными блокированными домами (с поэтажным расположением квартир) с отдельными приквартирными участками земли. Арх. Н. В. Марковников

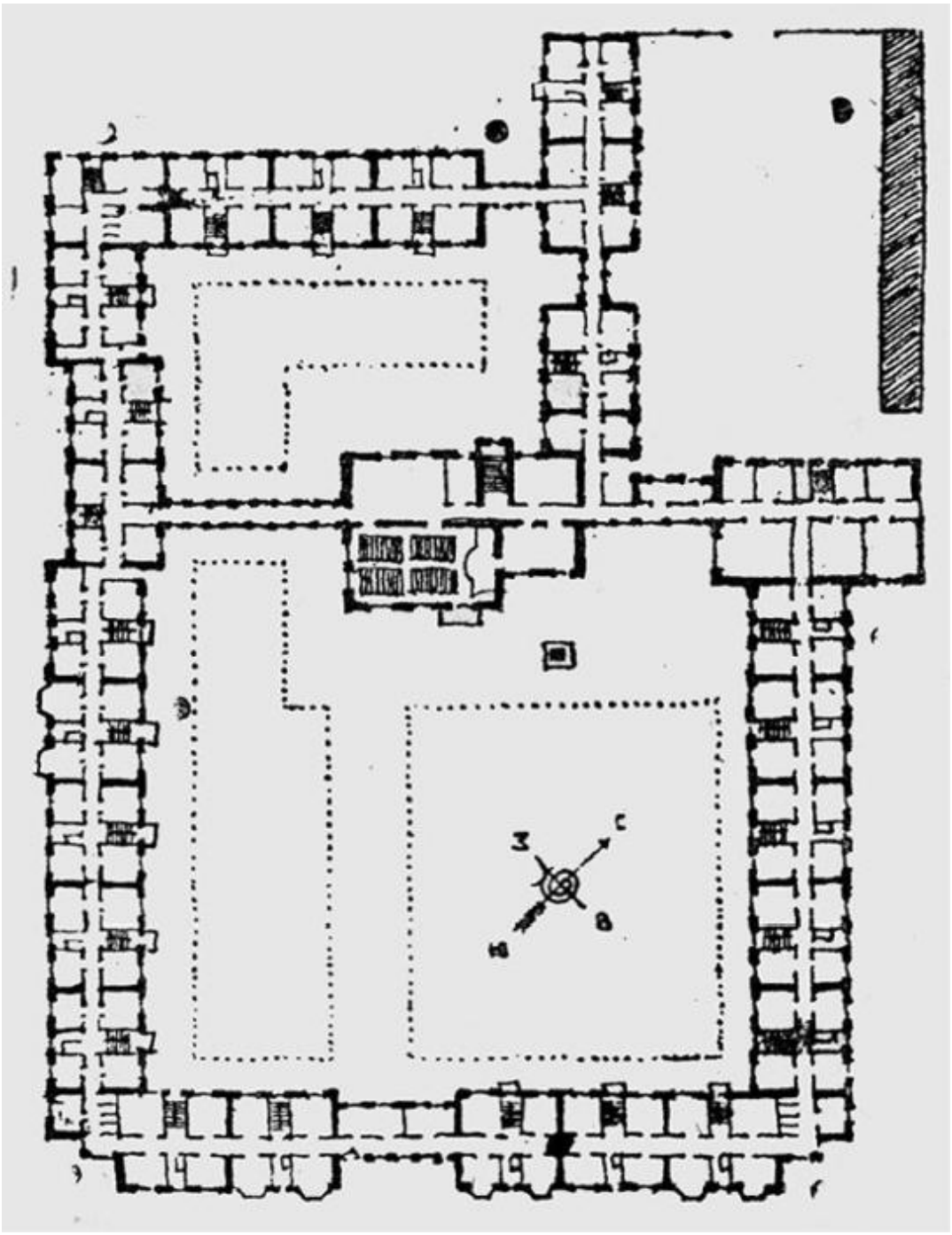

Рис. 93. Поселок Сокол. Альтернативная планировка территории. 2-й вариант. Дом-коммуна (типа фаланстера). Арх. Н. В. Марковников

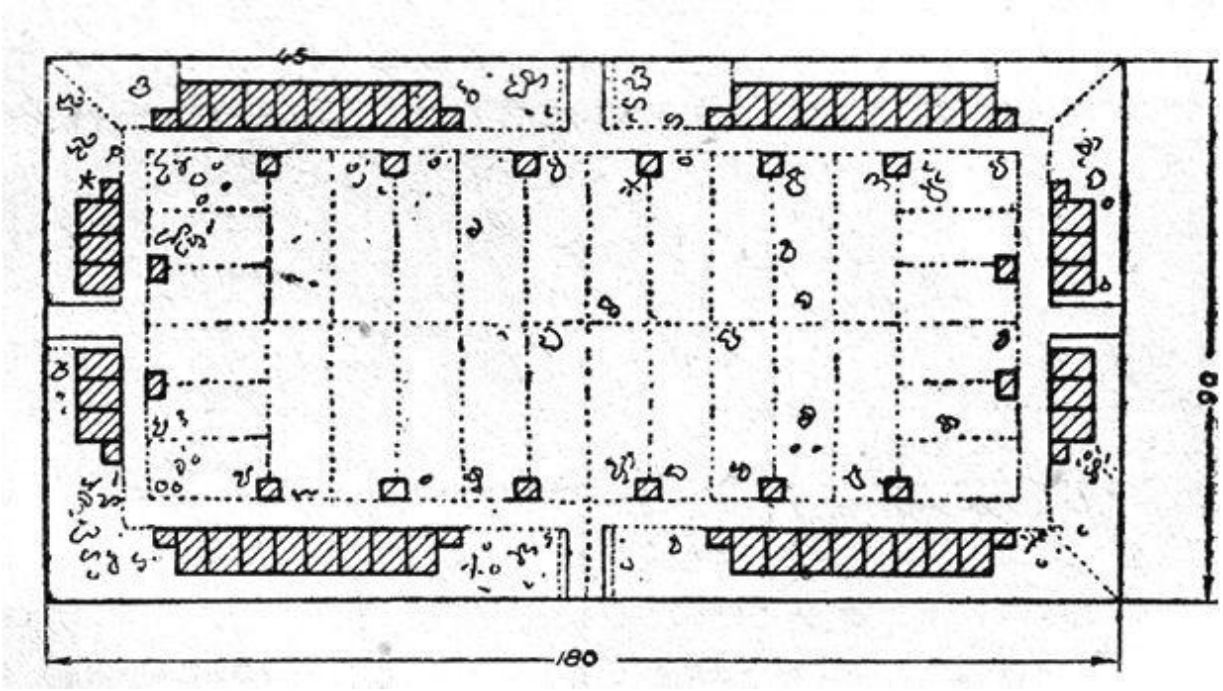

Рис. 94. Поселок Сокол. Альтернативная планировка территории. 3-й вариант. Квартал с блокированными домами и приквартирными участками земли. Арх. Н. В. Марковников

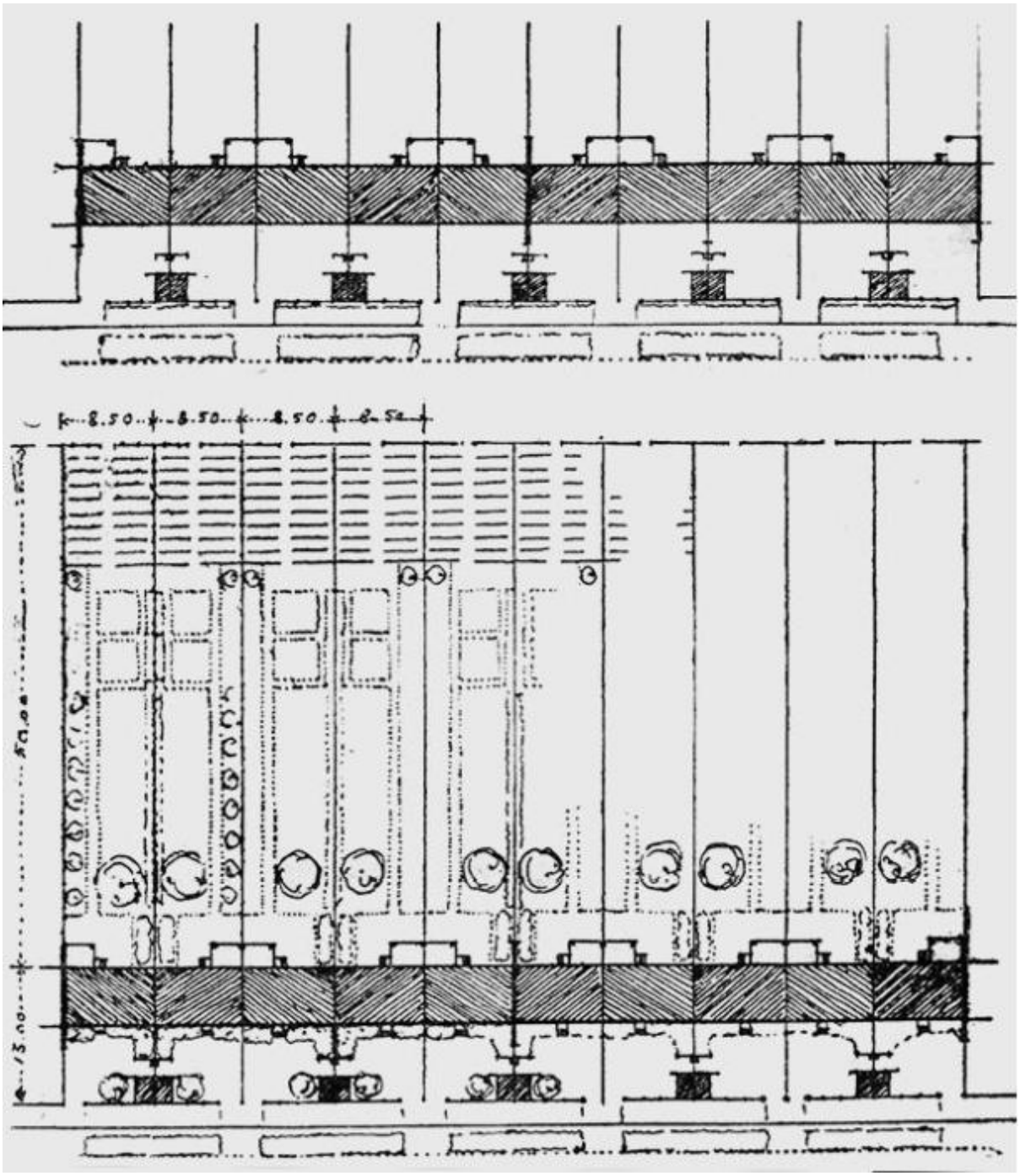

Рис. 95. Поселок Сокол. Альтернативная планировка территории. 3-й вариант. Одноэтажные блоки стандартных домов с индивидуальными садами. Арх. Н. В. Марковников

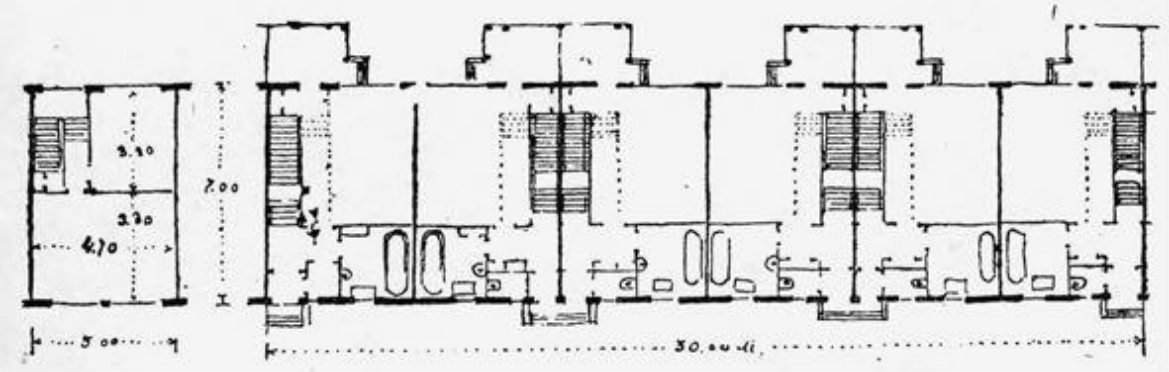

Рис. 96. Поселок Сокол. Альтернативная планировка территории. 3-й вариант. Стандартный 2-этажный блок с квартирами 50 кв. м. (для заселения по 7 чел.). Арх. Н. В. Марковников

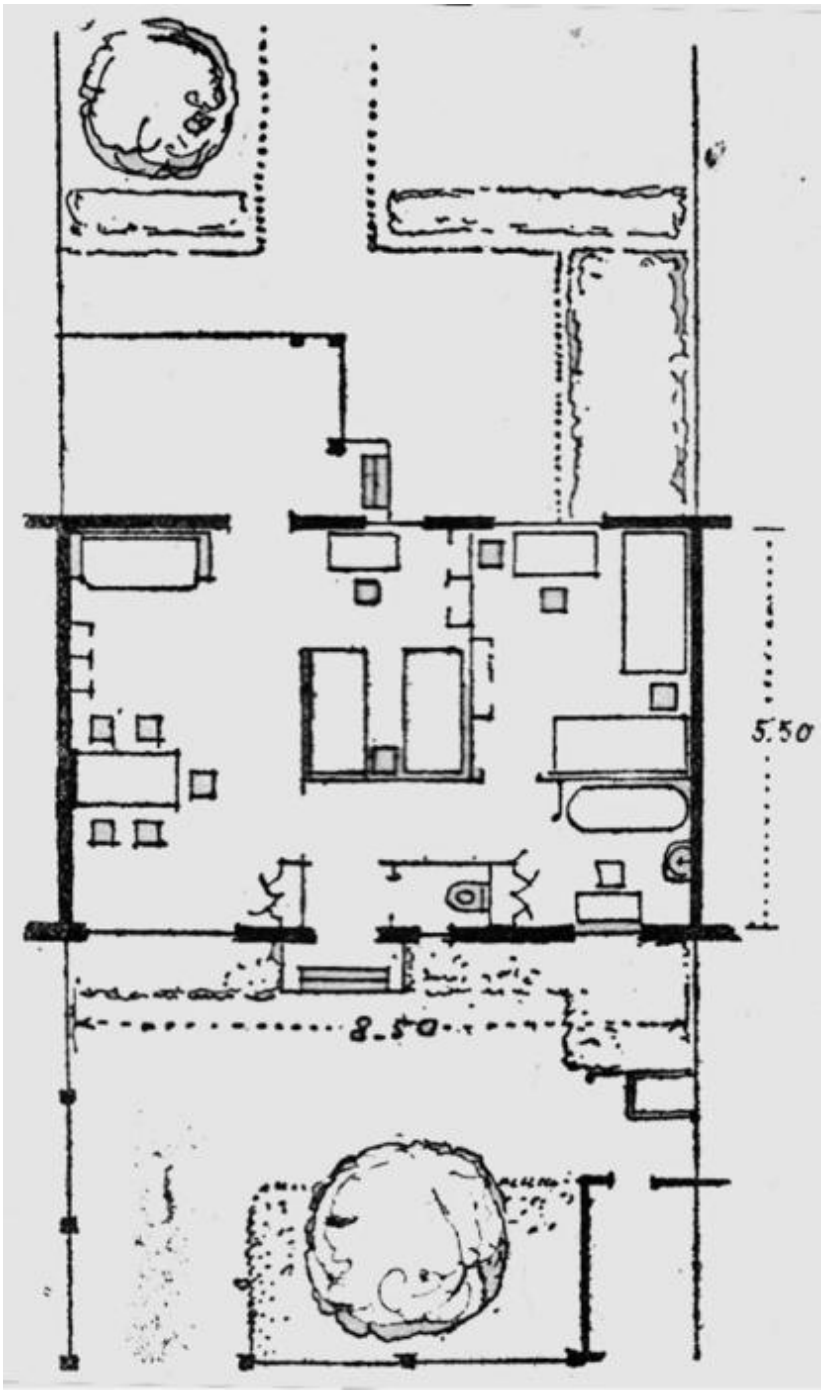

Рис. 97. Поселок Сокол. Альтернативная планировка территории. Одноэтажная типовая ячейка стандартного жилого блока – квартира площадью 35 кв. м. (для заселения по 5 чел.). Арх. Н. В. Марковников

В третьем варианте альтернативной планировки Марковников использовал регулярную планировочную структуру, расчлененную на

типовые жилые кварталы, застраиваемые блочными домами (рис. 94–97).

Он детально прорабатывал компоновку кварталов домами разных типов – сплошными блоками стандартных одноэтажных домов различной конфигурации, домами-коммунами (рис. 98–101) – и приводил необходимые для точного подсчета стоимости конкретные планировки квартир. Рассматривая эти и другие варианты планировки и застройки территории поселка (например, целиком домами коммунального типа), Н. В. Марковников конкретными финансовыми расчетами невольно демонстрировал себе и другим то, что регулярная планировка экономически выгоднее живописной.

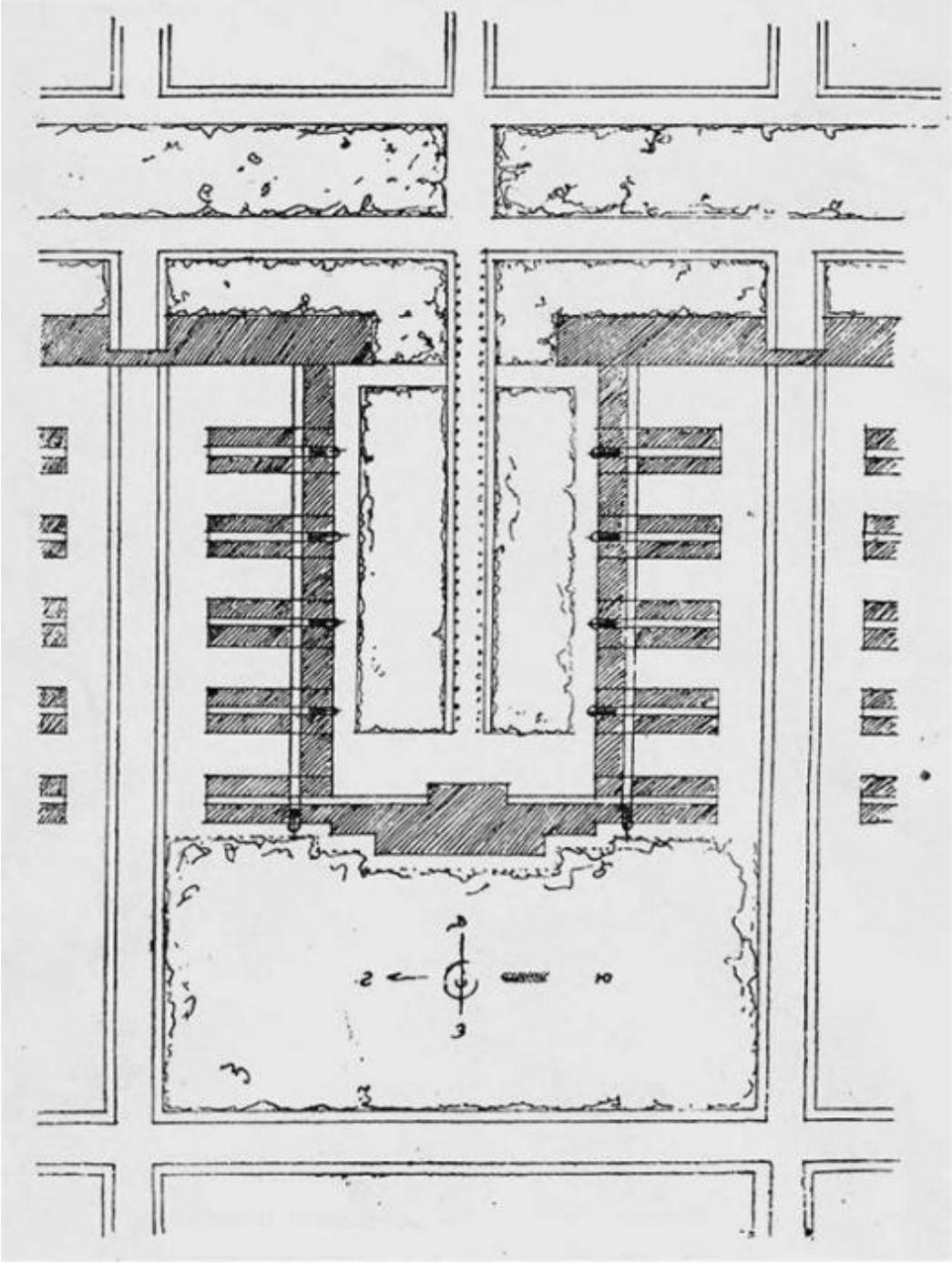

Рис. 98. Поселок Сокол. Альтернативная планировка территории. 4-й вариант. Двухэтажный дом-коммуна. Расположение на участке. Арх. Н. В. Марковников

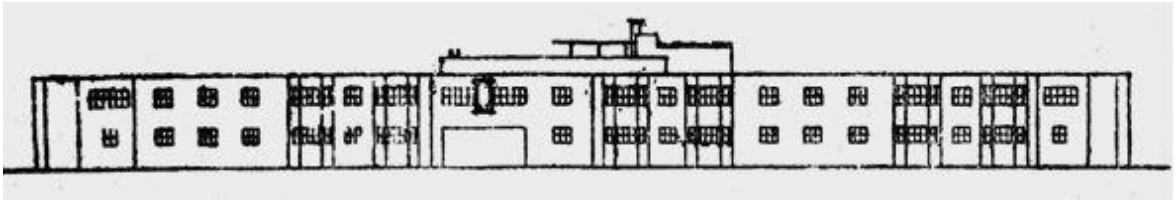

Рис. 99. Поселок Сокол. Альтернативная планировка территории. 4-й вариант. Двухэтажный дом-коммуна. Фасад. Арх. Н. В. Марковников

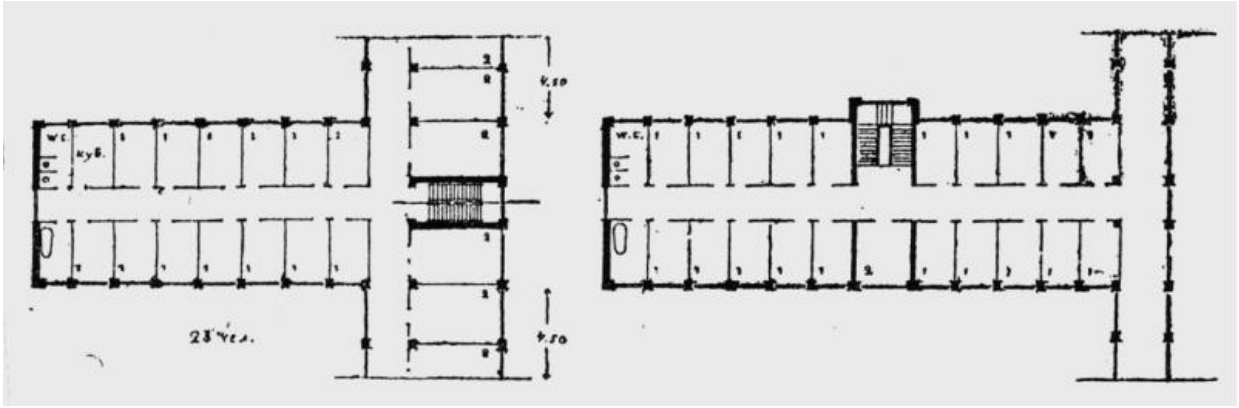

Рис. 100. Поселок Сокол. Альтернативная планировка территории. 4-й вариант. Дом-коммуна. Компоновка жилых комнат (на 2 и 5 чел.)

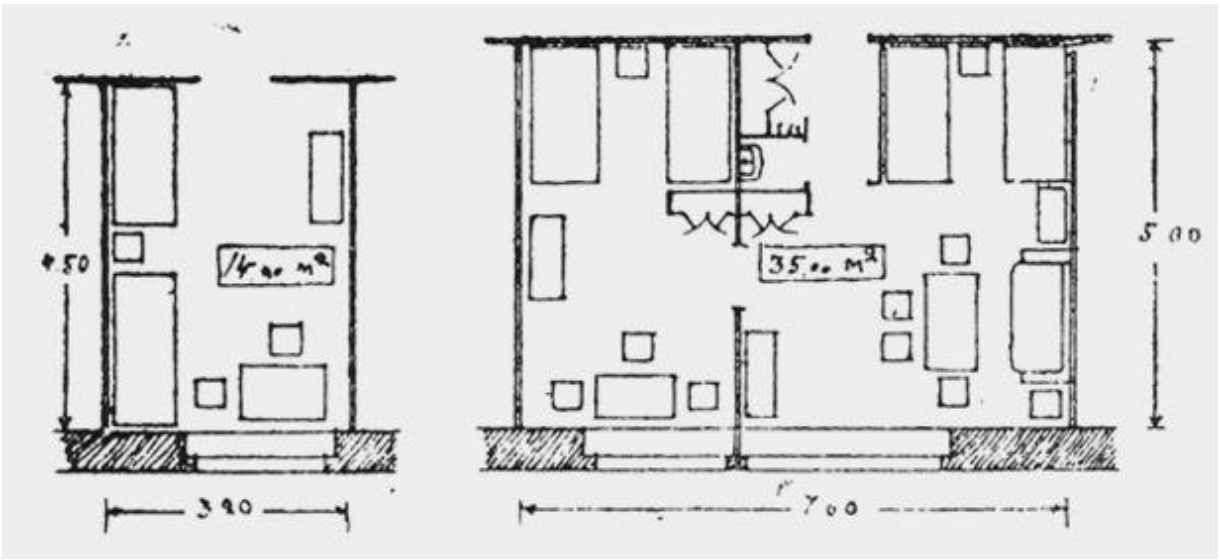

Рис. 101. Поселок Сокол. Альтернативная планировка территории. 4-й вариант. Планировка жилой ячейки дома-коммуны. Варианты

При этом, будучи последовательным сторонником малоэтажной деревянной индивидуальной поселковой застройки, он доказывал экономическую неэффективность многоэтажного каменного строительства. Понимая, что причина неприятия на государственном уровне мелкого индивидуального жилищного строительства лежит прежде всего в идеологической плоскости и основана на отрицании властью «буржуазно-мещанского индивидуального быта, присущего малоэтажному дому», Марковников стремился «реабилитировать» деревянное одноэтажное индивидуальное домостроительство, выискивая компромиссы и доказывая, что «мелкожилищное строительство вовсе не находится в том непримиримом противоречии с коллективизмом, как это многие думают»[433], а вполне может применяться в советском поселковом строительстве при условии выноса бытовых функций за пределы индивидуального дома[434]. В качестве иллюстрации к своим тезисам он предлагал «социализацию быта» за счет «исключения во всех жилых помещениях индивидуального домашнего хозяйства – кухонь, кладовых и т. п.»[435] Квартиры, кроме жилых комнат, должны были включать только прихожую, уборную и ванную. А все остальные помещения в полном соответствии с идеологией коммунального быта должны были в них отсутствовать. Функция ведения домашнего хозяйства перемещалась в «общие социалистические помещения», а «подогревание пищи» и регулярное «приготовление чая и кофе» в случае необходимости предлагалось осуществлять в ванной комнате, на установленном в ней «электрическом таганке».

Н. В. Марковников доказывал, что наиболее экономичное поселковое строительство получается при плотной блокировке одноэтажных деревянных жилых ячеек, соединенных с помещениями коллективного пользования при помощи крытых переходов. По его утверждению, размещение на участке даже отдельно стоящих зданий все равно получалось экономически более выгодным, нежели многоэтажное строительство[436].

Не осознавая, как и многие другие, смысла подлинных мотивов осуществления властью стратегии возведения многоквартирного, многоэтажного жилья, которая, напомним, была направлена на формирование и компактное расселение производственно-бытовых коллективов (подчас даже в ущерб экономической выгоде),

Марковников доказывал преимущества планировки поселений с малоэтажной застройкой, оперируя одними лишь финансово-экономическими доводами: «Ввиду дорогой стоимости многоэтажных домов и каменных лестниц эти последние должны быть исключены. Жилые дома следует проектировать не свыше двух этажей, что допускает устройство в них деревянных лестниц без несгораемых лестничных клеток, а также допускает максимальное облегчение и удешевление их конструкций и отдельных частей»[437].

Характер заселения жилища в соответствии с государственной жилищной политикой предусматривался Н. В. Марковниковым коммунальным (покомнатно-посемейным): жилые ячейки, состоявшие из трех комнат, изначально проектировались им таким образом, что позволяли размещать в каждой из трех комнат по семье из двух человек (то есть всего три семьи, общим числом обитателей – шесть человек на квартиру; из расчета 7 кв. м на человека). Холостые люди должны были заселяться в общежития или двухэтажные дома-коммуны.

Несмотря на убедительность экономических расчетов, расселение в виде одно– и двухэтажных отдельно стоящих или блокированных домов для одной семьи не стало основой советской государственной жилищной политики. Многоквартирное, многоэтажное домостроительство при всей его затратности постепенно становилось ведущим типом массового жилищного строительства в СССР, поскольку для советской власти любые финансово-экономические аргументы являлись убедительными лишь тогда, когда они не противоречили идеологическим и концептуальным воззрениям. Во всех остальных случаях выгода неизменно приносилась в жертву идее. Многоквартирное, многоэтажное жилище коммунального заселения (дома-коммуны, секционные дома и т. п.) этой идее соответствовало в значительно большей мере, нежели индивидуальное, малоэтажное, автономное.

Структура социалистического рабочего поселка вытекала из задачи формирования специфической территориально-административной организации населения, способной обеспечивать управление им как в трудовом, так и в бытовом отношении. Планировочно-пространственное воплощение этого устройства выражалось в двухуровневом иерархическом членении территории поселка на: 1) «хозяйственно-бытовые единицы первично-коллективного типа» (то

есть казармы, общежития, дома-коммуны, секционные дома покомнатно-посемейного заселения и т. п.); 2) «крупные планировочные единицы» – кварталы, объединяющие несколько «хозяйственно-бытовых единиц» и обеспечивающие баланс количества проживающих в них населения и «вместимости» располагающихся здесь же объектов обслуживания[438].

Организационно-управленческие основы проектирования рабочих поселков заключались в том, что жилая площадь в ведомственном или муниципальном жилом фонде предоставлялась рабочему или служащему и членам его семьи лишь во временное пользование – на срок действия рабочего контракта. Вселение производилось по решению администрации градообразующего промышленного предприятия или советского учреждения при трудоустройстве человека на работу. В случае преждевременного разрыва контракта или планового окончания срока его действия рабочий или служащий вместе с семьей должны были покинуть занимаемое помещение.

Эти структурные и организационно-управленческие основы обеспечивали реализацию главного предназначения советского рабочего поселения – осуществлять: а) социальную фильтрацию населения, б) трудомобилизационную организацию населения, то есть управление трудовыми ресурсами, «принадлежащими» предприятию, строившему поселок.

Социальная фильтрация населения заключалась в том, что право жить в поселке обретали лишь те, кто трудился на градообразующем предприятии, работал в системе общественного обслуживания или в системе поселкового управления. Обитать в нем и ничего не делать, кормясь с собственного приусадебного участка или частным образом ремесленничая (как, например, в городе-саде или дореволюционной деревне), было запрещено. Еще одним средством являлось централизованное распределение продуктов, вещей, медицинского, образовательного и прочего обслуживания (эту функцию исполняла система КБО): получать все эти услуги, продукты, вещи могли лишь те, кто трудился и поэтому имел право жить в поселке.

Трудомобилизационная организация населения, а также жесткое прикрепление трудовых ресурсов к месту труда осуществлялись благодаря исключительно государственной (государственно-ведомственной) форме владения, распределения и распоряжения

жилищем – в условиях отсутствия частного жилища получить крышу над головой можно было лишь из рук администрации градообразующего предприятия.

Итак, государственная градостроительная политика середины – второй половины 1920-х гг., в рамках которой сформировалась и была реализована доктрина советского рабочего поселка, воплощала общеидеологические установки, организационно-управленческие и административно-территориальные принципы организации общества. Она была направлена на следующее:

– вытеснение массового индивидуального жилищного строительства многоквартирным, многоэтажным, предназначенным для покомнатно-посемейного заселения членами трудобытовых коллективов градообразующего предприятия;

– замену жилой застройки коттеджного типа домами-коммунами, кварталами-коммунами для размещения трудовых ресурсов, обслуживающих производственные комбинаты, фабрики, транспортные узлы, электростанции и подобные производственные объекты[439];

– возведение индивидуального жилища в виде одно-, двухэтажных отдельно стоящих или блокированных домов исключительно в целях вознаграждения местного партийно-государственного чиновничества и представителей рабочей олигархии;

– замену общественного самоуправления и автономных форм семейного быта, предполагавших свободный выбор образа жизни (в говардовском понимании), на административно-территориальное руководство (в советском понимании, то есть как принудительное объединение трудящихся в бытовые коллективы – единицы советского общества);

– структурирование (двухуровневое) селитьбы на жилые единицы, объединяемые в кварталы в целях территориально-административной организации населения, призванной обеспечивать управление им как в трудовом, так и в бытовом отношении;

– фиксацию (планировочными и пространственно-композиционными средствами) основополагающей роли градообразующего промышленного предприятия (в отличие от поселений советской жилищной кооперации середины 1920-х гг., которые размещались вне существовавших городов, в природной среде

и не предполагали наличия градообразующего промышленного предприятия).

Именно в результате этой политики во второй половине 1920-х гг. на смену говардовскому городу-саду окончательно пришел советский рабочий поселок, а возведение поселений жилищной кооперации, автономных в социальном, организационно-управленческом и финансовом плане, полностью сошло на нет. Так, в 1928 г. в уездах Московской губернии проектировалось всего лишь три поселка РЖСКТ: Пчелка, входивший в состав рабочего поселка Бирюлево[440]; Спартак – дачного типа близ станции Прозоровская (Кратово) Казанской железной дороги[441]; Болшево – при текстильной фабрике вблизи одноименной станции Щелковской ветки Северных железных дорог[442]. В 1929 г. – пять поселков: Климовский при Климовском заводе; поселок Фабрики им. Цурюпы; поселки имени Первого мая при ст. Тарасовка Северных железных дорог[443] и ст. Малаховка Казанской железной дороги[444]; Красный Ткач Клинского уезда[445]. Информации о проектировании обособленных поселков жилищной кооперации в 1930-е гг. не обнаружено.

Советский ведомственный рабочий поселок, пришедший на смену поселениям жилищной кооперации, в соответствии с рекомендациями по его проектированию, подготовленными под руководством Цекомбанка представителями основных организаций-застройщиков и проектировщиков соцпоселений – ВСНХ СССР, НКПС, НКТ, Центрожилсоюза, Моссовета, Института сооружений, должен был представлять собой «самостоятельный жилищно-производственный комплекс», предполагавший наличие градообразующего предприятия[446]. Но следует заметить, что даже в конце 1920-х гг. это положение в большей степени оставалось рекомендательным, так и не превратившись в незыблемый постулат проектной практики. Это происходило, в частности, и потому, что проектировщики, даже следуя предписаниям свыше, не способны были самостоятельно «выдумывать» профили и мощности градообразующих предприятий, но вынуждены были учитывать специфику реальных ситуаций.

Например, в середине 1920-х гг. возникла задача разработки схемы планировки поселения на ст. Лосиноостровской (Московская обл.), которое расширялось в соответствии с планами строительства рабочего жилища. В условиях острой жилищной нужды в Москве это поселение,

так же как и другие мелкие населенные пункты, расположенные вблизи столицы по всем линиям Московского железнодорожного узла, стихийно превращалось в место постоянного проживания значительной массы людей, работавших в Москве. Проектировщики, разрабатывавшие схему расширения территории поселения, прежде всего, как это требовалось от них предписаниями, постарались выявить и усилить градообразующие факторы[447]. Однако они тут же обнаружили, что данное поселение, выросшее из крупного дачного поселка, не имеет никакой промышленной базы – ни государственного значения, ни местного, за исключением мелких предприятий по обслуживанию бытовых потребностей, которые никоим образом не способны были выступить в роли градообразующего предприятия. Более того, существующее поселение и в будущем вряд ли имело шансы обрести крупную градообразующую промышленность.

Проектировщики столкнулись с реальной, причем весьма типичной для того времени ситуацией: 1) требовалось возведение массивов новой жилой застройки, чтобы хоть как-то упорядочить самостийный неорганизованный приток населения, а ее нельзя было осуществлять без наличия генплана; 2) генплан невозможно было разработать без указания на наличие на территории поселения соответствующего количества мест приложения труда, а они отсутствовали; 3) градообразующего промышленного предприятия, способного предоставить места приложения труда, не было и никаких перспектив его появления в ближайшем будущем не просматривалось.

Компромисс, предложенный в конечном счете проектировщиками, заключался в следующем: концептуально сославшись на схему Большой Москвы, они трактовали проектируемое поселение не как обособленное, а как один из наиболее удаленных районов столицы, в которой, как это было сформулировано в пояснительной записке, и размещались промышленные предприятия, выполнявшие «градообразующую» функцию для Лосиноостровской[448]. Подобное решение по формированию «самостоятельного жилищно-производственного комплекса», в котором градообразующее предприятие было отнесено на значительное расстояние от селитьбы (в данном случае находилось в Москве), а само поселение – на какой-либо отдаленной станции транспортной оси (в данном случае на линии Московской железной дороги), являлось довольно распространенным в

рассматриваемый период приемом местного (в данном случае в отношении Лосиноостровской) исполнения положений общегосударственной градостроительной политики.

Кстати, следует отметить, что в разработках Секции уездно-городской планировки МКХ, как раз и занимавшейся в 1926 г. разработкой планировки Лосиноостровской, пожалуй, впервые в отечественной проектной практике было обосновано и зафиксировано положение о том, что показатель территориальной близости друг относительно друга различных точек планировочной единицы следует определять не по физической величине расстояния между ними, а по «времени транспортной доступности»[449]. Исходя из этого Лосиноостровская, находившаяся на значительно большем расстоянии от Москвы, нежели некоторые другие поселения, была включена в ее границы, так как передвижение по железной дороге обеспечивало быстроту транспортной доступности, которой не было у поселков, располагавшихся гораздо ближе к столице, но лишенных удобного и быстрого сообщения с ней при помощи общественного транспорта[450].

В конце 1920-х гг. требование обязательного наличия в советском рабочем поселке мест приложения труда для основной части его населения начинает учитывать особенности описанной выше реальной ситуации. Так, в отношении связи с градообразующим производственным объектом выделяются три разновидности поселков: а) рабочий поселок при внегородском промышленном предприятии (объединяющий на одной территории место приложения труда и селитьбу), а также два других вида социалистических рабочих поселений, в которых селитьба пространственно оторвана от места работы для основной части населения; б) рабочий городской квартал (возникавший в условиях расширения и реконструкции существовавших городов); в) рабочий пригород (селитьба, возводимая на окраинах существовавших городов)[451]. Фактически два последних вида – это те же соцпоселки, только лишенные градообразующего производственного объекта. Местом приложения труда для населения, обитающего в них, являются предприятия, расположенные в промышленной зоне города.

Условием возникновения таких рабочих кварталов и рабочих пригородов являлись: 1) постоянство работы основной части его населения на «большом фабричном, заводском или ином хозяйственном

предприятии», администрация которого и возводила данное поселение или жилой квартал; 2) преобладающее количество именно рабочих по отношению к другим категориям населения; 3) преобладающая численность (или ее прогнозируемый рост) трудоспособного населения, проживающего в них[452].

Принципы-постулаты советской градостроительной политики постоянно трансформировались в условиях непрерывных изменений в направленности внутренней политики (принятие НЭПа и НЖП, отмена НЭПа, восстановление государственной промышленности, начало реализации программы индустриализации и т. д.) и по-разному реализовывались на протяжении 1920-х и в начале 1930-х гг. Идея городов-садов начиная с 1927 г. все более предается забвению и в критических статьях именуется не иначе как «заглохшей идеей» и «прошлогодней модой». И все же, невзирая на общую направленность официальной градостроительной и жилищной политики, на страницах периодической печати не перестают появляться теоретические и проектные материалы, ратующие за «возрождение идеи города-сада» в советских условиях[453], а также фотографии домов особнякового типа, построенных в предыдущие годы.

Любопытный и очень яркий пример несовпадения (и даже противостояния) профессиональных архитектурных оценок концепции города-сада, с одной стороны, и государственно-идеологических, с другой, в том, что архитекторы продолжали, несмотря на отрицательное отношение официальной идеологии, воздавать должное идее города-сада. И именно в 1927 г. ленинградские архитекторы наперекор официальной позиции власти избрали Эбенизера Говарда почетным членом Ленинградского общества архитекторов[454].

Вероятно, последним случаем открытого указания на использование идеи города-сада была программа конкурса на проектирование рабочего поселка «Москвуголь» в районе рудника им. А. Рыкова при Бобриковской электростанции (близ Бобрик-Донской железнодорожной станции), проведенного в 1929 г. Московским архитектурным обществом (МАО). Именно за упоминание города-сада она и была подвергнута острой критике. Негативная оценка концепции города-сада, опубликованная в журнале «Строительство Москвы», целиком и полностью опиралась на официальное, «запретительное» отношение к идее Э. Говарда: «…следует критически отнестись к

требованию конкурса осуществить в планировке поселка принципы «города-сада». Этот термин… неправильно употреблять при определении путей развития поселений в социалистической системе и связывать его с требованием «развития коллективной жизни на основе новых социально-бытовых условий» ввиду слишком большой специфичности этого термина и возникающих при этом ассоциаций с западноевропейскими образцами»[455].

Резкой критике в этот же период подвергся и проект соцгорода при Краматорском заводе, также спроектированный с использованием говардовских принципов: «…город на 40 тыс. населения… делится следующим образом: 4 тыс. чел. будут продолжать прежний тип полусельского индивидуального строительства, 8 тыс. чел. перейдет к «более культурному» поселковому строительству типа города-сада с индивидуальными домиками и индивидуальным хозяйством и 28 тыс. будет заселено в поселке городского типа»[456]. Строительный комитет ВСНХ СССР отверг этот проект, мотивируя тем, что «необходимо решительно воспрепятствовать строительству городов и поселков капиталистического типа»[457], в частности «должны отпасть запроектированные базары, которые в социалистических городах при обобществлении питания и пр. являются совершенно излишними…»[458]

Во второй половине 1920-х гг. теоретико-концептуальное содержание советского рабочего поселка все дальше и дальше уходит от говардовского прототипа. В конце концов сходство остается лишь в том, что город-сад и советский рабочий поселок являются самостоятельными замкнутыми жилыми образованиями, имеющими стабильные размеры и фиксированное количество населения. Правда, это количество разное: в говардовском городе-саде – 32 тыс. чел.; в советском рабочем поселке-саде расчетная численность населения также конкретна, но определяется (как и размеры территории) каждый раз ситуативно, в зависимости от количества рабочих мест на фабрике или заводе, для обслуживания которых он возводился, умноженного на «коэффициент семейности»[459]. Отличительных же характеристик становится все больше, в том числе и в отношении типологии возводимого в них жилища. В контексте осуществлявшейся государством градостроительной политики эти отличия приобретают принципиальное значение.

5.2. Типология жилища в советских рабочих поселках

Эволюция типологии жилища – от советских поселений-садов к ведомственным рабочим поселкам, возводимым администрацией строящихся или реконструируемых фабрик и заводов, отразила особенности эволюции советской расселенческой и градостроительной политики, которые неразрывным образом были связаны с политикой жилищной и в значительной мере предопределяли ее.

В период 1917–1922 гг. типология жилища формировалась под воздействием двух тенденций: 1) «традиционной», вытекавшей из дореволюционных представлений архитекторов о том, каким должно быть нормальное качественное городское и загородное жилище; 2) «инновационной», основывавшейся на провозглашаемых новой властью идеологических и социально-организационных установках.

Если жилой фонд поселков-садов советской жилищной кооперации состоял преимущественно из одноквартирных домов усадебного типа (изредка попарно блокированных) для индивидуального заселения одной семьей, то жилище, проектировавшееся для рабочих поселков начала – середины 1920-х гг., состояло из совершенно иных функционально-эксплуатационных типов домостроений: а) коллективное жилье (коммунального заселения) – общежития, казармы; б) многоквартирные одно-, двухэтажные жилые дома (поквартирного заселения). Примером данной типологии может служить первоначальный вариант проекта рабочего поселка при ткацкой фабрике в Ярцево под Смоленском (1919 г.), где предусматривалось возведение домов: а) общежития для одиноких рабочих (два дома на 32 человека каждый); б) многоквартирные жилые дома для семейных с квартирами из двух комнат и кухни (28 домов по четыре семьи в каждом). Оба типа домов – двухэтажные деревянные рубленые[460]. Семейная квартира проектировалась общей площадью (с учетом сеней и лестничной клетки) 18,37 кв. саж. (83,5 кв. м), в том числе: спальня – 2×2,2 саж., общая жилая (столовая) комната – 2,2×1,75 саж., кухня – 2×1,4 саж.[461] (рис. 102).

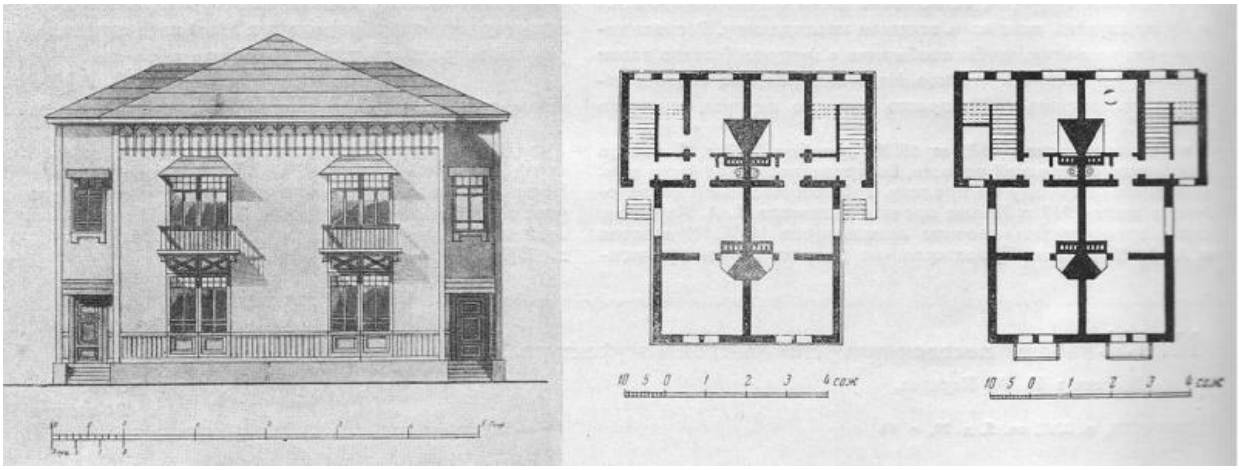

Рис. 102. Проект жилого дома в рабочем поселке при Ярцевской мануфактуре. Фасад, план. 1919

Пояснительная записка к проекту поселка при Саратовском государственном заводе сельскохозяйственных машин и орудий «Звезда», составленная правлением завода, предписывала несколько более широкую типологию жилища: а) гостиница (200 однокомнатных и 50 двухкомнатных номеров); б) 2–4-комнатные квартиры; в) особняки (на 2, 3, 4 комнаты)[462]. Программой предусматривалось проектирование 2 тыс. квартир (1000 – для одиноких и 1000 – для семейных рабочих) с размещением в них 8 тыс. человек населения. Для трети всего населения (одинокие рабочие) намечалось проживание в одиночных комнатах, для трети – в семейных квартирах и для трети (семьи с родственниками) – в семейных квартирах большей площади. В процентном отношении состав квартир дифференцировался следующим образом: 2-комнатных – 54 %, 3-комнатных – 33 %, 4-комнатных – 1 %, 5-комнатных – 2 %[463].

Несмотря на то что в программе прямыми словами никак не выражался коммунальный характер заселения домостроений, произведенный нами расчет доказывает, что именно таковым предполагалось реальное заселение квартир – в каждую комнату по семье из 2–3 человек (табл. 4).

Таким образом, однокомнатные квартиры фактически становились своеобразными однокомнатными общежитиями, так как в каждой из них предполагалось проживание 2–3 холостых людей (не родственников). А семейные квартиры превращались в коммунальные, так как каждая из них заселялась покомнатно-посемейно: в 2-

комнатную – 4–6 чел., в 3-комнатную – 6–9, в 4-комнатную – 8–12, в 5-комнатную – 10–15, то есть в каждую комнату – по одной семье из 2–3 человек.

Здесь необходимо оговориться в отношении расчетного коэффициента семейности. Динамика изменения этого коэффициента в расчетах при проектировании жилища и рабочих поселков такова: в 1919 г. он принимался опытным путем в размере 2,7. Таковым он был при расчете численности населения названного выше рабочего поселка при Саратовском государственном заводе сельскохозяйственных машин. В итоге на 3 тыс. рабочих общая численность населения поселка получалась равной 8 тыс. чел. Кстати, этот расчет подвергался серьезной критике проводившего экспертизу проекта архитектора В. Семенова. Он указывал на заниженную численность среднего размера семьи: «…население поселка при его окончании надо исчислять не в 8, а тысяч в 10–12…», потому что коэффициент семейности должен приниматься в расчет в размере 3,3–4 чел.

В 1926 г. на основе статистических данных, полученных в результате всесоюзной переписи населения, коэффициент был определен в 3 чел. Именно поэтому в проекте Уральского машиностроительного завода в Свердловске проектировщики Гипромеза, исходя из постановления Технического совета ГЭУ ВСНХ СССР от 26–30 ноября 1926 г., принимали к расчету «показатель средней семейности – 3 человека». Таким же он оставался и в обоих вариантах проекта рабочего поселка при тракторном заводе им. Ф. Дзержинского в Сталинграде, выполненного также в Гипромезе в 1927–1928 гг.

Таблица 4. Типология жилища и характер заселения жилого фонда поселка при Саратовском государственном заводе сельскохозяйственных машин и орудий «Звезда» (1919 г.) [464]

Численность проживающих и тип жилища	Количество квартир для каждой категории	Расчет количества комнат и характера заселения (чел./комн.) по категориям проживающих
2 650 чел. (одиноких) — в одиночных комнатах	1 000 квартир	1 000 отдельных комнат на 2 650 чел., то есть 2–3 человека в каждую комнату
2 650 чел. (семейных) — в 2–3-комнатных квартирах	1 000квартир	54 % 2-комнатных квартир = 1 080 комнат 33 % 3-комнатных квартир = 999 комнат ВСЕГО — 870 квартир = 2 070 комнат
2 700 чел. (семейных) — в 4–5-комнатных квартирах		11 % 4-комнатных квартир = 440 комнат 2% 5-комнатных квартир = 100 комнат ВСЕГО — 130 квартир = 549 комнат ИТОГО — 1 000 квартир (= 2 619 комнат) на 5 350 чел., то есть 2–3 чел. в каждую комнату
ВСЕГО — 8 тыс. чел.	ВСЕГО — 2 тыс. квартир	ИТОГО — 1 000 отдельных комнат с заселением по 2–3 человека в каждую комнату; и еще — 1 000 квартир с заселением по 2–3 чел. в каждую комнату

Однако к концу 1920-х гг. ситуация изменилась: постоянно увеличивавшийся приток в города и на стройки первой пятилетки многосемейного крестьянского населения приводил к увеличению этого показателя. Например, в проекте Магнитогорского металлургического завода, выполненном в 1929 г. все тем же Гипромезом, коэффициент семейности принимается уже в размере 3,5 чел. А вот при определении Стандартгорпроектом в 1930 г. расчетной численности населения Новокузнецка коэффициент семейности вновь принимается почти равным 3 (точнее 3,075). То же и в программе конкурсного проекта рабочего поселка в районе рудника им. А. Рыкова близ станции Бобрик-Донской Рязанско-Уральской железной дороги, заданной Московским архитектурным обществом в конце 1929 г., где коэффициент семейности взят в еще более малом размере – 2,9.

Важно подчеркнуть, что для определенных категорий рабочих, занятых на тяжелых физических работах (в частности, в угольных бассейнах), где участие женского труда в основном производстве являлось ограниченным, в состав коэффициента семейности включалась «дополнительная единица» – неработающая домохозяйка. Например, исходя из этого факта при проектировании соцгорода Московского электрохимического комбината (1930 г.) коэффициент семейности принимался равным 3,5–4 чел.

Коэффициент семейности уточнялся и корректировался также и ведомственными инструкциями. Например, для транспортных рабочих он брался таким же, как для угольщиков и семей горных рабочих, то есть 3,5–4 чел. Немецкий архитектор Рудольф Волтерс, работавший в 1932–1933 гг. в Новосибирске, вспоминал, что при проектировании поселка им. Эйхе, предназначавшегося для железнодорожных рабочих

при паровозоремонтном заводе и сортировочной станции, он при расчетах, опираясь на «статистику и нормы народного комиссариата», вычислял общую численность поселка (на 6 800 рабочих) в количестве чуть меньше чем 25 тыс. чел., то есть с коэффициентом семейности 3,65.

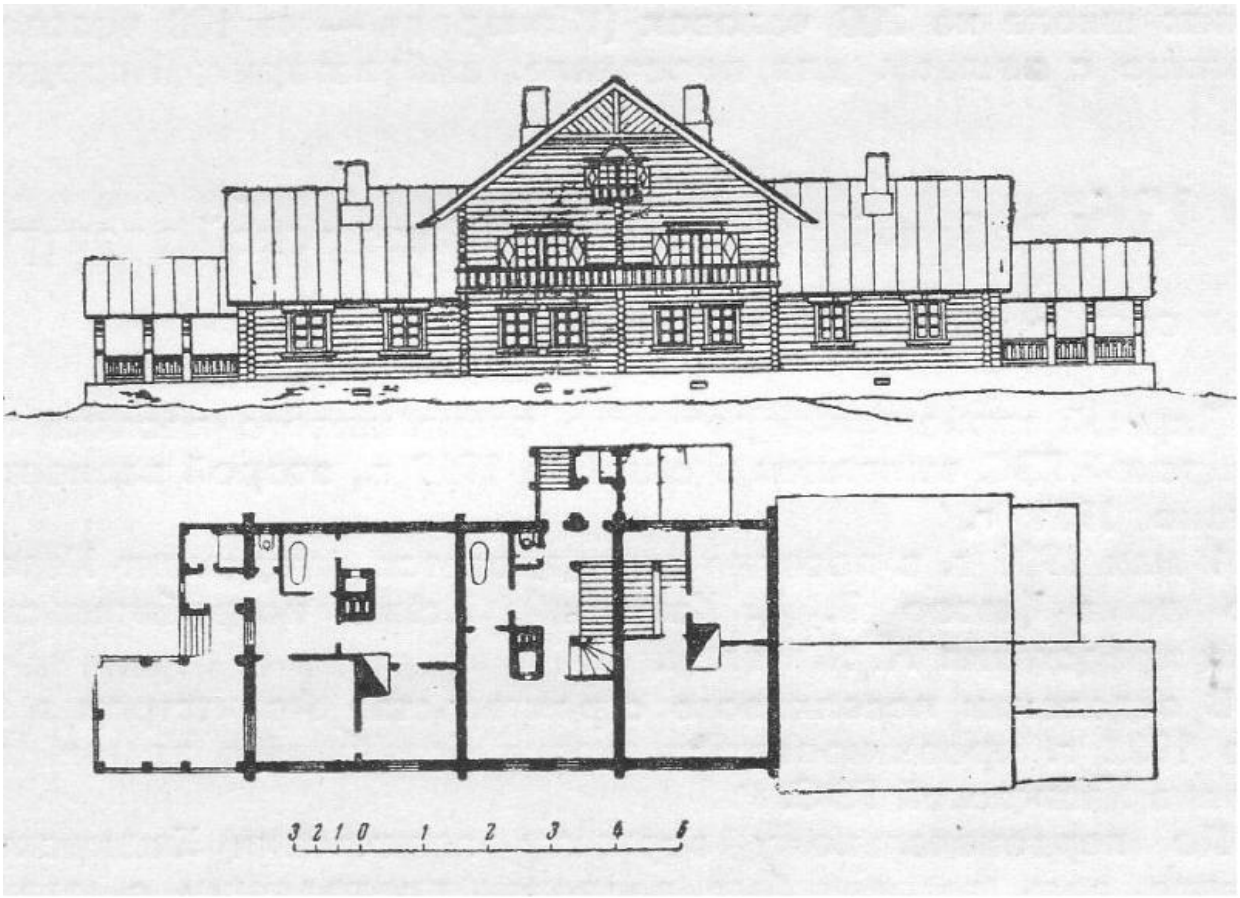

Рис. 103. 4-квартирный жилой дом в рабочем поселке при Кизелковской электростанции. Проект. Выполнен в Архистрое ВСНХ. 1921

Осуществляя проектные расчеты населения соцгородов, советская власть исходила из убежденности в том, что традиционная патриархальная семья – многодетная, многопоколенческая – должна быть разрушена. Сталинская система контроля и репрессий строилась на стремлении разорвать связи внутри общностей (семейных, корпоративных, этнических и т. д.), целенаправленно стремилась отделить молодое поколение от старого для того, чтобы прервать

естественную передачу ценностей, мировоззрения и пр., заменяя ее советской идеологией и марксистско-ленинской пропагандой.

И очень эффективно осуществляла это практически. Примеров тому огромное количество: формирование коммун молодежи; рабочих общежитий (бараки) для комсомольско-молодежных бригад, куда вселяли только тех, кто трудился, то есть только рабочих и служащих, отрывая их тем самым от родителей. Той же цели служили детские сады и интернаты, пионерские лагеря – они на временной и постоянной основе «извлекали» детей, подростков, молодежь из-под влияния старшего поколения. Этой же цели, безусловно, служила армейская служба – после демобилизации молодые люди редко возвращались на постоянное место жительства в родительский дом.

Значительно более широкая типология жилища, чем в поселке при Саратовском государственном заводе сельскохозяйственных машин и орудий «Звезда», представлена в проекте рабочего поселка при Кизеловской электростанции, составление генерального плана которого было начато в феврале 1921 г.[465] Он состоял из шести типов домостроений: а) казарма на 50 чел.[466]; б) общежитие служащих на 20 чел.[467]; в) многоквартирный жилой дом на две квартиры (трех видов)[468]; г) многоквартирный жилой дом на три квартиры; д) многоквартирный жилой дом на четыре квартиры[469] (рис. 103); е) многоквартирный дом на шесть квартир[470] (табл. 5).

Через некоторое время после начала проектирования (в 1922 г.) проектное задание было изменено. Теперь проектировались иные типы сооружений – в большей степени ориентированные на коммунальный тип заселения: а) казармы, б) общежития, в) бараки; г) 5–6-квартирные жилые дома с 3–4-комнатными квартирами; д) 8-квартирные жилые дома с 2–3-комнатными квартирами; е) блокированные (спаренные) жилые дома[471]. При этом произошло планировочное разделение поселения на две части – поселок для рабочих и поселок для служащих[472].

Таблица 5. Типология жилища и характер заселения жилого фонда рабочего поселка при Кизеловской электростанции (первоначальное задание, 1921 г.)

Численность проживающих (примерная) и тип жилища	Количество квартир (комнат) для каждой категории	Расчет количества комнат и характер заселения (чел./комн.) по категориям проживающих
Дом-особняк для руководства электростанцией на 4 квартиры	4 квартиры	Итого — 4 квартиры для посемейного заселения
Дом-особняк на 6 квартир	6 квартир	Итого — 6 квартир для посемейного заселения
Дом на 3 квартиры	3 квартиры	Итого — 3 квартиры для посемейного заселения
Дома среднего управленческого персонала на 2 квартиры каждый	Сведения отсутствуют	Итого — сведения отсутствуют
Общежития для служащих на 20 чел.	Сведения отсутствуют	Итого — сведения отсутствуют
Казармы на 50 чел.	Сведения отсутствуют	Итого — сведения отсутствуют
Всего — сведения отсутствуют	Примерно 20 квартир для посемейного заселения (точные сведения отсутствуют)	Всего — более 20 квартир для посемейного заселения; общежития для служащих; казармы для рабочих

В поселке для рабочих предполагалось построить: а) казармы по 50 человек каждая с общими спальнями по 6–10 человек, со столовыми, кухнями, читальнями и сушилками; б) бараки на 150–300 чел. для сезонных рабочих; в) общежитие на 75 человек с отдельными комнатами, частью для женатых, со столовыми, кухнями, читальнями; г) 8-квартирные жилые дома с 2–3-комнатными квартирами (приблизительно на 75 человек каждый)[473]. Проект барака на 300 чел. выполнялся в 1920 г., и к середине августа 1920 г. он был частично возведен. Он состоял из четырех отделений: по две спальни для холостых и семейных, общей вместимостью на 120 и 152 чел. холостых и на 140 чел. семейных. В бараке были предусмотрены умывальня и сушилка (отдельно для холостых и семейных); в средней части – столовая со сценой и кухней[474] (рис. 104).

Поселок для служащих включал: а) дом заведующего электростанцией (40–50 кв. саж., то есть 182–227,5 кв. м), б) два блокированных 2-квартирных дома для помощников заведующего электростанцией (30–35 кв. саж., то есть 64–74,5 кв. м), в) 5–6-квартирные жилые дома с 3–4-комнатными квартирами (примерно на 60 чел.), г) общежития для служащих на 60 человек по 1–2 комнаты на служащего[475] (табл. 6).

Необходимо отметить, что в данном проекте сохранялась дореволюционная дифференциация жилища на: 1) жилище для высшего начальства (дома коттеджного, особнякового типа для заведующего и блокированные дома для его заместителей), 2) жилье для среднего руководящего звена (многоквартирные жилые дома для семей руководителей невысокого ранга и служащих высшей квалификации) и 3) жилище для остальных.

Подобная структура жилого фонда была характерна для всех рабочих поселков, проектирование и строительство которых вели в первой половине 1920-х гг. 74 треста ВСНХ[476], через которого осуществлялось в этот период государственное финансирование нового жилищного строительства, возводимого подле капитально ремонтируемых старых и строящихся новых промышленных сооружений. Как следствие, фактически все проекты рабочих поселков, проектируемых и возводимых трестами ВСНХ в период 1922–1924 гг., содержали одну и ту же типологию жилища: 1) общежития; 2) многоквартирные жилые дома с отдельными квартирами, но превращаемые в общежития за счет коммунального заселения; 3) особняки для начальства. В соответствии именно с этой типологией, например, Донуглем в 1922–1923 гг. было выстроено 150 домов и 9 общежитий; в 1923–1924 гг. – 160 домов и 45 общежитий; запланировано в 1924–1925 гг. возведение 591 дома и 31 общежития. В соответствии с той же типологией трест «Югосталь» планировал построить в 1924–1925 гг. 731 дом и 47 общежитий[477].

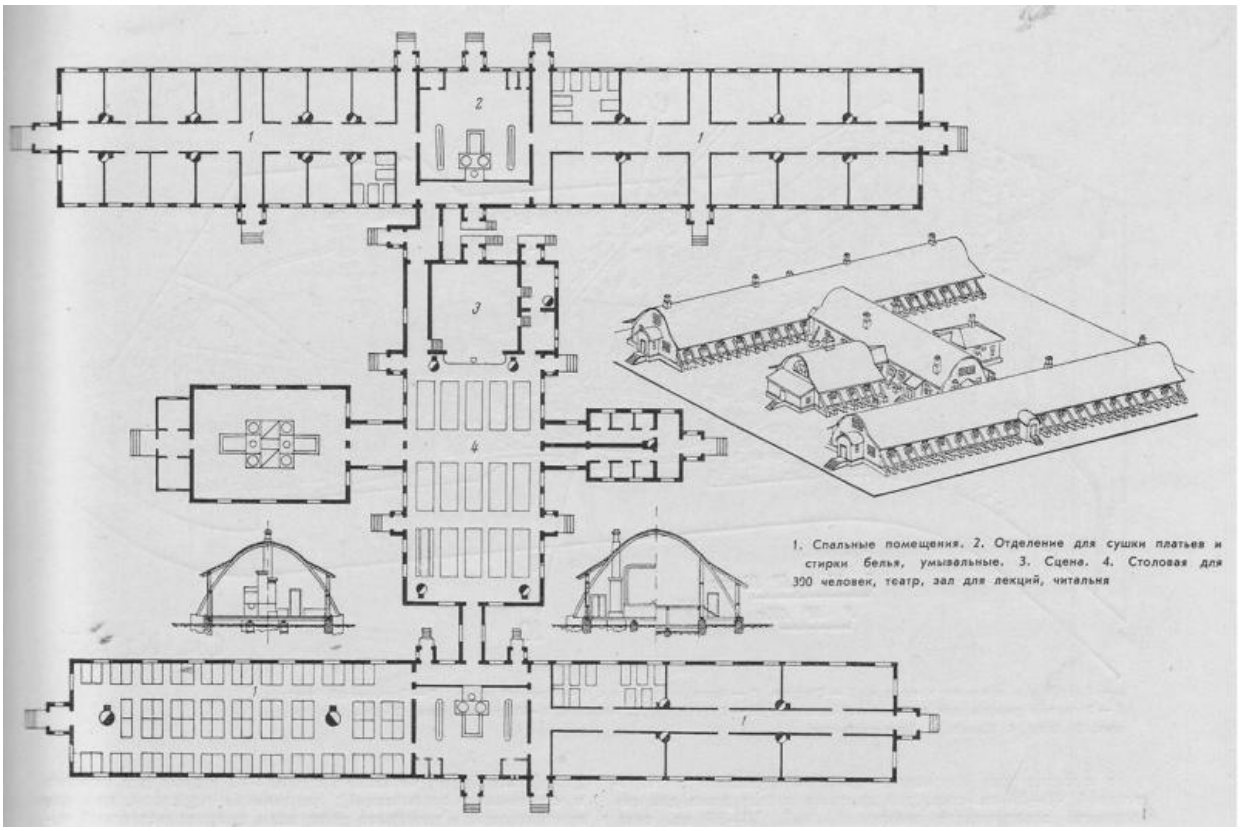

Рис. 104. Барак в рабочем поселке при Кизелковской электростанции (общая вместимость 120 и 152 чел. холостых (два варианта) и 140 чел. семейных). Проект. Выполнен в Архистрое ВСНХ и частично возведен. 1920

Таблица 6. Типология жилища и характер заселения жилого фонда рабочего поселка при Кизеловской электростанции (откорректированное задание, 1922 г.) [478]

Численность проживающих (примерная) и тип жилища	**Количество квартир (комнат) для каждой категории**	**Расчет количества комнат и характер заселения (чел./комн.) по категориям проживающих**
4–5 чел. в доме заведующего электростанцией (182–226 кв. м)	1 квартира	Итого — 1 квартира (9–12 комнат) на 4–5 чел. (посемейное заселение)
12–16 чел. в 2-квартирных домах для помощников заведующего электростанцией	4 квартиры	Итого — 4 квартиры (12–16 комнат) на 12–16 чел. (посемейное заселение)
60 чел. — в 5–6-квартирных жилых домах с 3–4-комнатными квартирами	15–24 комнаты	Итого — места на 60 чел. для коммунального заселения по 3–4 чел. в комнату
60 чел. — в общежитиях для служащих по 1–2 комнаты на служащего	90–100 комнат	Итого — места на 60 чел. для заселения по 1–2 комнаты на чел.
50 чел. — в 1 казарме	5–9 комнат	Итого — места на 50 чел. для коммунального заселения по 6–10 чел. в комнату
312 чел. (сезонные рабочие) — в одном бараке (172 чел. холостых и 140 чел. семейных)	2 общих помещения и 30 комнат	Итого — места на 172 чел. для коммунального заселения и для 140 чел. для посемейного заселения
75 чел. (одинокие и семейные, холостые) — в общежитии	15–30 комнат	Итого — 15–30 комнат с заселением 2–3 чел. в комнату
Сведения отсутствуют (семейных) — в 8-квартирных 2–3-комнатных домах	20 комнат	Итого — 20 комнат с заселением 2–3 чел. в каждую комнату
Всего — сведения отсутствуют		Всего — 5 квартир для индивидуального и посемейного заселения; 90–100 комнат в общежитиях для служащих с заселением 1–2 комнаты на чел.; общежития для рабочих с заселением 3–4 чел. в комнату; казарма — 6–10 чел. в комнату; барак для заселения — 312 чел. сезонных рабочих; 20 комнат с заселением по 2–3 чел. в комнату

Можно констатировать, что в начале – середине 1920-х гг. структура жилого фонда в советском ведомственном проектировании и строительстве рабочих поселков сохраняла в целом дореволюционную дифференциацию жилища на: 1) жилище для высшего начальства (коттеджного типа); 2) жилье для специалистов (для семей руководителей среднего звена и служащих высшей квалификации); 3) жилище для всех (бараки, казармы и общежития для основной массы рабочих и служащих). В результате этого программы по проектированию рабочих поселений содержали одну и ту же номенклатуру жилья: а) одноквартирные здания особнякового типа (для начальства) – не более 5 %; б) 2– и 4-квартирные дома для специалистов – до 25 %; в) 3–4-квартирные и многоквартирные дома

для семейных рабочих и служащих – в сумме 55–50 %; г) общежития, казармы, бараки (для одиноких рабочих) – 15–20 %[479].

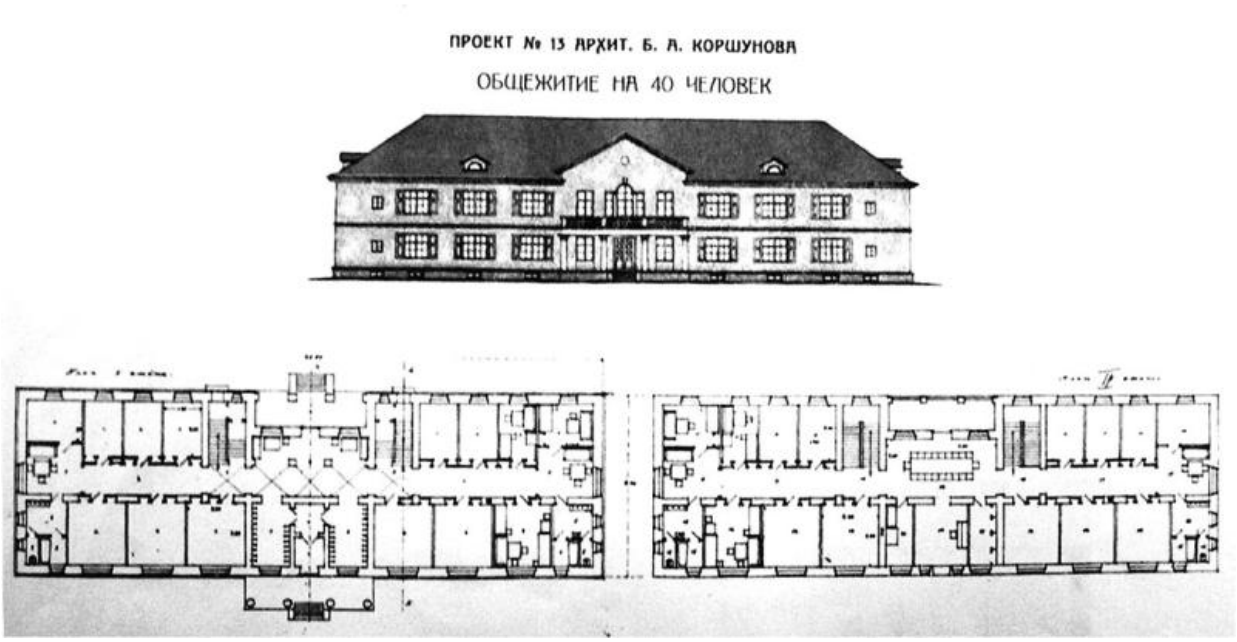

Рис. 105. Общежитие на 40 чел. Арх. Б. А. Коршунов

Эта дифференциация жилого фонда нашла свое отражение в типологии жилых домостроений, содержащейся в альбоме «Рабочие жилища. Примерные проекты», который в 1921–1922 гг. был издан Народным комиссариатом труда (НКТ). Альбом был призван проектно воплотить обязательные постановления данного наркомата по жилищному вопросу. В нем были предложены проекты: а) домов особнякового типа; б) общежитий (рис. 105–107), в) коммунальных домов (рис. 108–109), г) многоквартирных домов (рис. 110–112), д) бараков (рис. 113–116); е) сопутствующих объектов инфраструктуры – барачной столовой, барачной бани и др. (рис. 117–119)[480].

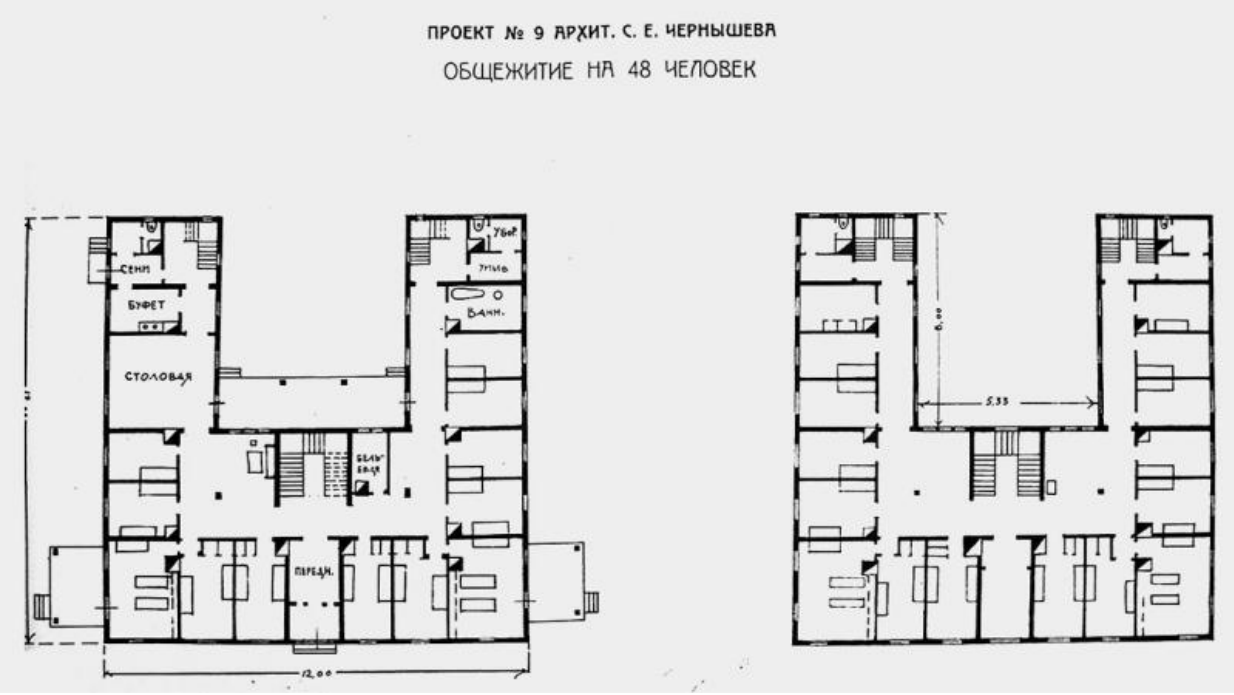

Рис. 106. Общежитие на 48 чел. Арх. С. Е. Чернышев

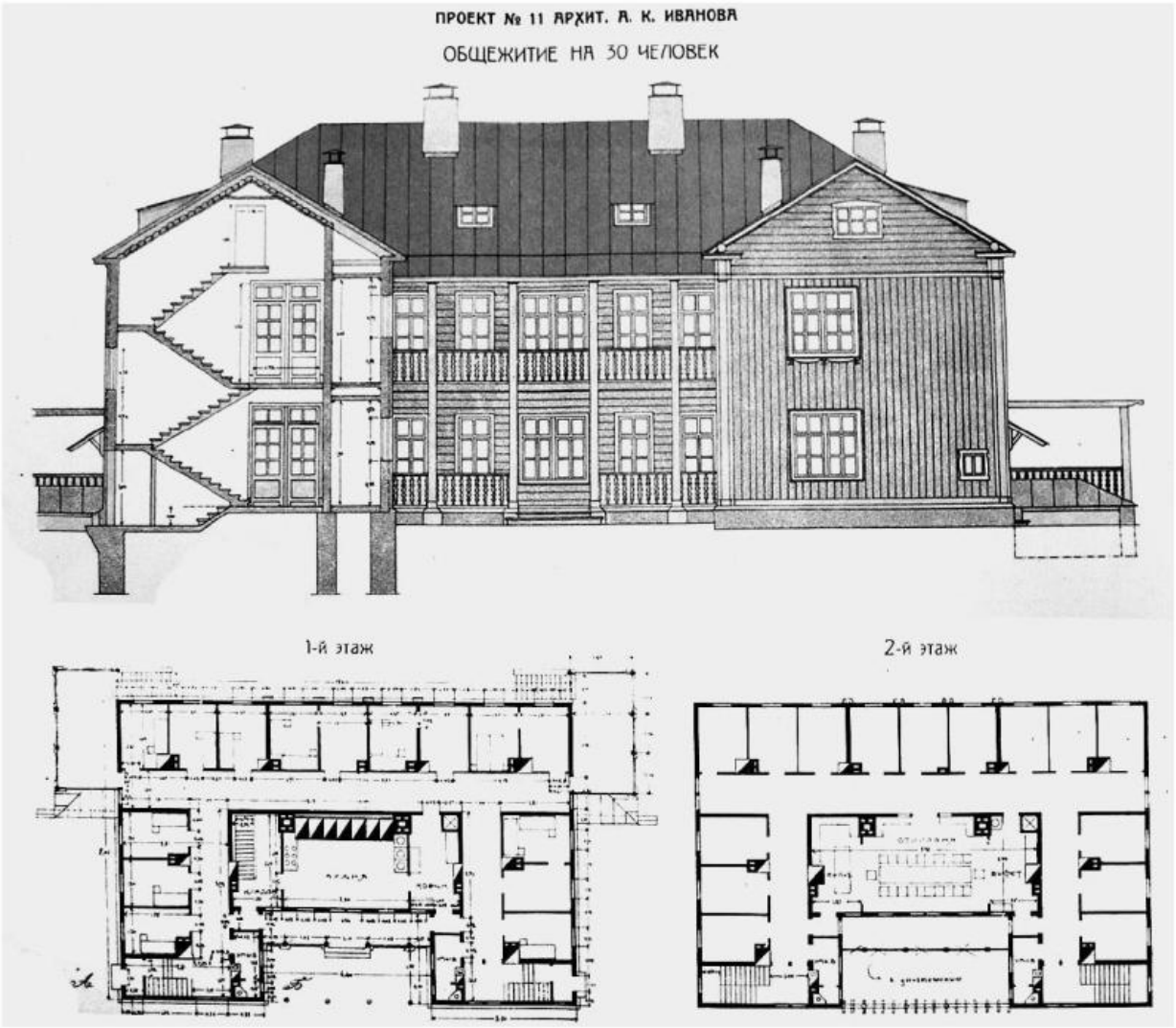

Рис. 107. Общежитие на 30 чел. Арх. А. К. Иванов

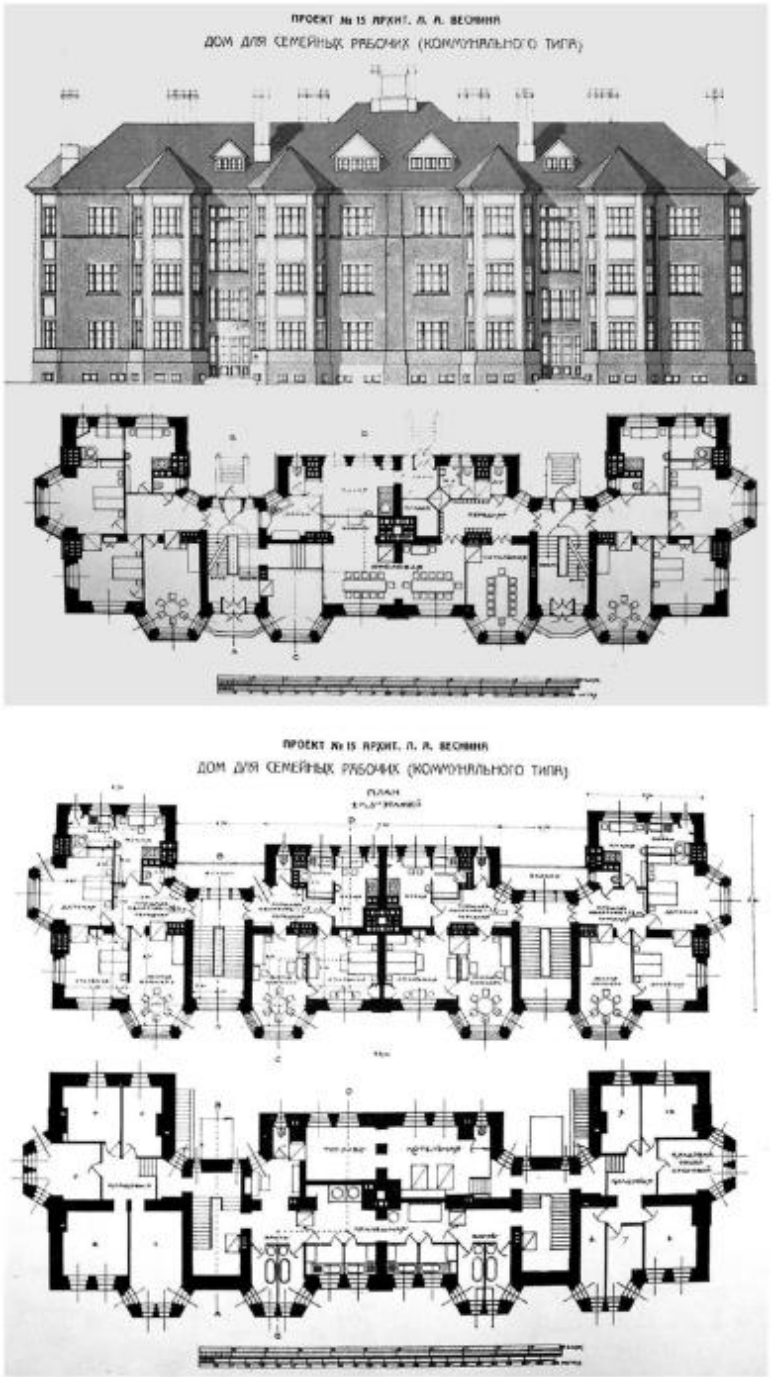

Рис. 108. Проект дома для семейных рабочих коммунального типа. Фасад, планы. Арх. Л. А. Веснин

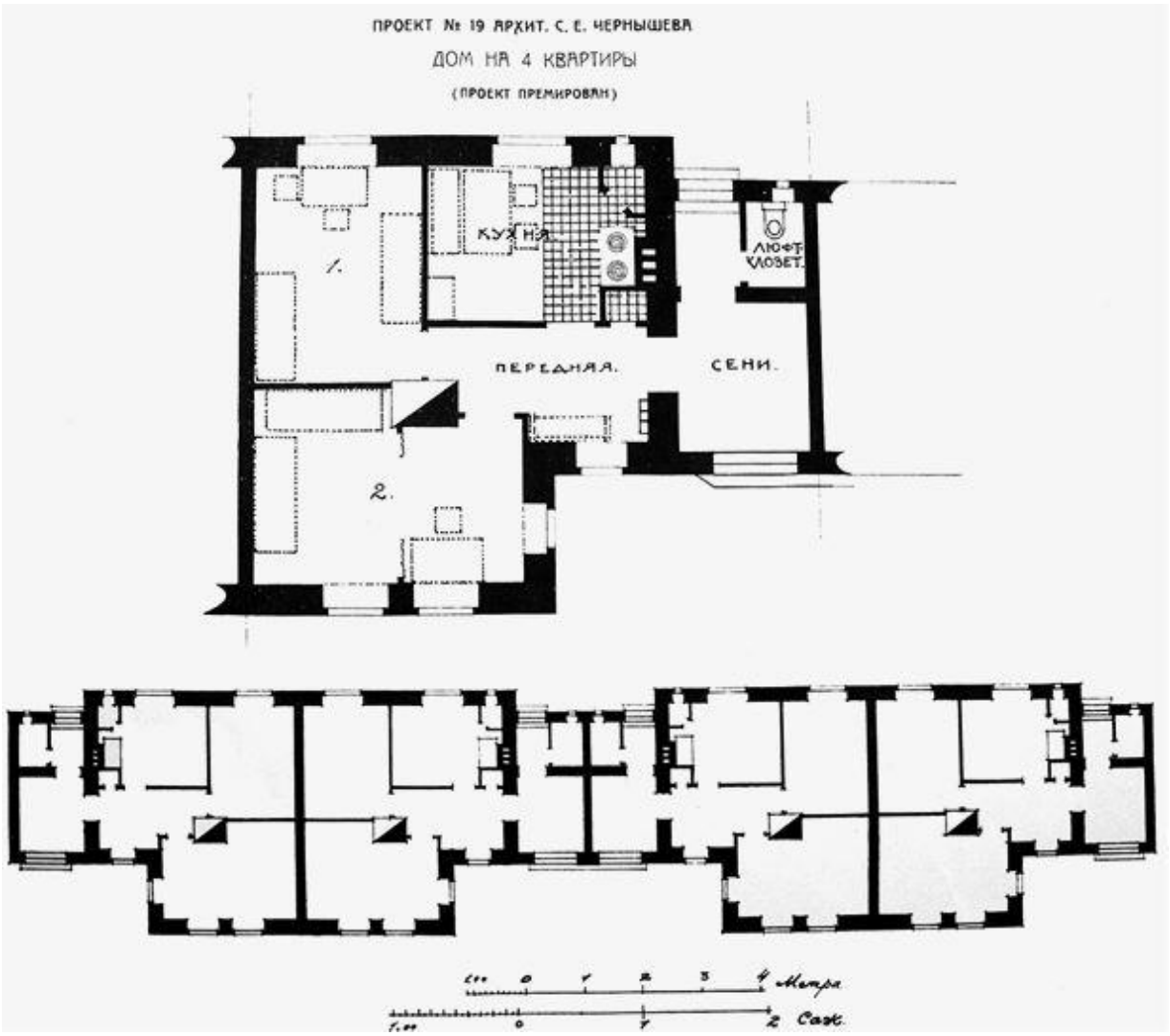

Рис. 109. Дом на 4 квартиры. Арх. С. Е. Чернышев

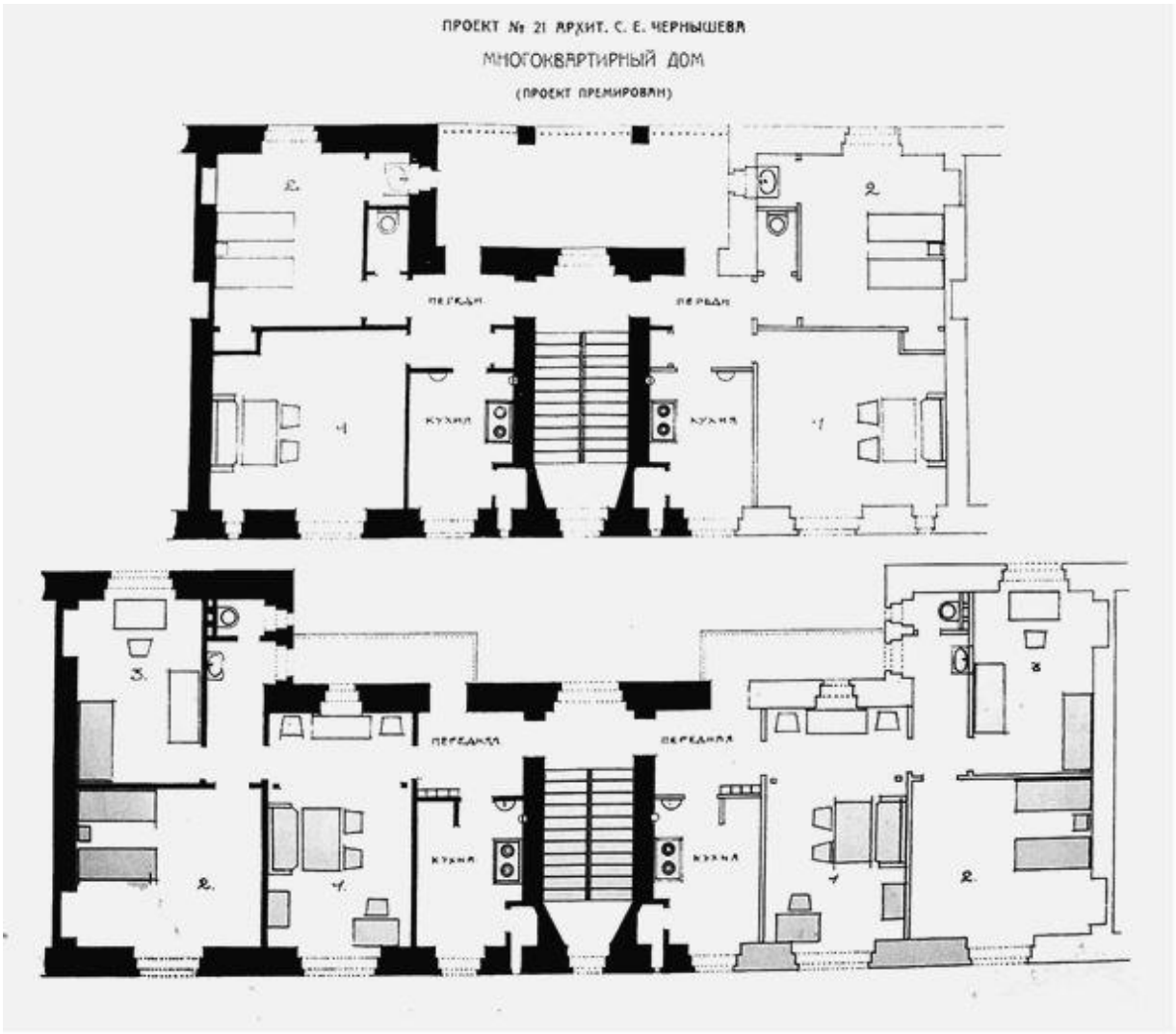

Рис. 110. Многоквартирный дом. Арх. Л. А. Веснин

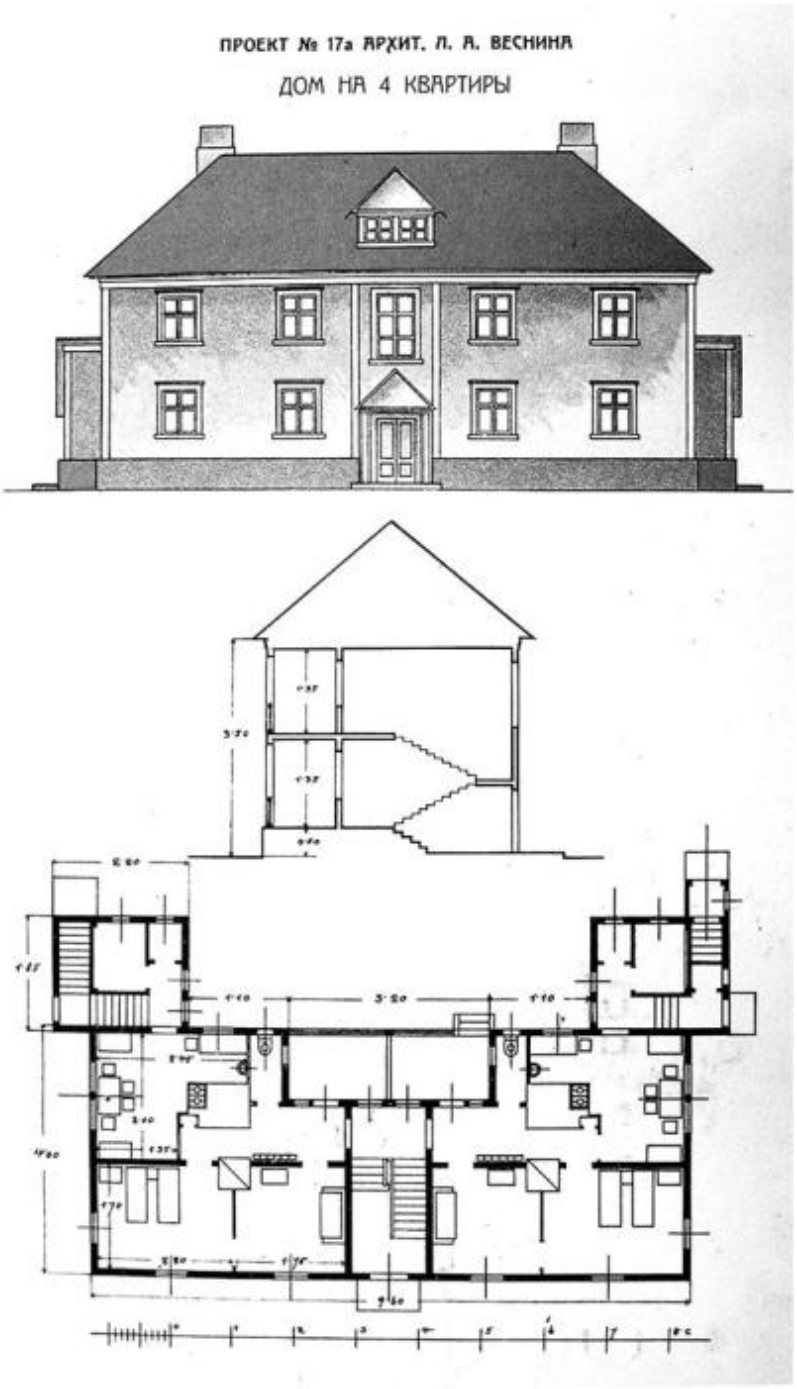

Рис. 111. Дом на 4 квартиры. Арх. Л. А. Веснин

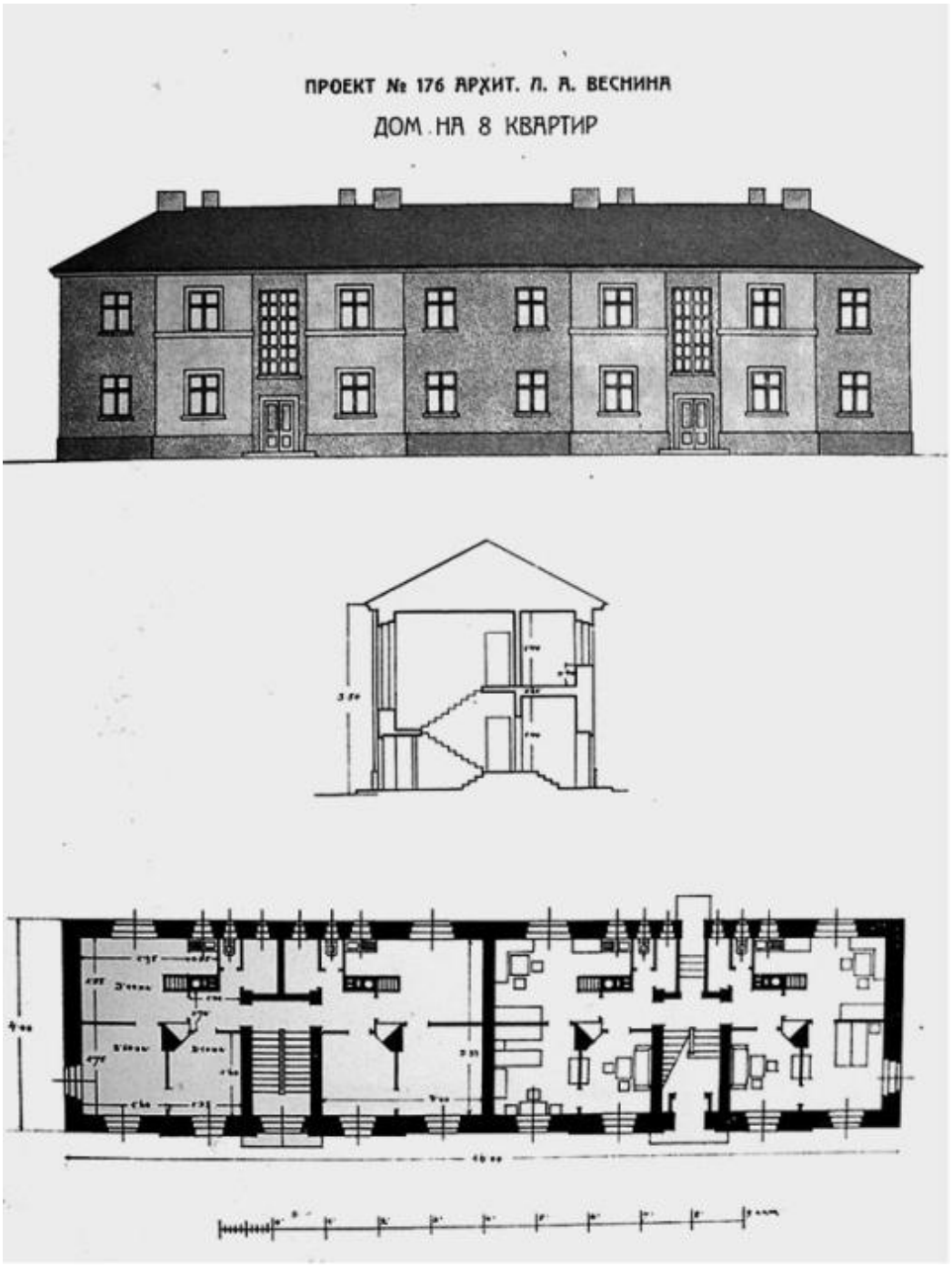

Рис. 112. Дом на 8 квартир. Арх. Л. А. Веснин

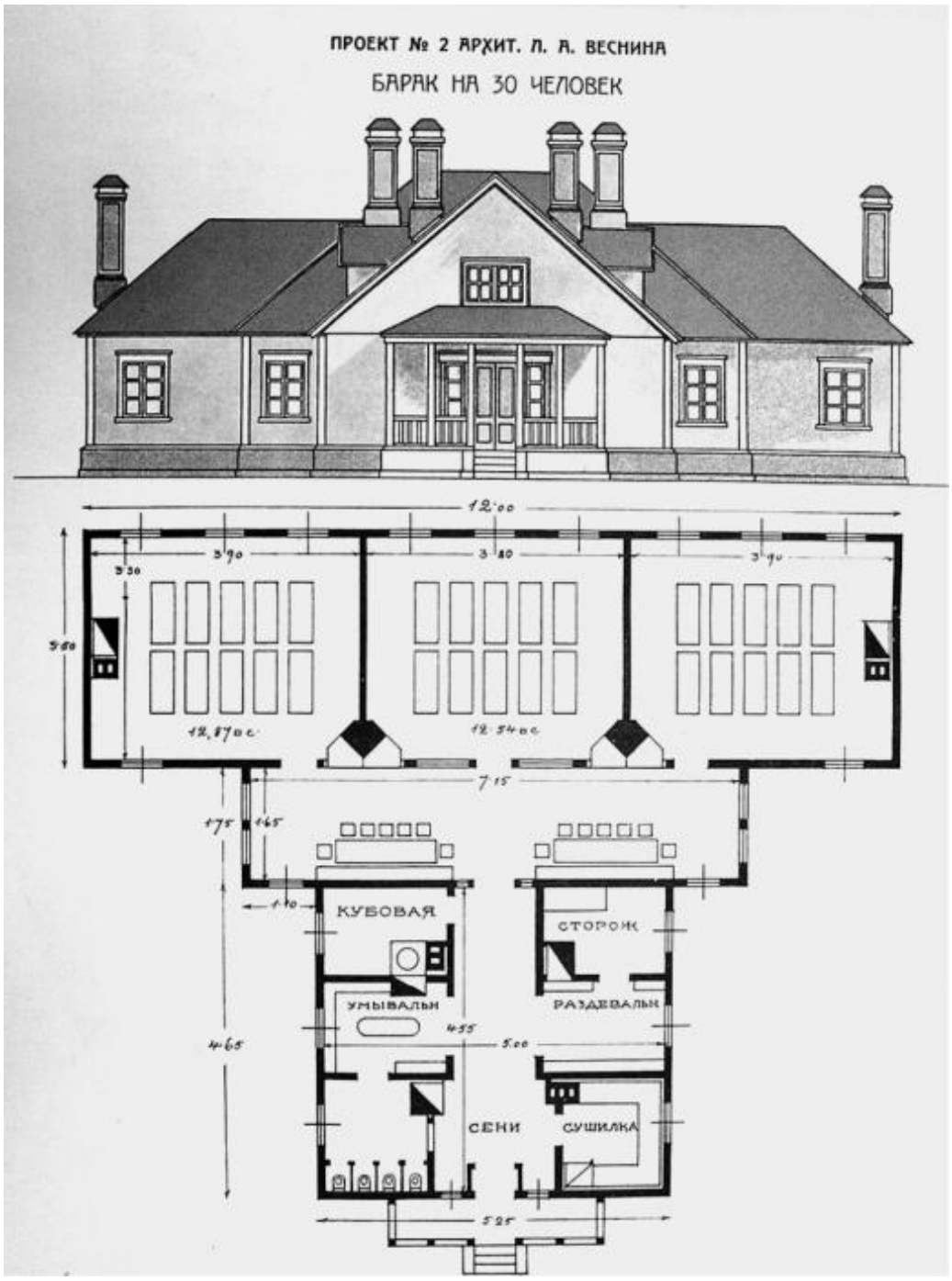

Рис. 113. Барак на 30 чел. Арх. Л. А. Веснин

Крупные ведомственные застройщики в первой половине 1920-х гг. формировали свои строительные программы в полном соответствии с этой типологией. Так, например, трест «Югосталь», представляя в 1925 г. в технический совет при Строительном отделе ГЭУ ВСНХ план строительства на 1925–1926 гг., прилагал проекты зданий следующих

типов: а) отдельно стоящие мансардные 2-квартирные жилые дома; б) блокированные одноэтажные 2– и 4-квартирные жилые дома; в) 3– и 4-этажные 36-квартирные жилые дома; г) 2-этажные общежития на 40 и 60 человек[481].

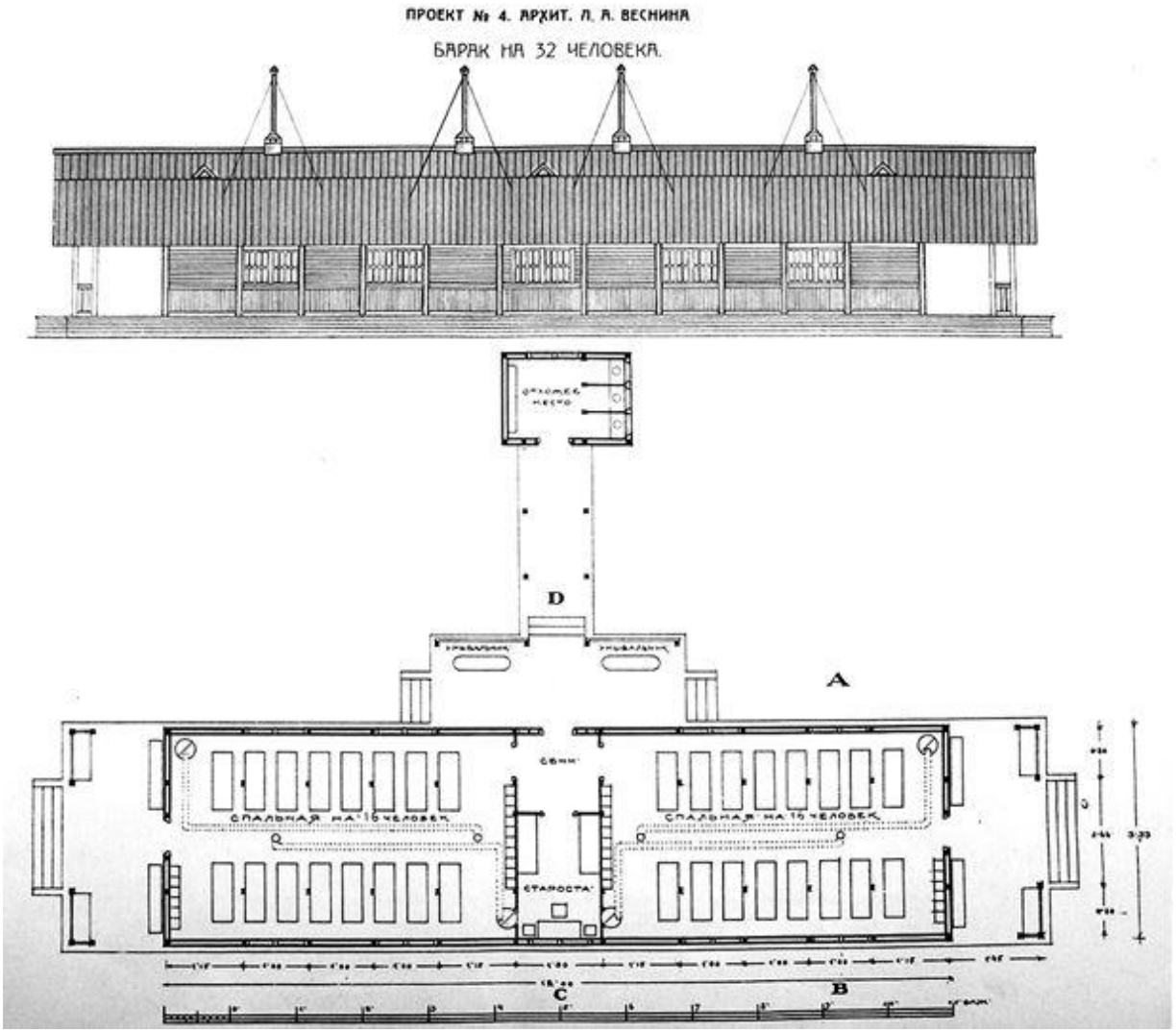

Рис. 114. Барак на 32 чел. Арх. Л. А. Веснин

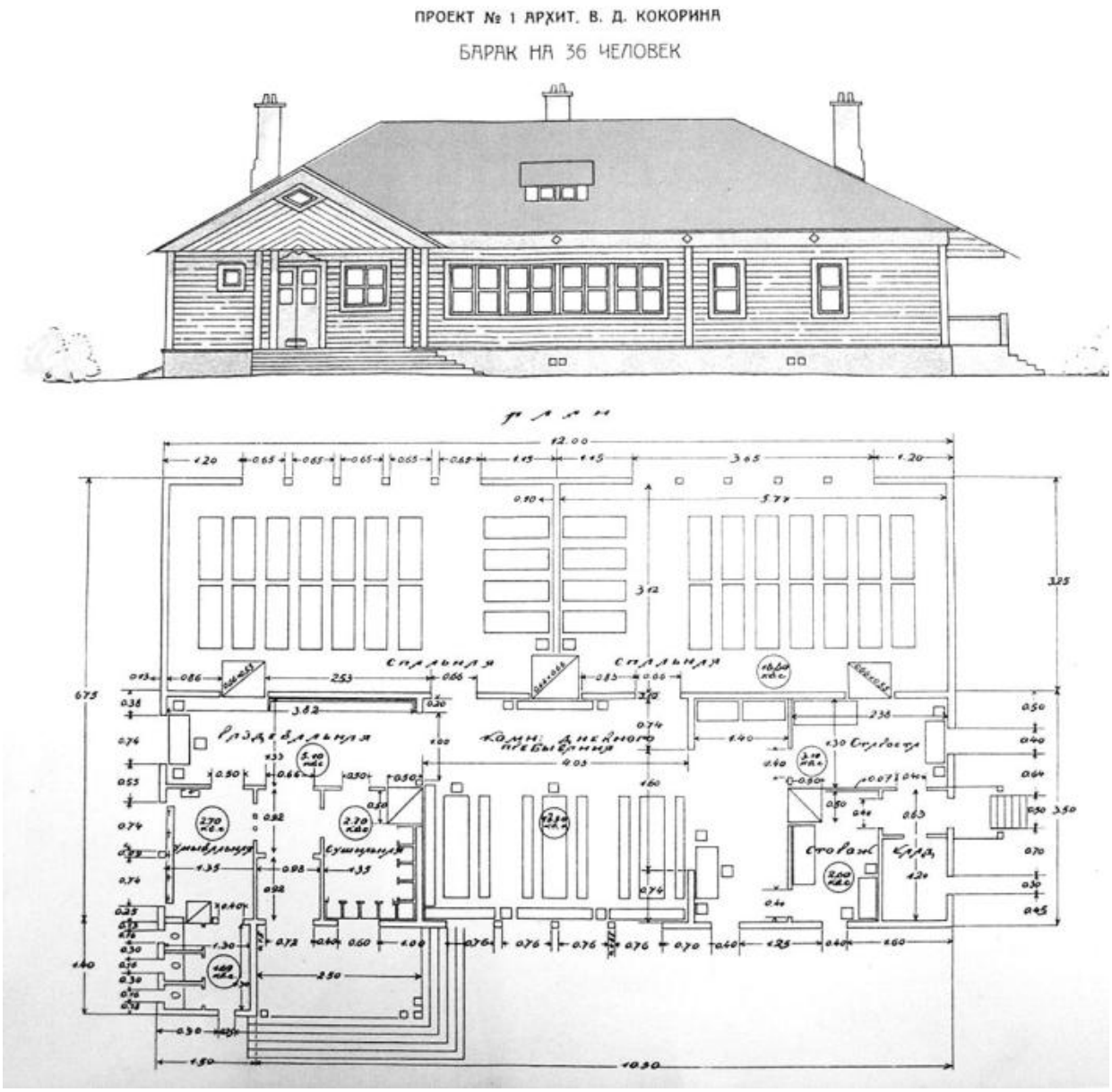

Рис. 115. Барак на 36 чел. Арх. В. Д. Кокорин

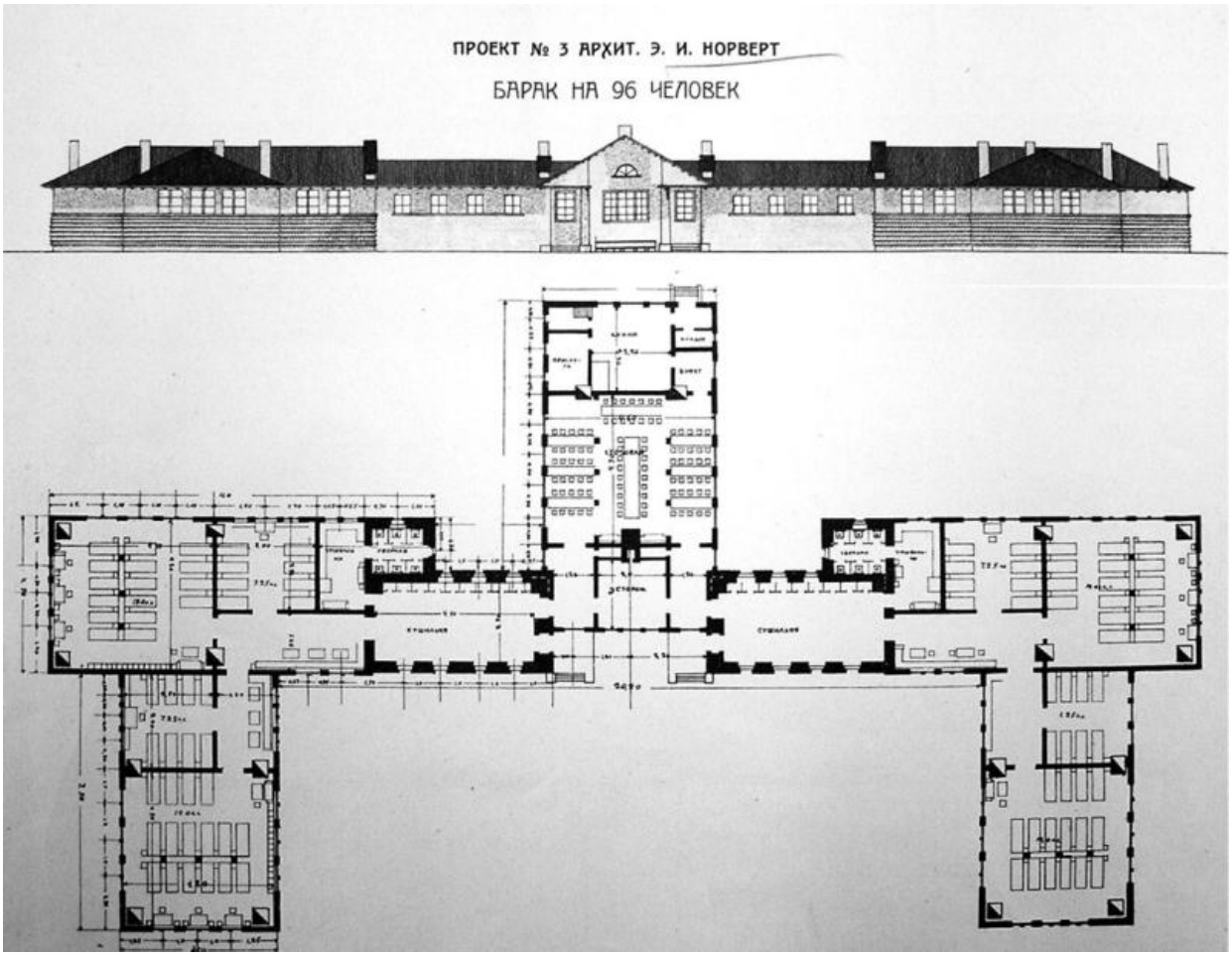

Рис. 116. Барак на 96 чел. Арх. Э. И. Норверт

В период 1922–1925 гг. данная типологии расширялась и дифференцировалась в рамках каждого из типов. Так, отдельно стоящие дома особнякового типа проектировались в виде: а) односемейных коттеджей городского типа, б) домов «полусельского типа»; в) «жилищ пролетариев». Вследствие попыток создать максимально экономичный и простой в строительстве тип индивидуального жилья для рабочего появлялись довольно курьезные проекты, такие, например, как разработанный в 1924 г. С. Е. Чернышевым проект предельно компактного дома для рабочего поселка при Каширской электростанции из 3 комнат и кухни общей площадью 3,62×4=14,48 кв. саж. (66,5 кв. м), названный «Горбушка» (рис. 120). Разрабатывались варианты блокированных жилых домов на одну, две, четыре семьи. Появлялся широкий спектр проектов многоквартирного, многокомнатного секционного жилого фонда.

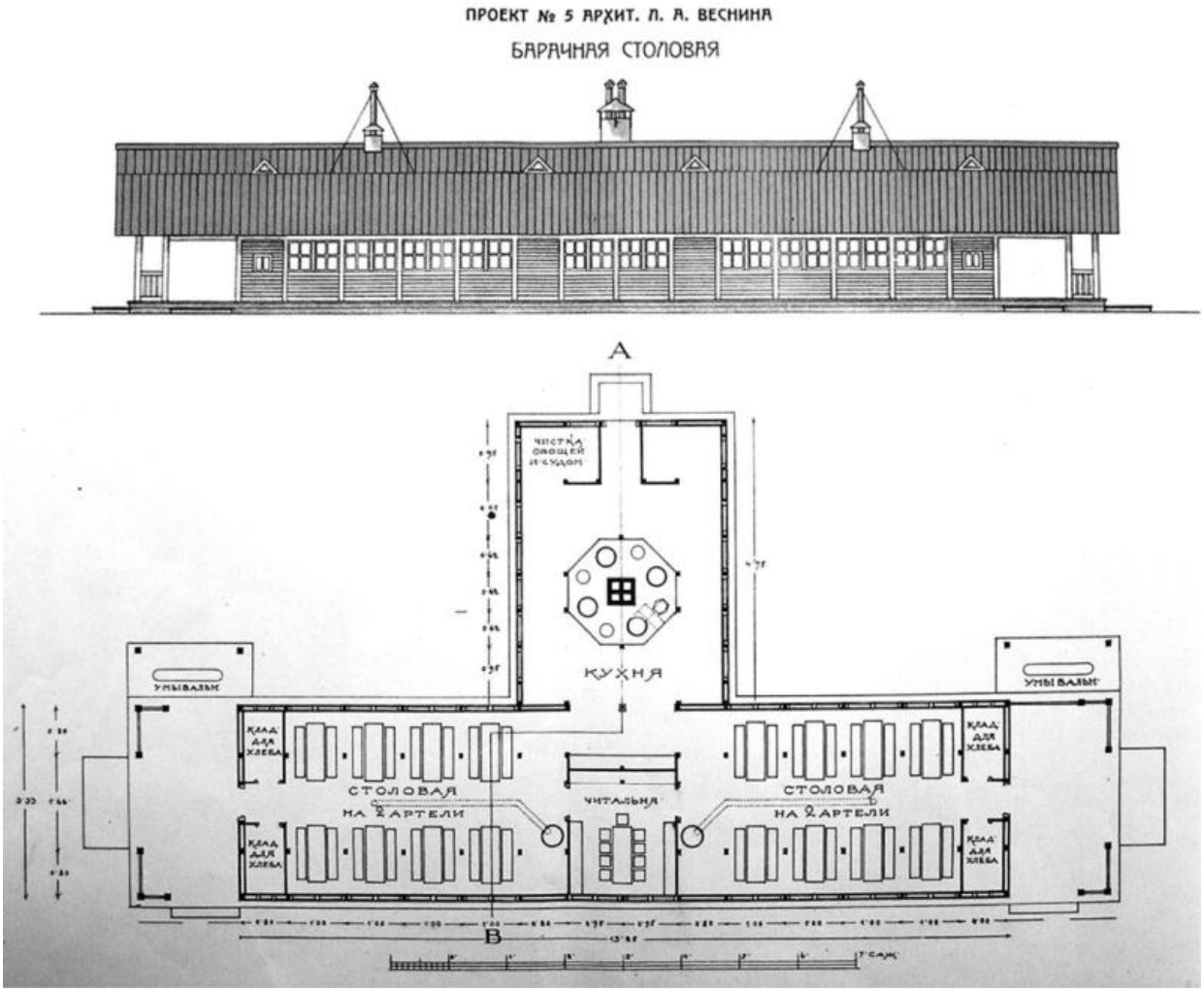

Рис. 117. Барачная столовая. Арх. Л. А. Веснин

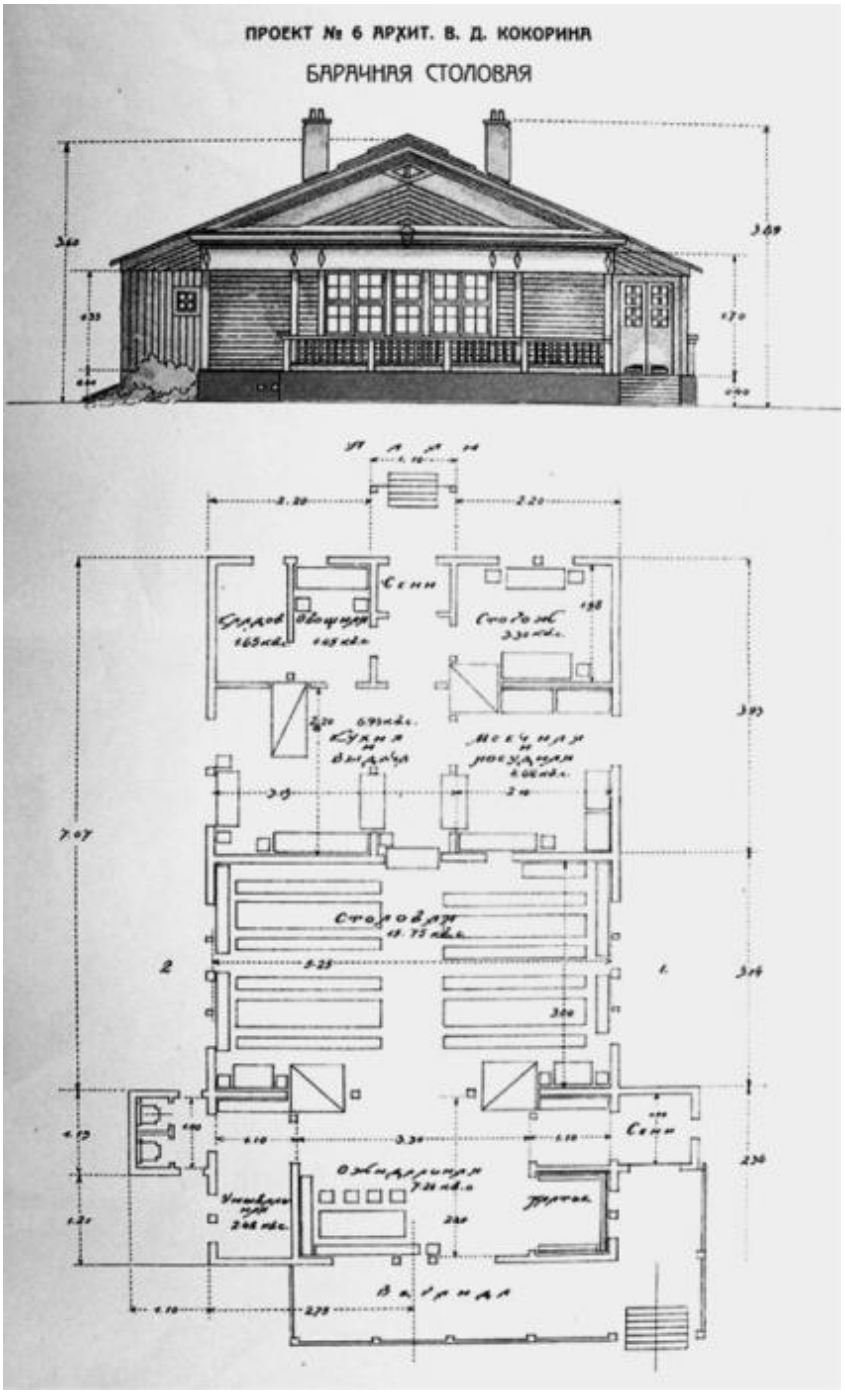

Рис. 118. Барачная столовая. Арх. В. Д. Кокорин

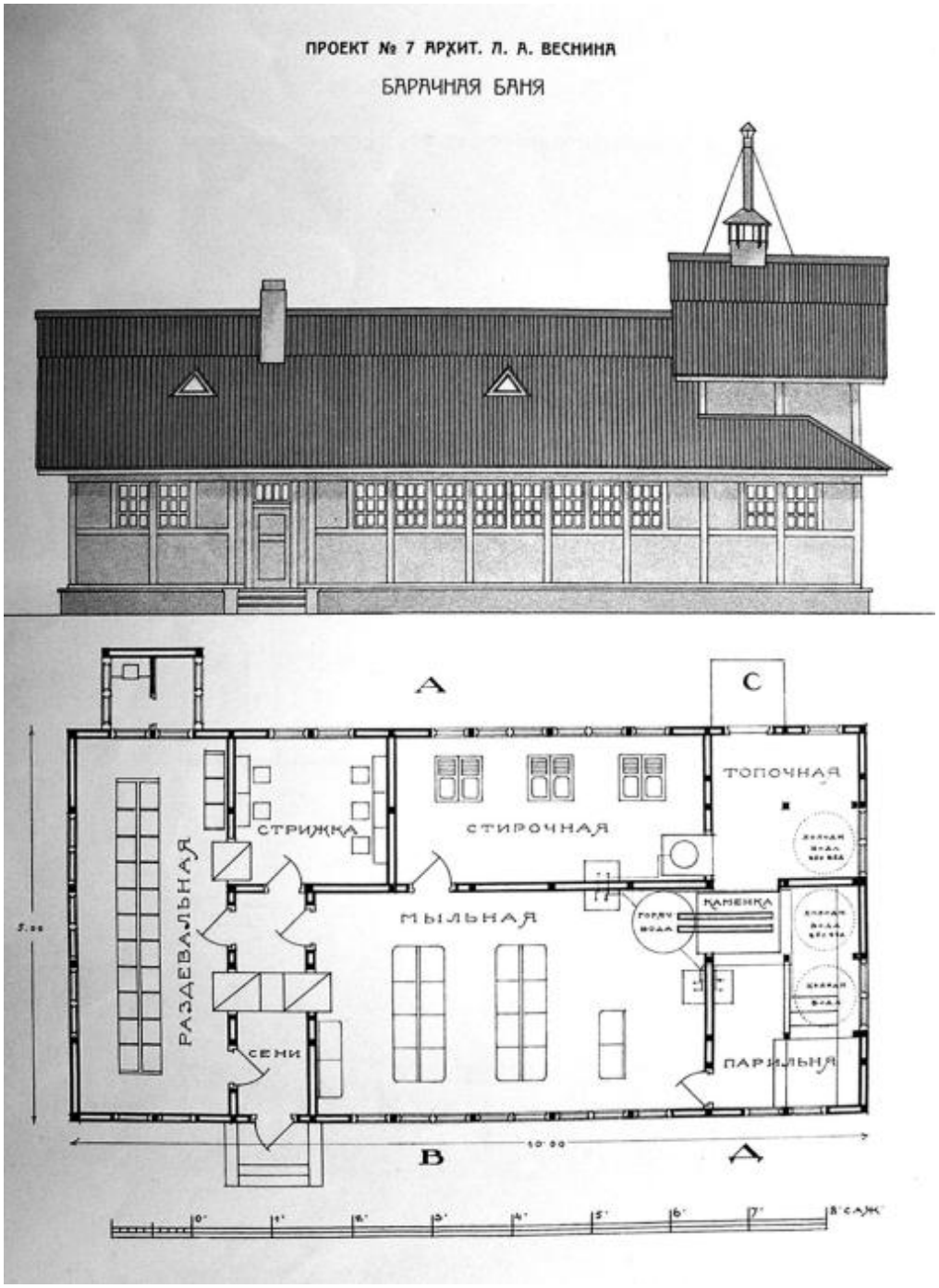

Рис. 119. Барачная баня. Арх. Л. А. Веснин

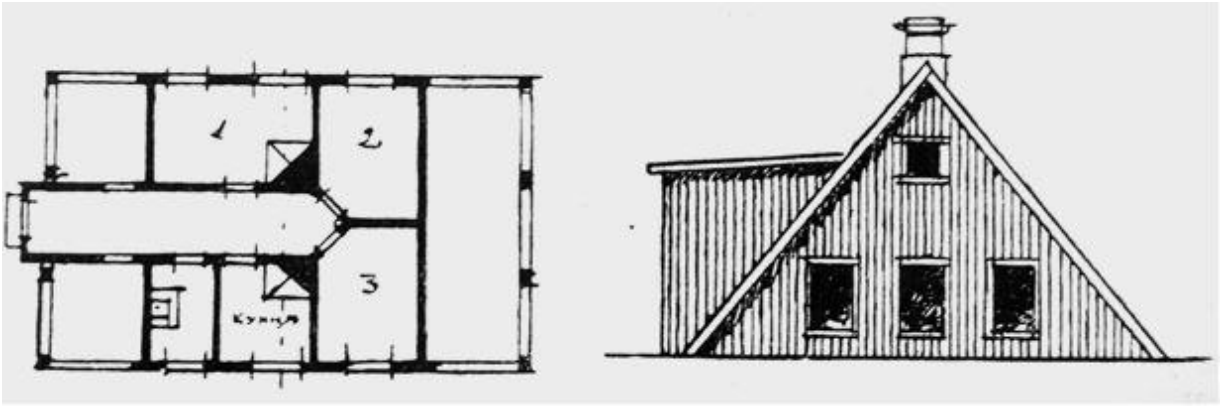

Рис. 120. Домик для рабочего «Горбушка»

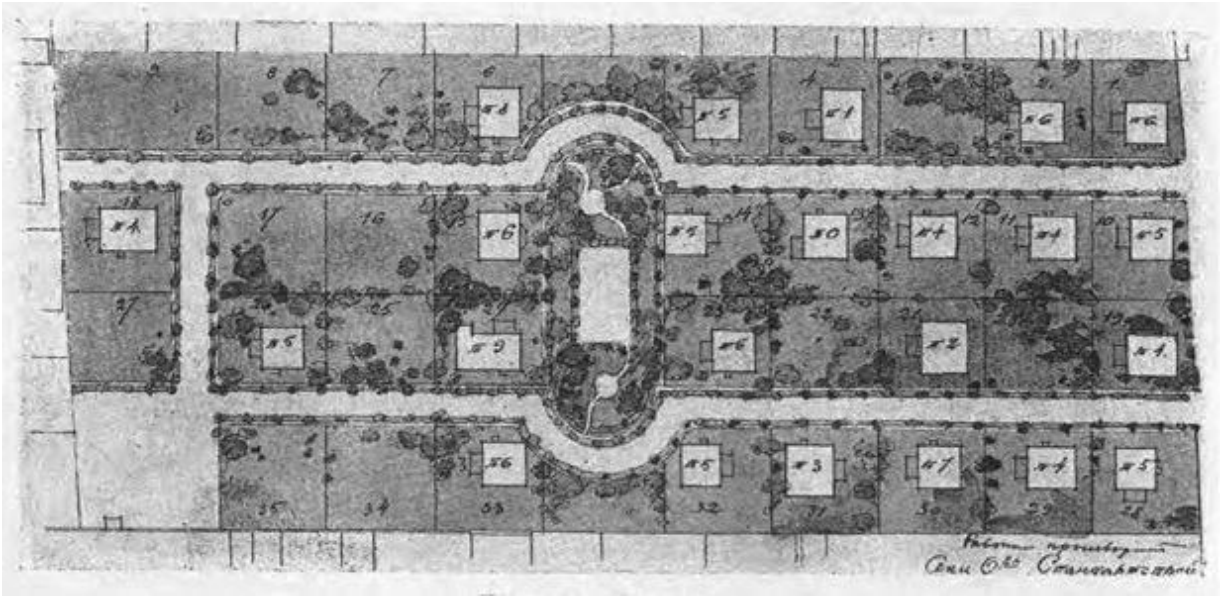

Рис. 121. Генеральный план группы одноквартирных домов с индивидуальными участками. Стандартстрой. Проект. Не позднее 1924

Жилые дома особнякового типа предназначались, как отмечено выше, для заселения семьями высшего административного, партийного и технического руководства градообразующего предприятия, рядом с которым, собственно, и возводился рабочий поселок. Поэтому они проектировались односемейными, с широким набором помещений (передняя, гостиная, несколько жилых комнат, кухня, кладовая, вторая – так называемая черная кухня и, соответственно, черный вход с тамбуром-сенями, терраса, веранда, ванная, туалет и т. п.) с прилегающим участком. Эти здания компоновались в обособленные

жилые группы, которые также обособленно располагались потом на генпланах поселений (рис. 121).

Широко распространяемые в этот период идеологические тезисы о слиянии города и деревни, о превращении крестьян в «сельских пролетариев», реформаторские представления о новых формах производственной и бытовой деятельности выливались в попытки соединить при разработке новых типов жилья традиционную пространственно-планировочную организацию русской избы с удобством и комфортом английского коттеджа. Появлявшиеся в результате этих попыток проекты отвергали какие бы то ни было различия сельского жилища и жилищ для рабочих. Они оказывались на грани «между городским или полугородским домом города-сада и сельской избой». Так, например, по заказу Донского комитета государственных сооружений (Донгосоор) в начале 1920 г. для рабочих поселков Донбасса были разработаны типовые проекты отдельно стоящих особнякового типа домов «полусельского характера с хозяйственными помещениями под одной кровлей». В этой работе принимали участие архитекторы и инженеры: П. Балан, И. Верезубов, Н. Веревкин, Ильяшев, В. Каразин, Н. Лансере, Н. Новаковская, М. Сулин, И. Черкесьян. Дома проектировались в две и более жилых комнат и предназначались для одной семьи (рис. 122, 123). К домам прилегали участки земли площадью 100 кв. саж. (458 кв. м) и 120 кв. саж. (550 кв. м).

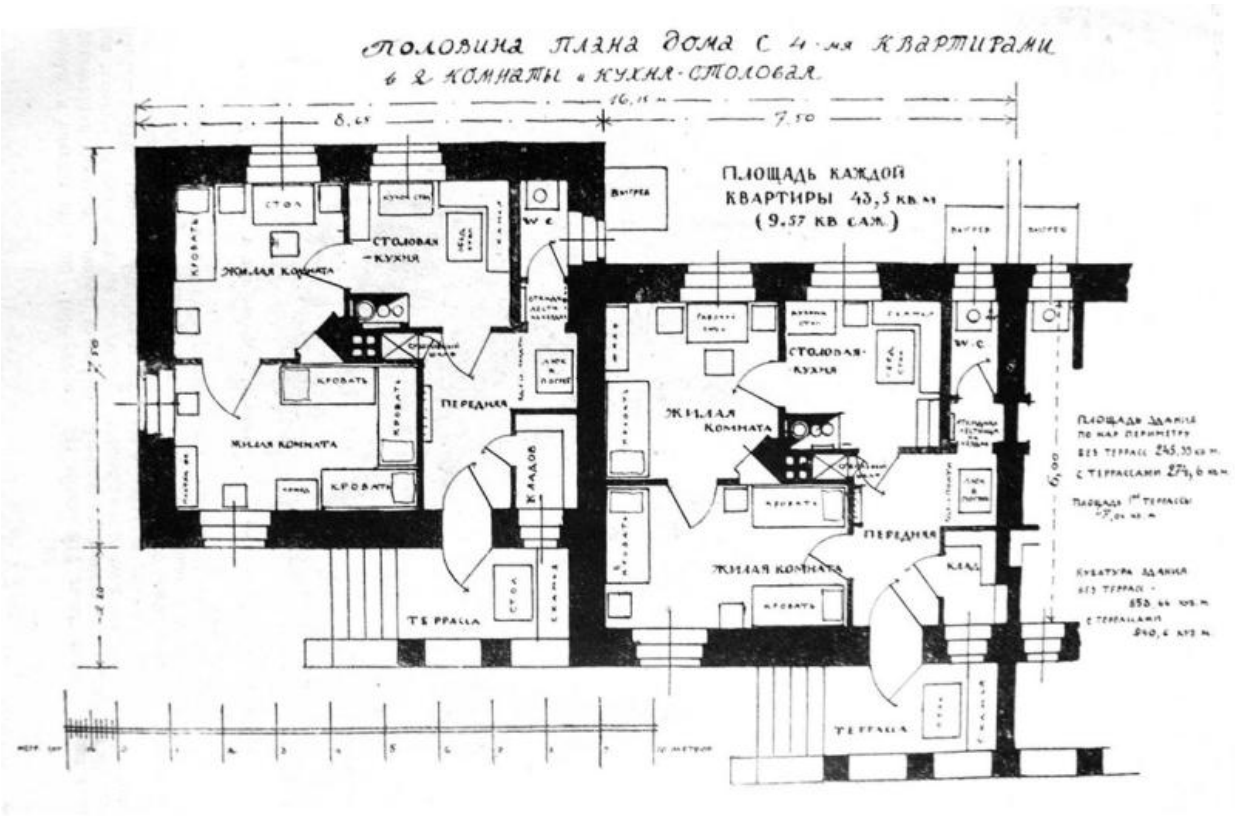

Рис. 122. Дом на 4 квартиры для рабочих поселка Донбасса. Конкурсный проект. План. Арх. Н. Е. Лансере. Середина 1920-х

Рис. 123. Дом на 4 квартиры для рабочих поселка Донбасса. Конкурсный проект. Перспектива. Арх. Н. Е. Лансере. Середина 1920-х

В 1920–1924 гг. имели место попытки создания особого типа жилого дома для сливаемых воедино города и деревни согласно идеологическому призыву о «стирании различий» между ними. Как правило, подобные проекты исходили из соображений о полной ликвидации «сельских черт» и превращении крестьянского жилища в дом городского типа. Эти проекты, именуемые «жилищем пролетария», по степени благоустройства были приближены к городскому виду (проектировались с ванными, теплыми туалетами), а по наличию участка земли для сада и огорода, а также надворных построек для домашней живности – к сельскому (пригородному) жилищу. Подобные проекты «жилища пролетария» разрабатывали архитекторы М. Тверской (рис. 124) – в 1920 г.; В. Г. Гельфрейх (рис. 125) – в 1921 г. В 1922–1924 гг. аналогичные проекты разрабатывали Н. В. Марковников, И. А. Голосов, А. З. Гринберг, Б. М. Великовский, И. А. Фомин, А. В. Щусев, И. В. Жолтовский и др. (рис. 126–131). В 1924 г. подобные жилые дома особнякового типа для рабочих в поселке при гидроэлектростанции в Сормове проектировал Г. Б. Бархин. Дома проектировались двухквартирными, одно– и двухэтажными (с квартирами в двух уровнях), с мансардным этажом (рис. 132). В этих проектах отчетливо воплощались дореволюционные представления архитекторов о нормальном и комфортабельном жилище, а также стремление «учесть местный характер, базируясь на местных формах архитектуры и своеобразных обычаях». В первой половине 1920-х гг. активную деятельность по проектированию отдельно стоящих одноквартирных домов для ведомственных поселков осуществляло акционерное общество «Стандартстрой» (рис. 133–135). Эти дома на фоне остальной (муниципальной) застройки представляли собой полноценное комфортабельное, элитное жилище, группируемое в обособленные поселки. В качестве примера можно привести поселок Квартирохозяин, построенный в Москве на Ямском поле в 1922–1924 гг. (рис. 136).

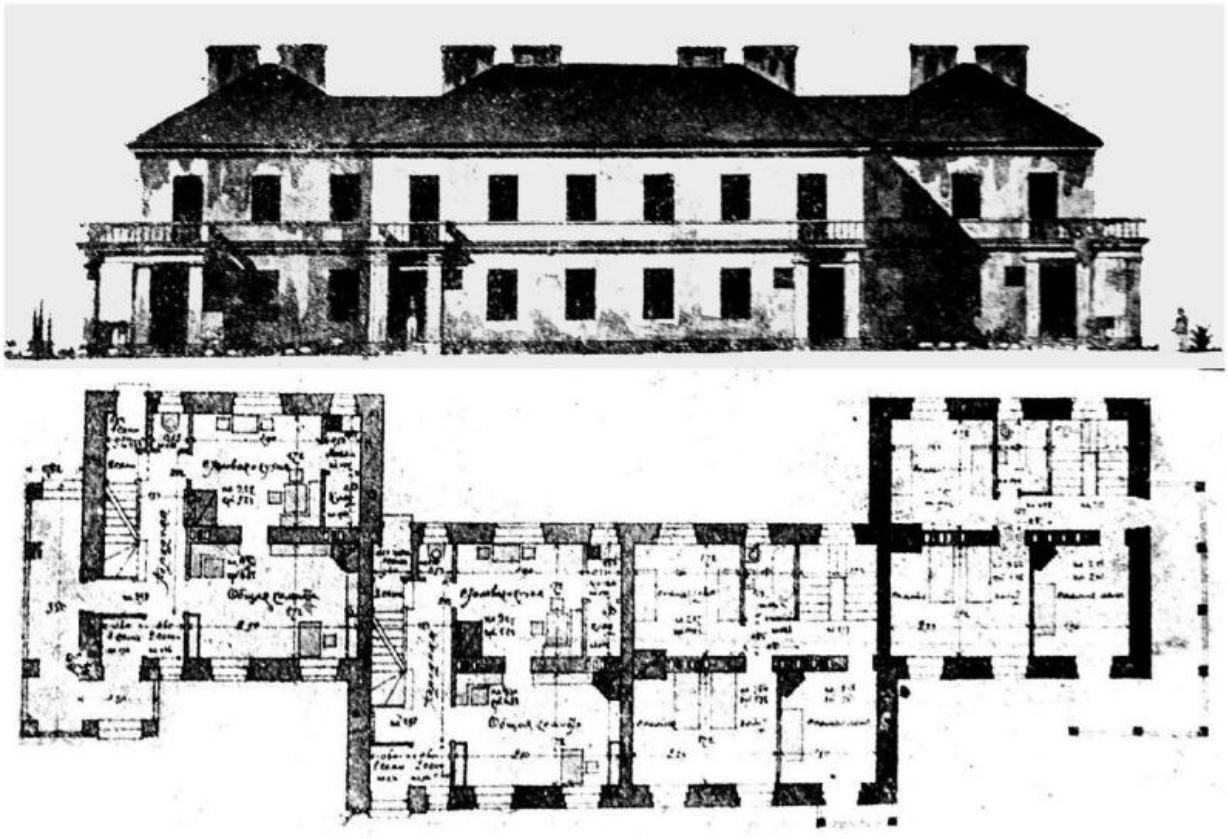

Рис. 124. Жилище для пролетариев. 2-этажный дом на 4 квартиры с участками. Проект. Арх. М. Тверской. 1920

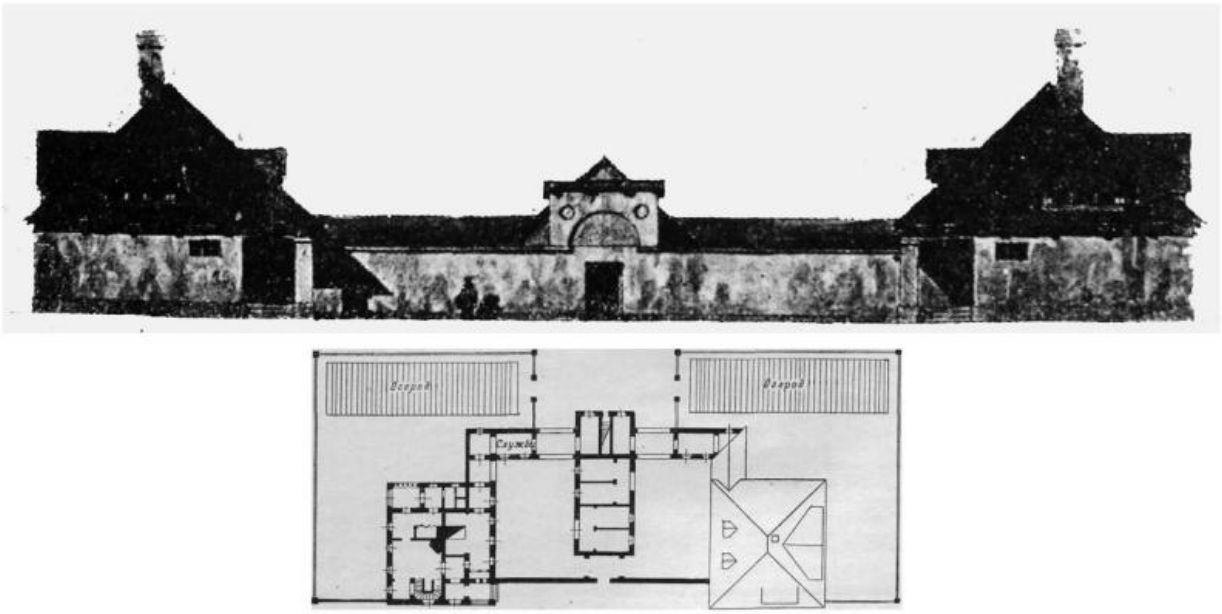
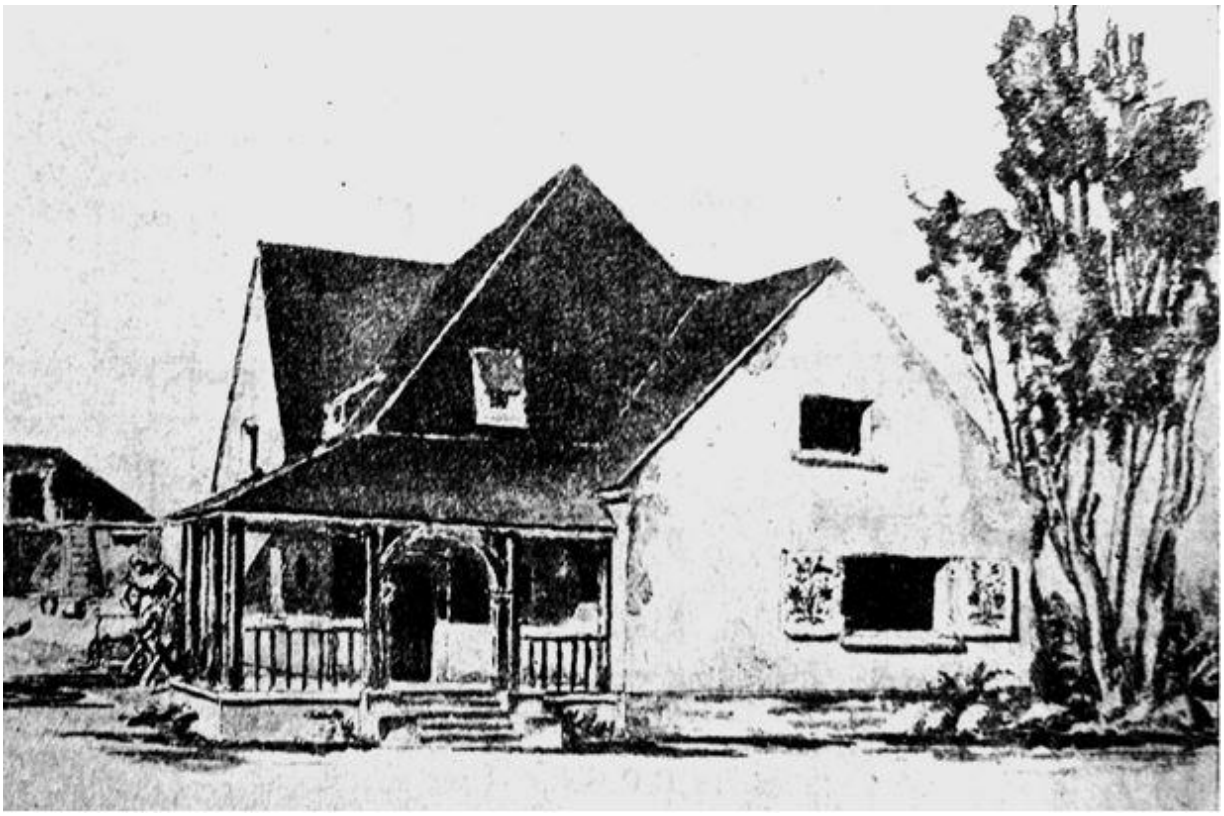

Рис. 125. «Жилище пролетария». Конкурсный проект. План. Арх. В. Г. Гельфрейх. 1921

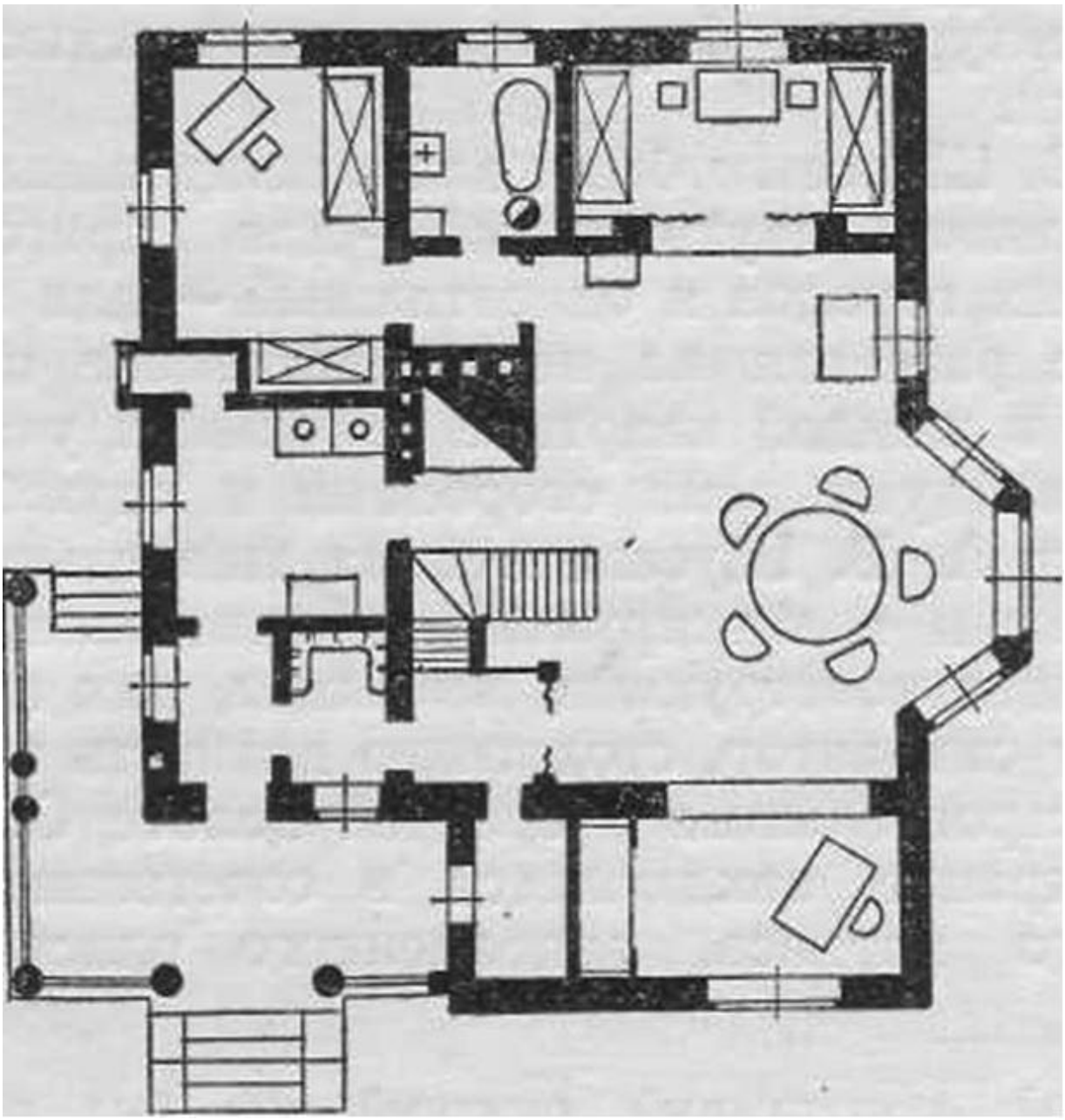

Рис. 126. Дом для рабочего на одну семью. Проект. Арх. И. А. Фомин. 1920-е

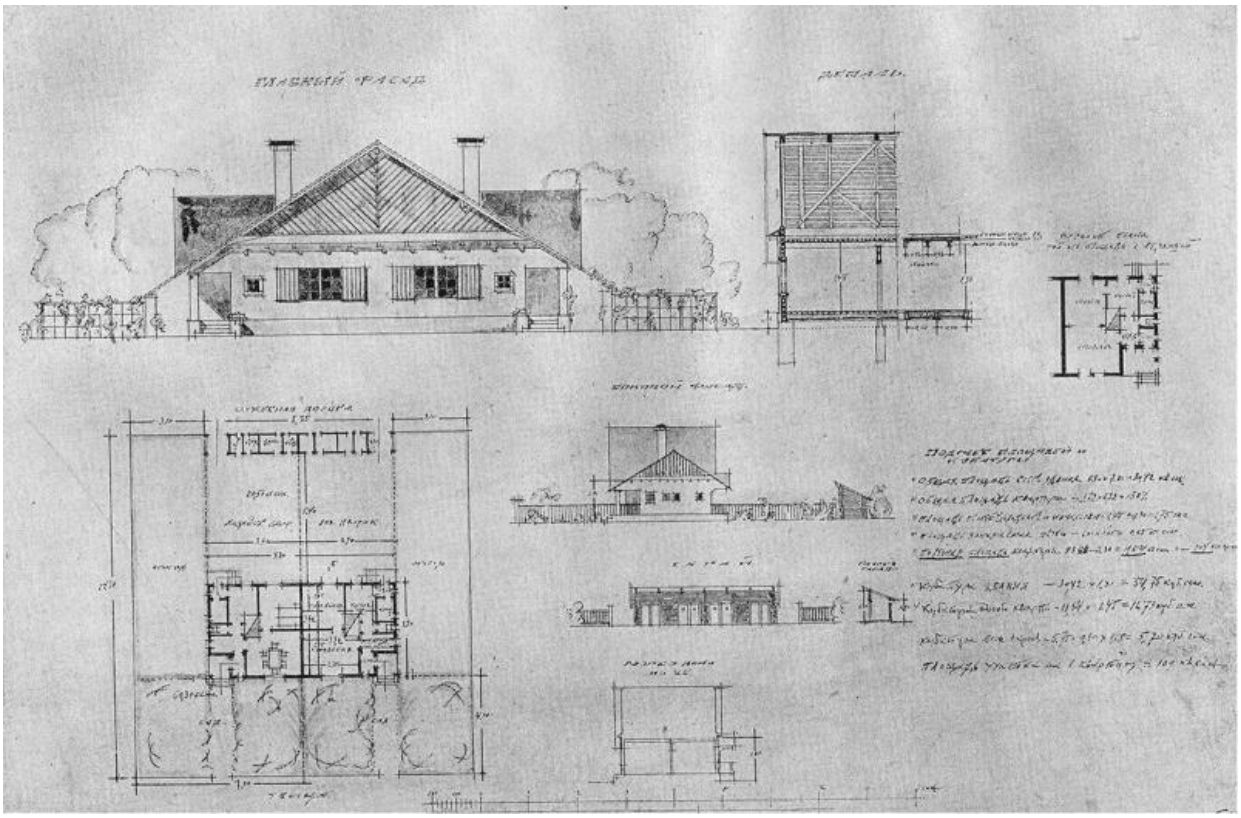

Рис. 127. Дом для рабочих на две квартиры. Проект. Арх. Голосов. Не позже 1924

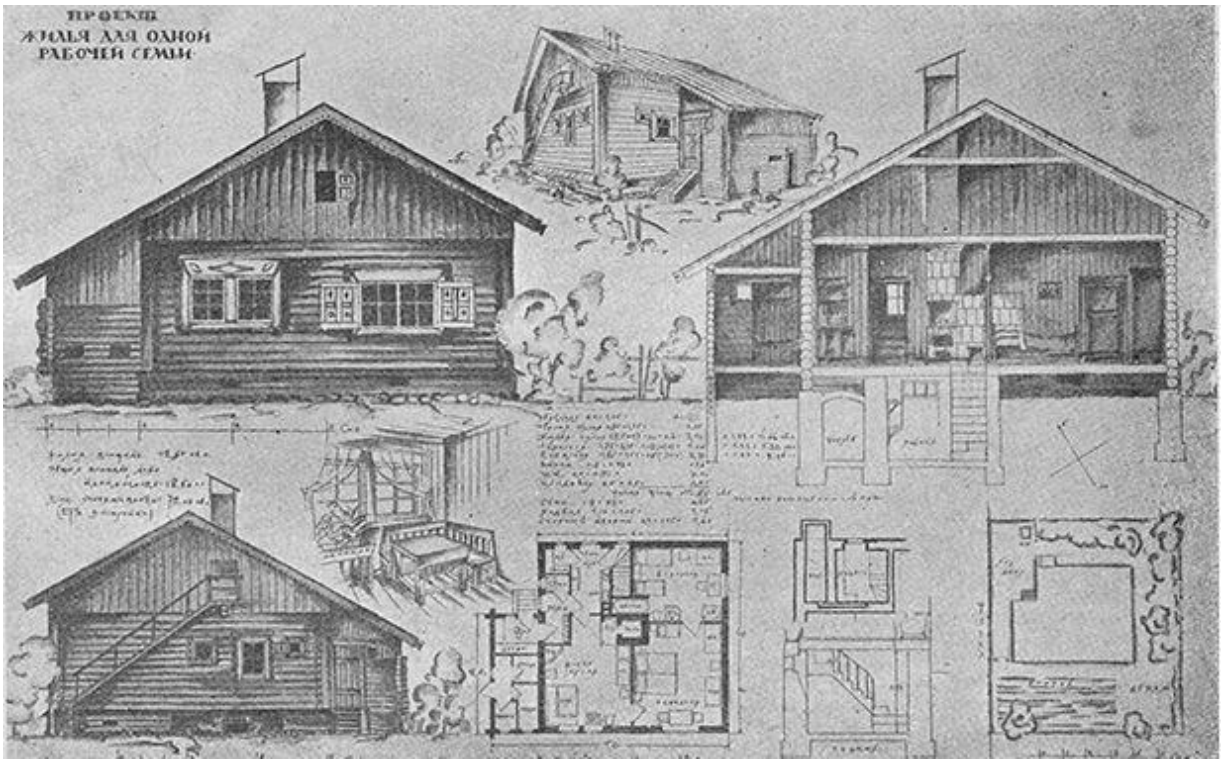

Рис. 128. Дом для рабочих на одну семью. Проект. Арх. Голосов. Не позже 1924

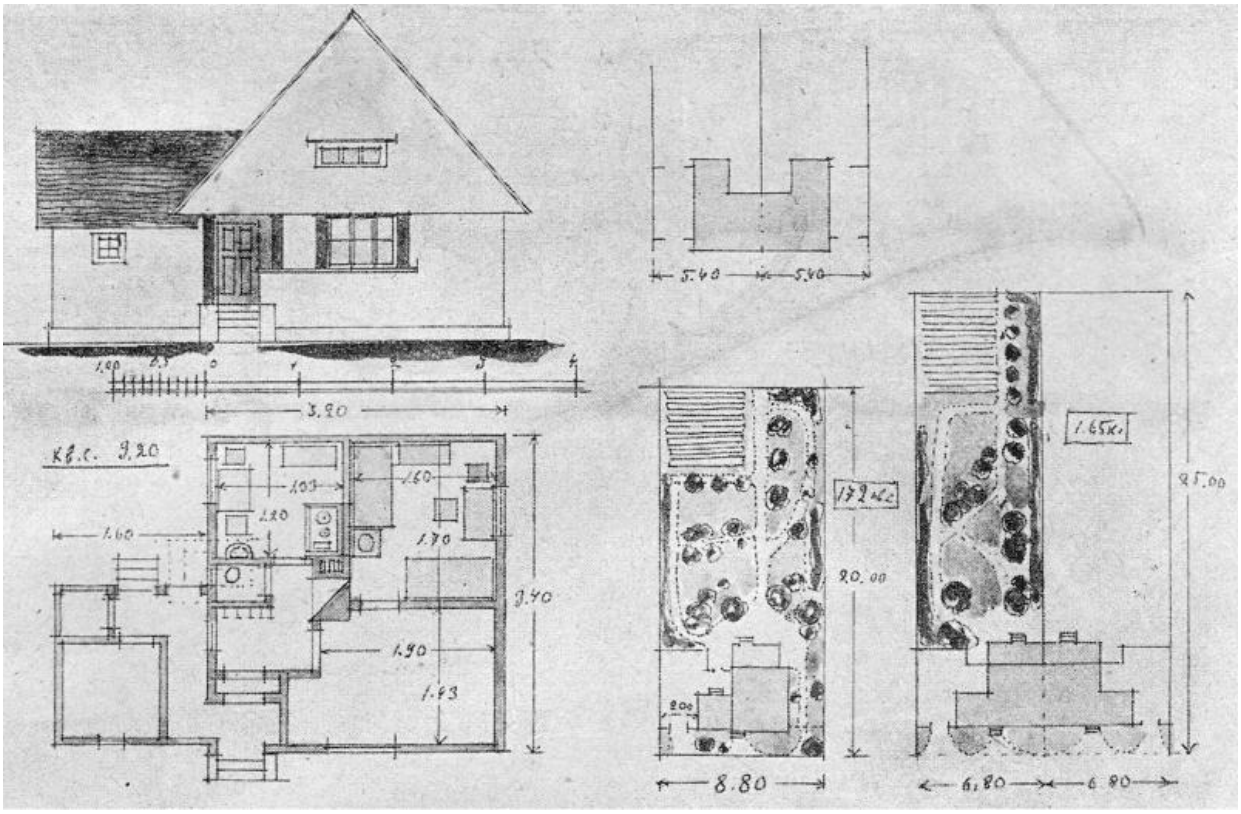

Рис. 129. Дом для рабочих на одну семью. Проект. Арх. Н. В. Марковников. Не позже 1924

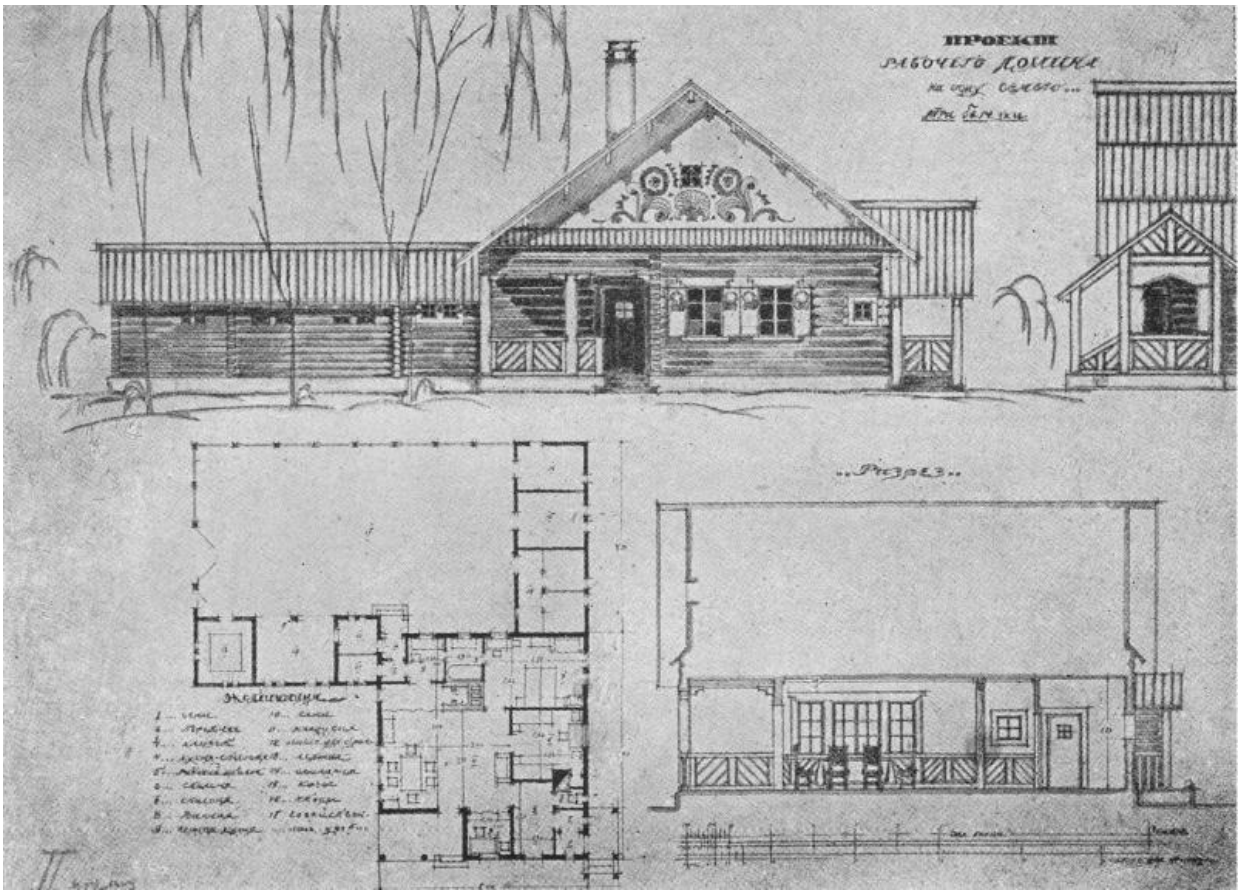

Рис. 130. Дом для рабочих на одну семью. Проект. Арх. Голосов. Не позже 1924

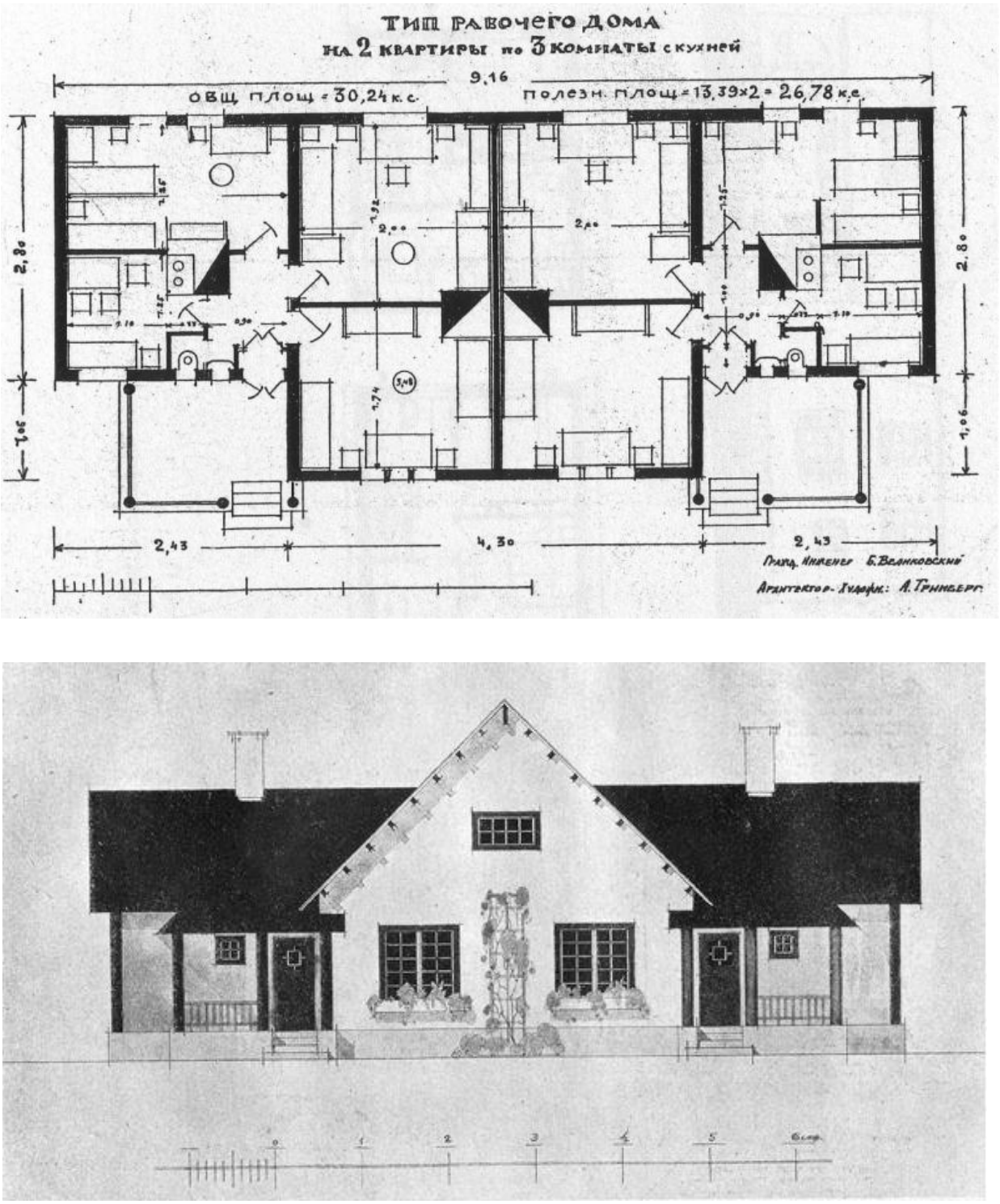

Рис. 131. Дом для рабочих на две квартиры. Проект. Фасад, план. Арх. (гражд. инж.) Л. Б. Великовский. Арх. – худ. А. З. Гринберг. Не позже 1924

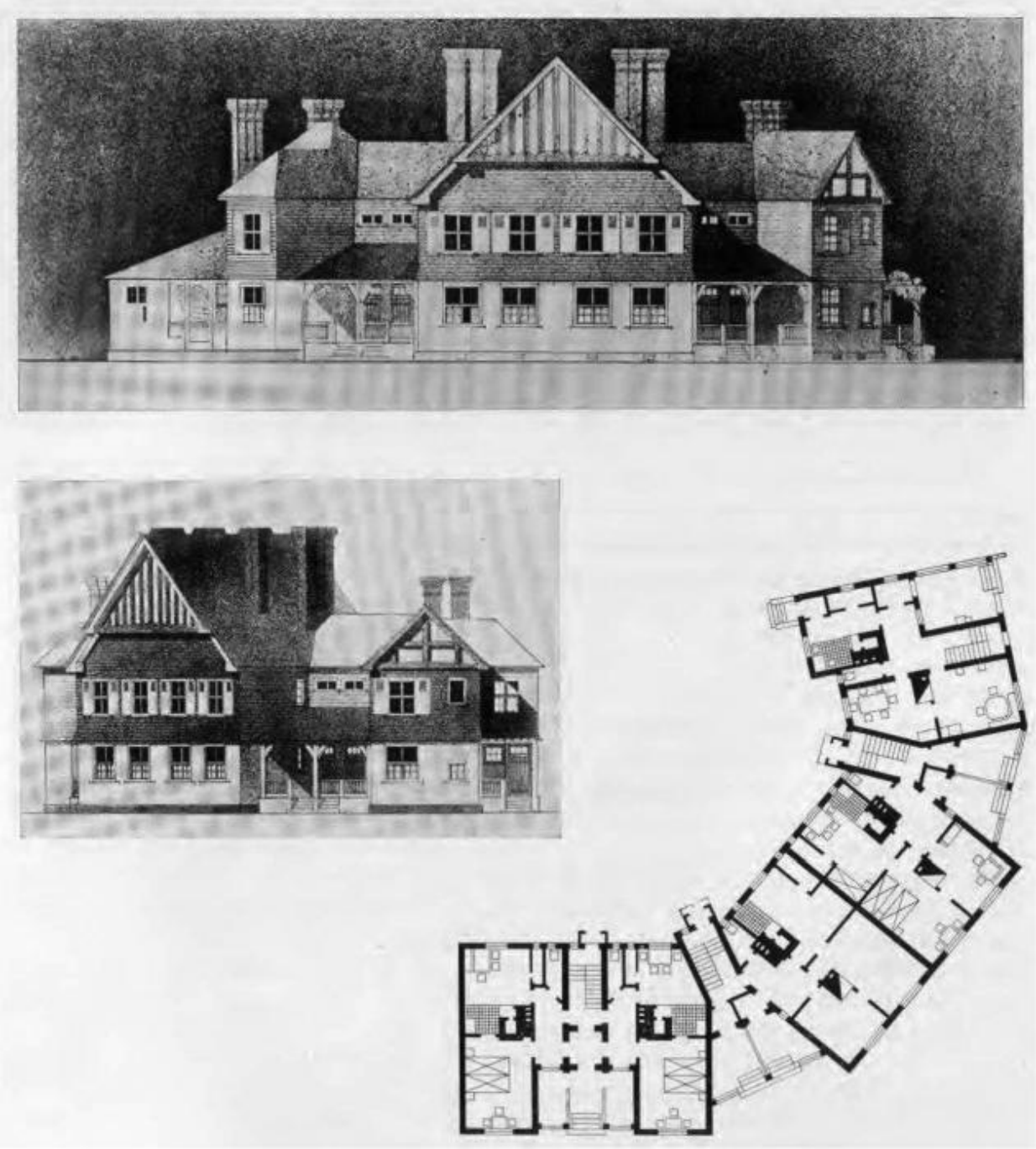
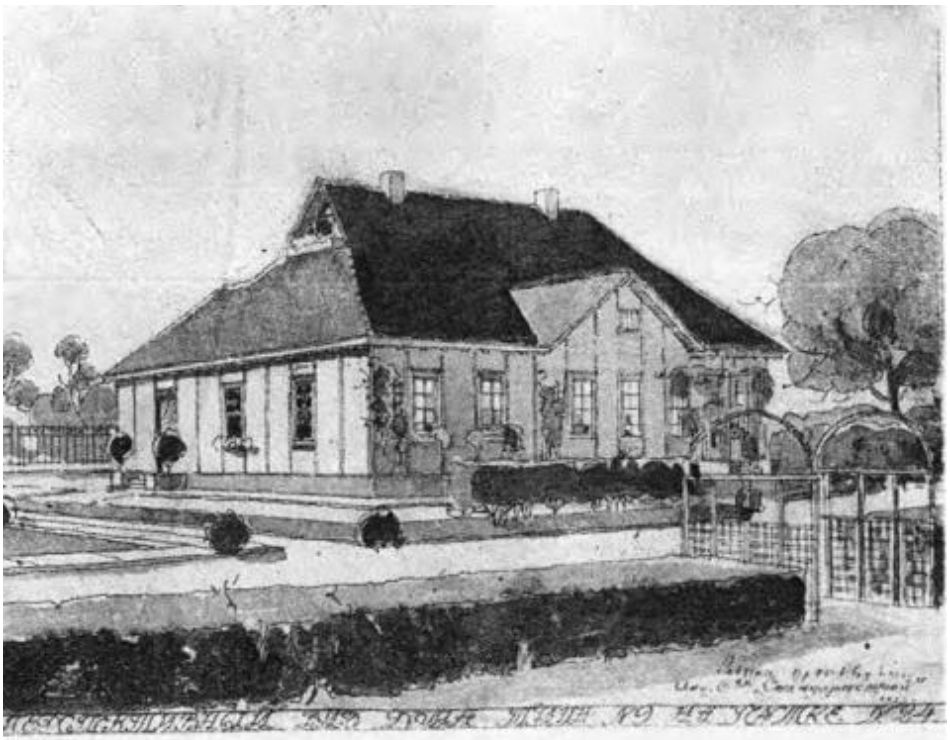
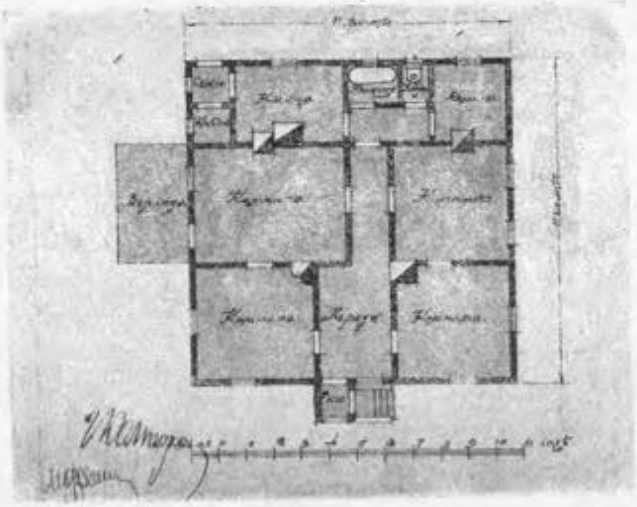

Рис. 132. Жилой 8-квартирный дом для рабочих при гидроэлектростанции в Сормове. Конкурсный проект. 2-я премия. Фасад, планы этажей. Арх. Г. Б. Бархин. 1924

Перспектива.

План.

Рис. 133. Дом для рабочих на одну квартиру. Стандартстрой. Проект (не позднее 1924). Перспектива. План

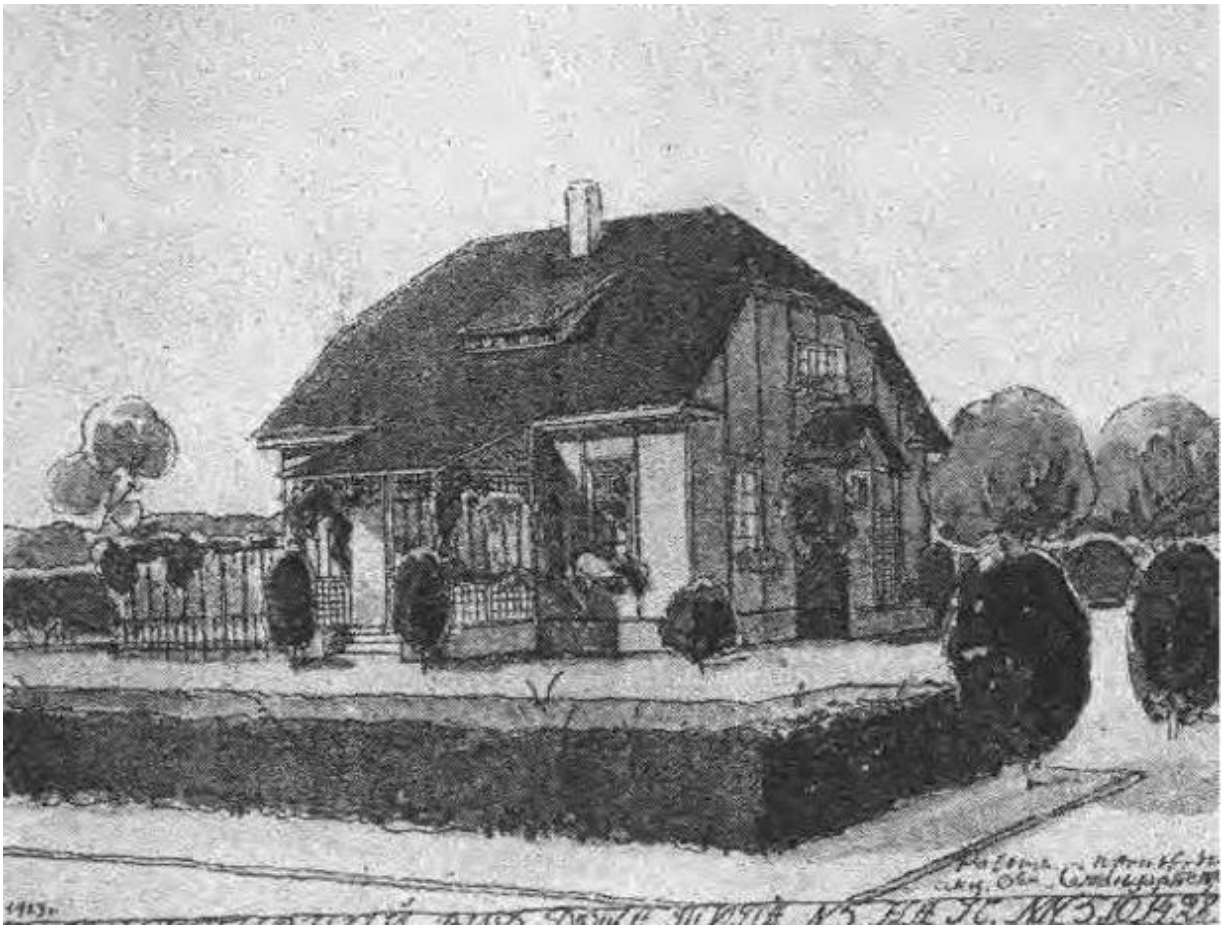

Рис. 134. Одноквартирный дом с индивидуальным участком. Стандартстрой. Перспектива. Проект. Не позднее 1924

Рис. 135. Типовой жилой дом. Стандартстрой. 1923–1924

Рис. 136. Поселок Квартирохозяин. Москва, Ямское поле. Стандартстрой. 1923–1924

Проектирование в первой половине 1920-х гг. жилищ для рабочих поселков велось также и по линии домов блокированного типа. В частности, Комитетом содействия рабочему строительству в Ростове-на-Дону разрабатывалась серия проектов попарно блокированных домов, предназначенных для индивидуального заселения. Дома компоновались по два или по четыре. Это делалось в целях взаимного

утепления стен, примыкавших друг к другу блокированных домов и, соответственно, экономии средств на отопление, а также упрощения работ по рациональной планировке дома, потому что подобный прием позволял «отрывать» жилые комнаты от печи и располагать их не только вокруг нее, но также и у той стены, которая являлась общей для двух домов и поэтому была относительно теплой. Из тех же соображений – уменьшения теплопотерь за счет общей стенки – проектировались двухквартирные дома. Проекты включали довольно широкий набор различных помещений – часто такой же, как в односемейных домах. Эти проекты были частично реализованы. В качестве примера можно привести группу 2-квартирных одноэтажных жилых домов, спроектированных (ориентировочно) в 1924–1925 гг. и возведенных в 1926–1927 гг. в поселке при карбидном заводе в Макеевке (рис. 137).

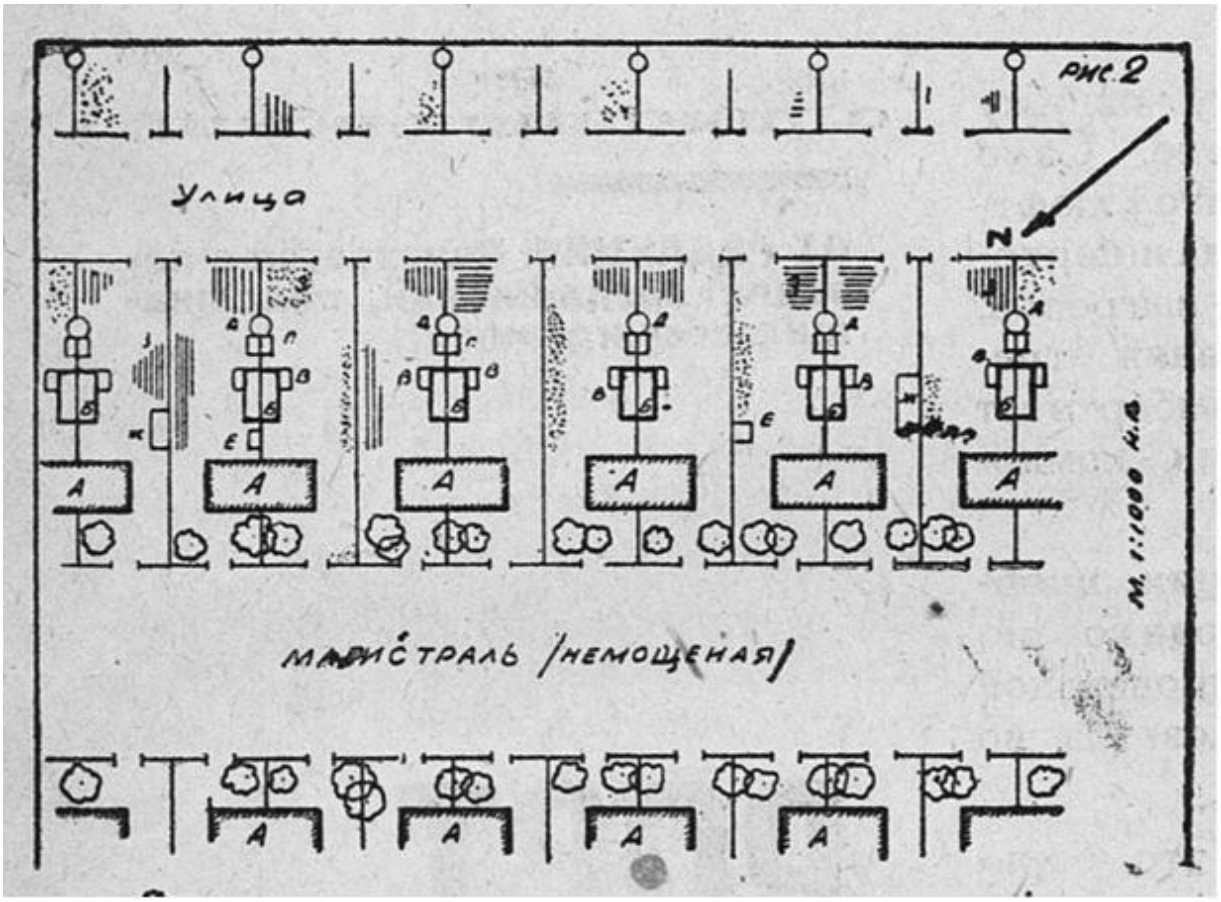

Рис. 137. Макеевка. Группа 2-квартирных одноэтажных домов с индивидуальными участками. Проект (не позднее 1925). Строительство – 1926–1927

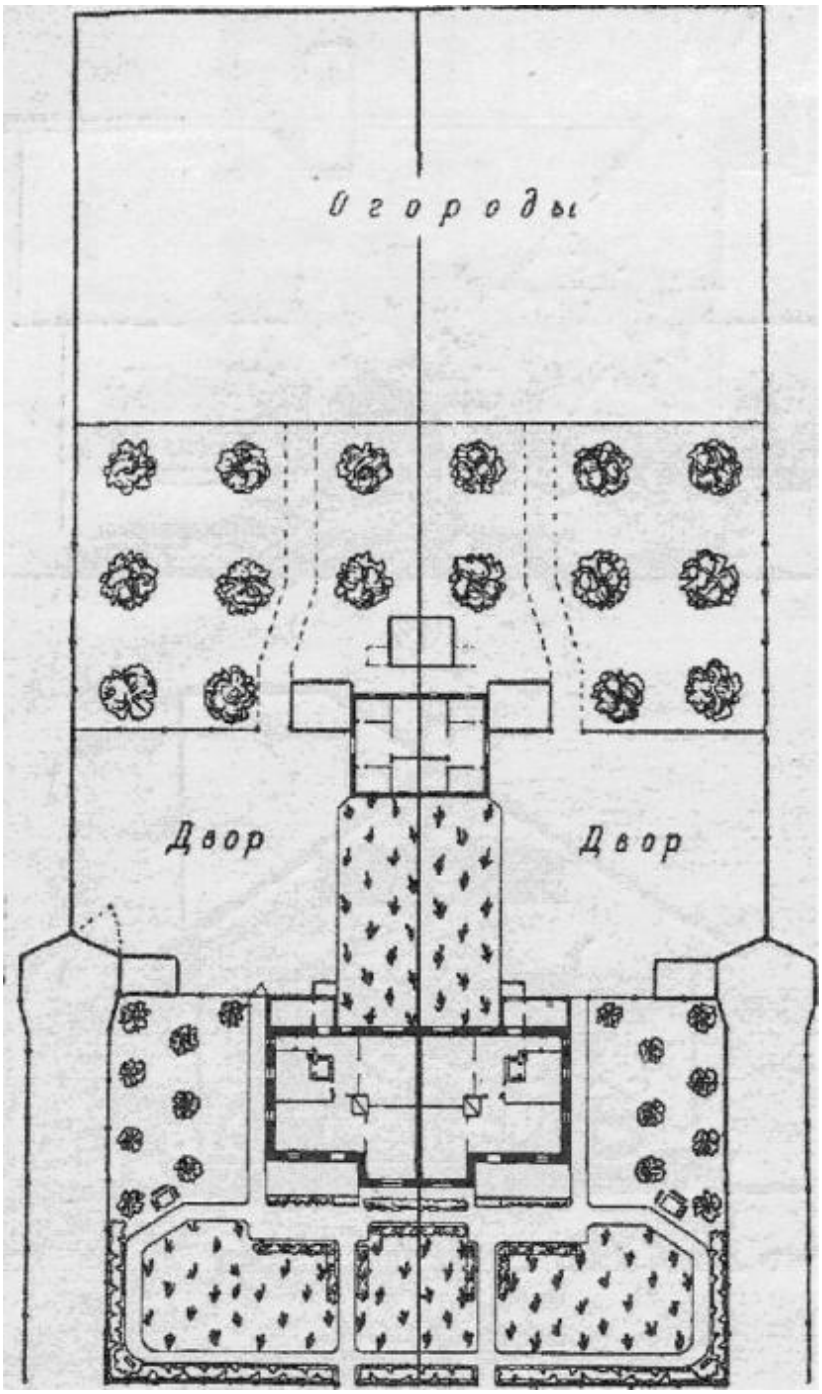

Рис. 138. Типовой проект застройки участка двухквартирного жилого дома в рабочем поселке. 1920-е

На участках (в застроечном «квартале») домостроения располагались в соответствии с приемами компоновки сельскохозяйственных поселений – со скотопрогонами по задним

сторонам дворов. На этой же стороне придомовых участков размещались хозяйственные постройки – летняя кухня, сарай и т. п. Здесь же проходила так называемая грязная улица, которая предназначалась для обслуживания сараев для топлива, выгребных ям, мусорных ящиков, огорода (подвоз навоза и т. п.). С противоположной стороны участков, вдоль главных фасадов домов, проходила «чистая» – «парадная» улица (рис. 138). Любопытно, что уборные в этих домах были спроектированы и построены в виде ватерклозетов (то есть без выгребов) в ожидании в недалеком будущем подведения канализации и водоснабжения. Жители, несмотря на то что в принципе могли эти уборные своими силами легко переоборудовать в люфт– и пудр-клозеты (с вентилируемыми выгребами), предпочитали использовать их как кладовки, а во дворах мастерить отдельно стоящие уборные с выгребными ямами (в том числе по причине колоссального количества мух)[482].

На проектные решения, разрабатывавшиеся в этот период, сильное влияние оказывало требование экономии финансовых средств, строительных материалов и внутридомового оборудования. Поэтому нередко в проектах жилых домов для поселков, возводимых трестами ВСНХ, использовались веками отработанные приемы компоновки жилища, обеспечивавшие оптимальное распределение тепла, оптимальные габариты помещений, тамбурный принцип связи с улицей и т. п. (например, прием, когда все жилые помещения компоновались вокруг расположенной посредине дома печи (рис. 139), а туалет размещался либо здесь же – внутри отапливаемого объема (рис. 140), либо в неотапливаемых сенях (рис. 141), либо вообще вне дома (рис. 142) – в отдельно стоящей неотапливаемой уличной постройке.

Попытки учесть реальные возможности строительной отрасли подталкивали архитекторов к использованию доступных строительных материалов, в частности к применению дерева как наиболее дешевого и наиболее привычного для малоквалифицированных (в основной своей массе) строителей, приводили к вынужденному отказу от воплощения «мечты устройства в поселках водопроводов и канализации»[483], центрального отопления. В результате в проектах закладывались люфт-клозеты без промывки водой, устраивались русские печи, обеспечивавшие одновременно приготовление пищи и отопление дома; холодные сени-тамбур для изоляции прямого перетока холодного

воздуха и хранения продуктов; «черновые кухни», то есть обособленные помещения при кухне, специально предназначенные для грязной работы – чистки овощей, мытья посуды и хозяйственной утвари, мелкой стирки белья и хранения хозяйственных принадлежностей – и позволяющие за счет выноса сюда всего комплекса грязных работ содержать в чистоте основное помещение «чистовой» кухни, используемое также в роли столовой.

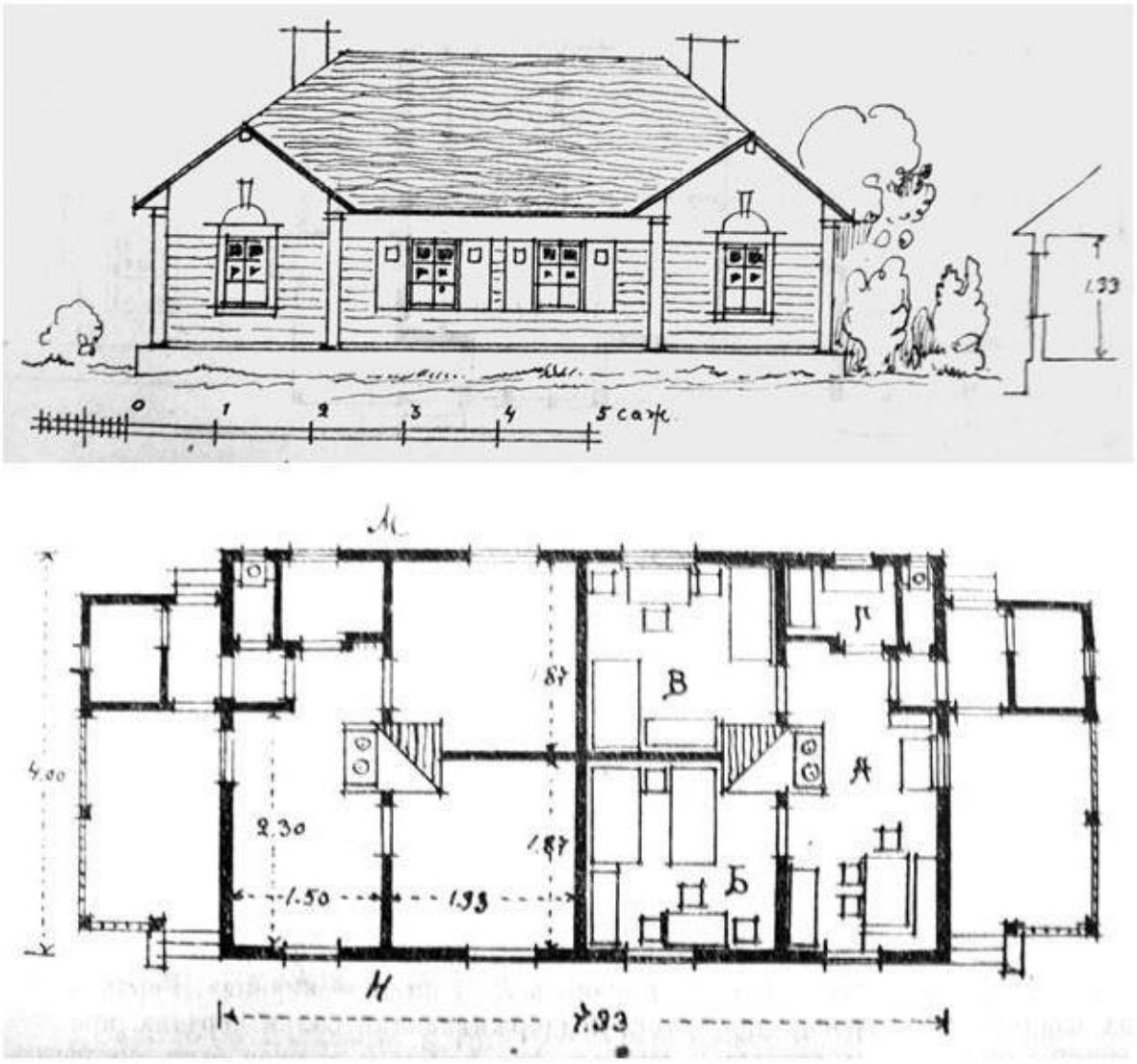

Рис. 139. Блокированный дом для 2 семей рабочих. План. Арх. Н. В. Марковников

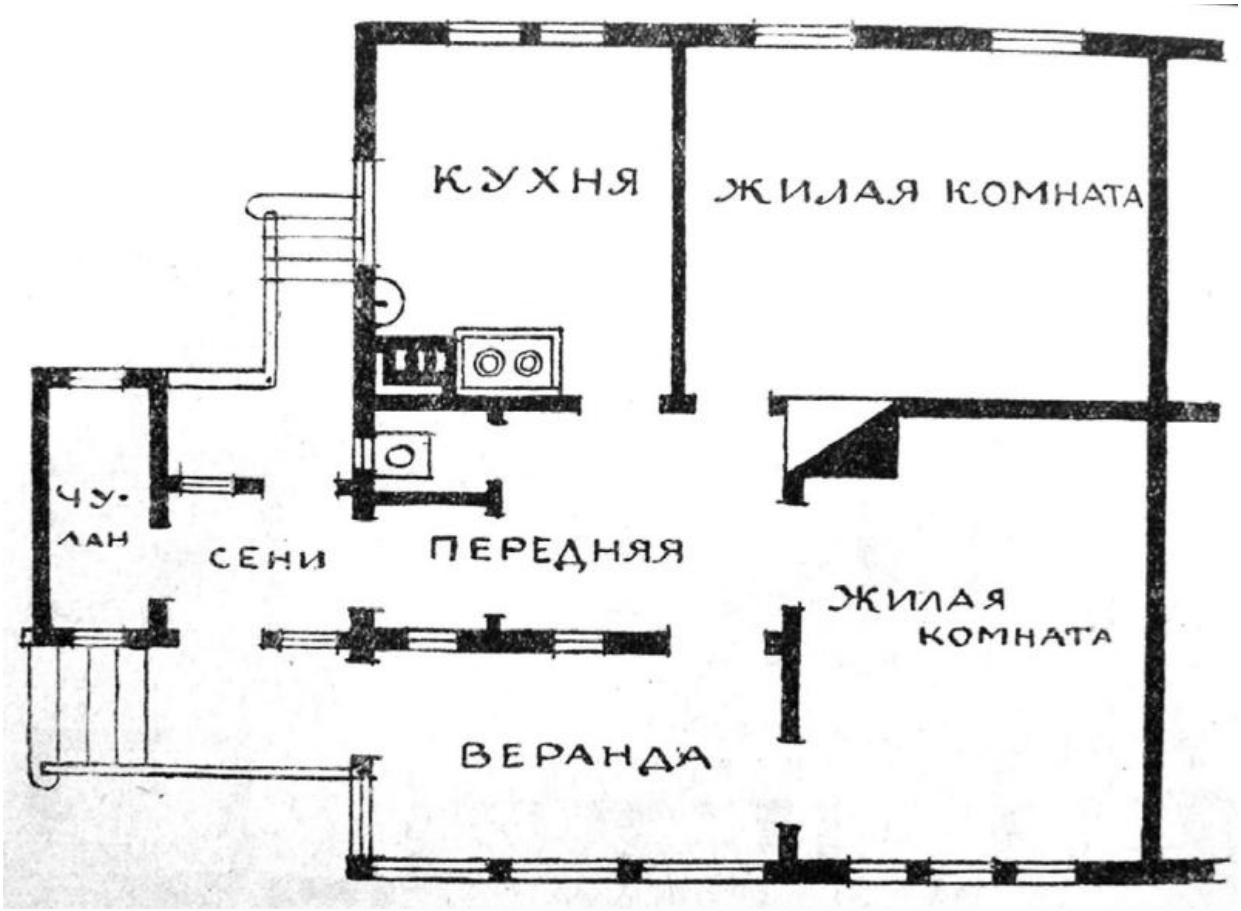

Рис. 140. Деревянный 2-комнатный жилой дом для рабочего поселка при Каширской электростанции. План. Арх. С. Е. Чернышев

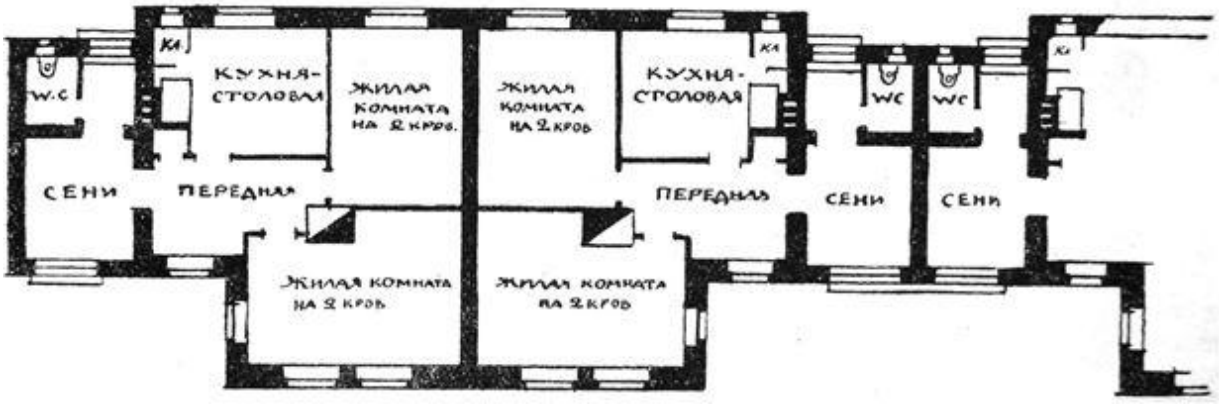

Рис. 141. Дом на 2 квартиры для трудящихся. Фасад, план. Арх. Н. Е. Лансере. Середина 1920-х

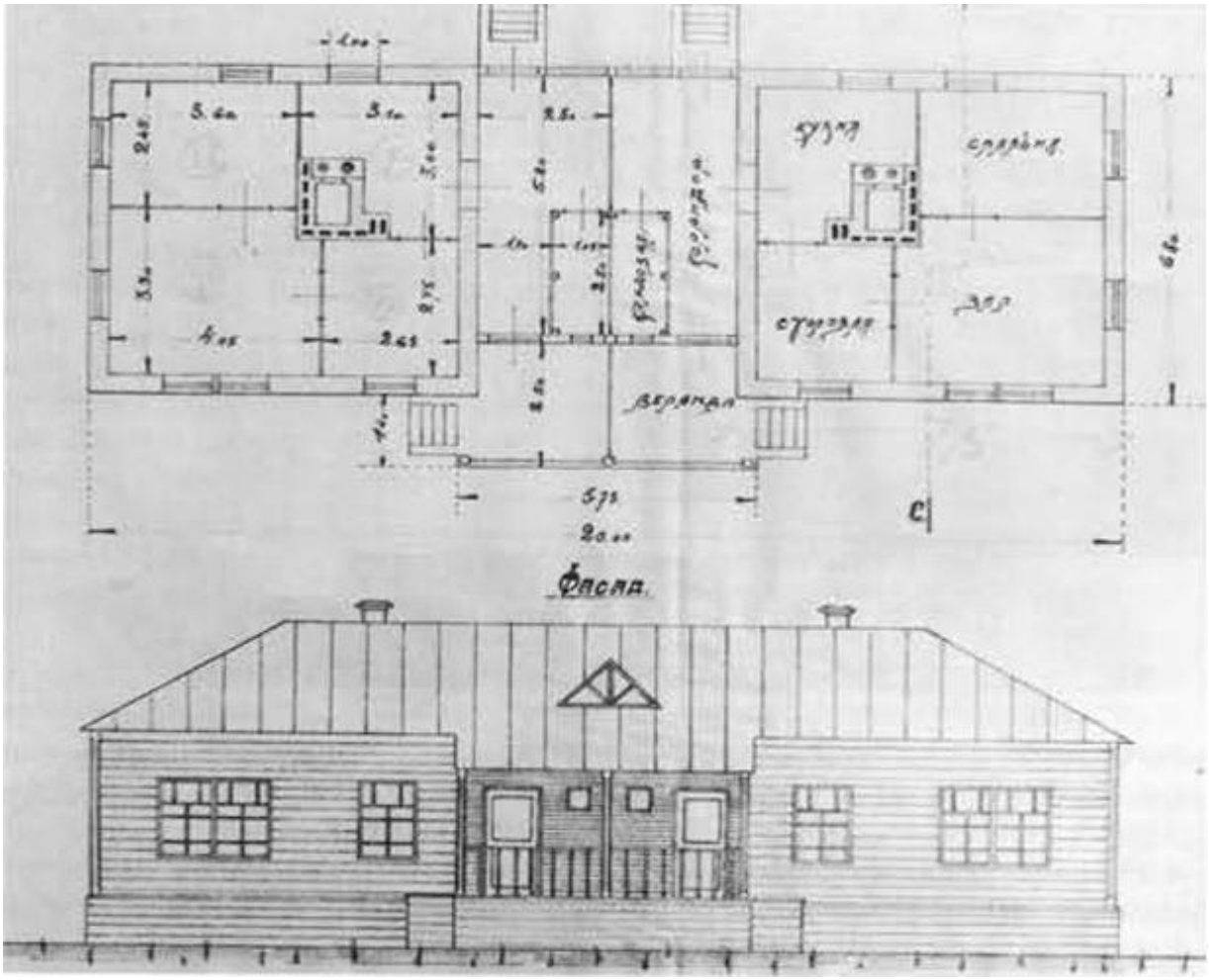

Рис. 142. Рабочий соцпоселок при лесозаводе на станции Бекетовская (г. Сталинград). Двухквартирный жилой дом. План, фасад. 1925

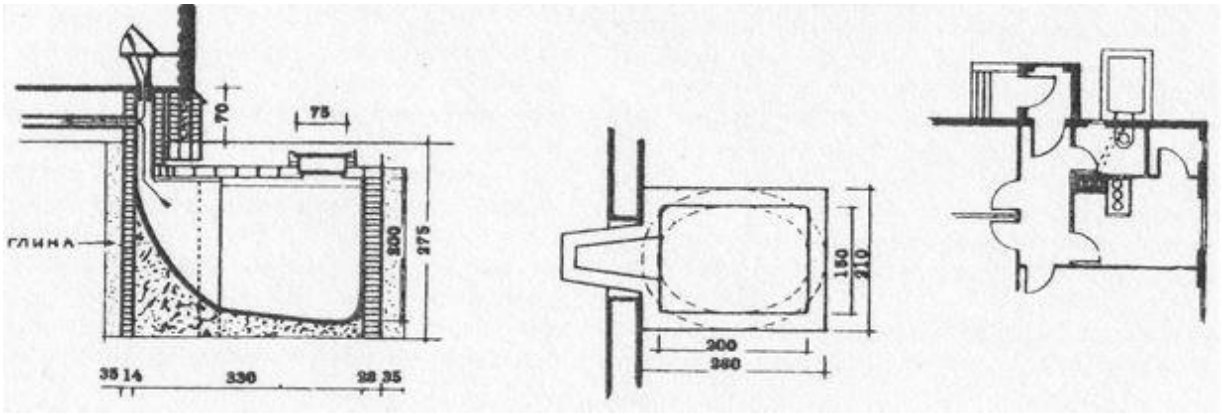

Рис. 143. Устройство люфт-клозета у наружной стены дома с целью обеспечения очистки выгребной ямы

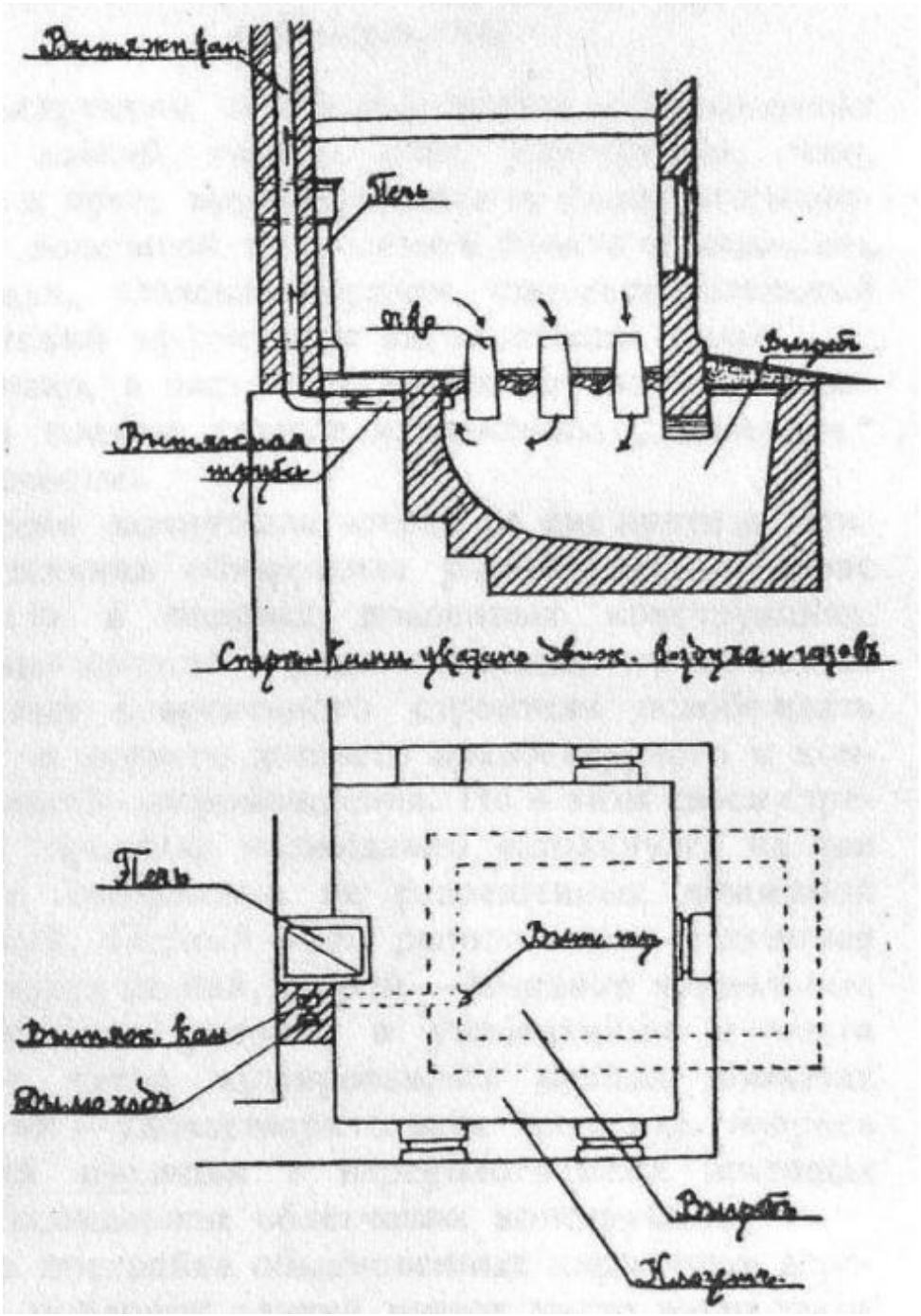

Рис. 144. Система совместного расположения люфт-клозета и печки для поддержания постоянной тяги из вентиляционных каналов

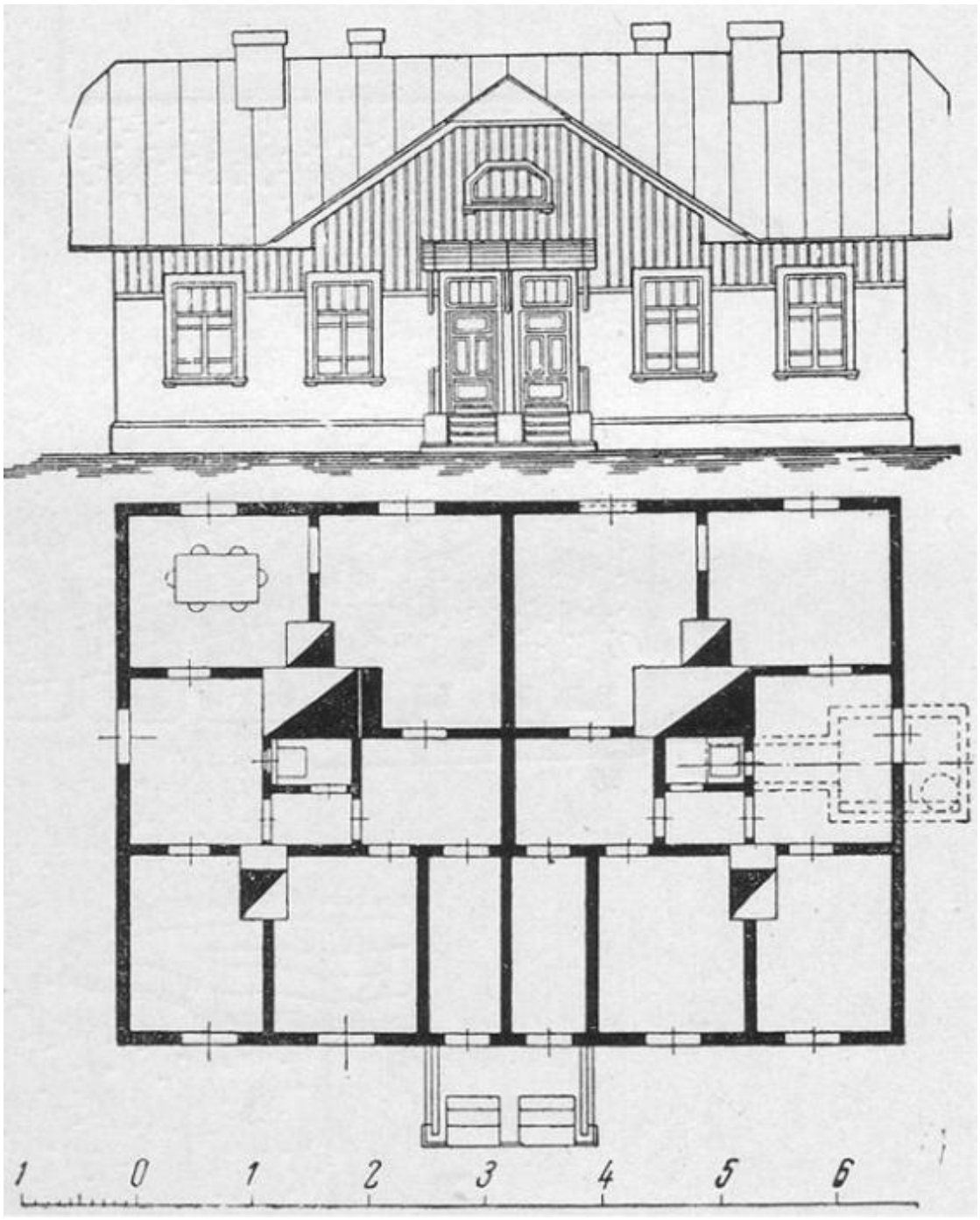

Рис. 145. Совместное расположение люфт-клозета и печки с выносом выгребной ямы. Рабочий поселок-сад в г. Твери. Одноэтажный жилой 2-квартирный дом. Фасад, план. 1924

Все эти решения с неизбежностью оказывали влияние на планировку домов, так как, например, наличие люфт-клозета требовало обязательного расположения его у наружной стены (для обеспечения

доступа к выгребной яме для его очистки) (рис. 143), а также максимально возможного приближения туалета к зоне размещения печи (в целях его обогрева и устройства единой «принудительной» вытяжки через дымовую трубу) (рис. 144). Наиболее эффективным оказалось расположение люфт-клозета и печи в центре дома (с большим выносом выгребной ямы), на равном расстоянии источника тепла от всех комнат в целях равномерного отопления всего внутреннего пространства. Например, дом подобной компоновки проектировался в 1924 г. для рабочего поселка-сада в Твери[484] (рис. 145).

В таких проектах жилые комнаты вынужденно уменьшались в размерах и приводились в соответствие с кубатурой помещения (иначе дров не напасешься). По этой же причине приходилось отказываться от наличия в домах передней или коридора: устройство входов в комнаты из передней или коридора слишком «растягивало» планировку дома и лишало возможности отопить квартиру из одного размещенного в центре теплового источника. В противном случае приходилось устраивать в отдельных помещениях дополнительные печи, что увеличивало трудоемкость возведения и удорожало как постройку, так и последующую эксплуатацию. Помещения, наиболее отдаленные от печи, устраивались с перегородками, не доходящими до потока (для обеспечения циркуляции воздуха), а подчас подобным образом в целях улучшения теплообмена делались вообще все перегородки в доме. Если отсутствовала черновая кухня (то есть кухня, которая совмещала все хозяйственные процессы, в том числе приготовление горячей пищи для скота в зимнее время), то обычная кухня планировочно «подтягивалась» ближе к входу, чтобы не привносить излишней грязи в жилые помещения (рис. 146, 147).

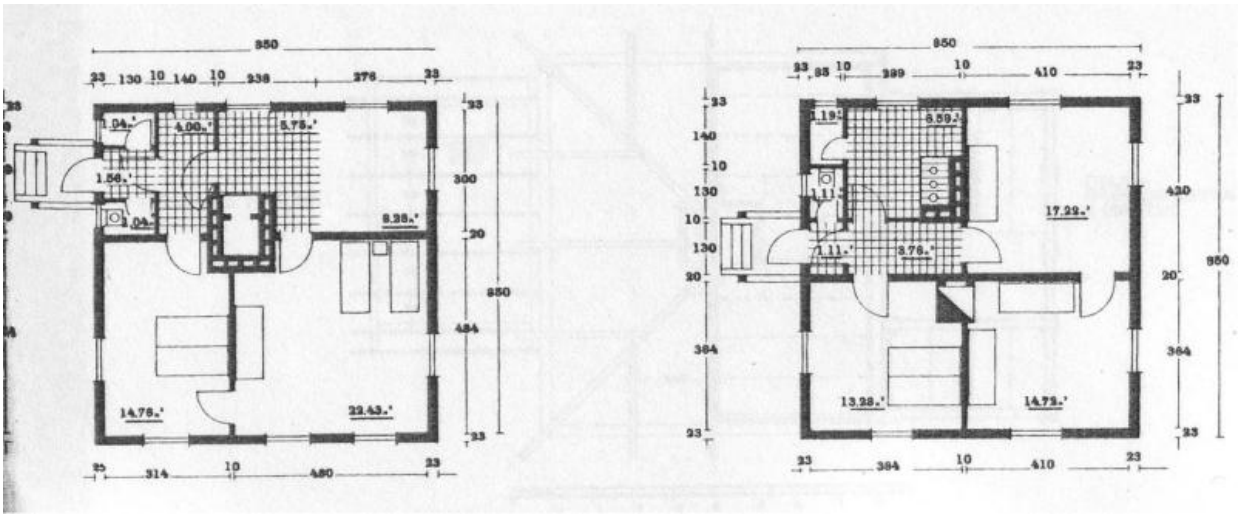

Рис. 146. Расположение кухни и прочих хозяйственных помещений у входа в дом. Одноквартирный деревянный рубленый жилой дом. Проект. 1929

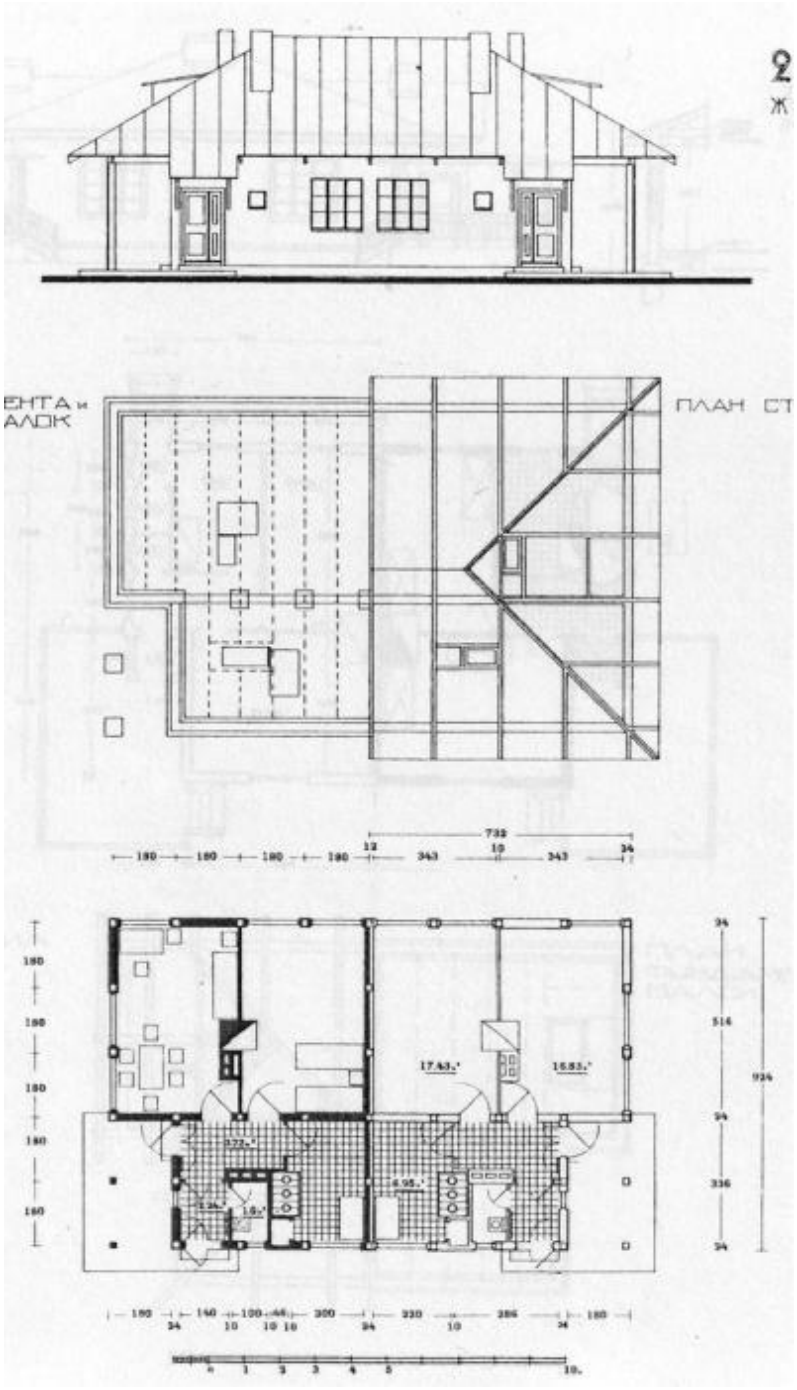
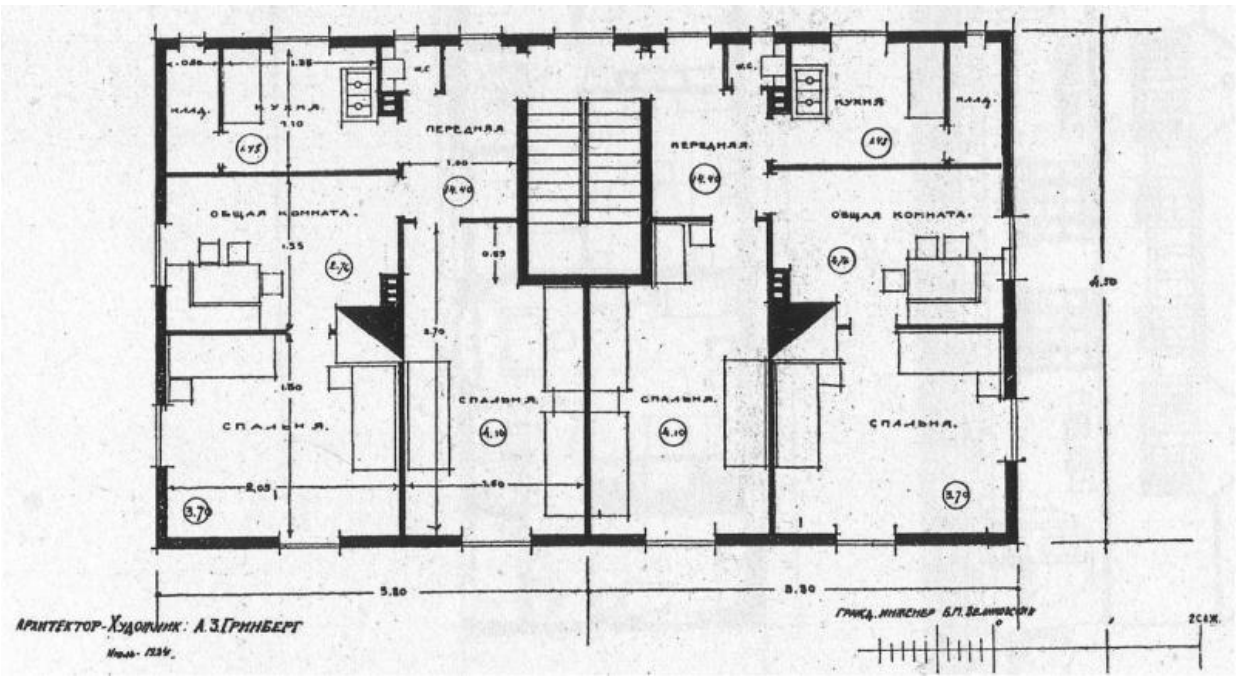

Рис. 147. Расположение кухни и прочих хозяйственных помещений у входа в дом. Парный деревянный каркасный жилой дом. Проект. 1929

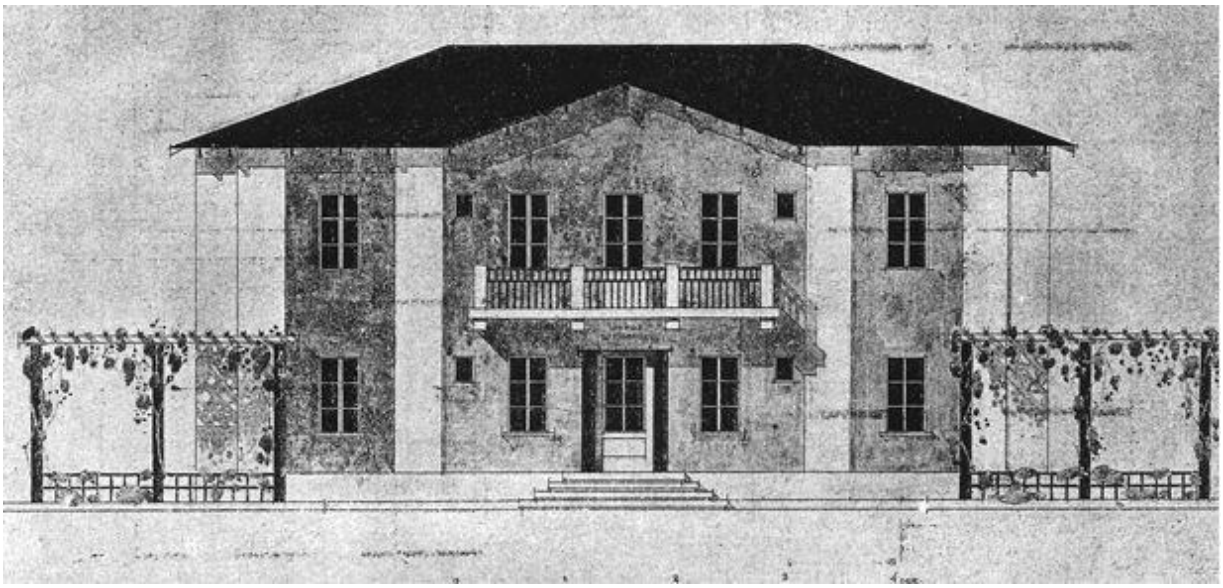

Рис. 148. Дом для рабочих на 4 квартиры. Проект. Фасад, план. Арх. А. З. Гринберг. Не позже 1924

В этот же период проектировались также и двухэтажные 4– и 6-квартирные дома (рис. 148, 149).

Указанные нами две одновременно существовавшие в послереволюционный период, но абсолютно разнонаправленные тенденции в отношении проектирования жилища – «традиционная» и «инновационная» – явственно обнаруживаются в подавляющем

большинстве проектов рабочих поселков начала 1920-х гг. Одна из них – традиционная, продолжала реализацию дореволюционных представлений о жилище, другая – инновационная – была неразрывно связана с идеологической и социально-управленческой установкой на формирование новых типов жилищ, соответствующих новым социальным условиям. Обе они проявляли себя не только в планировке жилья, но и в отношении вопроса о необходимости прирезания к жилым строениям участков земли для личного пользования.

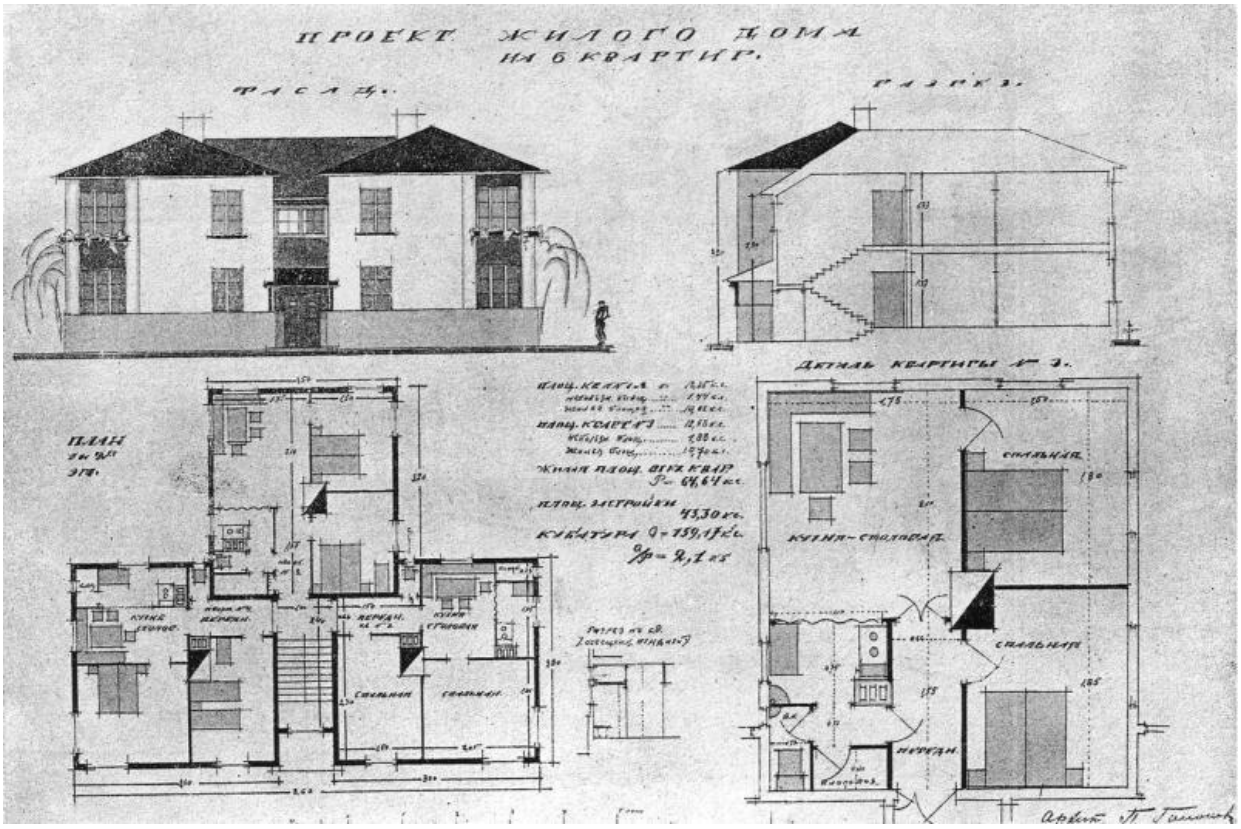

Рис. 149. Дом для рабочих на 4 квартиры. Проект. Фасад, план, разрез. Арх. Голосов. Не позже 1924

Традиционная позиция исходила из необходимости предоставления населению земельных участков, достаточных для самостоятельного ведения обширного домашнего хозяйства (огород, сад, домашняя птица, свиньи, козы, коровы и пр.). В соответствии с этой тенденцией в рассматриваемый период разрабатывалось множество проектов жилья для рабочих, основанных на наделении жилища приусадебным участком с надворными постройками.

Инновационная – исключала любое домашнее хозяйство и максимально сосредоточивала все «обслуживание» (в том числе и продуктовое) в общественных фондах. В соответствии с этой тенденцией в данный период создавались многочисленные проекты домов-коммун и проектные предложения ведомств по организации коллективного жилища.

Сторонники первой тенденции теоретически и нормативно обосновывали и проектировали в социалистических рабочих поселках одноквартирные дома индивидуального заселения с приусадебными участками для сада и огорода, с развернутой системой частных хозяйственных служб, включавшей сараи для домашнего скота (кроликов, коров, свиней и т. п.), рассматривая приусадебное хозяйство как источник самостоятельного обретения населением продуктов питания и дополнительных доходов[485]. Так, например, как уже указывалось выше, в 1919 г. Государственное объединение машиностроительных заводов ВСНХ (ГОМЗА) приступило к проектированию и «постройке новых поселков по типу города-сада»[486]. Архитекторы при выборе концептуального подхода к проектному решению основывались на учете реальной «типологии потребителя». Они убеждали заказчика – Жилищно-строительную комиссию ГОМЗА – в том, что постройка поселков по типу города-сада должна «осуществляться применительно к нашим русским условиям». Причем не только техническим, но прежде всего к «типу русского рабочего: его вкусам, потребностям его индивидуального хозяйства и т. п.».

В отношении индивидуального хозяйства были выделены четыре различных типа потребителя (русского рабочего): «1) рабочий бесхозяйственный (чистый пролетарий); 2) квалифицированный рабочий, имеющий маленькое хозяйство (огород, садик, козу, птичник, кроликов и т. п.); 3) то же в более обширных размерах (например, вместо козы – корова); 4) рабочий-крестьянин». Данные типы предписывалось учитывать как при разработке конкретных проектов домов, так и при определении конкретных разновидностей планировок поселков, например за счет разбивки планировочной структуры поселков на отдельные сектора – «части поселка, специально выстроенные… для каждой хозяйственной категории»[487].

Тенденция прирезания к жилым домам участков для ведения хозяйства была устойчивой до середины 1920-х гг. Так, в 1924 г. А. В. Щусевым для рабочих Люберецких полей орошения были спроектированы типовые малоэтажные дома. Один тип – двухэтажный дом, возведенный в 1924 гг. в опытном строительстве в пос. Домодедово под Москвой[488], предлагался для строительства в рабочих пригородах больших городов; одноэтажный – для обособленных рабочих поселков. Оба проекта предусматривали «непосредственное примыкание к каждой квартире земельных участков с индивидуальными огородами и службами»[489].

Весьма значительные по размерам приусадебные участки (от 60–100 кв. саж. до 180–200 и более) закладывались и в проектах, разработанных Донгосоором. Так, например, «участок на одну семью определялся в 14,5×13 саженей»[490] (то есть 188, 5 кв. саж. = 865 кв. м).

Подобные размеры полностью соответствовали существовавшим в то время рекомендациям по проектированию жилья. Так, Б. Г. Бархин в середине 1920-х гг. по поручению Главного управления государственного строительства ВСНХ написал книгу «Современные рабочие жилища»[491], в которой обобщил опыт проектирования и строительную практику первых лет советской власти. Перед принятием окончательного решения об ее издании основные положения рукописи предварительно обсуждались и согласовывались весьма представительной комиссией, специально созданной Архитектурно-строительным отделом Главного управления государственного строительства (Архистроя ГУГС) в составе: С. А. Гуревича (Жилищно-санитарная инспекция Москвы), А. М. Кудрявцева (Наркомтруд), Г. М. Людвига (МГО ВССР), А. Ф. Мейснера, И. П. Машкова, И. В. Рыльского, Л. А. Серка, В. Н. Семенова, Я. Д. Тартаковского, И. В. Шубы. Эта комиссия имела задачу всесторонне проанализировать положения труда Б. Г. Бархина, с тем чтобы использовать книгу как нормативно-рекомендательный «материал для проектирования и плановых предположений по строительству жилищ для рабочих». Книга была одобрена и издана в 1925 г.

В «Современных рабочих жилищах» указывалось, что в соответствии со ст. 8 постановлений Наркомтруда при строительстве домов «поселкового типа, стоящими в рядовой застройке, на каждую квартиру должно приходиться не менее 60 кв. саж. (270 кв. м) общей

площади участка, а если число квартир в доме не превышает четырех, то не менее 100 кв. саж. (455 кв. м). При наличии служб для домашнего скота площадь земельного участка рекомендовалось принимать 100–125 кв. саж. (450–575 кв. м) на каждую квартиру, а без таковых – от 65 до 100 кв. саж. (340–450 кв. м). В отдельных случаях допускалась и большая площадь: «…при наличии свободного места под домовой участок отводится от 200 до 300 кв. саж. (900–1350 кв. м)»[492].

Сторонники тенденции формирования нового образа жизни и, соответственно, новых типов жилищ ратовали за полную ликвидацию домашнего хозяйства, категорическое исключение какой-либо самодеятельности в организации удовлетворения бытовых потребностей, максимальное сосредоточение всего обслуживания в коллективном пользовании. Они выступали за исключение из генеральных планов рабочих поселков каких бы то ни было индивидуальных земельных наделов, за ликвидацию заборов, за то, чтобы земля в поселениях находилась только в общественном пользовании. Причем эти предложения активно поддерживались значительной частью рабочих, захваченных пропагандой коммунальных форм бытового сосуществования. Так, например, как мы уже отмечали, рабочие саратовского поселка Звезда – участники обсуждения проекта рабочего поселка, предназначавшегося для их расселения, решительно отказывались от частных наделов земли, заявляя: «Нами вопрос об этом клочке земли решен в отрицательном смысле… Прирезом к каждому дому клочка земли, хотя бы в полдесятины, мы, кроме бестолково испорченной земли в угоду мелкому мещанскому счастью, ничего не добьемся… В проекте поселка мы проводим следующее: заводской работник должен иметь гигиеническое жилище и больше чистого воздуха. Семья должна быть занята производительным трудом и отнюдь не более… Дети должны воспитываться в обстановке культуры и нежности. Земледелие есть также промышленность… а не баловство. Очевидно, природа человека такова, что каждый любитель общения с землей, если он знает, что рынок за деньги его вполне обеспечит капустой, будет садить непременно цветы и деревья»[493]. Следует заметить, что столь решительный отказ от индивидуального приусадебного участка не был характерен для основной массы проектов поселков-садов начала – середины 1920-х гг.

В середине 1920-х гг. власть уже окончательно определилась с тем, что именно многоквартирное, многокомнатное жилище коммунального типа в наибольшей степени отвечает стратегической ориентации ее организационно-управленческой доктрины на формирование трудобытовых коллективов[494]. Но впрямую отдать команду архитектурному сообществу на воплощение этой стратегии она пока еще была не способна. Не способна ни организационно: архитекторы в этот период оставались независимыми частными предпринимателями, а не государственными служащими, всецело подчиненными администрации проектных учреждений (как это произойдет позже, в конце 1920-х гг.), ни содержательно: как конкретно проектировать жилище для трудобытовых коллективов с учетом существовавших технических возможностей, реалий коллективного быта и «запросов завтрашнего дня», в тот момент не было понятно никому. Нормативы в советской практике проектирования появлялись, как правило, лишь после многократной апробации проектных решений в натуре и отбора вариантов, наиболее оптимальных по комплексу параметров, практика же к этому времени пока еще не накопила достаточного количества реализованных инновационных проектных решений.

Если в отношении проектирования индивидуального жилища все было более или менее ясно благодаря дореволюционной памяти архитекторов о том, каким должен быть такой тип жилища (и планировочно, и внешне), то установка власти на многоэтажное, многоквартирное жилье коммунального типа требовала точного понимания, что конкретно должно представлять собой «коллективное жилище» нового общества – в каких функциональных характеристиках должен быть материализован новый образ жизни; какая объемно-пространственная структура должна оптимально воплощать функциональное содержание этого специфического типа обитаемого пространства; какой облик призван визуально выражать новое социальное содержание бытовых процессов и т. п.

Одновременное наличие нескольких различных (как стихийно возникавших, так и сознательно создававшихся) форм нового социального содержания коллективных жилищ, появившихся в первые послереволюционные дни: домов Советов, отелей Советов[495], бытовых артелей, бытовых и товарищеских коммун, жилищ семейных коллективов, домов-коммун, коммунальных квартир покомнатно-

посемейного заселения и пр. – отнюдь не способствовало принятию однозначного решения, а лишь усложняло конкретный выбор. Все эти разновидности жилищ являлись прекрасной иллюстрацией практического многообразия возможных форм проявления коммунальной жизни, но не давали ответа на вопросы о «должном», «единственно верном» типе жилища будущего. В этот период было совершенно неясно, какую из форм организации быта следует выбрать, каким должно быть жилище нового общества с учетом перспектив его развития, каким видам жилья государство должно оказывать протекционизм и в строительство каких домов ему следует вкладывать государственные ресурсы: в дома-коммуны, отдельные квартиры, покомнатно-посемейные коммуналки, общежития, рабочие казармы, бытовые артели, дома с обобществленным бытом и т. п.

С первых лет своего существования советская власть ставила перед архитекторами конкретную задачу – планировочно отобразить специфику нового коллективного жилища, определить, из чего оно должно состоять, какие размеры иметь, какую функциональную структуру воплощать. Требовалось рассчитать, сколько квадратных метров площади и кубических метров воздуха минимально необходимо человеку для жизни, какое бытовое обеспечение требуется каждому коллективу жильцов (сколько кухонных плит, унитазов, рукомойников, постирочных приспособлений, состав помещений, набор вещей и пр.) и какая территория должна быть придана дому для размещения необходимого количества зеленых насаждений, спортивных площадок, мест для игр детей, уличных ледников для хранения скоропортящихся продуктов, наружных туалетов с выгребными ямами, сараев для хранения дров и угля (для отопления), а также запасов картошки (для еды) и т. д. и т. п.

Все эти вопросы были очень важны для осуществления государственной градостроительной и неразрывно связанной с ней жилищной политики: без ответов на них невозможно было планировать выделение конкретных объемов государственных финансовых средств, рассчитывать количество потребных стройматериалов, определять объемы работ, численность и квалификацию необходимой рабочей силы, сроки возведения. Власть объявляла проектные конкурсы и формулировала задания на проектирование, предлагая архитекторам самим дать ответы на все вопросы, связанные с «содержанием» и

«внешностью» советского жилища. Причем дать в конкретной форме – в виде проектов новых видов зданий и сооружений.

И архитекторы активно включались в решение этих задач, стараясь самостоятельно разрешить противоречие между «традиционными» формами быта и призывами к «новому образу жизни». Так, в 1924 г. Л. А. Веснин разработал проект жилого дома коммунального типа, в котором под давлением установок официальной политики предлагал два варианта использования дома:

– для «традиционного» быта – индивидуально-поквартирного заселения (в каждую квартиру по одной семье);

– для «нового» быта – коммунального покомнатно-посемейного заселения (в каждую квартиру по несколько семей) с ведением общего хозяйства и питанием в общей столовой (в этом случае кухня переоборудовалась под жилую комнату). Подобное, «двойное» использование дома заставило автора отказаться от расположения в квартирах ванных комнат. Их функции заменили две коллективные (предназначенные для общего пользования) ванные и прачечная, расположенные в подвальном этаже[496].

В 1924 г. архитектор А. К. Иванов по заданию ВСНХ проектировал жилой дом (общежитие) коммунального типа: «Проект… должен служить общежитием для учебного персонала химического института им. Карпова… В нем запроектировано 15 квартир в две и три комнаты и 43 одиночных комнаты». Площадь пола в одиночных комнатах – 25,49 кв. м (5,6 кв. саж.), кубатура – 90,81 куб. м (9,35 куб. саж.). Площадь отдельных квартир для семейных в две комнаты – 52,8 кв. м (11,6 кв. саж.), в три комнаты – 77,38 кв. м (17 кв. саж.). К 1925 г. принципы официальной жилищной политики уже не только вполне отчетливо выкристаллизовываются, но и основательно укореняются в практической деятельности органов местного управления. Например, составленная в этот период в Моссовете программа проектирования трех– и четырехэтажных каменных домов для рабочих уже полностью соответствует принципам государственной жилищной политики[497]: «…квартиры проектировать в 2 и 3 комнаты. Квартиру в 2 комнаты считать на 4–5 человек. Полезная площадь 2 комнат от 5 до 9 кв. саж. (то есть от 22,75 до 41 кв. м. – *М. М.*). Квартиру в 3 комнаты считать на 5–6 человек. Полезная площадь 3 комнат от 10 до 11 кв. саж. (от 45,5 до 50 кв. м. – *М. М.*). В квартирах должны быть: передняя, уборная, кухня,

кладовая для продуктов, стенные шкафы. Ванны и умывальники в квартирах не устраивать, а лишь мойки при кухнях. Ванны устраивать общие для всех квартир… 60 % квартир проектировать по 2 комнаты и 40 % по 3 комнаты»[498]. Высота жилых комнат задавалась равной 3 м, средняя норма жилой площади на человека – 6 кв. м без различия возраста, минимальный размер площади пола отдельной комнаты – 9 кв. м.

В задании не оговаривалось, что заселение 2-комнатных (рассчитанных на 4–5 чел.) и 3-комнатных квартир (на 5–6 чел.) предполагалось осуществлять покомнатно-посемейно, с превращением их в коммунальное жилище, но реальная практика распределения жилища была именно таковой.

В июле 1925 г. Моссовет провел первый конкурс на составление проектов жилых домов для рабочих поселков. Цель конкурса – выявить тип жилья, который мог бы послужить переходной ступенью к «будущим формам пролетарской жилищной культуры»[499] – представить типы домов с квартирами для рабочей семьи, «живущей обособленным хозяйством в условиях жизни и климата Московской области»[500]. Задание предусматривало разработку трех типов домов: а) двухэтажного дома на 4–8 квартир, располагаемых поэтажно (то есть с квартирами в одном уровне); б) дома рядового блочного типа с числом квартир не менее трех, с расположением каждой квартиры в двух уровнях (второй этаж допускался мансардным); в) трех– и четырехэтажного огнестойкого дома с центральным отоплением (с числом входов в квартиры с лестничной площадки на каждом этаже не менее трех).

Однако программное задание оказалось чересчур «индивидуализированным» по сравнению с общей направленностью официальной жилищной политики[501]. Например, оно предполагало наличие в квартире для семьи из четырех человек не менее чем двух спален, а кроме того, столовой, кухни, кладовой, уборной, ванной и передней. Общая площадь квартиры, включая внутренние перегородки и печи, могла достигать 63 кв. м[502]. Роскошное по представлениям того времени жилище. Причем программа конкурса не включала обязательного требования предусматривать в планировке квартир их будущее покомнатно-посемейное заселение. Именно поэтому жюри конкурса его результатами осталось крайне недовольно и в качестве

основной причины неудовлетворенности полученными проектными предложениями прямо указало на «индивидуалистский» характер программы, идущей вразрез с установками партии и правительства.

Исправляя первую, неудачную попытку проведения проектного конкурса, Моссовет во второй половине 1925 г. объявил второй конкурс, в котором резко откорректировал свою позицию как в отношении общей направленности проектных поисков, так и в отношении конкретных положений программы (что проявилось даже в самом названии конкурса). Конкурс хотя и был посвящен той же теме – поиску типов домов с квартирами для рабочей семьи и для одиноких рабочих, но теперь он назывался не «Составление проектов жилых домов для рабочих поселков», а значительно более целенаправленно и однозначно: «Проект коммунального дома в Москве» (в «рабочих городских кварталах» и «рабочих пригородах». – *М. М.*). В формулировке цели конкурса, во исправление ошибок первого конкурса, особо подчеркивалось: будущий потребитель «не ведет обособленного хозяйства». Новое задание выражало эту цель в конкретных указаниях: «1. Население дома обслуживается общей столовой, прачечной, яслями и детским садом. Детский сад и ясли обслуживают дом до вечера. 2. Дом рассчитан на 750–800 человек. 3. Живущих одиноко в доме 10 % всего населения, живущих попарно (супругов или товарищей) – 30 %; живущих семьями с (детьми) от 3 до 5 человек – 60 %[503]. Квартплата (расходы по эксплуатации дома и погашению строительного капитала) не должна превышать квартплаты в [каменных] домах с индивидуальными квартирами, строящимися рабочими кооперативами»[504]. «…Состав дома. 1. 75–80 помещений для одного человека. 2. 100–120 помещений для двух человек. 3. 110–120 помещений для семьи в 3–5 человек. 4. Общая столовая, рассчитанная на одновременное пользование 40 % населения (начиная с 10 лет), то есть на 250 человек… 7. Общая душевая на 20 душевых кабинок с отдельными входами для мужчин и женщин и с несколькими ваннами. 8. Центральная прачечная на 750 человек… 9. В каждом этаже подсобная прачечная на 2 корыта для стирки детского белья. 10. На каждом этаже умывальные комнаты для женщин и для мужчин из расчета 1 кран на 10 человек. 11. На каждом этаже женские и мужские уборные из расчета 1 место на 25 человек», а также библиотека-читальня на 100 человек, клуб на 100 человек, детский сад на 120

человек, ясли примерно на 30 детей, домовая контора, дворницкая (дворник – член коммуны) и пр.[505]

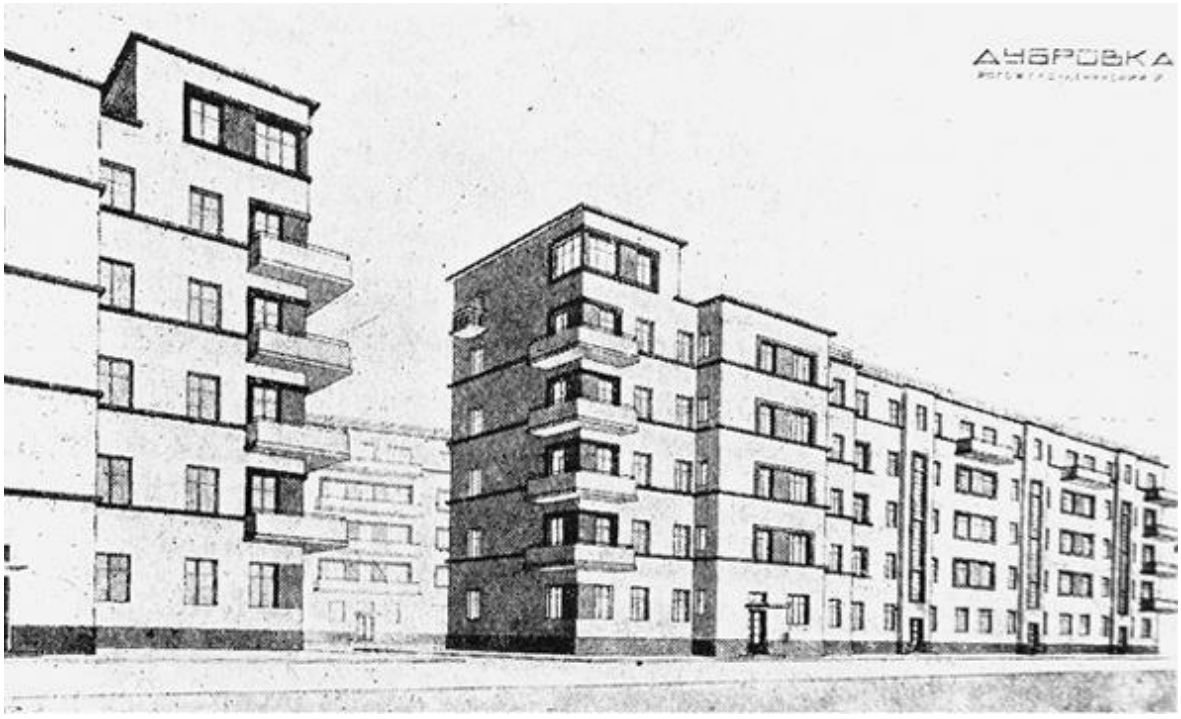

Рис. 150. Рабочее жилищное строительство в Москве. Жилой дом, предназначенный к застройке на Дубровке (Рогожско-Симоновский р-н). Проект. 1927

Рис. 151. Рабочее жилищное строительство в Москве. Жилой дом, предназначенный к застройке в Хамовническом р-не. 1927

Рис. 152. Рабочее жилищное строительство в Москве. Дом работников милиции. Проект. 1927

В 1926–1927 гг. Московский совет при возведении жилищ как в «рабочих городских кварталах», так и в «рабочих пригородах» уже всецело ориентировался на тип каменного многоэтажного жилого дома (рис. 150–152). В этот период возводились жилые дома в три, а затем и в четыре этажа, с квартирами в 2–3 комнаты и кухней, центральным отоплением, канализацией, водопроводом, электрическим освещением, водонагревательной колонкой (рис. 153, 154), а там, где это возможно, и с газопроводом. Квартиры заселялись покомнатно-посемейно[506]. Разрабатывались и проекты домов коридорного типа с отдельными уборными и газовыми кухнями в каждой квартире (рис. 155), а также проекты домов коммунального типа – коридорной системы, с общими кухнями, уборными, столовой.

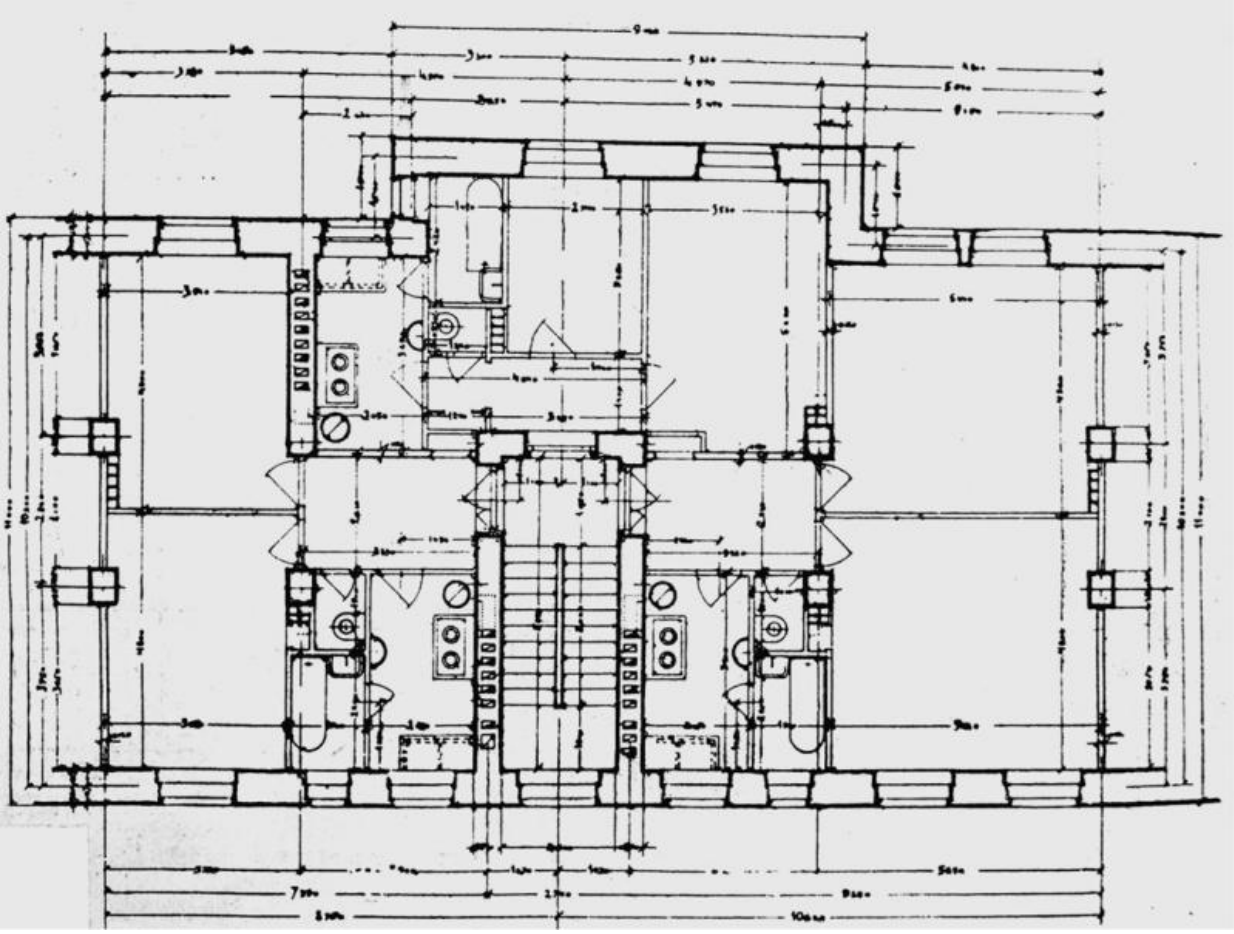

Рис. 153. Рабочее жилищное строительство в Москве. Планировки домов, предназначенных к застройке в 1927 г.

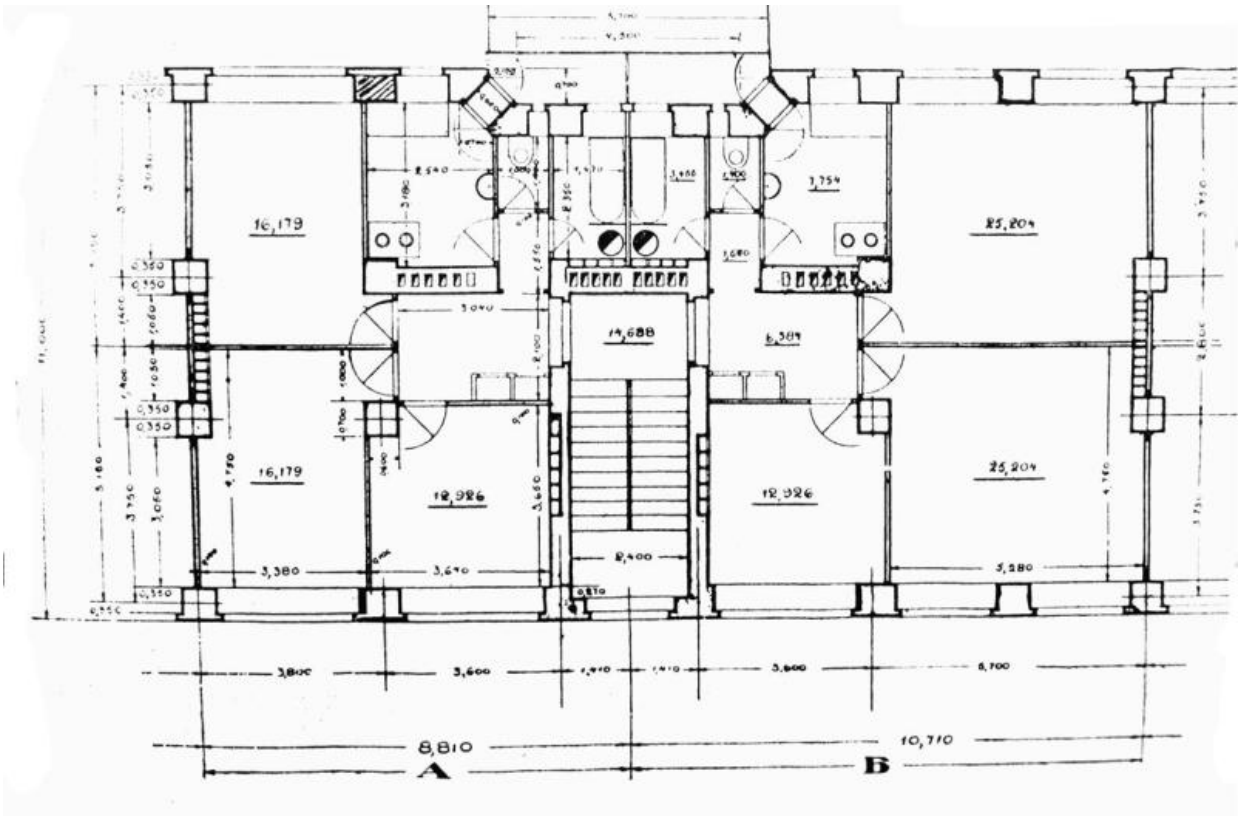

Рис. 154. Рабочее жилищное строительство в Москве. Планировки домов, предназначенных к застройке в 1927 г.

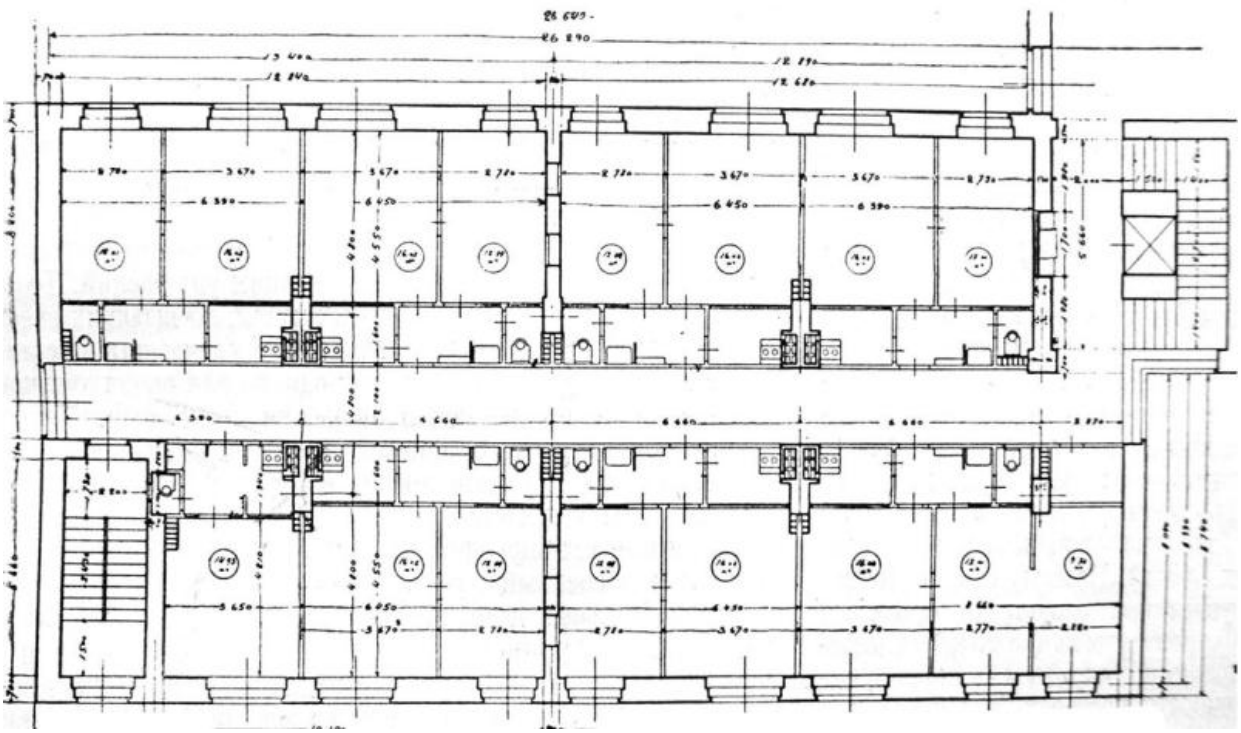

Рис. 155. Рабочее жилищное строительство в Москве. Дом коридорного типа, запланированный к постройке в 1927 г.

В советской системе централизованного управления всеми сферами хозяйственно-производственной деятельности московский опыт конкурсного проектирования приобретал роль образцово-показательного и если и не являлся официально обязательным, то по меньшей мере был «настоятельно рекомендуемым» для административных органов и проектных организаций всех прочих городов страны. Так, по примеру Московского совета в сентябре 1927 г. конкурс на составление проекта застройки жилых домов для рабочих семей был проведен в Самаре (проводило конкурс МАО)[507] (рис. 156–158). Условия конкурса, подобно конкурсу Моссовета, предписывали осуществлять застройку отведенного участка исключительно многоквартирными 3-этажными зданиями[508]. И хотя квартиры продолжали называться «индивидуальными» и проектировались в 3–4 комнаты[509], с передней, кухней-уборной[510], кладовой для продуктов[511], но фактически являлись коммунальными, потому что предназначались для покомнатно-посемейного заселения (и, в частности, поэтому проектировались без ванн) – в каждую квартиру по две семьи и по одному одинокому жильцу – всего 5–6 чел.)[512].

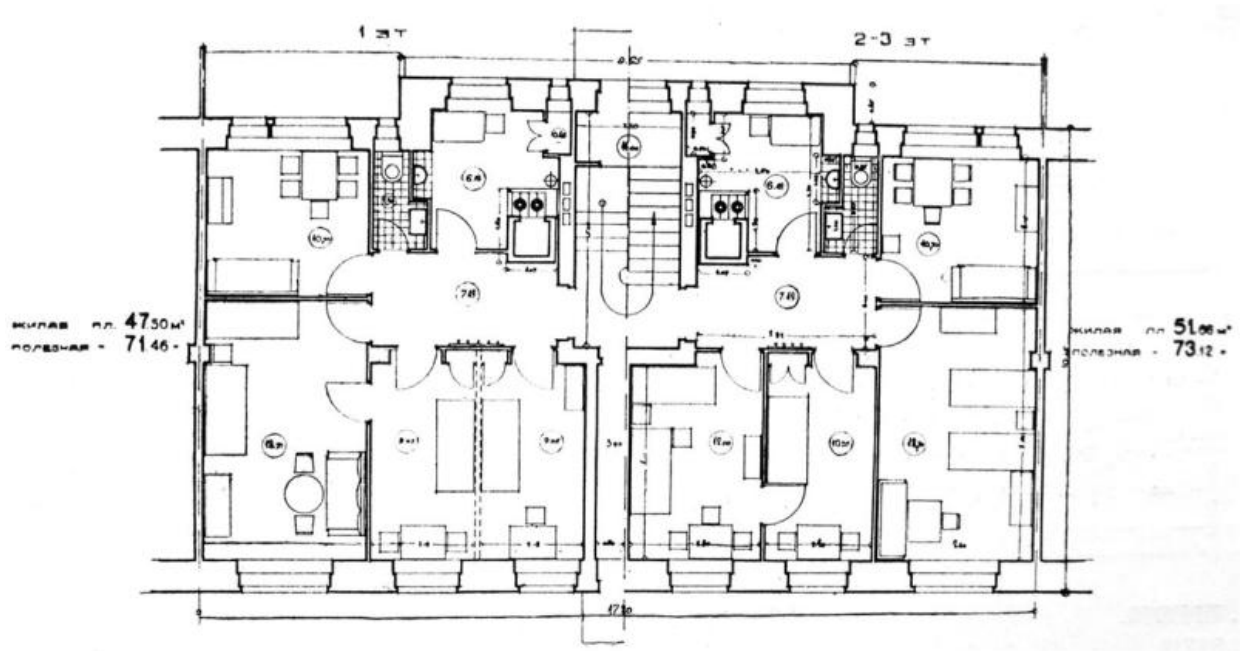
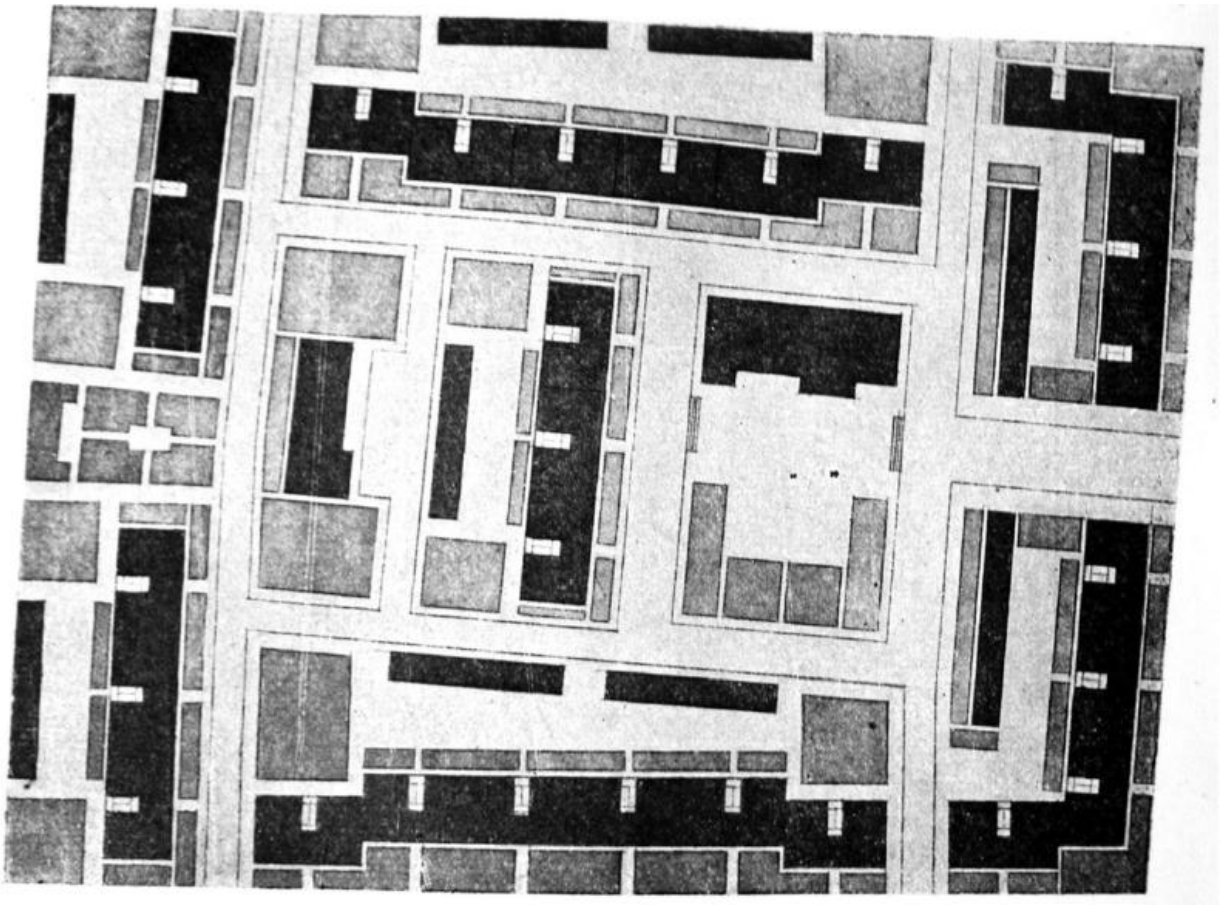

Рис. 156. Конкурс на составление проекта застройки участка в г. Самаре многоквартирными жилыми домами для рабочих семей. I премия. План. Арх. А. Э. Зильберт, Л. З. Чериковер. 1927

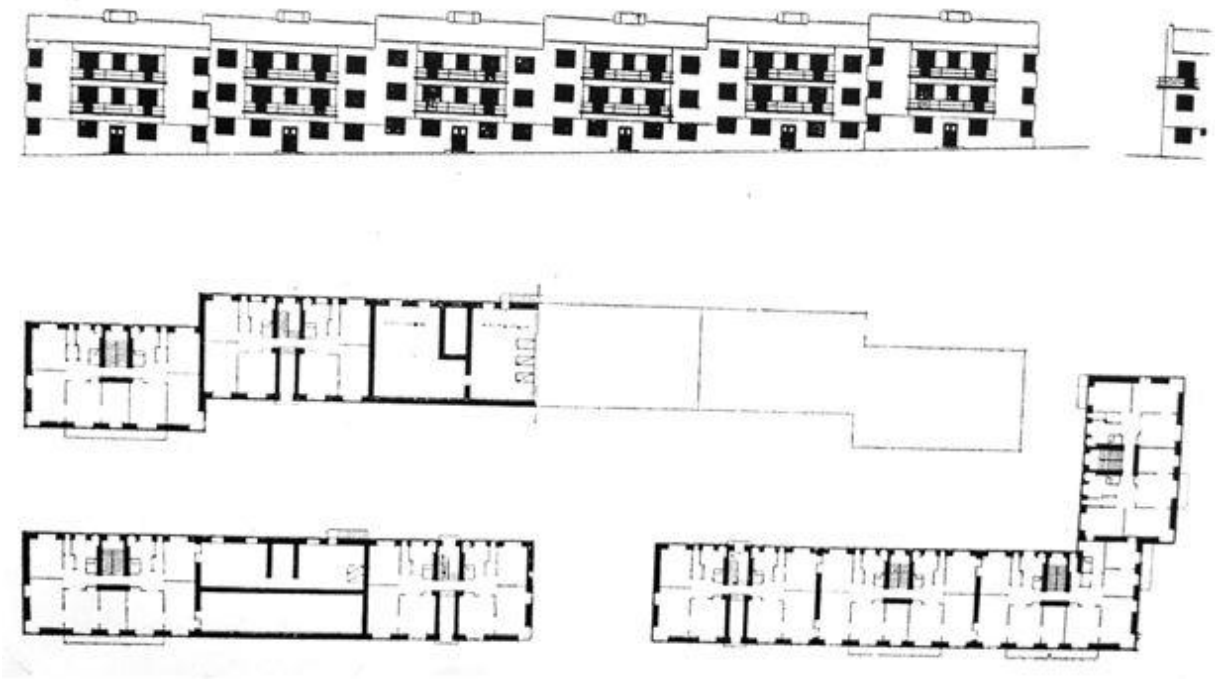

Рис. 157. Конкурс на составление проекта застройки участка в г. Самаре многоквартирными жилыми домами для рабочих семей. III премия. Генплан, Фасад, план. Гражд. инж. Г. Я. Вольфензон. 1927

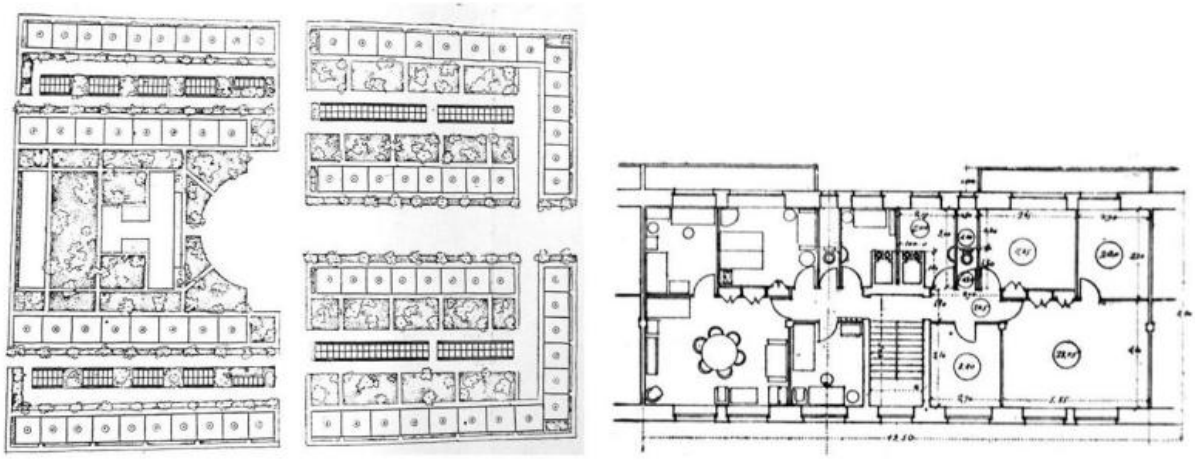

Рис. 158. Конкурс на составление проекта застройки участка в г. Самаре многоквартирными жилыми домами для рабочих семей. V премия. Генплан, планировки квартир. Арх. З. М. Розенфельд, Ф. Я. Бялостоцкая. 1927

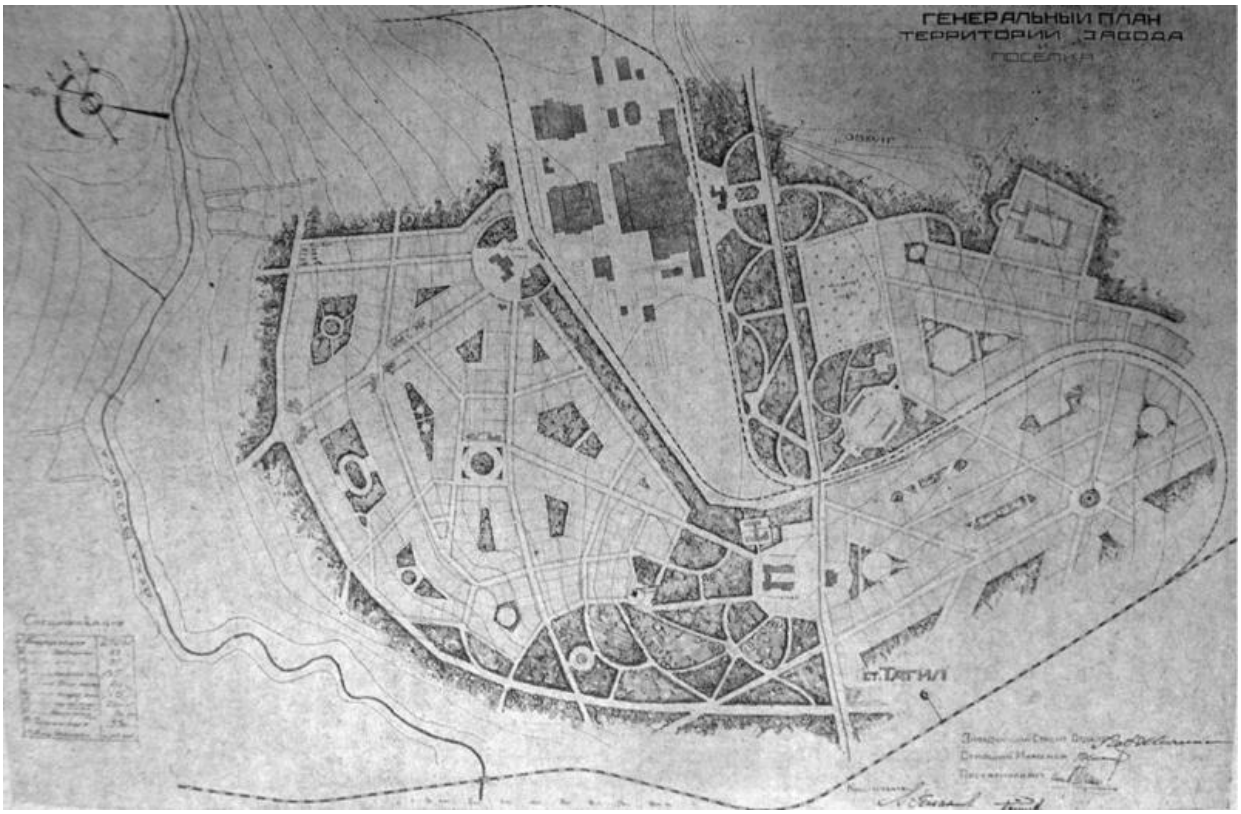

Рис. 159. Рабочий поселок при вагоностроительном заводе в Нижнем Тагиле. Генплан. Не позже 1927

Однако если в 1926–1927 гг. жилищное строительство «городских рабочих кварталов» столицы и крупнейших губернских городов официально ориентировалось на 3–4-этажные каменные здания, то рекомендации по проектированию жилья в «рабочих пригородах» и в обособленных «рабочих поселках при внегородском промышленном предприятии» не имели пока своей однозначной нормативной трактовки ни по строительным и конструктивным материалам, ни по архитектурным и градостроительным решениям, ни по этажности жилых зданий и плотности застройки. Из-за отсутствия в этот период однозначных нормативных предписаний в отношении типа жилого дома и характера планировочной структуры в рабочих поселках при промышленных предприятиях их проектирование, осуществлявшееся государственными ведомствами в конце 1925 – начале 1927 г., продолжало основываться на постулатах города-сада – как в композиционном отношении, так и в отношении типологии жилища.

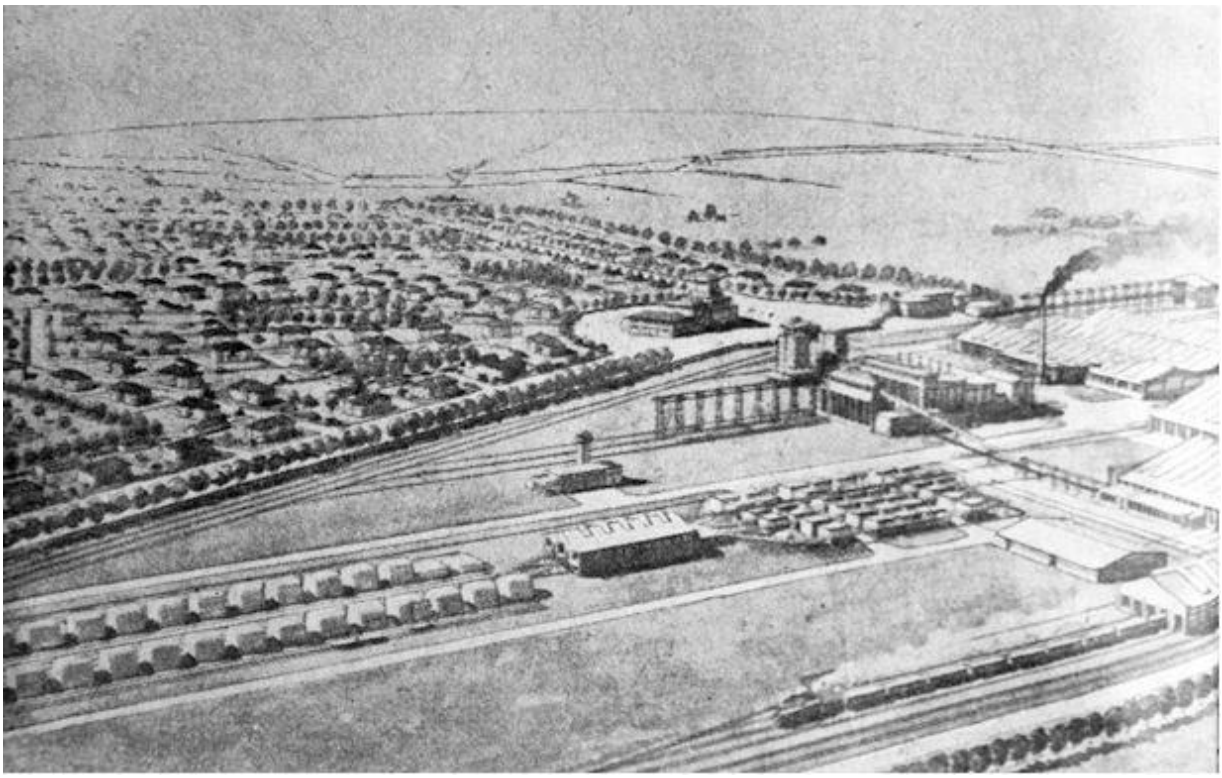

Рис. 160. Рабочий поселок при Нижнетагильском вагоностроительном заводе. Проект. Перспектива. Не позже 1927

Например, разработанный Гипромезом проект поселка при вагоностроительном заводе в Нижнем Тагиле был «запроектирован со всеми необходимыми санитарно-техническими и культурно-бытовыми учреждениями; ему был придан характер города-сада, способного удовлетворить до известной степени и эстетическое чувство населения»[513] (рис. 159, 160). Подобным был и проект рабочего поселка при Магнитогорском металлургическом заводе (рис. 161, 162). Уже упоминавшийся нами соцпоселок крупнейшего в стране бумажного комбината под Нижним Новгородом, поставлявшего свою продукцию в Москву для издательства газеты «Правда», и названный поэтому Правдинск, спроектированный в 1927 г. (арх. П. Струков), имел следующую типологию жилища: а) одноэтажные дома с одно– и двухкомнатными квартирами и кухнями-столовыми; б) одноэтажные здания с трехкомнатными квартирами; в) двухэтажные строения на четыре и шесть квартир, состоящих из двух и трех комнат; г) двухэтажные дома на восемь квартир из двух и трех комнат. Все квартиры имели застекленные веранды, подсобные помещения,

большие кухни и санузлы. Жилые дома были бревенчатыми, некоторые – обшиты досками. Перед каждым домом, как в говардовских прототипах, был небольшой приусадебный участок[514].

Рис. 161. Рабочий поселок при Магнитогорском металлургическом заводе. Генплан. Проект. 1929

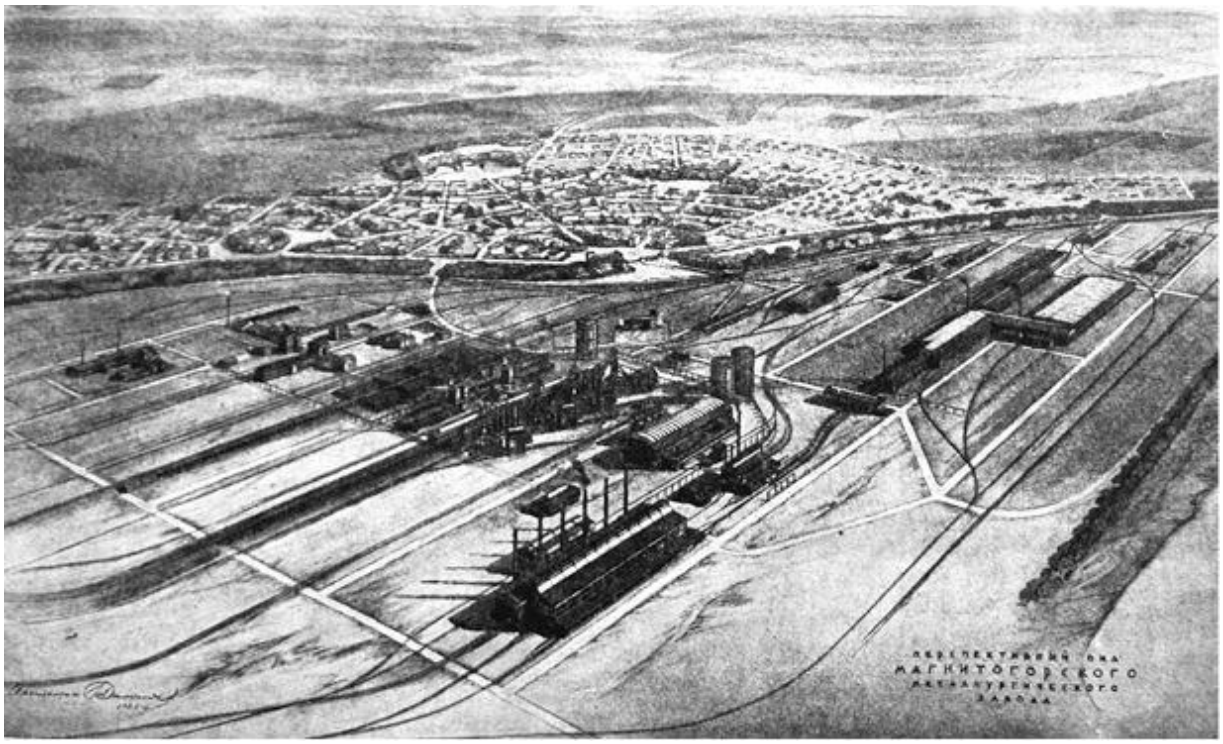

Рис. 162. Магнитогорский металлургический завод и рабочий поселок при нем. Проект. Перспектива. 1929

Нормы проектирования рабочих поселков этого периода[515] предполагали наличие: а) 3–4-этажных многоквартирных домов, б) блокированной застройки, в) индивидуальных 1–2-этажных домостроений особнякового типа (заметим, что концептуально-идеологический отказ от проектного выделения в границах городской территории зон индивидуального жилища последовал только в конце 1920-х гг., после принятия постановления ЭКОСО РСФСР от 8 апреля 1929 г.[516]). В научной литературе, издававшейся в этот период ГУКХ НКВД – главным «субъектом» осуществления государственной жилищной и градостроительной политики, рекомендовался широкий спектр градостроительных решений для советских рабочих поселков – от рассредоточенной особняковой застройки с живописной планировкой, присущей городу-саду, до многоэтажной секционной застройки регулярной поквартальной структуры.

Следует подчеркнуть, что государственная градостроительная политика, осуществлявшаяся в первые годы советской власти по отношению к рабочим поселкам, возводимым ведомствами возле восстанавливаемых и реконструируемых промышленных предприятий,

отличалась от градостроительной политики, реализуемой в тот же период в отношении существовавших городов. Советский рабочий поселок изначально теоретически рассматривался как автономное производственно-селитебное образование (жилищно-производственный комплекс), основные процессы управления, финансирования и функционирования которого всецело должны были предопределяться его производственной составляющей.

В этот период высшие органы государственного управления прилагали усилия к созданию новых механизмов осуществления градостроительной политики. Решительно противопоставляя ее всему, что существовало ранее. В частности, принципиально отказываясь от традиционных, исторически складывавшихся принципов градоформирования социальных механизмов городского саморазвития, существовавших в дореволюционный период, таких как: а) наличие разнообразных форм самообеспечения населения продуктами питания и предметами первой необходимости, б) саморазвивающиеся частные формы обслуживания, в) рыночное саморегулирование, г) частное предпринимательство и конкуренция в жилищном строительстве, д) естественная самореализация местных традиций, обычаев и культурных ценностей в результате социокультурной самоорганизации населения, е) общественное самоуправление, ж) социально-экономическая самостоятельность и т. п.

Вместо них формировались совершенно специфические «инновационные» механизмы: а) прямого адресного планирования, б) регулируемой (добровольно-принудительной) поставки рабочей силы, в) натурального распределения продуктов питания и вещей, г) повсеместного внедрения предписываемых типов застройки, д) введения новых стандартов качества жилища и инженерно-технического обеспечения, е) предписания конкретного состава объектов обслуживания и т. п.

Как следствие, в рамках этой концептуальной действительности не только сильно трансформировались представления о жилище, но и возникала необходимость замены всех вышеперечисленных автономных, саморазвивавшихся «инфраструктур жизнеобеспечения» единой системой государственно-муниципального либо ведомственно-государственного снабжения. В частности, вместо ориентации на обеспечение обособленного жилища широким набором инженерно-

технического оборудования и на соответствующее проектирование в каждой квартире максимального «набора» бытовых помещений провозглашалась установка на выведение из жилища всех тех процессов, которые могли быть «предоставлены» населению из «единых фондов», в данном случае общепоселковыми структурами. Целью подобного «ужатия» функций, размещаемых в жилье, было максимально сократить состав жилых помещений и их габариты.

Таблица 7. Типология жилища и структура жилого фонда в социалистическом рабочем поселке (середина 1920-х гг.) [517]

№	Предназначение дома	Тип дома
1	Для многосемейных (в реальности — для начальства. — *М. М.*)	Дом-особняк, 2-этажный, деревянный
2		Дом парный, 1-этажный, деревянный
3		То же, 2-этажный, с частичным размещением верхнего этажа в крыше
4		Дом рядовой застройки на 6 квартир, 2-этажный, с помещением в мансарде
5		Дом однокухонного типа, 2-этажный, с полуподвалом, каменный, для многосемейных, на 10 квартир
6	Для средне- и малосемейных (в реальности — для покомнатно-посемейного заселения)	Дом-коммуна на 6 квартир, 2-этажный, деревянный
7		Дом рядовой на 3 квартиры, 1-этажный, деревянный
8		Дом рядовой на 4 квартиры, с частичным помещением в мансарде
9		Дом рядовой на 4 квартиры (2 квартиры для малосемейных и 2 квартиры для среднесемейных), 1-этажный, деревянный
10		Дом на 12 квартир (для среднесемейных), 2-этажный, каменный
11		Дом на 12 квартир (для малосемейных), 2-этажный, каменный
12	Для одиноких	Общежитие (на 150 чел. одиноких неквалифицированных рабочих), 3-этажное, каменное
13		Общежитие (на 60 чел. одиноких квалифицированных рабочих), 2-этажное, каменное
14		Общежитие (на 30 чел. одиноких квалифицированных рабочих), 2-этажное

Таблица 8. Типология жилища и структура жилого фонда в социалистическом рабочем поселке при Сталинградском тракторном заводе (1926 г.) [518]

№	Предназначение дома	Тип дома
1	Для начальства	Дом парный, на 2 квартиры (по 5 комнат в каждой), 1-этажный, каменный
2		Дом парный, на 2 квартиры (по 4 комнаты в каждой), 1-этажный, каменный
3	Для семейных	Дом на 4 квартиры (по 3 комнаты в каждой), 2-этажный
4	Для средне- и малосемейных	Дом на 8 квартир (по 2 комнаты в каждой), 2-этажный
5		Дом на 8 квартир (по 3 комнаты в каждой), 2-этажный
6		Дом на 8 квартир (по 4 комнаты в каждой), 2-этажный
7		Дом на 16 квартир (по 2 комнаты в каждой), 2-этажный
8		Дом на 18 квартир (по 1 комнате в каждой), 2-этажный
9	Для одиноких	Общежитие (на 100 чел.), 2-этажное

Итак, в середине 1920-х гг. структура жилого фонда рабочего поселка-сада, как правило, предусматривала наличие нескольких типов жилых домов для разных типов семей и различных форм заселения – от зданий особнякового характера до сооружений коммунального типа[519] (табл. 7).

В количественном соотношении эти типы домов распределялись следующим образом (от 100 % жилого фонда рабочего поселка):

1) дома особнякового характера (на одну квартиру) – 2–5 %;

2) двухквартирные дома – до 28–25 %;

3) трех-, четырехквартирные дома (коммунального заселения), многоквартирные дома (коммунального заселения) – 70 %;

4) общежития (для одиноких рабочих).

Эта типология с незначительными вариациями, но при сохранении неизменной ее структуры присутствовала в проектах подавляющего большинства рабочих поселков-новостроек середины 1920-х гг. Например, она представлена в проекте поселка для Сталинградского тракторного завода, разработанном Сталинградским филиалом Гипромеза (1926 г.) (табл. 8).

При этом если в начале 1920-х гг., следуя дореволюционной традиции, селитебная территория поселения подразделялась, как мы отмечали, на две части: для служащих (куда входили также дома для высшего руководства промышленного предприятия) и для рабочих, то теперь, в середине 1920-х гг., она разделялась также на две, но уже иные части: для начальства (административный поселок) и для расселения рабочих и служащих (рабочий поселок). В советских рабочих поселках руководство промышленного предприятия, а также

партийное и поселковое начальство предпочитало селиться изолированно, планировочно отделяясь от остальной части населения. Подобная дифференциация селитьбы осуществлена, например, в проекте поселка Сталинградского тракторного завода (проект филиала Гипромеза): административный поселок (168 квартир) и рабочий поселок (780 квартир)[520].

5.3. На пути к соцгороду

23 ноября 1927 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР «Положение о порядке утверждения проектов по промышленному строительству, производимому ВСНХ СССР, их местными органами и подведомственными им предприятиями и учреждениями»[521]. Это постановление законодательно закрепило один из главных постулатов советской градостроительной политики 1920–1930-х гг.: жилищное гражданское строительство, а также возведение объектов коммунального и бытового обслуживания в рабочих поселках-новостройках (а позднее и в новостройках-соцгородах) утрачивало свой самостоятельный статус и переводилось в разряд «промышленного строительства». «Промышленным строительством признается строительство новых производственных предприятий, дооборудование и переоборудование существующих, их капитальный ремонт, а также возведение вспомогательных сооружений и жилищное, и коммунальное строительство, обслуживающее промышленное предприятие и осуществляемое на его территории или на территории, предоставляемой предприятию для этой цели»[522].

В результате этого решения жилье при промышленном предприятии теперь начинало включаться в производственно-финансовые планы промышленного строительства ВСНХ[523]; проектироваться силами организаций, занимавшихся промышленным строительством[524]; проходить экспертизу и утверждаться ВСНХ[525] и т. д. Фактически ВСНХ превратился в «жилищного монополиста» – главного распорядителя всего нового жилищного строительства при всей новой промышленности.

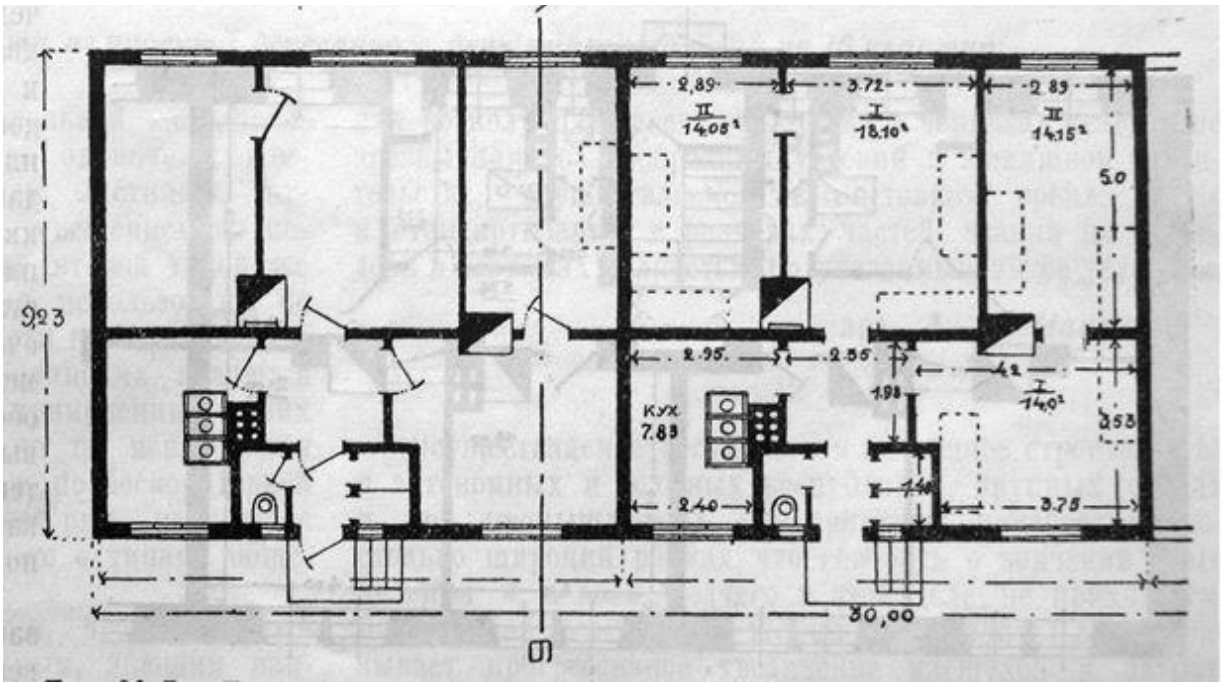

Рис. 163. Одноэтажный деревянный блокированный дом на две двухкомнатные квартиры для покомнатно-посемейного заселения (8 чел.). Проект, рекомендованный ВСНХ СССР к строительству в 1928 г.

Проекты, утверждаемые ВСНХ СССР или Высшим советом народного хозяйства союзных республик, подлежали согласованию с местными органами строительно-технического контроля лишь в отношении противопожарной безопасности и укрупненных параметров планировки, и то лишь затем, чтобы проверить их на соответствие местным условиям и обязательным постановлениям по строительству[526]. Во всем остальном ВСНХ был своеволен и самостоятелен в определении того, какими должны быть новые рабочие поселения.

Власть приняла это решение исходя из своей организационно-управленческой доктрины: так ей легче было осуществлять общегосударственное планирование и централизованное распределение средств, проще контролировать их использование и обеспечивать взаимоувязанное возведение промышленности и жилья, необходимого для размещения сначала строительных рабочих, а потом постоянных кадров промышленных рабочих и служащих. В условиях формирования единоначалия, жесткой исполнительской дисциплины и персональной

ответственности руководителей промышленных строек такое решение представлялось наиболее простым и эффективным.

Законодательно ликвидировав самостоятельный статус и самоценность жилищного гражданского строительства и объектов коммунального (бытового) обслуживания и переведя их в разряд «промышленного строительства», власть тем самым закрепила их подчиненную, обслуживающую роль. «Вспомогательный» характер жилищного и коммунального строительства, осуществляемого по остаточному принципу по отношению к промышленному, фактически с этого времени и на протяжении долгих последующих лет стал определять отношение к жилой среде советских поселков-новостроек, а затем и городов-новостроек.

Во исполнение этого постановления ВСНХ СССР в 1928 г. издал Альбом типов жилых домов. Проекты, предназначавшиеся для строительства жилья, осуществляемого в городах и рабочих поселках администрациями фабрично-заводских предприятий[527], были разработаны в соответствии с «коэффициентами экономичности» ЭКОСО. Альбом содержал 21 проект, почти в полном соответствии с указанной нами выше базовой типологией: 1) дома особнякового типа; 2) двухквартирные дома с обособленными квартирами; 3) дома с квартирами, имевшими общие обслуживающие помещения (коммунального заселения и дома-коммуны); 4) общежития[528]. Все дома (и малоэтажные, и многоэтажные), за редким исключением, были запроектированы блочными (секционными), так как к этому времени данный вид дома был признан наиболее экономически выгодным[529]. Большинство домов спроектированы деревянными: в условиях острого дефицита любых стройматериалов директорату заводов было сравнительно легче наладить на местах возведение именно деревянных домостроений (рис. 163–167).

В проектах, представленных в альбоме, 2-, 3-, 4-комнатные квартиры были изначально спроектированы с учетом их покомнатно-посемейного (то есть коммунального) заселения. Подобное заселение требовало исключения проходных жилых помещений, препятствовавших вселению в каждую из комнат многокомнатной квартиры по отдельной семье. Также было предусмотрено наличие смежных комнат, каждая из которых имела собственный выход в прихожую. Подобная планировка позволяла заселять две смежные

комнаты как одной большой семьей, так и двумя не очень большими отдельными семьями – в этом случае дверь между комнатами перекрывалась и они превращались в автономные – со своим отдельным входом из общей прихожей[530].

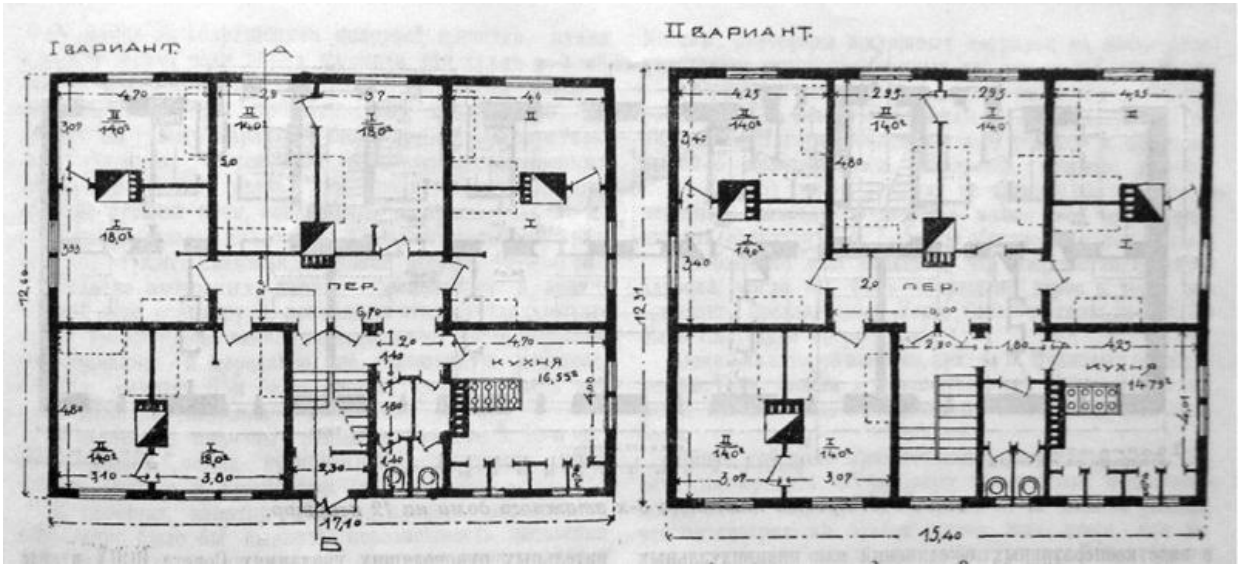

Рис. 164. Двухэтажный деревянный жилой дом на 8 комнат-квартир для покомнатно-посемейного заселения. Проект, рекомендованный ВСНХ СССР к строительству в 1928 г. (два варианта)

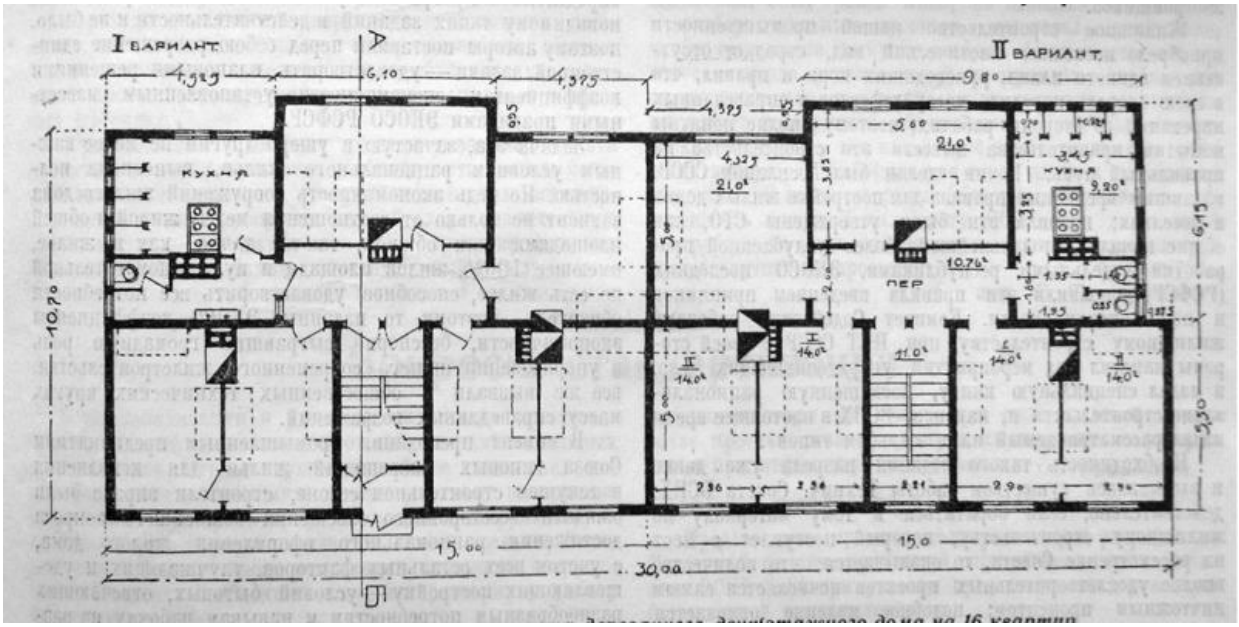

Рис. 165. Двухэтажный деревянный жилой дом на 8 комнат-квартир для покомнатно-посемейного заселения. Проект,

рекомендованный ВСНХ СССР к строительству в 1928 г. (два варианта)

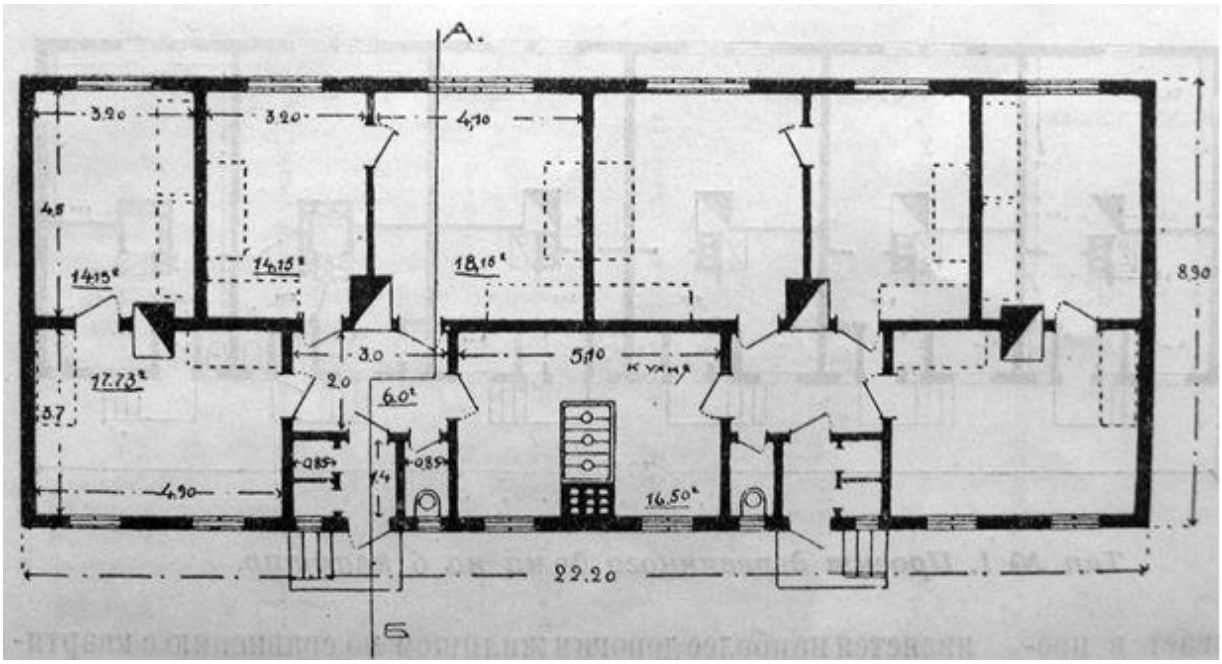

Рис. 166. Деревянный жилой дом на 8 комнат. Проект, рекомендованный ВСНХ СССР к строительству в 1928 г.

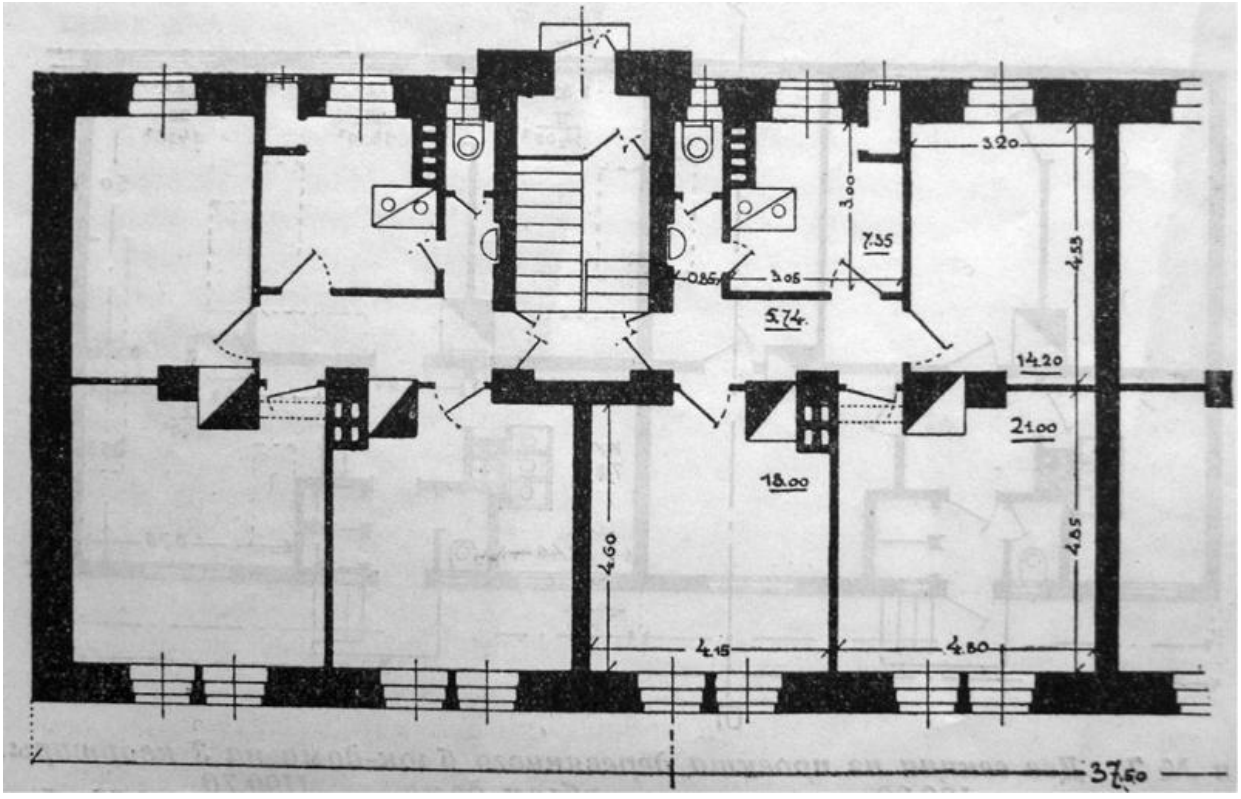

Рис. 167. Жилой дом (каменный) на 8 комнат-квартир для покомнатно-посемейного заселения. Проект, рекомендованный ВСНХ СССР к строительству в 1928 г.

Проекты предусматривали заселение, например, четырехкомнатной квартиры несколькими семьями (восемь человек); трехкомнатной квартиры – тремя семьями или объединение четырех двухкомнатных квартир (каждая с собственной печкой для семьи из четырех человек) в коммунальное жилище, сгруппированное вокруг одной общей кухни и двух общих уборных. Также предусматривалось совместное размещение четырех или шести семейств (всего 14–16 человек) в одном помещении с одной общей проходной кухней.

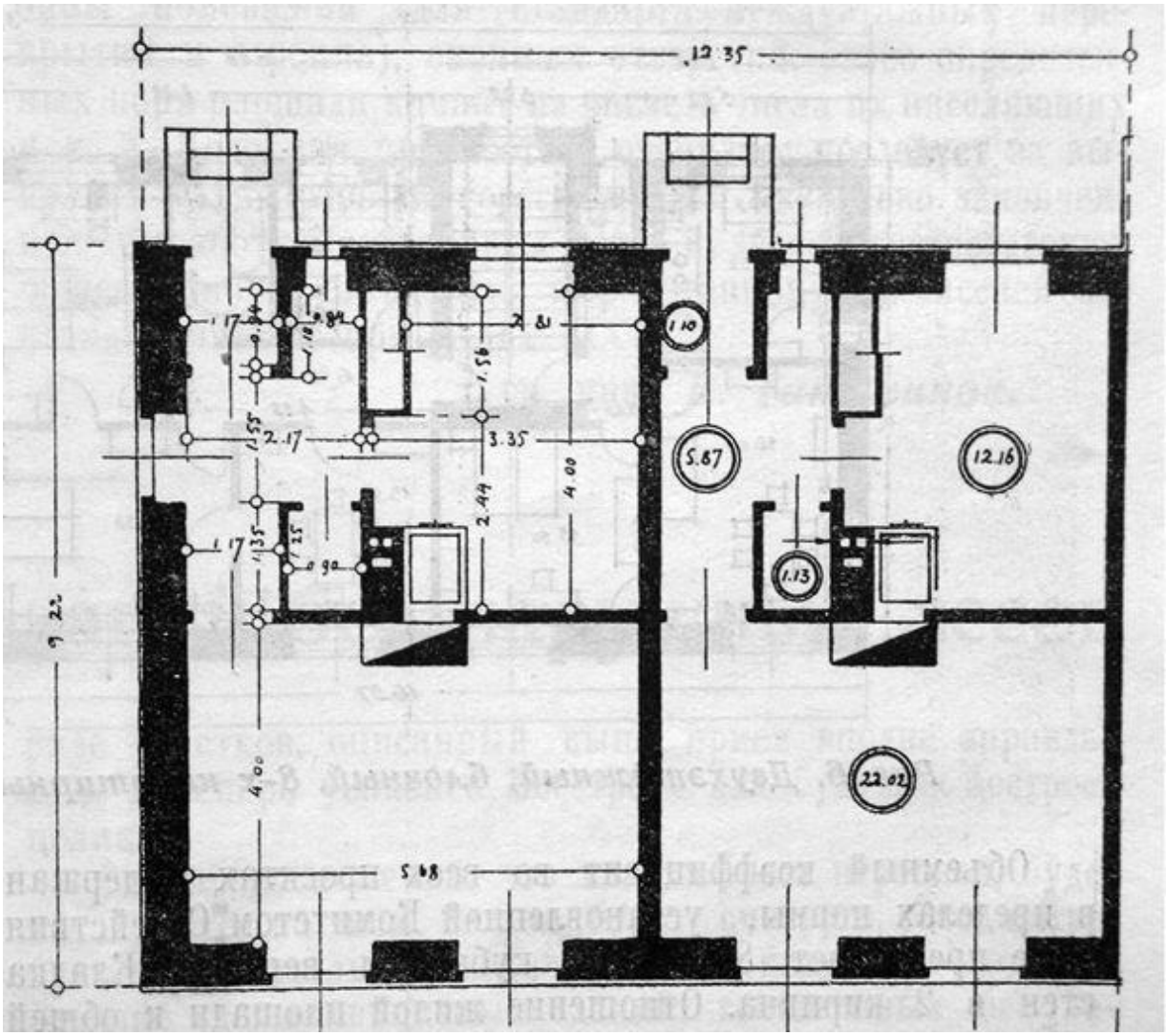

Рис. 168. Одноэтажный блокированный 8-квартирный жилой дом с печным отоплением, рекомендованный Тех. – строй. комитетом НКВД УССР к возведению в строительном сезоне 1928 г.

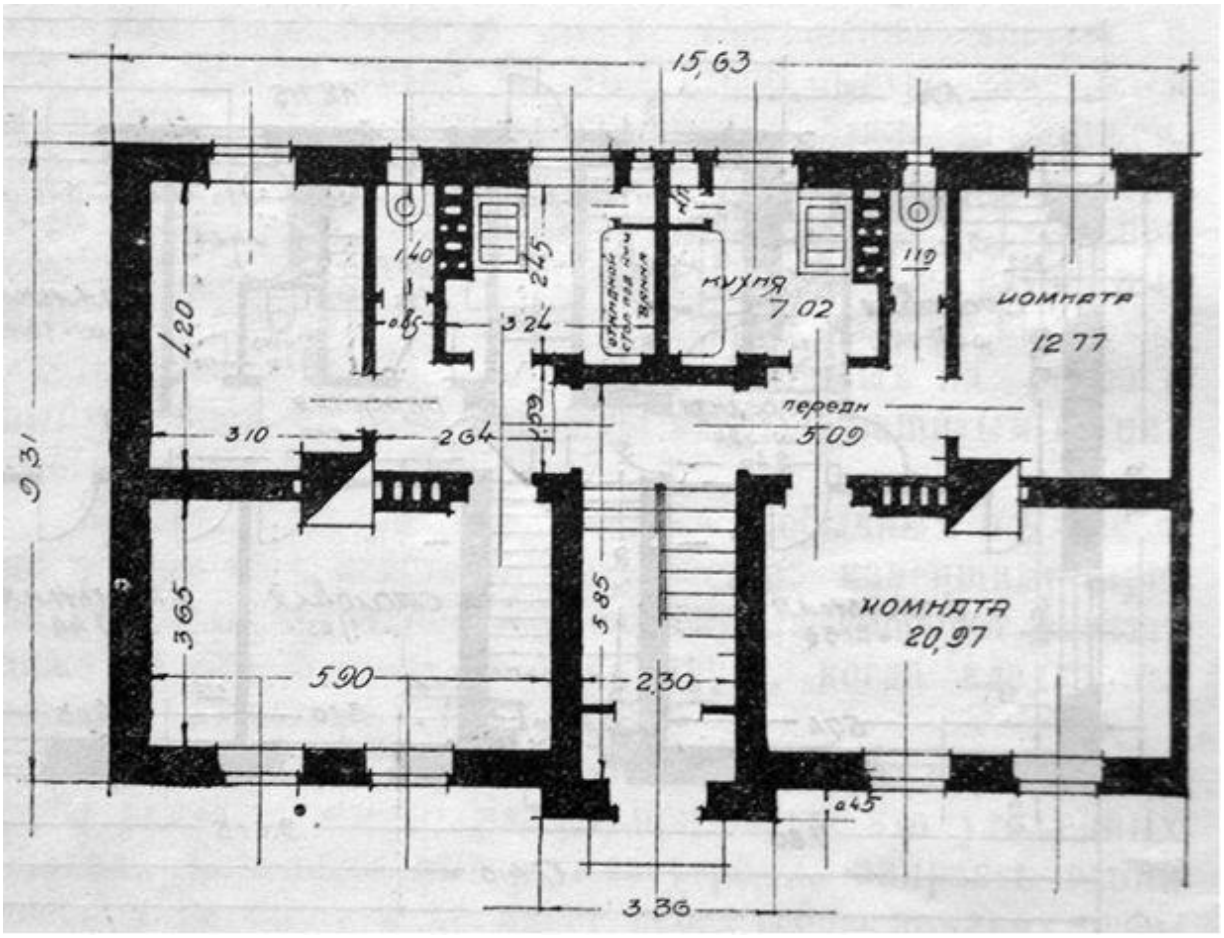

Рис. 169. Двухэтажный жилой дом, блокированный, 4-квартирный (квартиры 2-комнатные), с печным отоплением, для индивидуального заселения, рекомендованный Тех. – строй. комитетом НКВД УССР к возведению в строительном сезоне 1928 г.

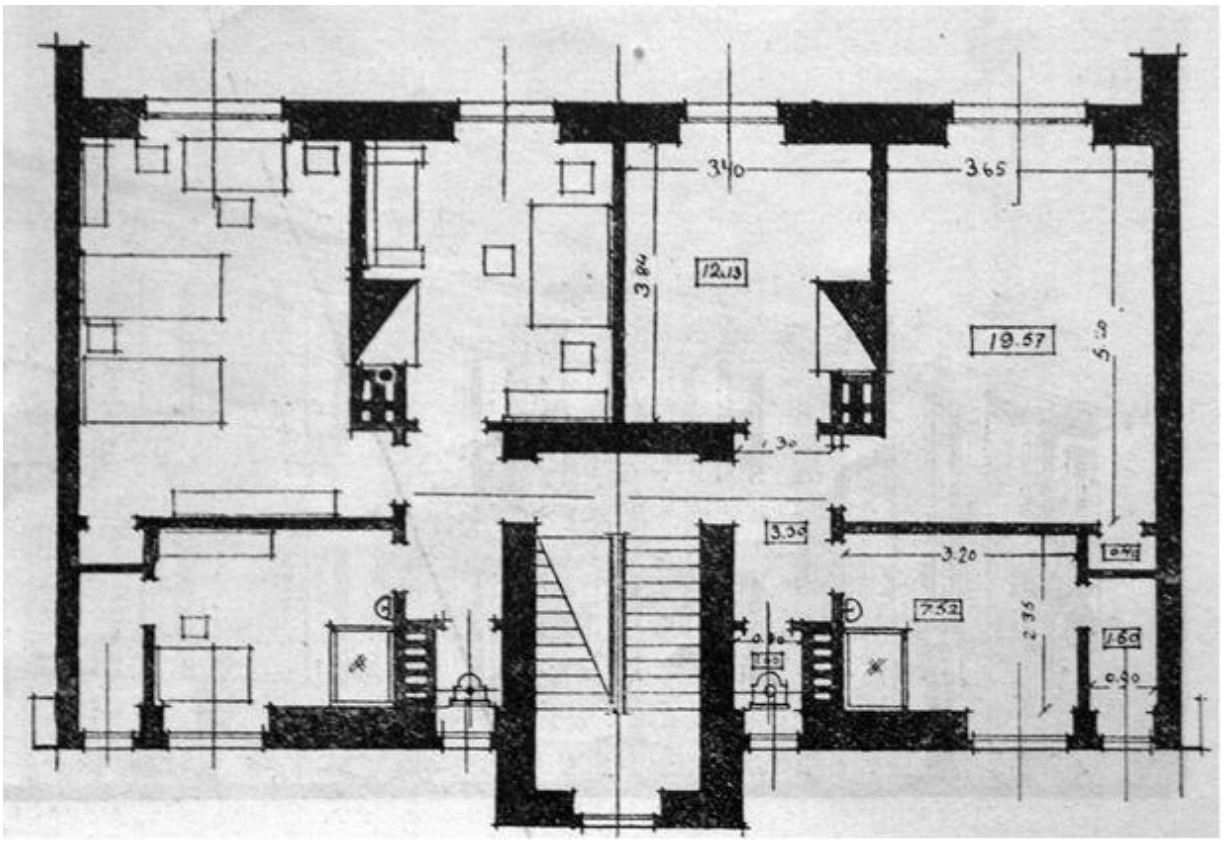

Рис. 170. Двухэтажный жилой дом, блокированный, 4-квартирный (квартиры 2-комнатные), с печным отоплением, для индивидуального заселения, рекомендованный Тех. – строй. комитетом НКВД УССР к возведению в строительном сезоне 1928 г.

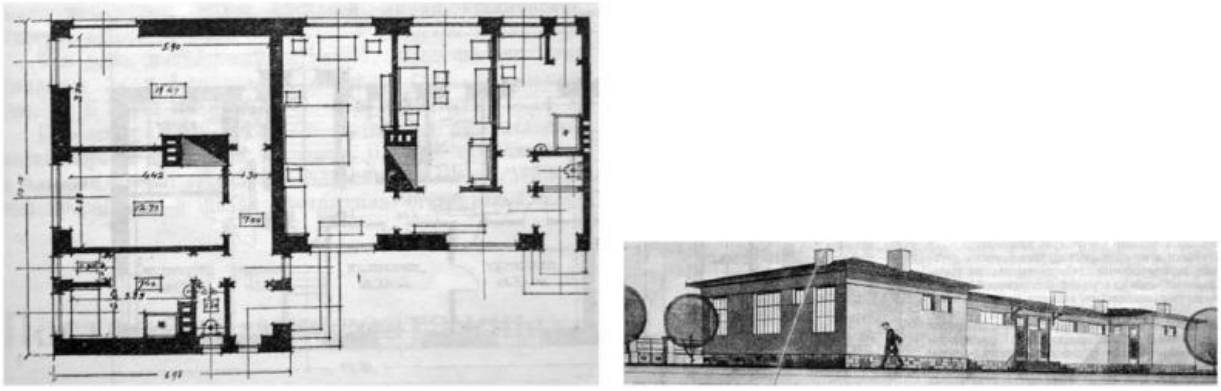

Рис. 171. Одноэтажный жилой дом, блокированный, 2-квартирный (квартиры 2-комнатные), с печным отоплением, для индивидуального заселения, рекомендованный Тех. – строй. комитетом НКВД УССР к возведению в строительном сезоне 1928 г. План. Перспектива

В том же 1928 г. подобный альбом рекомендуемых проектов под названием «Альбом типов рабочих домов» был издан Высшим техническо-строительным комитетом при НКВД УССР. Включенные в него проекты были разработаны строительными организациями, имевшими собственные «проектные аппараты» (то есть подведомственные проектные организации), – Донуглем, Югосталью, ЮМТ, Укржилсоюзом, Индустроем[531] (рис. 168, 169). Некоторые проекты были весьма схожи с предлагавшимися ВСНХ СССР, но имели чуть большую площадь. Подобное завышение жилой площади (в сравнении с проектами ВСНХ) являлось отличительной чертой всех проектов из альбома НКВД УССР. Как следствие, во многих проектах появлялась возможность планировочно выделять отдельные комнаты-столовые. Главное отличие альбома НКВД УССР от альбома ВСНХ заключалось в том, что наряду с проектами домов покомнатно-посемейного заселения в нем присутствовали проекты домов, предназначенных для индивидуального заселения (рис. 170, 171).

Интересный факт: в рассматриваемый период власть стимулировала строительные организации, имевшие определенную хозяйственную самостоятельность, к использованию именно типовых проектов. Стимулирование проявлялось в том, что власть освобождала застройщиков, использовавших типовые проекты, от оплаты установленных сборов за рассмотрение проектов. Применение типовых проектов не только позволяло ведомственному заказчику экономить некоторую часть средств за счет исключения затрат на проектирование, но и, что значительно важнее, давало ему возможность серьезно сокращать затраты времени, требовавшиеся для проектирования и, как правило, всегда очень долгого согласования проектов.

Вышедшее в 1928 г. постановление «О жилищной политике»[532] официально окончательно и бесповоротно определило многоэтажный, многоквартирный дом основным типом домостроений для массового жилищного строительства. Для возведения этого вида жилища от правительств союзных республик требовалось «укрупнять и концентрировать жилищное строительство, осуществляемое всеми категориями застройщиков»[533]. На его возведение направлялись силы крупной государственной строительной индустрии. Государственная градостроительная и жилищная политика везде, где осуществлялось возведение социалистических городов, или в тех местах, где в связи со

строительством новых промышленных предприятий происходила интенсификация роста существующих поселений, вызывавшая необходимость реконструкции жилой части существовавшего поселения, однозначно ориентировалась именно на этот тип домостроений.

При этом везде, где не велось интенсивного строительства новых промышленных предприятий (то есть вне существовавших городов и соцгородов-новостроек), на территориях, в отношении которых отсутствовали стратегические индустриальные интересы, органам власти в значительной мере было безразлично, какое жилье будет строиться. Поэтому на территориях, не подверженных интенсивному индустриальному освоению (а тем более в дачных и курортных поселках), население даже поощрялось к решению жилищных проблем своими силами и за свой счет – здесь разрешалось индивидуальное жилищное строительство. В постановлении ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 г. «О жилищной политике» так прямо и указывалось: «Признать целесообразным дальнейшее расширение индивидуального рабочего жилищного строительства в рабочих поселках и промышленных районах, где бытовые и экономические условия не позволяют еще в достаточных размерах развивать крупное государственное и кооперативное жилищное строительство. Вопрос о целесообразности расширения указанного строительства в мелких городах, а также дачных и курортных поселках вне промышленных районов разрешается соответствующими местными Советами»[534].

Правда, «индивидуальным» это коммунальное жилище именовалось не потому, что представляло собой обособленный частный отдельно стоящий дом с находящимся в личном владении участком земли с садом, огородом и надворными постройками, а потому, что его возведение осуществлялось на личные сбережения рабочих и служащих. А являло собой это «индивидуальное» жилище тот же самый тип многоквартирного (как правило, двухэтажного деревянного или 3–4-этажного каменного) дома, рассчитанного на заселение в каждую комнату каждой квартиры по отдельной семье. Долевое участие в возведении таких «индивидуальных» домов принадлежало исключительно администрации предприятия, на котором трудились пайщики. А входила администрация в долевое участие самым важным и самым дефицитным в тот период «вкладом» – строительными

материалами, которые иначе добыть было практически невозможно. Администрации принадлежала также руководящая роль в организации строительства и в оплате изготовления проектной документации (или в приобретении типовых проектов), а также в оформлении необходимых разрешений по отводу земли, учету и контролю за сбором и распределением средств и т. п. Последующее покомнатно-посемейное заселение в дома, возведенные на средства рабочих и служащих, являлось главным условием такого долевого участия в строительстве.

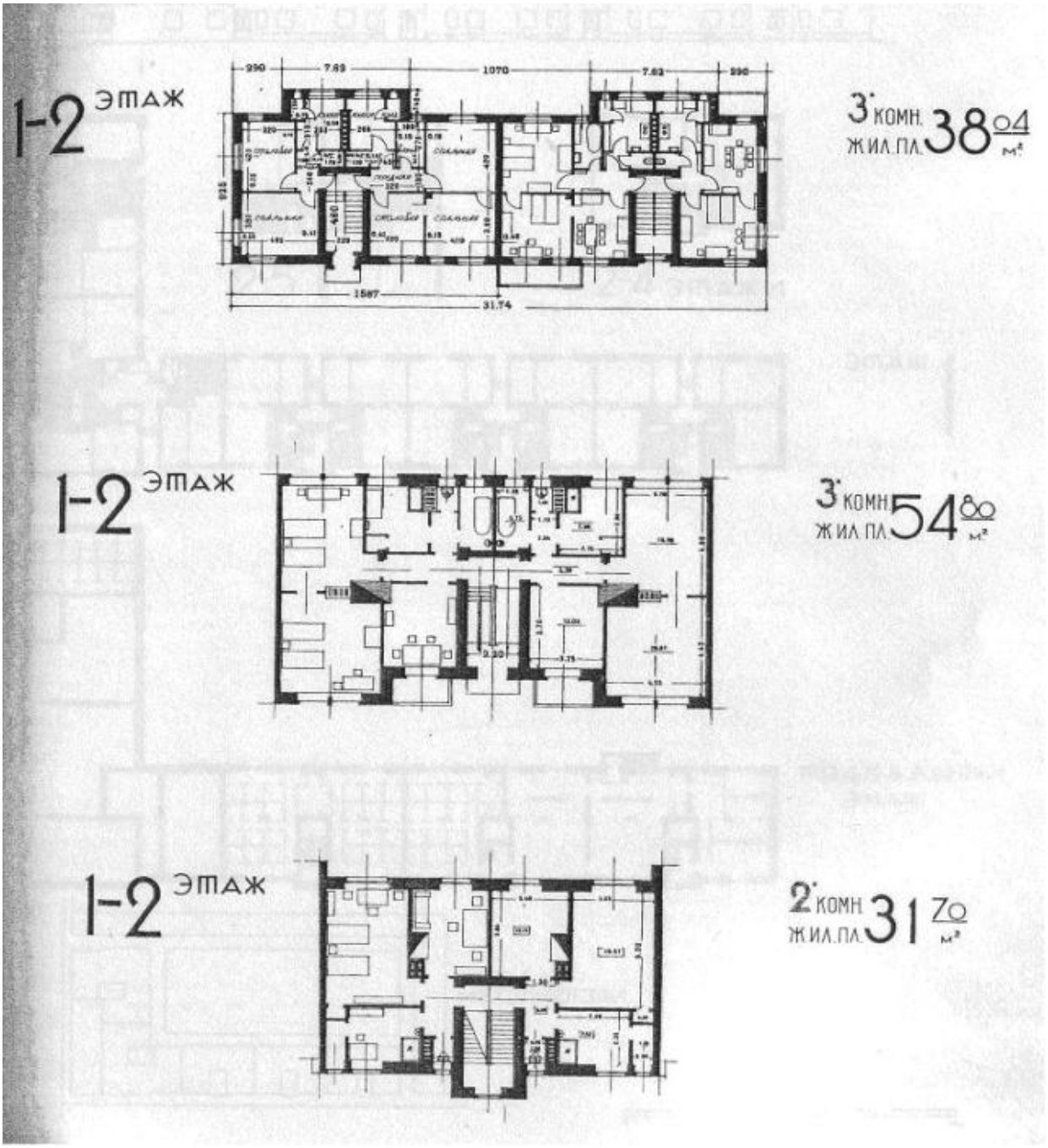

Рис. 172. Секции многоэтажного жилищного строительства, рекомендуемые к застройке в 1930 г. Проекты. 1928–1929

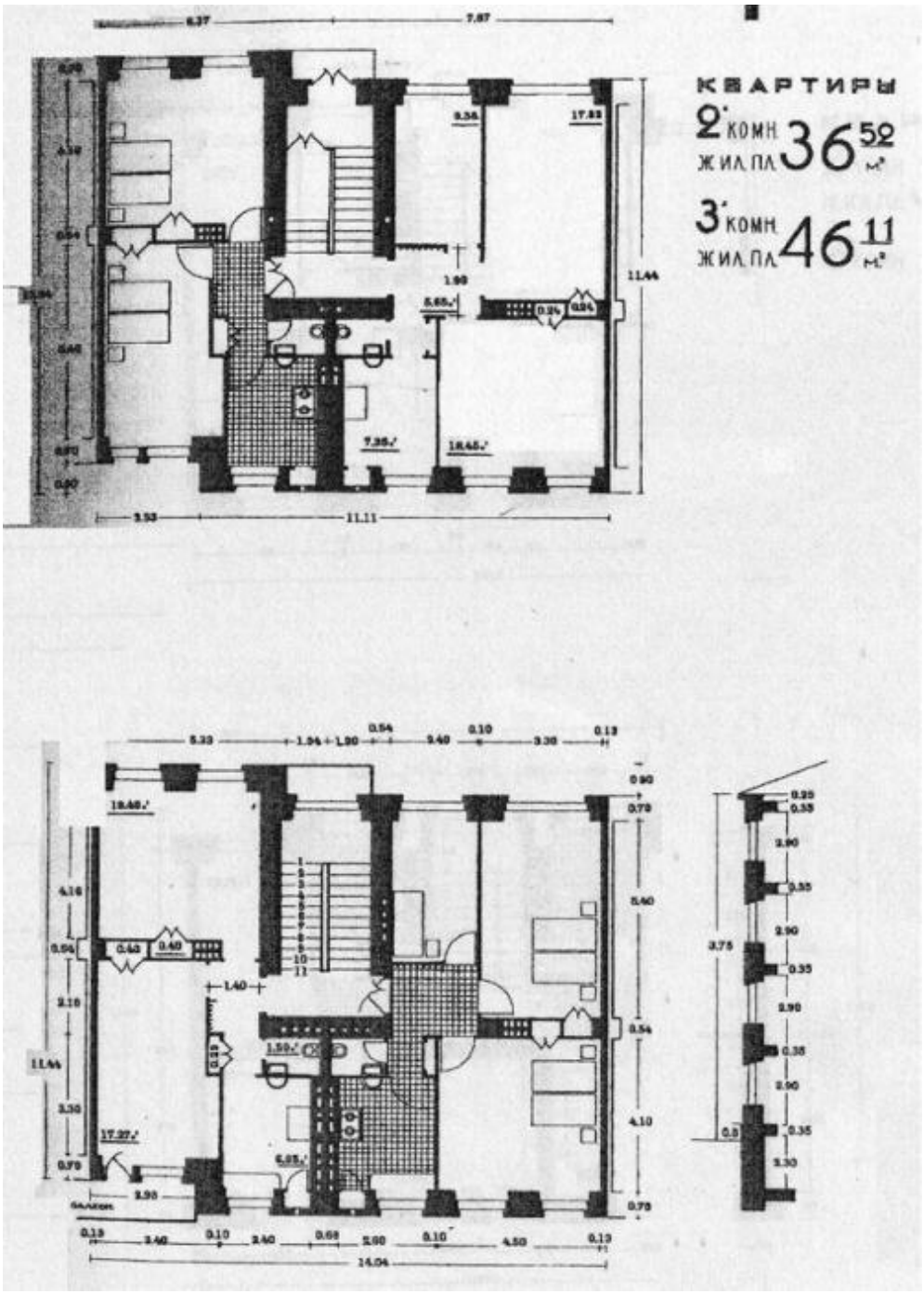

Рис. 173. Типовые секции, рекомендуемые для жилищного строительства в 1929 г. 2-комнатная квартира (жил. пл. 36,50 кв. м); 3-комнатная квартира (жил. пл. 46,11 кв. м)

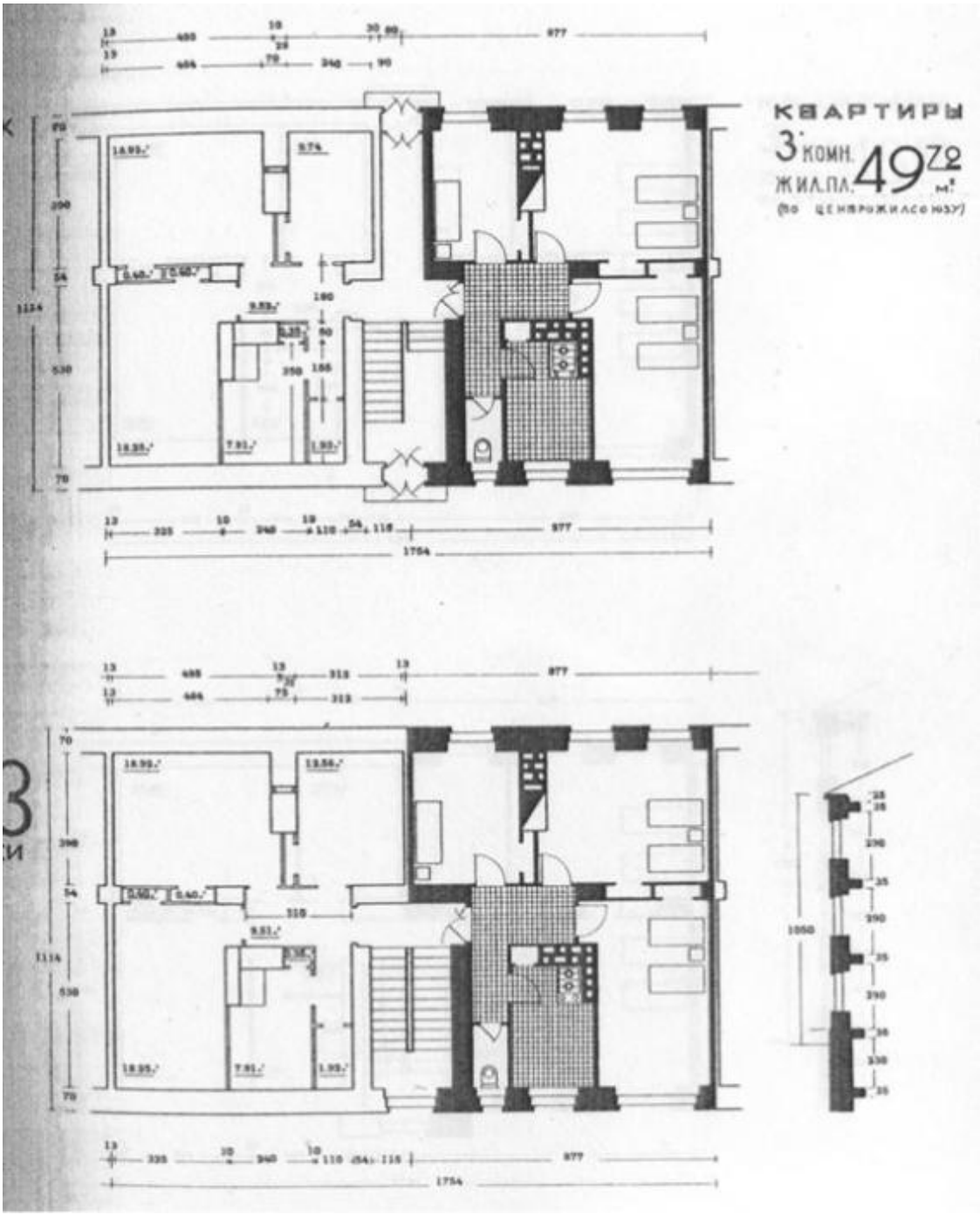

Рис. 174. Типовые секции, рекомендуемые для жилищного строительства в 1929 г. 3-комнатная квартира (жил. пл. 49,72 кв. м)

Разработанный в духе постановления «О жилищной политике» в конце 1928 г. Центральным банком коммунального хозяйства (Цекомбанк)[535] и изданный в 1929 г. сборник «Проекты рабочих жилищ»[536], рассматривавшийся его авторами как нормативно-

рекомендательный документ[537], уже совершенно официально предлагал использовать в рабочем жилищном строительстве многоквартирный, многоэтажный секционный дом[538] (рис. 172–176). Именно он провозглашался основным типом городского жилища, рекомендуемым к застройке в городах-новостройках. А в качестве конкретных примеров были приведены 23 разновидности блок-секций (рядовых и угловых). Практически все секции были 4-этажными (20 шт.); две секции – 3-этажными, одна – 2-этажной; средним размером 11×14–11×18 – 11×22,5 м. В сборнике также были представлены примеры планировок кварталов, составленных из рекомендуемых секций[539] (рис. 177–180).

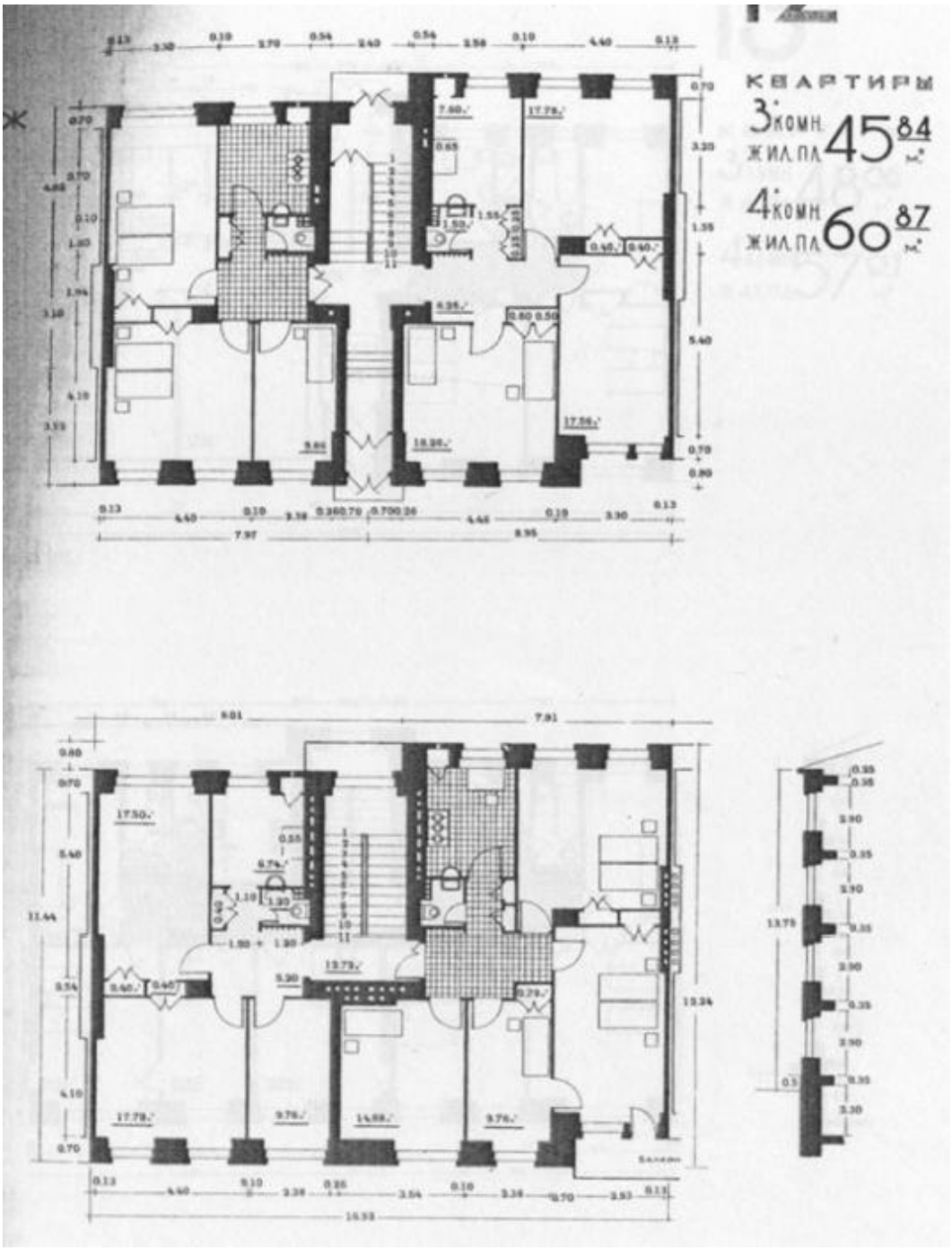

Рис. 175. Типовые секции, рекомендуемые для жилищного строительства в 1929 г. 3-комнатная квартира (жил. пл. 45,84 кв. м); 4-комнатная квартира (жил. пл. 60,87кв. м)

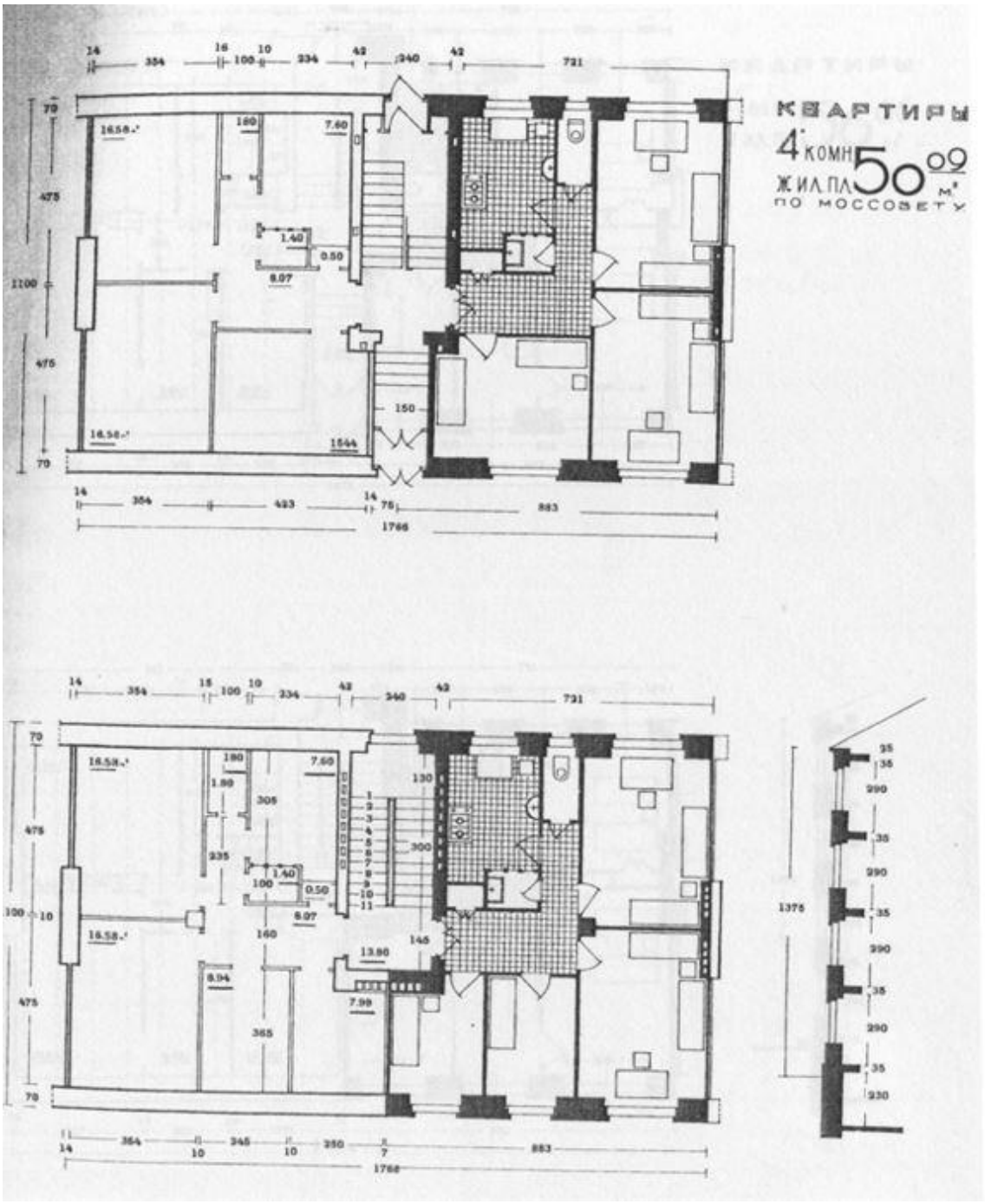

Рис. 176. Типовые секции, рекомендуемые для жилищного строительства в 1929 г. 4-комнатная квартира (жил. пл. 56,66 кв. м)

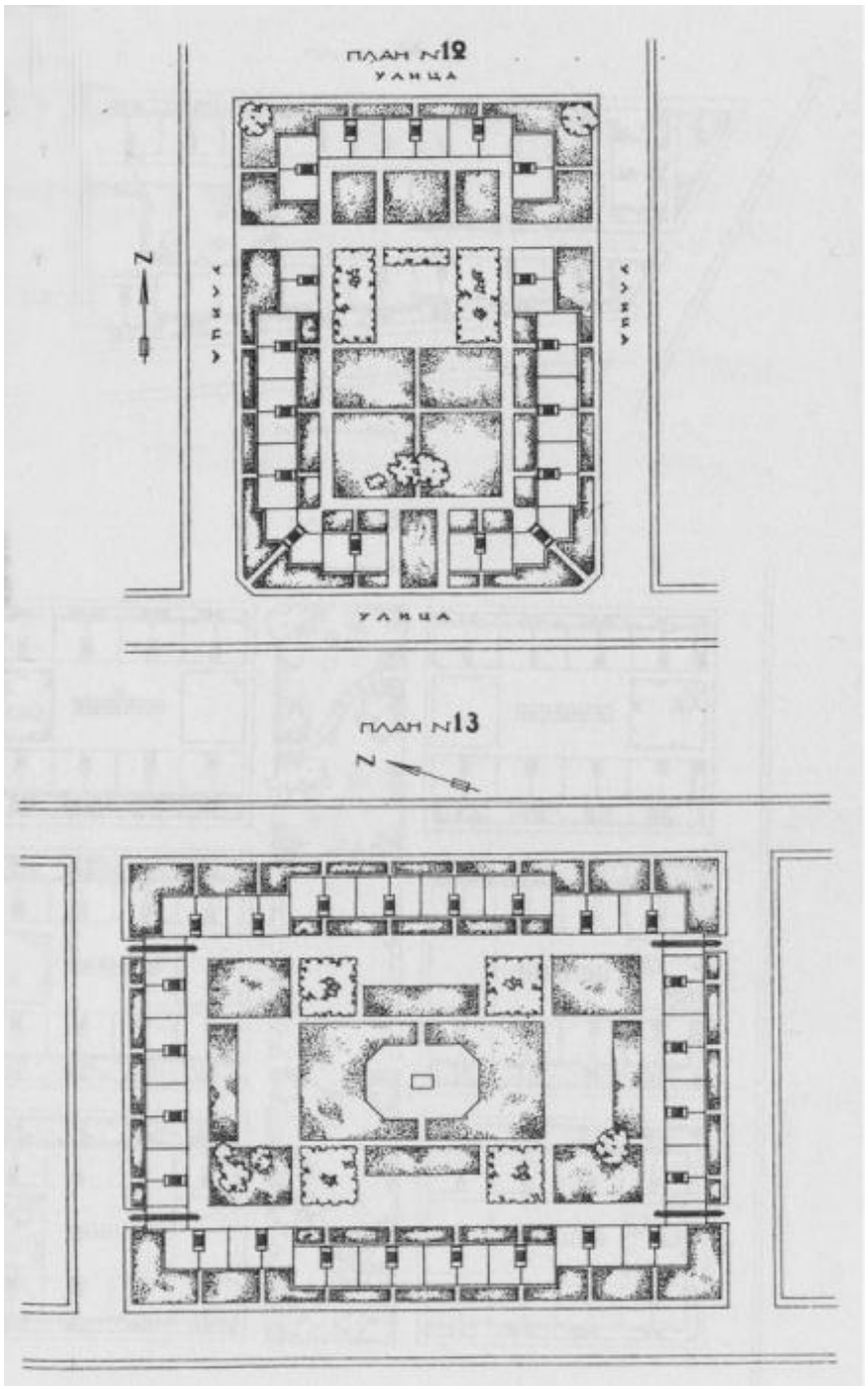

Рис. 177. Примеры застройки земельных участков и планировки самостоятельных кварталов, рекомендуемые к применению в застройке в 1930 г. Проекты. 1928–1929

В сборнике указывалось, что в «городском рабочем пригороде» допускается включение «отдельных усадеб с сельскохозяйственным уклоном (огород, содержание скота и птицы и т. п.)». То же допускалось

и в «рабочем поселке при внегородском промышленном предприятии», но оговаривалось, что такое решение «чуждо городскому плану»[540] и что подобный тип поселения является лишь временным – переходным к типу самостоятельного населенного пункта, предусматривавшего многоквартирное жилище в несколько этажей: «крупные дома в 2–3 этажа, с числом квартир не менее четырех в одном этаже, с возможной блокировкой отдельных секций в крупный жилищный объект»[541].

Типология жилища для городского и поселкового строительства, предлагавшаяся сборником, включала преимущественно два типа сооружений: а) секции жилых домов и отдельно стоящие дома с индивидуальными квартирами (изначально предусмотренными для покомнатно-посемейного заселения), б) дома коллективного проживания (казармы, общежития для рабочих, дома-коммуны). Проекты предписывали использование местных строительных материалов (дерева), а также учитывали «сниженные условия благоустройства и оборудования», то есть отсутствие централизованных технических систем и, как следствие, необходимость устройства печного отопления, кладовок для дров, выгребных люфт-клозетов, ледников коллективного пользования и отдельно стоящих туалетов, располагавшихся вне дома – на улице (рис. 181, 182).

При этом практически все «индивидуальные» квартиры в сборнике «Проекты рабочих жилищ» в полном соответствии с направленностью официальной жилищной политики проектировались таким образом, чтобы обеспечивать возможность заселения одной квартиры несколькими семьями. А так как официальная санитарная норма жилой площади на одного человека составляла в данный период около 9 кв. м на человека, то в разделе сборника, посвященном городскому строительству, указывалось, что квартиры должны отвечать нормативу заселения и поэтому «площадь отдельной комнаты нежелательна менее 9 кв. м»[542]. Однако авторы сборника знали, что в основе нормативного показателя в 9 кв. м лежит объем воздуха, необходимого для нормального ночного сна, кроме того, они прекрасно понимали, что в комнаты все равно станут заселять вовсе не по одному человеку, а по одной семье из нескольких человек. Поэтому они специально оговаривали отступление от данного нормативного требования: «так как при занятии известной жилой площади одной семьей санитарной нормой является общий объем жилого помещения (воздуха) всей

квартиры, поэтому особая точность в кратности 9 метрам для каждой комнаты не обязательна, поскольку это стесняет планировку и подчас усложняет и удорожает ее»[543]. Правда, отклонения в ту или другую сторону допускались лишь в пределах 10 %, потому что «жизненный вопрос оплаты квартирной площади не может быть исключен из сферы проектирования. Излишки в площади, если таковые не дают возможности вселения лишнего человека, являются тяжелым и необоснованным налогом на живущих и потому недопустимы…».

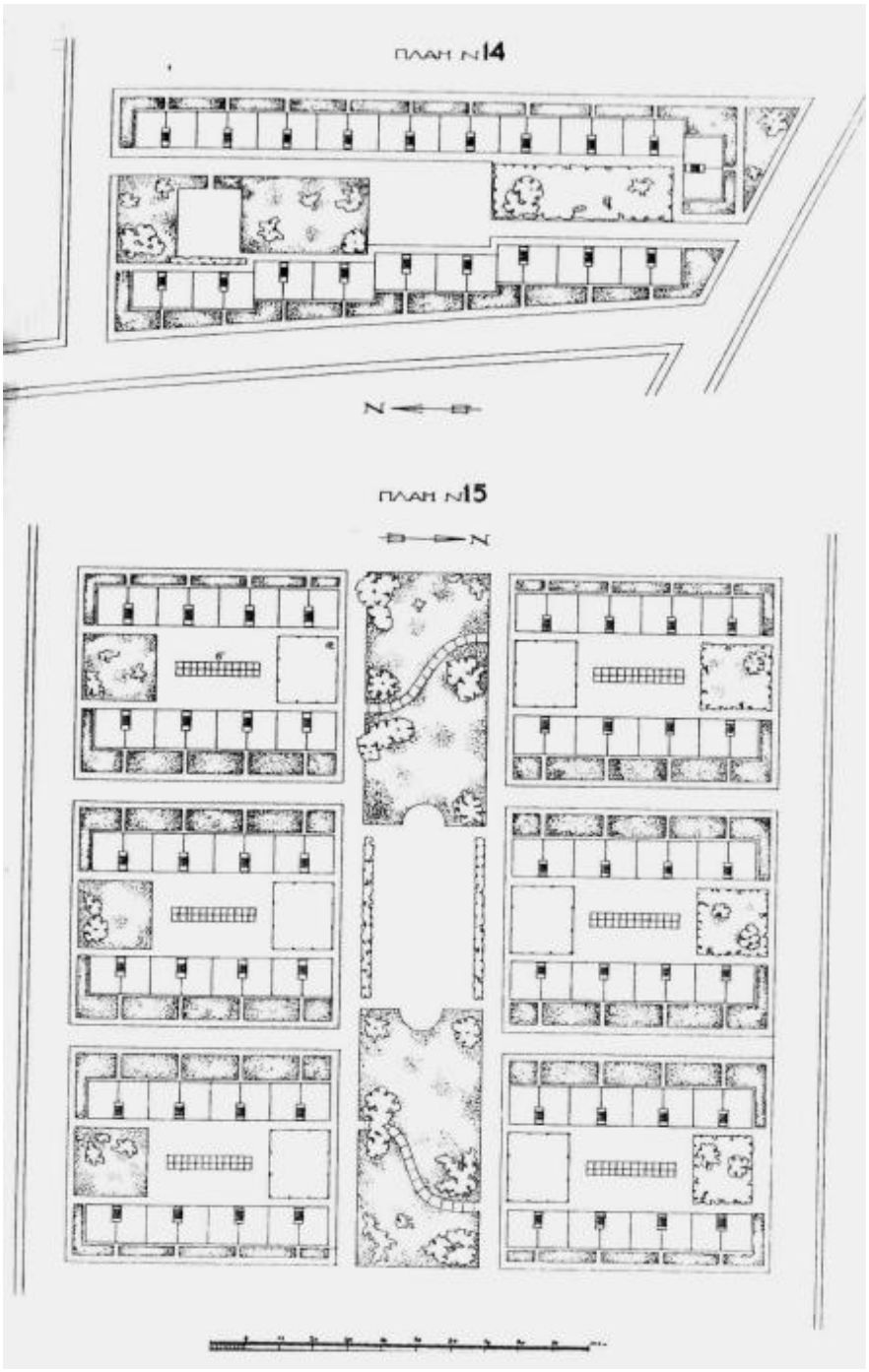

Рис. 178. Примеры застройки земельных участков и планировки самостоятельных кварталов, рекомендуемые к применению в застройке в 1930 г. Проекты. 1928–1929

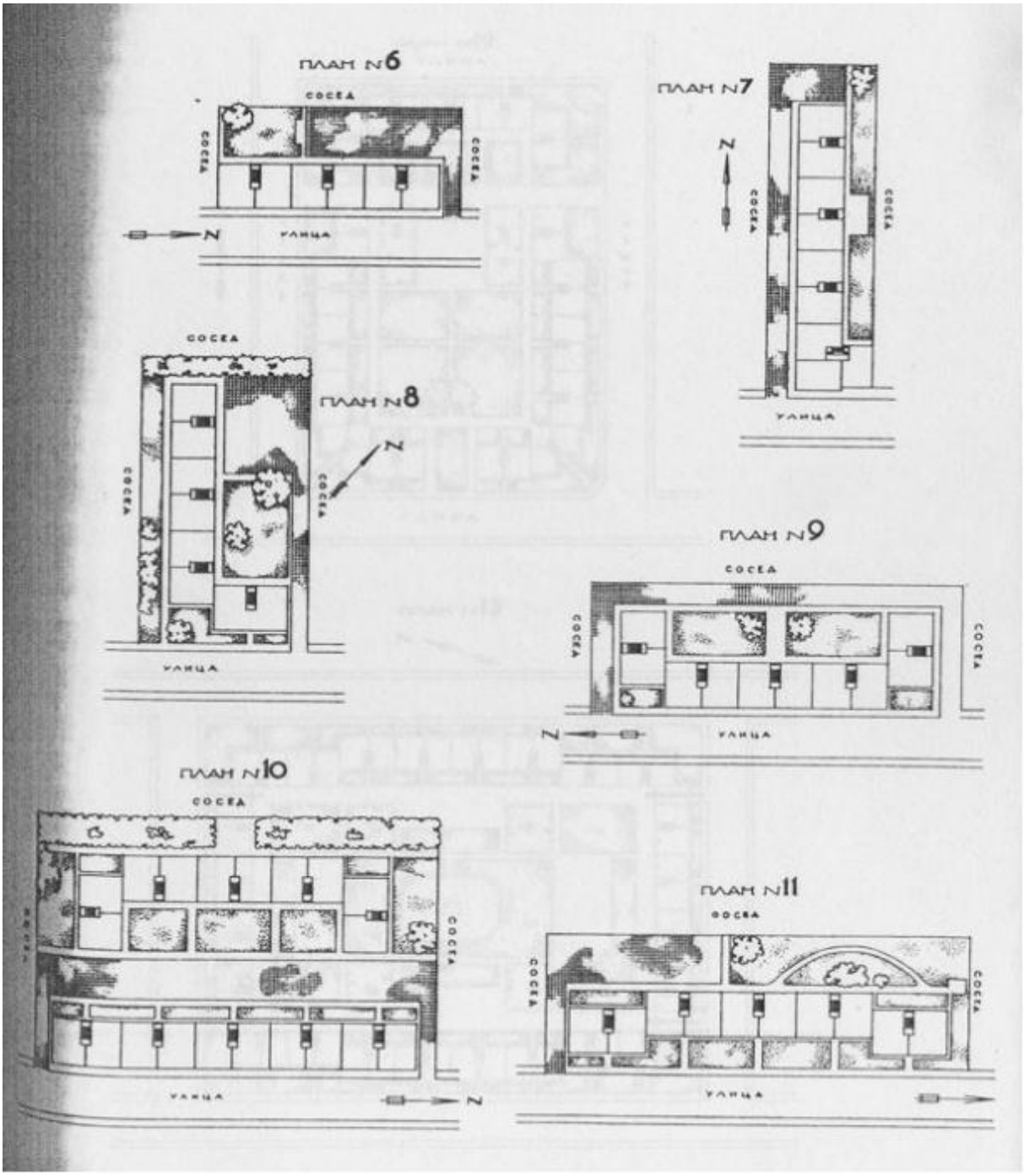

Рис. 179. Примеры застройки земельных участков и планировки самостоятельных кварталов, рекомендуемые к применению в застройке в 1930 г. Проекты. 1928–1929

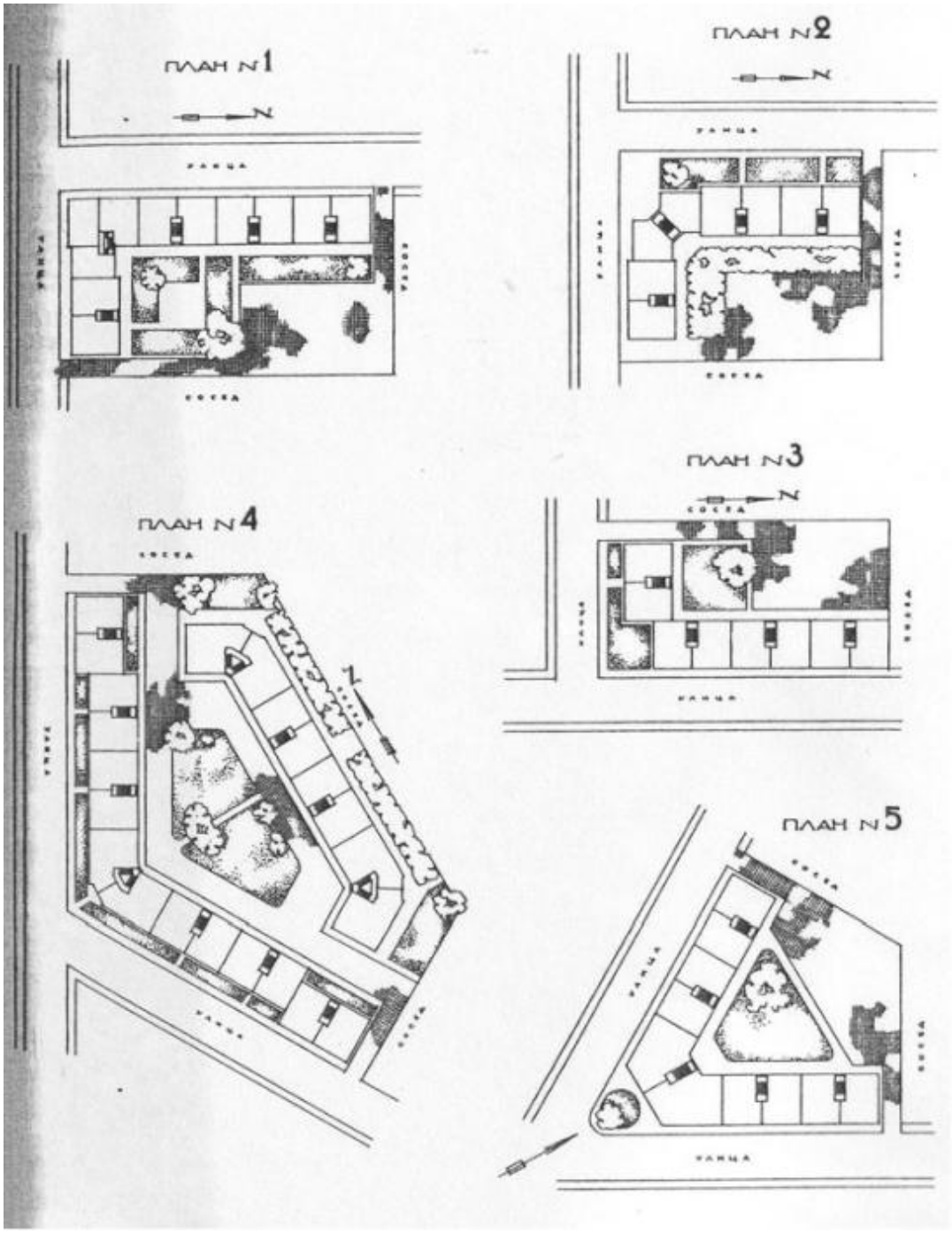

Рис. 180. Примеры застройки земельных участков и планировки самостоятельных кварталов, рекомендуемые к применению в застройке в 1930 г. Проекты. 1928–1929

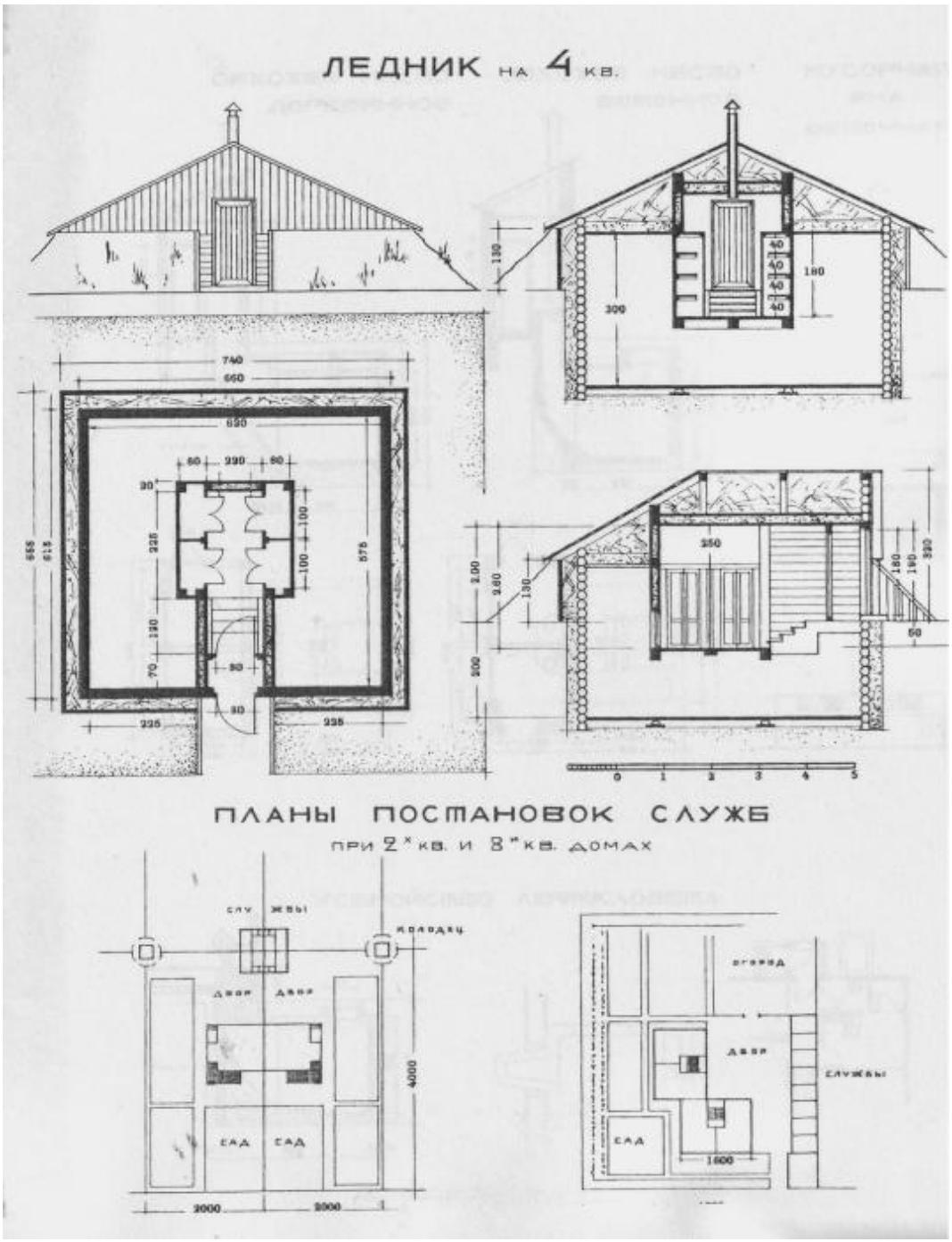

Рис. 181. Примеры устройства (в условиях отсутствия централизованных технических систем) локального печного отопления, уличных туалетов, уличных ледников коллективного пользования для хранения продуктов питания, кладовок для угля и дров и т. п. Проекты 1928–1929 гг., рекомендуемые к применению в застройке в 1930 г.

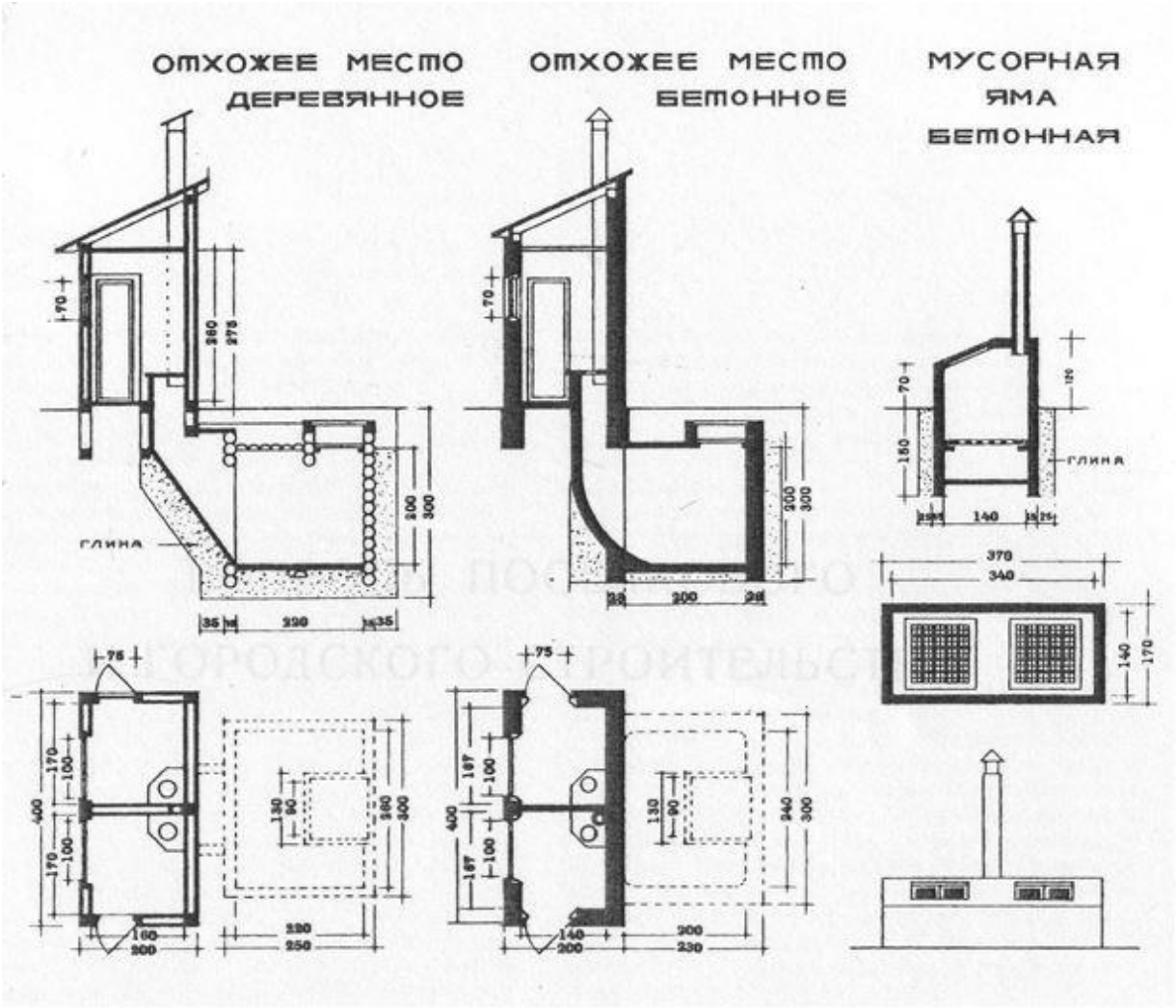

Рис. 182. Примеры устройства (в условиях отсутствия централизованных технических систем) локального печного отопления, уличных туалетов, уличных ледников коллективного пользования для хранения продуктов питания, кладовок для угля и дров и т. п. Проекты 1928–1929 гг., рекомендуемые к применению в застройке в 1930 г.

Коммунальное заселение являлось главным регулятором проектирования нового жилья: «квартира, намеченная на одну семью, должна давать возможность приспособить ее под заселение двумя семьями или выделить из нее одну из комнат для одинокого». Поэтому «необходима изоляция каждой комнаты (вход из передней или коридора) и возможность удобной и разнообразной комбинации по две комнаты в квартирах, имеющих три или четыре комнаты»[544]. В итоге 2-комнатные квартиры со средней площадью 46,81 кв.

м рассчитывались на вселение двух семей (при норме около 9 кв. м/чел.) или одной большой семьи и одинокого человека (всего 4–5 чел.), а при норме заселения 6,3–6,7 кв. м/чел. давали возможность вселять до 7 человек; 4-комнатные квартиры площадью 50,5–66,8 кв. м предполагали заселение двумя семьями (всего 6–8 чел. при норме заселения 8,4–8,6 кв. м/чел.), а при норме заселения 6,3–6,7 кв. м/чел. позволяли вселять до 10 человек.

Авторы сборника учитывали реальную обстановку в обеспеченности жилищем, которая в среднем по стране составляла в этот период 5,9 кв. м на чел.[545], но при этом сильно колебалась – от 6,3 кв. м в провинциальных городах[546] (в Москве – 5,2 кв. м[547]) до 4,5 в большинстве остальных и даже до 1,5 кв. м – в таких фабрично-заводских центрах, как Иваново-Вознесенск, Богородск, Никола-Павловск (Урал), Калужское бумажное предприятие и пр.[548] Поэтому планировки квартир, представленных в сборнике, предусматривали заселение их не только по перспективной норме в 9 кв. м, но и по текущей (так называемой временной) – 6 кв. м/чел.

В этот период, следуя постановлению «О жилищной политике», местные Советы всеми доступными им средствами подталкивали жилищные кооперативы к проектированию и строительству коммунального жилища – домов переходного типа, домов-коммун и пр., то есть домостроений с помещениями для коллективного пользования и общественного обслуживания. В определенной степени этому способствовало полученное рабоче-заводской жилищной кооперацией право целенаправленно использовать 5 % от суммы средств, ассигнованных на жилищное строительство, на постройку культурно-бытовых учреждений – детских яслей, садов, красных уголков, прочих общественных служб[549].

Жилищная кооперация, воплощавшая идеи города-сада, существовала на самой дальней периферии интересов советской власти. Ее права приносились в жертву всегда, когда оказывались в противоречии с главными целями советской градостроительной и жилищной политики – материально-производственным прагматизмом и формированием ведомственного жилого фонда для размещения трудовых ресурсов, обслуживавших промышленность. Конечно, советская власть боролась не с городом-садом как таковым, а с появлявшимся в результате реализации этой идеи вневедомственным,

«персональным» жилищем, выпадавшим из-под системы тотального контроля над людьми со стороны разветвленной системы органов, управлявших государственным жилым фондом: квартуполномоченных, старост квартир, управдомов, комендантов, домовых комитетов, районных управлений недвижимых имуществ, городских жилищных отделов и т. д.

Самим фактом своего происхождения, независимого от государственной градостроительной и жилищной политики, поселения-сады жилищной кооперации вызывали у власти большое раздражение. Как следствие, во всех тех случаях, когда появлялся предлог их ликвидировать, это делалось, невзирая на судьбы людей, остававшихся без крова. Например, кусок земли, на котором больше десяти лет располагался уже упоминавшийся нами поселок Сад-город жилищного кооператива работников Самарского железнодорожно-ремонтного завода (Сажерез), вдруг понадобился для расширения завода и строительства барачного поселка для размещения новых заводских рабочих. В 1934 г. юридическая сторона вопроса рассматривалась на уровне городских властей. В результате Самарский горисполком принял решение: «В связи… со строительством завода Сажерез прилегающие к нему площади земли поселка Сад-город являются неотъемлемыми участками завода Сажерез, и на основании постановления СНК СССР от 04.03.1929 г. договор между кооперативом «Сад-город» и городским отделом коммунального хозяйства считать расторгнутым. Закрепить участки на территории поселка Сад-город за заводом Сажерез для временного барачного и капитального строительства»[550]. И таких случаев было очень много.

Выводы

Советская власть с первых же дней радостно приняла идею Э. Говарда, но примерно через десять лет идеологически осудила ее и не только запретила к применению, но и предала полному теоретическому забвению: в 1930–1970-е гг. идея города-сада если и упоминалась в научных статьях и учебниках по градостроительству, то лишь как отрицательный пример нежизнеспособной концептуальной модели и порочный опыт градостроительной практики, не заслуживающий подражания. Однако в продолжающей до сих пор существовать ее мифологической версии, созданной еще в советский период, подлинная причина запрещения городов-садов в СССР так и не раскрыта.

Заключалась же эта причина в том, что в градостроительной политике европейских стран город-сад являлся не столько архитектурно-планировочной инновацией, сколько прежде всего нововведением организационно-финансового порядка, создававшим условия для самоорганизации малоимущих граждан в целях самостоятельного решения ими своих жилищных проблем. Он создавал такие социально-экономические основы, которые позволяли представителям бедных слоев городского населения обрести собственное частное жилище. Из подобной практической эффективности этой идеи и проистекала ее популярность. А не из живописности планировки, обилия цветочков на газонах, наличия радующих глаз рядков аккуратно подстриженных кустиков или речки, протекавшей за околицей… Какими в городах-садах будут внутрипоселковые проезды – прямолинейными или извилистыми, никакой роли не играло. Могли быть криволинейными, а могли быть и прямыми…

В удовлетворении жилищной нужды наиболее простым, эффективным и при этом предельно малозатратным способом заключалось главное содержание поселения-сада.

Постройка многоэтажных домов в европейских кооперативных городах-садах, возведенных в конце XIX в., отвергалась концептуально. В поселении-саде каждая семья, к какому бы социальному классу она ни принадлежала, получала во владение индивидуальный дом с небольшим участком земли, причем только одним. Недопущение каких

бы то ни было спекуляций с недвижимостью было основополагающим принципом существования кооперативного жилищного движения, инициированного Э. Говардом: членство в товариществе рассматривалось как способ индивидуального разрешения потребности в жилище, а не как форма бизнеса. Кроме того, для идеи города-сада ключевым было то, что она основывалась на общественном самоуправлении поселением, а также на коллективных формах собственности на землю и природные ресурсы.

В царской России при популяризации идеи города-сада внимание акцентировалось на таких внешних качествах его жилой среды, как обилие озеленения (наличие общественных парков и скверов), живописность планировки, приближенность к естественной природе (загородный характер). Однако самая важная составляющая – социально-реформаторская сторона идеи города-сада – часто игнорировалась, и поселки-сады возводились, как правило, без образования кооперативного товарищества. Они лишь именовались городами-садами, а, по сути дела, были обыкновенными пригородными дачными поселениями или прифабричными поселками, традиционными рабочими слободами, типичной селитьбой при производстве (только немного более благоустроенной и озелененной).

Жилплощадь в пригородных поселениях-садах, возводимых фабрикантами для своих рабочих, не переходила в собственность граждан, а лишь предоставлялась им в наем: права собственности оставались в руках хозяев фабрик или заводов, осуществлявших строительство рабочих поселений. Арендное жилище строилось в ведомственных прифабричных поселках лишь с одной-единственной целью – привлечь к конкретному производству трудовые ресурсы и крепко-накрепко привязать их к месту труда. Оно предназначалось исключительно для размещения только тех, кто был занят на градообразующем производстве. Как следствие (в отличие от говардовских поселений-садов), работники не становились владельцами земли и возводимой недвижимости и при увольнении в обязательном порядке должны были освобождать квартиру.

Однако советская историография об этом помалкивала. Прежде всего потому, что вся эта дореволюционно-капиталистическая картина слишком явственно походила на советскую практику функционирования ведомственного жилища: поступил на работу –

получил койко-место в общежитии; потом, после того как женился и родил ребеночка, возможно (при условии активной «общественной» деятельности), получил отдельную комнату в общаге; встал в очередь на получение отдельной квартиры; начал упорно трудиться, превратился в передовика производства и, может быть, лет этак через 15–20 получил собственное жилье (например, отдельную комнату в коммунальной квартире). А если до получения ордера почему-либо уволился – утратил право на получение собственного жилья и в обязательном порядке должен освободить площадь в общежитии.

Дореволюционные прифабричные поселения, возводимые ведомствами или частными владельцами, являлись прежде всего мощным средством управления трудовым и бытовым поведением людей, для которых угроза потерять жилье из-за плохой работы или вследствие политической активности и быть тут же выброшенным на улицу серьезно «саморегулировала» трудовое и бытовое поведение. И об этом, кстати, тоже умалчивала советская историография: очень уж разительно это совпадало с советскими реалиями обитания рабочего люда в ведомственных общежитиях, коммунальных квартирах и бараках.

Те муниципальные поселки, которые строились в дореволюционный период возле крупных городов городскими управами и звучно именовались «городами-садами», также мало соответствовали говардовской идее. Создание жилищного товарищества сводилось в них не к объединению малоимущих, а к «кооперированию дельцов» и с неизбежностью влекло спекуляцию земельными участками и, как следствие, рост стоимости жилой площади. В результате малообеспеченные рабочие и мелкие городские служащие, якобы для решения жилищных проблем которых возводились пригородные поселения-сады, не имея средств для выкупа жилья в них, оставались нанимателями жилой площади без обретения ее в собственность. Кроме того, в отличие от говардовских городов-садов, жилище в российских поселках-садах строилось не в виде отдельно стоящих домов с придомовыми участками земли, а в виде многоэтажного, многоквартирного жилого фонда. И самоуправление в них полностью отсутствовало, будучи вытесненным на периферию городской жизни – в дачные кооперативы.

Вопросы социальных преобразований в российских дореволюционных поселках-садах не решались, потому что: а) администрация городов, в границах которых создавались поселения-сады, выражала интересы крупных землевладельцев и владельцев недвижимостью, а также крупного строительного капитала, а тех интересовала лишь прибыль, значительно эффективнее извлекаемая из многоэтажного строительства, нежели от возведения отдельно стоящих индивидуальных домов; б) ведомства не были заинтересованы в реализации социального содержания, так как, передавая землю и недвижимость в собственность рабочих и служащих, они теряли рычаги управления ими; в) банковский капитал не стремился вкладывать средства в подобное жилищное строительство (гарантия возвращения денежных средств не была обеспечена существовавшим законодательством); г) царское правительство с большой осторожностью относилось к социальным инновациям подобного рода, поскольку не желало передавать крупные фрагменты городской территории в ведение местного самоуправления; д) рабочее население не было готово в массовом порядке принимать участие в самостоятельной организации и самоуправлении жилищными кооперативами.

Кстати, и на самом высоком политическом уровне восприятие идеи города-сада в дореволюционной России было очень своеобразным. Если российская либеральная общественность пропагандировала города-сады как чуть ли не единственную панацею от назревавшего социального кризиса, то царское правительство взирало на инициативы по их возведению с молчаливой опаской. Причина настороженности со стороны официальных властей заключалась в том, что в организационно-управленческом плане город-сад базировался, как мы неоднократно подчеркивали, на принципах общественного самоуправления, а самодержавная власть негативно относилась к либерально-демократическим идеям расширения общественного самоуправления. Идея города-сада – самоуправляющегося и саморазвивающегося поселения – вызывала настороженность царского правительства тем, что в случае последовательного воплощения ее социально-организационной и социально-политической составляющих именно разночинцы оказывались основным составом органов городского общественного самоуправления. Самодержавная власть не

могла допустить потери контроля над населением, позволив ему самостоятельно создавать среду обитания и независимо управлять ею, не желала утрачивать контроль над жилыми образованиями и прилегавшими к ним значительными участками земли, над системами городского жизнеобеспечения.

В итоге в царской России кооперативное движение по возведению автономных и самодостаточных пригородных поселений-садов не получило такого широкого распространения, как в европейских странах. А те российские поселения-сады, которые все же были построены, в отношении социального содержания не только не стали типологически тождественны западноевропейским городам-садам, а напротив – оказывались противоречащими их социальному замыслу.

В послереволюционный период, с 1917-го до середины 1920-х гг., говардовская концепция города-сада, с одной стороны, и советская градостроительная политика, с другой, являли собой диаметрально разные подходы к смыслу возникновения и существования поселений. Они все в большей степени вступали в противоречие друг с другом, до тех пор пока, наконец, говардовская идея не оказалась окончательно отвергнутой и вычеркнутой из арсенала средств советского градостроительства.

Суть говардовской идеи состояла в отношении к процессам жизни как сущностным – определявшим смысл возникновения населенных мест и выступавшим базисом для устройства всех механизмов повседневного функционирования и развития. Основой города-сада была кооперативная форма собственности на землю и строения. Именно она давала возможность населению осуществлять волеизъявление в отношении самостоятельных инициатив, причем не только в жилищной сфере, но и в размещении на землях кооператива мелких промышленных предприятий, обеспечивавших (за счет налоговых отчислений) поступление средств в бюджет поселения. Сколько и какой конкретно территории, под какие функции, на каких условиях можно было передавать в аренду под производство – самостоятельно решало правление кооператива, исходя из того, на какие нужды товариществу были необходимы средства и как это могло способствовать улучшению условий жизни в поселении. Жизнь и импульсы ее развития в рамках говардовской идеи являлись основополагающими и определяющими всю стратегию управления

городом-садом. «Жизнь» диктовала, какая «деятельность» ей необходима для финансового обеспечения своего развития.

Частное предпринимательство в городе-саде было основой и средством интенсификации процессов развития форм быта в социальной, культурной, обслуживающей и других сферах. Здесь сообщество жильцов самостоятельно решало, появление каких видов услуг следует стимулировать, возникновение каких форм культуры инициировать, в каком виде должны быть развернуты досуг, развлечения, отдых, спорт, образование, медицина, какие необходимо создавать условия для того, чтобы частные инициативы в этих направлениях получили бы максимально выгодные экономические условия для своего воплощения. Потребность поселения в продуктах питания обеспечивалась располагавшимися вблизи города-сада продуктовыми (мясомолочными, сельскохозяйственными и пр.) фермами. Таким образом, города-сады являлись самодостаточными, обособленными «городами без производства» – «городами-спальнями», «пригородами-садами», что в рамках советской идеологии индустриального развития трактовалось как главный недостаток данной концепции.

В рабочих поселках-садах, которые возводились советскими ведомствами возле восстанавливаемых, реконструируемых или возводимых промышленных предприятий, торфоразработок, транспортных и энергетических узлов, а также местными органами власти на периферии крупных городов для их разгрузки, все обстояло прямо противоположным образом. Рабочий поселок строился исключительно для обслуживания производства, которое, собственно, и диктовало требования к формированию определенных условий жизни. Здесь «деятельность» устанавливала, какие формы «жизни» необходимы для восстановления производительных сил. Поэтому актуальным являлось лишь то, что позволяло обеспечивать нормальное функционирование очередного трудового дня. Все остальное рассматривалось как ненужное, незначимое, второстепенное, избыточное.

Социально-управленческая парадигма рабочих поселений, проектировавшихся и возводившихся в СССР в начале – середине 1920-х гг., предполагала как обязательное условие наличие в нем промышленного ядра, и предназначение рабочего поселка, и характер

его эксплуатации были всецело определены задачами функционирования основного (так называемого градообразующего) промышленного предприятия, являвшегося элементом общегосударственной системы промышленного производства. Градостроительное проектирование, осуществляемое государственными структурами в начале и середине 1920-х гг. при мануфактурах, паровозоремонтных заводах, электростанциях, возводившихся по плану ГОЭЛРО, было неразрывно связано именно с возведением, расширением или реконструкцией градообразующего промышленного объекта.

В советских рабочих поселках и собственность на землю, и источники развития (финансовые, материальные, технологические и пр.), и механизмы управления были исключительно государственными. Это означало, что не само население, а органы государственного планирования, намечая мощность промышленного предприятия, определяли, сколько рабочих рук и какой квалификации требуется для этого предприятия; какое (в соответствии с общегосударственными нормативами) должно быть в данном поселении количество посадочных мест в столовых и кинотеатрах, койко-мест в больницах, школьных парт, кроваток в яслях и пр. и, соответственно, сколько сотрудников должно быть задействовано в системе поселкового обслуживания; каков будет бюджет населенного пункта и как его распределять.

Этим советский ведомственный рабочий поселок-сад кардинально отличался от говардовского города-сада, который, наоборот, концептуально не должен был иметь собственной градообразующей базы и, несмотря на наличие некоторого числа объектов местной обслуживающей промышленности, был лишен промышленного ядра и, как следствие, места приложения труда для подавляющей массы населения, трудящегося в близлежащем индустриальном центре, с которым город-сад связывался системой транспорта.

Архитектурно-планировочная организация советского рабочего поселения размещала производственный объект в общественном центре соцпоселка, трактуя его как «смысловой фокус» пространственно-территориальной организации жилой зоны, композиционно всецело ориентируемой на него. С начала 1920-х гг. требование влияния на композиционную структуру поселения отдельно

стоящего производственного объекта или игравшего ту же роль «объекта-заместителя» – здания органа власти (горсовета, горисполкома), административного здания (заводоуправления) или общественного сооружения (народного дома, театра, клуба и т. п.) – в проектах советских рабочих поселков являлось крайне желательным. А с конца 1920-х гг. оно приобрело силу неписаного закона.

Социалистические рабочие поселки и говардовские города-сады принципиально различались как характером собственности на землю и жилище, так и самим типом жилья. Жилье в соцпоселках было преимущественно многоквартирным, коммунального типа, с покомнатно-посемейным заселением, как правило, без индивидуальных земельных участков, но с придомовыми хозяйственными сооружениями и общественными пространствами, предназначенными для соседского общения, отдыха, любительских занятий спортом, культурно-массовых мероприятий по месту жительства и пр.

Возникновение в СССР жилищно-строительной кооперации – главного «субъекта» проектирования и возведения поселений-садов – первоначально не было плановым. Оно было стихийным. Разрешая в 1918 г. существование кооперативов потребительской кооперации, советская власть невольно создала правовые и организационные условия для самоорганизации населения в кооперативные товарищества различного рода, в том числе и в жилищно-строительные. Вводя в 1921 г. новую жилищную политику, власть невольно расширила зону экономических и правовых свобод, стимулировавших естественные тенденции объединения людей для совместного решения жилищных проблем. В итоге жилищно-строительные кооперативы оказались самостоятельными и неподконтрольными власти.

Самостоятельно возникшая советская жилищная кооперация за пять с небольшим послереволюционных лет продемонстрировала свою способность обеспечивать население жилищем в результате: а) достройки разрушенных и недостроенных сооружений; б) приспособления под жилье нежилых помещений; в) строительства новых домостроений и т. п. И тем самым она невольно превратилась в серьезную помеху организационно-управленческим усилиям партийного руководства по формированию единого общегосударственного механизма «контроля-подчинения» населения посредством жилища. Так как в рамках общегосударственной

жилищной и градостроительной политики никаких независимых от власти структур не должно было существовать, все без исключения процессы: распределения, перераспределения жилища, наказания и поощрения посредством жилища и др. – должны были сосредоточиваться и сосредотачивались исключительно в руках государства.

Самостоятельно возникавшие жилищные кооперативы, способные независимо от власти возводить для своих членов жилище и отстаивать свои права (даже в рамках формируемого властью дискриминационного жилищного законодательства), стали для нее главной проблемой, поскольку централизованные органы государственного управления не желали и не умели взаимодействовать с самоорганизующимися структурами «гражданского общества». Идеологией тотального огосударствления подобные «субъекты» осуществления градостроительной и жилищной политики предусмотрены не были.

С 1922 г. социальное, организационно-управленческое, финансово-экономическое содержание говардовской концепции города-сада идеологически начинает все более жестко и безапелляционно характеризоваться как диаметрально противоположное смыслу возникновения и характеру функционирования социалистических рабочих поселений и расцениваться как противостоящее направленности советской расселенческой и градостроительной политики. Как следствие, во второй половине 1920-х гг. понятийное содержание города-сада оказывается исключенным из официальной советской градостроительной теории и на долгие годы забытым. К концу 1920-х гг. градостроительная политика окончательно смещает приоритеты от индивидуально-кооперативной к ведомственно-государственной форме возведения поселений возле промышленных предприятий, предельно сужая зону самостоятельности кооперативного движения и тотально подчиняя ее администрации промышленных предприятий, а также отделам коммунального хозяйства на местах. Причина – стремление советских государственных органов, руководящих градостроительной политикой, не допустить в рамках единой системы расселения никакой социально-культурной и территориально-управленческой автономии поселений. Власть прилагает усилия к тому, чтобы создать такую планировочную организацию селитьбы, которая была бы способна обеспечивать

контроль над жизнью и производственной деятельностью людей. А самоорганизующиеся, самоуправляемые поселения с демократически избираемыми органами управления, самостоятельно распоряжающимися землей и недвижимостью (подобные говардовским поселкам-садам), кардинально противоречат этой задаче – противостоят концепции принудительной военно– и трудомобилизационной организации населения. Они не позволяют осуществлять в масштабе всей страны плановое перераспределение и закрепление градостроительными средствами на конкретных территориях строго посчитанного количества трудовых ресурсов, объединяемых в виде трудобытовых коллективов (в частности, рабочих и служащих градообразующих предприятий).

Список использованных сокращений

АСНОВА – Ассоциация новых архитекторов

АРУ – Ассоциация революционных урбанистов

Арх. – худ. – архитектор-художник

ВОГИ – Всероссийское общество гражданских инженеров

ВОПРА – Всероссийское общество пролетарских архитекторов

ВСНХ (СССР, РСФСР) – Высший совет народного хозяйства (СССР, РСФСР)

Втуз (завод-втуз) – высшее техническое учебное заведение

ВЦИК РСФСР – Всероссийский исполнительный комитет РСФСР

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва)

ГОЭЛРО – Государственный план электрификации России

ГУГС – Главное управление государственным строительством

ГУКХ НКВД – Главное управление коммунального хозяйства Народного комиссариата внутренних дел

ГЭУ ВСНХ – Главное экономическое управление ВСНХ

ЖАКТ – жилищно-арендное кооперативное товарищество

ЖСКТ – жилищно-строительное кооперативное товарищество

ИН – индивидуальное (квартира, предназначенная для индивидуального заселения)

Инж. – инженер

ИНКО – индивидуально-коллективное (квартира, предназначенная для покомнатно-посемейного заселения)

ИНОРС – иностранные рабочие и специалисты

КБО – культурно-бытовое обслуживание

КО; КОЛ – квартира коллективного заселения

Комгоссор – Комитет государственных сооружений

Крайисполком – краевой исполнительный комитет

МАО – Московское архитектурное общество

МКХ – Московское управление коммунального хозяйства

МСРК и КД – Московский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

МТС – машинно-тракторная станция

МУНИ – Московское управление недвижимым имуществом

НКВД УССР – Народный комиссариат внутренних дел Украинской ССР

НКВМД – Народный комиссариат по военным и морским делам

НКЗ – Народный комиссариат земледелия

НКЗдрав – Народный комиссариат здравоохранения

НККХ – Народный комиссариат коммунального хозяйства

НКП – Народный комиссариат просвещения

НКПрод – Народный комиссариат продовольствия

НКПС – Народный комиссариат путей сообщения

НКТ (НКТруд) – Народный комиссариат труда

НКТорг – Народный комиссариат торговли

НКТП – Народный комиссариат тяжелой промышленности

НКФ – Народный комиссариат финансов

НКЮ – Народный комиссариат юстиции

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление

ОЖСКТ – общегражданское жилищно-строительное кооперативное товарищество

ОМХ МУС – Отдел местного хозяйства Московского управления строительством

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

РГАЭ – Российский государственный архив экономики

РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд

РЖСКТ – рабочее жилищно-строительное кооперативное товарищество

РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия

РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований

САСШ – Соединенные Штаты Америки

СНК (СССР, РСФСР) – Совет народных комиссаров (СССР, РСФСР)

Совет РК и КД – Совет рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов

СталГРЭС – Сталинградская государственная районная электростанция

СТО – Совет труда и обороны

СЗ СССР – Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР

СУ РСФСР – Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР

ТЭЦ – тепло-энергоцентраль (тепловая электростанция)

УАЗ – Уральский алюминиевый завод

Угорсельстрой – Управление городского и сельского строительства

УМЗ – Уральский механический завод

УЭМК – Уральский электро-механический комбинат

ФЗС – фабрично-заводская семилетка

ЦИК (СССР) – Центральный исполнительный комитет СССР

ЧГРЭС – Челябинская государственная районная электростанция

ЧТЗ – Челябинский тракторный завод

ШУМП – школа ученичества массовых профессий

ЭКОСО – Экономическое совещание при СНК РСФСР

Источники иллюстраций

Рис. 1. Город-сад. Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Город-сад (последнее посещение 10.04.2014).

Рис. 2. Недостроенные города [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://copypast.ru/2010/11/29/nedostroennye_goroda_3_foto.html – на рус. яз.

Рис. 3. Афанасьев Г. Города-сады будущего [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://method-estate.com/archives/2754 (последнее посещение 10.04.2014).

Рис. 4. Диканский М. Борьба за здоровое жилище. М.: Центральное управление печати ВСНХ СССР, 1925. 94 с., с. 17.

Рис. 5. Города-сады и пригороды-сады [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://townevolution.ru/books/item/f00/s00/z0000016/st007.shtml (дата обращения 19.03.2014).

Рис. 6. Там же.

Рис. 7. Уличный информационный стенд. Фото М. Г. Мееровича. 2008.

Рис. 8. Глазырин В. А. Поселки-сады и поселки на путях сообщения // Сборник Ленинградского института инженеров путей сообщения им. Я. Э. Рудзутака. Вып. XCVII: Железнодорожный транспорт и военные сообщения. Л.: Издание Ленинградского института путей сообщения, 1928. 258 с., с. 83–122, 93.

Рис. 9. Мижуев П. Г. Сады-города и жилищный вопрос в Англии. Пг.: Новое время. 1916. 496 с.

Рис. 10. Там же.

Рис. 11. Современное жилищное строительство на Западе. Составлено по материалам, собранным делегацией Московского Совета раб., кр. и кр. депутатов. М.: Новая Москва, 1925. 358 с., с. 11–13.

Рис. 12. Там же, с. 16–17.

Рис. 13. Там же, с. 11.

Рис. 14. Там же, с. 14.

Рис. 15. Прейс П. В. Планировка городов и поселков. М. – Л.: Московское акционерное издательское общество, 1927. 158 с., с. 72.

Рис. 16. Там же, с. 110.

Рис. 17. Там же, с. 73.

Рис. 18. Там же, с. 109.

Рис. 19. Там же, с. 110.

Рис. 20. Предоставлено С. С. Левошко.

Рис. 21. Меерович М. Г. Рождение и смерть города-сада: градостроительная политика в СССР. 1917–1926 гг. (от идеи поселения-сада к советскому рабочему поселку). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. 340 с., с. 47.

Рис. 22. Там же, с. 52.

Рис. 23. Там же.

Рис. 24. Дадонов В. Социализм без политики. Города-сады будущего в настоящем. М.: Тип. Кушнерев и К°, 1913. 120 с., с. 112.

Рис. 25. Предоставлено И. В. Захаровой.

Рис. 26. Меерович М. Г. Рождение и смерть города-сада: градостроительная политика в СССР. 1917–1926 гг. (от идеи поселения-сада к советскому рабочему поселку). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. 340 с., с. 57–58.

Рис. 27. Глазырин В. А. Поселки-сады и поселки на путях сообщения // Сборник Ленинградского института инженеров путей сообщения им. Я. Э. Рудзутака. Вып. CII: Железнодорожный транспорт и военные сообщения. Л.: Издание Ленинградского института путей сообщения, 1929. 214 с., с. 119–150, 145.

Рис. 28. Там же, с. 146.

Рис. 29. Там же, с. 147.

Рис. 30. Там же, с. 97–98.

Рис. 31. Там же.

Рис. 32. Там же, с. 116.

Рис. 33. Там же, с. 117.

Рис. 34. Там же, с. 146.

Рис. 35. Там же, с. 100–104.

Рис. 36. Там же, с. 113, 119–150.

Рис. 37. Ежегодник Общества архитекторов-художников. Л.: Издание Общества архитекторов-художников. 1927 Вып. 12. 211 с., с. 85.

Рис. 38. Баландин С. Н., Смирнова Е. А. Города-сады в Сибири. Новосибирск, отдельный оттиск. 1985. 12 с., с. 4.

Рис. 39. Там же, с. 12.

Рис. 40. Предоставлено С. С. Левошко.

Рис. 41. К вопросу об устройстве жилых поселков для служащих и рабочих на торфяных разработках // Бюллетени Главного торфяного комитета ВСНХ. 1918. № 3–5. С. 77–92.

Рис. 42. Там же.

Рис. 43. Там же.

Рис. 44. Там же.

Рис. 45. Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы / отв. ред. К. Н. Афанасьев, сост., автор статей и примечаний В. Э. Хазанова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 251 с., с. 115.

Рис. 46. Там же, с. 109.

Рис. 47. Конкурсы МАО. 1923–1926. М., 1927. С. 68.

Рис. 48. Стадников В. Э. Город Куйбышев: Безымянка – градостроительный прагматизм в рамках доктрины «города-ансамбля» сталинского времени [Электронный ресурс] / В. Э. Стадников // Архитектон: известия вузов. 2011. № 1. Режим доступа: http://archvuz.ru/numbers/2011_4/08 (дата обращения 10.03.2014).

Рис. 49. Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 252 с., с. 118.

Рис. 50. Там же, с. 116–117.

Рис. 51. Там же.

Рис. 52. Боровой А. А. Планировка городов Московской области. Работы сектора планировки Московского областного проектного треста за 1925–1933 гг. М.: Госстройиздат, 1933. 224 с., с. 188.

Рис. 53. Там же, с. 189.

Рис. 54. Гуревич С. А. Обзор жилищно-коммунального дела в Москве и деятельность Московской жилищно-санитарной инспекции и Секции коммунальной санитарии в 1922 г. М.: Издание Санитарной части М.О.З., 1923. 80 с., с. 24.

Рис. 55. Ежегодник Московского архитектурного общества. 1928. № 5. 140 с., с. 72.

Рис. 56. Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 252 с., с. 58.

Рис. 57. Рабочие жилища. Примерные проекты архитекторов: Л. А. Веснина, К. А. Грейнер, А. К. Иванова, А. Иваницкого, В. Д. Кокорина, Н. Я. Колли, Б. А. Коршунова, Э. И. Норверт, Н. Чайковского, С. Е. Чернышева. Л.: Гос. тип. им. И. Федорова. 18 с. с прилож.

Рис. 58. Там же.

Рис. 59. Там же.

Рис. 60. Там же.

Рис. 61. Там же.

Рис. 62. Боровой А. А. Планировка городов Московской области. Работы сектора планировки Московского областного проектного треста за 1925–1933 гг. М.: Госстройиздат, 1933. 224 с., с. 194.

Рис. 63. Там же, с. 186.

Рис. 64. Невзгодин И. В. Конструктивизм в архитектуре Новосибирска. Новосибирск: Издательство ФГБОУ ВПО «Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия», 2013. 220 с., с. 38.

Рис. 65. Там же.

Рис. 66. Ковырино [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kovyrino.ucoz.ru/publ/2–1–0–66 (дата обращения 19.05.2014).

Рис. 67. Глазырин В. А. Поселки-сады и поселки на путях сообщения // Сборник Ленинградского института инженеров путей сообщения. Вып. CII: Железнодорожный транспорт и военные сообщения. Л.: Издание Ленинградского института путей сообщения, 1929. 214 с., с. 119–150, 131.

Рис. 68. Там же.

Рис. 69. Там же, с. 140.

Рис. 70. Там же, с. 63.

Рис. 71. Там же, с. 141.

Рис. 72. Там же, с. 140.

Рис. 73. Там же, с. 143.

Рис. 74. Конышева Е. В. Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х – 1930-х гг. в контексте развития советского зодчества: монография. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2005. 256 с.: ил.

Рис. 75. Боровой А. А. Планировка городов Московской области. Работы сектора планировки Московского областного проектного треста за 1925–1933 гг. М.: Госстройиздат, 1933. 224 с., с. 183.

Рис. 76. Там же, с. 179–181.

Рис. 77. Современное строительство Германии. Первая заграничная экскурсия инженеров-строителей и архитекторов. М.: Гостехиздат, 1929. 224 с., с. 10.

Рис. 78. Фото М. Г. Меерович. 2006.

Рис. 79. Фото М. Г. Меерович. 2006.

Рис. 80. Выставка Ernst May. 1886–1970. Deutsches Architekturmuseum, Frankfurt am Main, 2011.

Рис. 81. Ernst May und das Neue Frankfurt. 1925–1930. Berlin, 1986. S. 116.

Рис. 82. Фото М. Г. Меерович. 2011.

Рис. 83. Современное строительство Германии. Первая заграничная экскурсия инженеров-строителей и архитекторов. М.: Гостехиздат, 1929. 224 с.

Рис. 84. Олейников П. П. Архитектурное наследие Сталинграда [Текст] / П. П. Олейников. Волгоград: Издатель, 2012. 560 с.: ил., с. 14.

Рис. 85. Там же, с. 30.

Рис. 86. Орельская О. В. Архитектура г. Балахны 20–30-х гг. XX в. // Вестник Волгогр. гос. архит. – строит. ун-та. Сер. Стр-во и архит. 2013. Вып. 31(50). Ч. 1: Города России. Проблемы проектирования и реализации. С. 291–299, 294.

Рис. 87–101. Марковников Н. Планировка и благоустройство поселков. М.: Изд-во Центржилсоюза, 1931. 103 с.

Рис. 102. Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 252 с., с. 112.

Рис. 103. Там же, с. 116.

Рис. 104. Там же.

Рис. 105–119. Рабочие жилища. Примерные проекты архитекторов: Л. А. Веснина, К. А. Грейнер, А. К. Иванова, А. Иваницкого, В. Д. Кокорина, Н. Я. Колли, Б. А. Коршунова, Э. И. Норверт, Н. Чайковского, С. Е. Чернышева. Л.: Гос. тип. им. И. Федорова. 18 с. с прилож.

Рис. 120. Лансере Н. Е. Примеры проектирования нового жилищного строительства в СССР / Справочник по жилищному строительству. М.: Двигатель, 1926. 466 с. с прилож., с. 183–216, 189.

Рис. 121. Рабочее жилищное строительство. М.: Издание Моссовета РКиКД, 1924. 121 с., с. 10–52–95.

Рис. 122. Лансере Н. Е. Примеры проектирования нового жилищного строительства в СССР / Справочник по жилищному строительству. М.: Двигатель, 1926. 466 с. с прилож., с. 183–216, 187.

Рис. 123. Там же.

Рис. 124. Справочник по жилищному строительству. М.: Двигатель, 1926. 466 с. с прил., с. 183–216, 185.

Рис. 125. Там же, с. 184; Шасс Ю. Архитектура жилого дома. Вып. 1: Поселковое строительство 1918–1948 годов. М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1951. 200 с., с. 10.

Рис. 126. Шасс Ю. Архитектура жилого дома. Вып. 1: Поселковое строительство 1918–1948 годов. М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1951. 200 с., с. 11.

Рис. 127. Рабочее жилищное строительство. М.: Издание Моссовета РКиКД, 1924. 121 с., с. 62.

Рис. 128. Там же, с. 63.

Рис. 129. Там же.

Рис. 130. Там же.

Рис. 131. Там же, с. 76, 78.

Рис. 132. Бархина А. Г. Г. Б. Бархин. М.: Стройиздат, 1981. 175 с., с. 34.

Рис. 133. Рабочее жилищное строительство. М.: Издание Моссовета РКиКД, 1924. 121 с., с. 10.

Рис. 134. Там же, с. 52.

Рис. 135. Производительные силы. Искусство, промышленность и торговля СССР. Л.: Издание Академии художеств, 1927. Ч. II. 445 с., с. 361.

Рис. 136. Там же, с. 363.

Рис. 137. Покшишевский С. Жилище и шахта // Сорегор. 1932. № 5–6. С. 47–50, 49.

Рис. 138. Шасс Ю. Архитектура жилого дома. Вып. 1: Поселковое строительство 1918–1948 годов. М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1951. 200 с., с. 14.

Рис. 139. Лансере Н. Е. Примеры проектирования нового жилищного строительства в СССР / Справочник по жилищному строительству. М.: Двигатель, 1926. 466 с. с прилож., с. 183–216, 199.

Рис. 140. Там же, с. 198.

Рис. 141. Там же, с. 187.

Рис. 142. Олейников П. П. Архитектурное наследие Сталинграда [Текст] / П. П. Олейников. Волгоград: Издатель, 2012. 560 с.: ил., с. 32.

Рис. 143. Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М., 1929. 270 с., с. 231.

Рис. 144. Там же, с. 24.

Рис. 145. Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 252 с., с. 12.

Рис. 146. Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М., 1929. 270 с., с. 117.

Рис. 147. Там же, с. 121.

Рис. 148. Рабочее жилищное строительство. М.: Издание Моссовета РКиКД, 1924. 121 с., с. 77, 78.

Рис. 149. Там же, с. 65.

Рис. 150. Красин Г. Рабочее жилищное строительство в Москве и пути его удешевления (по практике Московского Совета) // Строительная промышленность, 1927. № 9. С. 601–606, 602.

Рис. 151. Там же.

Рис. 152. Там же, с. 603.

Рис. 153. Там же, с. 604–605.

Рис. 154. Там же.

Рис. 155. Там же, с. 605.

Рис. 156. Ежегодник Московского архитектурного общества. 1928. № 5. 140 с., с. 109.

Рис. 157. Там же, с. 111.

Рис. 158. Там же, с. 113.

Рис. 159. Вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле (проект). Л.: Издание Государственного института по проектированию новых металлозаводов, 1927. 184 с. с прилож., вклейка, с. 43.

Рис. 160. Там же.

Рис. 161. Магнитогорский металлургический завод (проект). Л.: Издание Государственного института по проектированию новых металлозаводов, 1929. 720 с., с. 1.

Рис. 162. Там же, приложение.

Рис. 163. Иванов А. К. О жилищном строительстве промышленных предприятий (по поводу «Альбома типов жилых домов) // Строительная промышленность. 1928. № 6–7. С. 448–451, 449.

Рис. 164. Там же, с. 451.

Рис. 165. Там же.

Рис. 166. Там же, с. 450.

Рис. 167. Там же.

Рис. 168. Татаринов Е. Типы жилых домов на Украине // Строительная промышленность. 1928. № 11–12. С. 844–847, 845.

Рис. 169. Там же.

Рис. 170. Там же.

Рис. 171. Там же.

Рис. 172. Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М., 1929. 270 с., с. 22–67.

Рис. 173. Там же, с. 29.

Рис. 174. Там же.

Рис. 175. Там же, с. 45.

Рис. 176. Там же, с. 53.

Рис. 177. Там же, с. 75, 77, 79, 101.

Рис. 177. Там же.

Рис. 178. Там же.

Рис. 179. Там же.

Рис. 180. Там же.

Рис. 181. Там же, с. 127, 129, 135, 225, 227, 229, 231.

Рис. 182. Там же.

---

notes

Примечания

1

Бархин Г. Б. Современные рабочие жилища. Материалы для проектирования и плановых предположений по строительству жилищ. М.: Вопросы труда, 1925. 86 с.; *Верезубов И. И.* Благоустройство селений и кооперация. М.: Новая деревня, 1925. 80 с.; *Виленц-Горовиц Е. В.* Из области жилищного вопроса в Германии (законодательство, инспекция, строительство). М., Отдельный оттиск. Б. г. 20 с.; *Глазырин В. А.* Поселки-сады и поселки на путях сообщения. Л., 1928–1929. Вып. 1, 2. 71 с.; *Диканский М. Г.* Борьба за рабочее жилище. М.: Центральное управление печати ВСНХ СССР, 1925. 93 с.; *Кожаный П.* Рабочее жилище и быт. М.: ВЦСПС, 1924. 80 с.; *Мачинский В. Д.* Рабочий поселок. М.: ГУКХ НКВД, 1925. 136 с.; и др.

2

Алешин В. Э. Развитие представления о социалистическом поселении в градостроительстве Украины в 1920-х – начале 1930-х годов: дис… канд. арх. наук [Электронный ресурс]. Киев, 1985. Режим доступа: http://www.alyoshin.ru/Files/diss/al_diss_07.html#ktz (дата обращения 10.05.2010); *Косенкова Ю. Л.* Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов: От творческих поисков к практике строительства. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 440 с.; *Левошко С. С.* К истории градостроительства России на Дальнем Востоке на рубеже XIX – XX вв. (тема «городов-садов») // Вестник ДВО РАН. 2004. № 2. С. 17–29; *Хазанова В. Э.* Советская архитектура первых лет Октября. 1917–1925 гг. М.: Наука, 1970. С. 44; *Хмельницкий Д. С.* Архитектура Сталина. Психология и стиль. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 559 с.; *Ружже В. Л.* Градостроительные взгляды архитектора Л. Н. Бенуа // Архитектурное наследство. 1955. № 7. С. 67–86.

3

Бочаров Ю. П., Хан-Магомедов С. О. Николай Милютин. М.: Архитектура, 2007. 80 с.; *Хан-Магомедов С. О.* Архитектура советского авангарда: в 2 кн. Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. М.: Стройиздат, 1996. 709 с.; *Хан-Магомедов С. О.* Архитектура советского авангарда: в 2 кн. Кн. 2: Социальные проблемы. М.: Стройиздат, 2001. 712 с.; *Хайт В. Л.* Объективное и субъективное в истории архитектуры и в ее изучении: факт и интерпретация // Архитектура. 2001. № 2. С. 98–101; и др.

4

Бородкин Л. И., Максимов С. В. Крестьянские миграции в России / СССР в первой четверти XX в.: макроанализ структуры миграционных потоков // Отечественная история. 1993. № 5. С. 124–143; *Красильников С. А.* Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003. 288 с.; и др.

5

Владимиров В. В., Наймарк Н. И. Проблемы развития теории расселения в России. М.: Едиториал УРСС, 2002. 197 с. и др.

6

Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 271 с. и др.

7

Говоренкова Т. М., *Славин Д. А.* Жилищно-арендная кооперация. Опыт Новой экономической политики и возможность применения его в современной России. М., 2002 [рукопись]. С. 45; *Казусь И. А.* Советская архитектура 1920-х гг.: организация проектирования. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 464 с.; и др.

8

Баландин С. Н. Новосибирск. История градостроительства. 1893–1945. Новосибирск: Зап. – Сиб. кн. изд-во, 1978. 135 с.; *Баландин С. Н., Смирнова Е. А.* Города-сады в Сибири. Новосибирск: Известия высших учебных заведений. Строительство и архитектура (отдельный оттиск), 1985. 12 с.; *Конышева Е. В.* Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х – 1930-х гг. в контексте развития советского зодчества. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2005. 256 с.; *Орельская О. В.* Архитектура г. Балахны 20–30-х гг. XX в. // Вестник Волгогр. гос. архит. – строит. ун-та. Сер. Стр-во и архит. 2013. Вып. 31 (50). Ч. 1: Города России. Проблемы проектирования и реализации. С. 291–299; *Она же.* Новые идеи в градостроительстве 1920–1930-х годов и первый практический опыт в строительстве соцгородов. На примере соцгорода Автозавода в Нижнем Новгороде // Градостроительство. 2009. № 4. С. 44–49; *Селиванова А. Н.* Творческие поиски в теории и практике советской архитектуры 1930-х годов: дис… канд. арх. наук. М., 2009. 252 с.; и др.

В частности, в трудах С. Баландина, Е. Борисовой, Т. Каждан, Е. Кириченко, С. Левошко, В. Ружже, Е. Смирновой и др.

10

Данный факт фиксировался (см.: *Хазанова В. Э.* Опыт изучения истории советской архитектуры. 1917–1932 гг.: автореф. дис… докт. иск. М., 1996), но причины его не были раскрыты.

11

Ананьич Б. В., *Кобак А. В.* «Города-сады» в России в начале XX в. // Культура городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков. Международный коллоквиум: научные доклады. 14–17 июня 2004. 8 с.: [рукопись]; *Афанасьев Г.* Города-сады будущего [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://method-estate.com/archives/2754 (дата обращения 10.04.2014); Городок Социалистический – Рабочий поселок в Мотовилихе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://anastasyamalt.livejournal.com/2333.html (дата обращения 10.04.2014); *Егорова Т. Ю.* Эволюция города-сада в градостроительной практике Западной Сибири: первая треть XX в.: дис… канд. иск. Барнаул, 2006. 262 с.; *Степанская Т. М.* Сад в сибирском городе XIX – начала XX столетия // Современное историческое сибиреведение: сб. науч. ст. / под ред. Ю. М. Гончарова. Барнаул: Азбука, 2005. С. 323–328; *Пойдина Т. Н.* Садово-парковое строительство в сибирском городе: дис… канд. иск. Барнаул, 2006. 207 с.; и др.

12

Бунин А. В., Саваренская Т. В. История градостроительного искусства: в 2 т. М.: Стройиздат, 1979. Т. 2. 406 с.; Город-сад // Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Город-сад (дата обращения 10.04.2014); *Егорова Т. Ю.* Эволюция города-сада в градостроительной практике Западной Сибири: первая треть XX в.: дис… канд. иск. Барнаул, 2006. 262 с.; Здесь будет город-сад? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eponim2008.livejournal.com/19416.html (дата обращения 10.04.2014); Планировочные схемы города-сада [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://architecturehistory.ru/zapadnoe-gradostroitelstvo-19-veka/planirovochnye-sxemy-goroda-sada.html (дата обращения 10.04.2014).

13

Подробнее см.: *Меерович М. Г.* Рождение и смерть советского города-сада [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://archi.ru/lib/e_publication_for_print.html?id=1850569462 (дата обращения 28.02.2016).

14

«Техническая энциклопедия» издавалась с 1927 по 1934 г. Всего вышло в свет 26 томов (Техническая энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.twirpx.com/files/encyclopedia/tehnicheskaya_enciklopediya (дата обращения 29.04.2014).

15

Город-сад // Техническая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1929. Т. 5. С. 785–787.

16

Белоусов В., Смирнова О. В. В. Н. Семенов. М.: Стройиздат, 1980. С. 5. (Мастера архитектуры).

17

Там же. С. 8.

18

Бунин А. В., Саваренская Т. В. История градостроительного искусства. М.: Стройиздат, 1971. Т. 2. С. 34.

19

См. подробнее: *Меерович М. Г.* Рождение и смерть города-сада: действующие лица и мотивы убийства // Вестник Евразии. 2007. № 1. С. 118–166.

20

См. подробнее: *Он же.* От города-сада к социалистическому поселку-саду. Государственная градостроительная политика в СССР в начале – середине 1920-х гг. // Проект Байкал. 2006. № 7. С. XXX–XXXIX.

21

Подробнее см.: *Меерович М. Г.* Рождение и смерть города-сада // Зодчий. 21 век. 2006. № 1 (21). С. 12–15.

Единственным исключением является статья, посвященная анализу социально-экономического содержания идеи города-сада*: Говоренкова Т., Жуков А., Савин Д., Чуев А.* Что такое города-сады [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://socpolitika.ru/rus/social_policy_research/analytics/document6195_print.shtml (дата обращения 20.03.2014).

23

Преимуществам кооперативных форм объединения людей для совместного разрешения ими жилищной проблемы посвящены издававшиеся до революции книги М. Г. Диканского: Жилищная нужда и строительные товарищества. Харьков, 1908; *Он же*. Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. СПб., 1908; и др.

24

Извлечение из устава Берлинского строительного товарищества (цит. по кн.: *Диканский М. Г.* Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. СПб., 1908). С. 218.

25

Там же. С. 218.

26

Извлечение из устава Берлинского строительного товарищества. С. 216.

27

звлечение из устава Берлинского строительного товарищества. С. 212–216.

28

Уставы Берлинского строительного товарищества и Дрезденского общеполезного строительного союза (см.: *Диканский М. Г.* Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. СПб., 1908).

29

Извлечение из устава Берлинского строительного товарищества. С. 218–219.

30

Извлечение из устава Берлинского строительного товарищества. С. 214.

31

Конышева Е. В. Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х – 1930-х гг. в контексте развития советского зодчества. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2005. 256 с.

32

Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. Л.: Наука, 1984. 260 с.

33

Там же. С. 246–247.

34

Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX – начала XX в. / под общ. ред. Е. И. Кириченко. М.: Прогресс-Традиция, 2003. Кн. 2. 560 с.

35

Там же. С. 372.

36

Русское градостроительное искусство… С. 371; *Левошко С. С.* К истории градостроительства России на Дальнем Востоке на рубеже XIX – XX вв. (тема «городов-садов») // Вестник ДВО РАН. 2004. № 2. С. 17–29.

37

Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. Л.: Наука, 1984. С. 244.

38

Там же. С. 245.

39

СУ РСФСР. 1922. № 53. Ст. 675.

40

Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. Л.: Наука, 1984. С. 245.

41

Там же.

42

Прейс П. В. Планировка городов и поселков. М.; Л.: Моск. акц. изд. об-во, 1927. 158 с.

43

См.: Зодчий. 1904. № 17. С. 209.

44

Протопопов Д. Города будущего // Городское дело. 1909. № 18. С. 913.

45

Енш А. Города-сады // Зодчий. 1910. № 30. С. 307–310; № 31. С. 319–323; № 32. С. 327–330; № 33. С. 335–338; № 34. С. 345–348; № 35. С. 353–354.

Howrd Eb. To-morrow. London, 1898.

47

Говард Э. Города будущего. СПб., 1911.

Fritsch T. Die Stadt der Zukunft. Leipzig, 1896.

49

См.: Городское дело. 1911. № 18. С. 1348–1349.

50

Борисова Е. А., Каждан Т. П. Русская архитектура конца XIX – начала XX века. М., 1971. С. 75; *Близнакова М.* Советское жилищное строительство в годы эксперимента: 1918–1933 годы // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. М., 2001.

51

См.: Городское дело. 1911. № 18. С. 1348–1349.

52

Дадонов В. Социализм без политики. Города-сады будущего в настоящем. М., 1913.

53

Мижуев П. Г. Сады-города и жилищный вопрос в Англии. Пг., 1916.

54

Города-сады. Идея Говарда. Село Тайнинское Московской губернии. Б. г. 18 с.

55

Там же. С. 1.

56

Левошко С. С. К истории градостроительства России на Дальнем Востоке на рубеже XIX – XX вв. (тема «городов-садов») // Вестник ДВО РАН. 2004. № 2. С. 17–29.

57

Так, в 1910 г. в имении Щербатовых в Полтавской губернии А. В. Щусев проектирует поселок-сад для детей-сирот.

58

Например, предместье-сад, возводимое Московской городской управой на ближайшей к Москве части Ходынского поля.

59

Енш А. К. Городской план и застройка городов. Пг., 1914.

60

Ружже В. Л. Градостроительные взгляды архитектора Л. Н. Бенуа // Архитектурное наследство. 1955. Сб. 7. С. 67–86.

61

Виленц-Горовиц Е. В. Из области жилищного вопроса в Германии (законодательство, инспекция, строительство). М., б. г.

62

Дадонов В. Социализм без политики. Города-сады будущего в настоящем. М., 1913.

63

Диканский М. Г. Постройка городов, их план и красота. Пг., 1915.

64

Дмитриев Н. В. Как разрешен жилищный вопрос в совете Лондонского графства (Доклад в Имп. Петербургском обществе архитекторов) // Зодчий. 1913. № 52. С. 521.

Дубелир Г. Д. Планировка городов. СПб., 1910.

66

Карпович В. С. Особняки в городе и деревне. СПб., 1914.

67

Ковалевский Г. П. Большой город и города-сады: пособие для деятелей по городскому и земскому делу и студентов. Киев, 1916.

68

Кнатц Б. Г. Города-сады в связи с жилищным вопросом. Пг., 1918.

69

Мижуев П. Г. Лечворт – первый город-сад в Англии и современном культурном мире (Доклад в Имп. Петербургском обществе архитекторов) // Зодчий. 1914. № 9. С. 92; *Он же*. Планировка городов в Англии // Зодчий. 1915. № 4. С. 435–442; *Он же*. Сады-города и жилищный вопрос в Англии. Пг., 1916.

Протопопов Д. Города будущего // Городское дело. 1909. № 18. С. 907–916; № 17. С. 853–867; *Он же*. С пути // Городское дело. № 15. С. 754–762; *Он же*. Судьба российских городов // Городское дело. 1911. № 2. С. 141–148.

Семенов В. Н. Благоустройство городов. М., 1912.

72

Сытенко Н. А. О городе-саде Московско-Казанской железной дороги // Зодчий. 1913. № 47. С. 485.

73

Френкель З. Г. Задачи правильной застройки населенных мест в освещении современной гигиены: по данным отдела застройки городов на Международной дрезденской выставке 1911 г. М., 1912.

74

Автор – берлинский архитектор Янсен (проект – 1902 г., осуществление – 1908–1914 гг.). (См.: *Глазырин В. А.* Поселки-сады и поселки на путях сообщения. Л., 1928–1929. Вып. 1, 2).

75

Нащокина М. В. Москва на рубеже XI–XX веков: английские отражения // Архитектура в истории русской культуры. М., 2005. Вып. 6. С. 316–331.

76

См.: Зодчий. 1913. № 34. С. 372.

77

Дадонов В. Социализм без политики. Города-сады будущего в настоящем. М., 1913. С. 110–114.

78

Петров А. И. Опыт постройки городов-садов в Западной Сибири // Коммунальное дело. 1923. № 1. С. 35–36.

79

Первый город-сад в России // Городское дело. 1912. № 22. С. 1398–1403; *Сытенко Н. А.* О городе-саде Московско-Казанской железной дороги // Зодчий. 1913. № 47. С. 483–487.

80

Дадонов В. Социализм без политики. Города-сады будущего в настоящем. М., 1913. С. 105.

81

Хазанова В. Э. Советская архитектура первых лет Октября. 1917–1925 гг. М., 1970. С. 44.

82

Хроника Петрограда // Зодчий. 1916. № 48. С. 434.

83

Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX – начала XX в. / под общ. ред. Е. И. Кириченко. М.: Прогресс-Традиция, 2003. Кн. 2. С. 539.

84

Глазырин В. А. Поселки-сады и поселки на путях сообщения. Л., 1928–1929. Вып. 1, 2. С. 49.

85

Там же. С. 539.

86

Глазырин В. А. Поселки-сады и поселки на путях сообщения. Л., 1928. Вып. XCVII. С. 83–122.

87

Глазырин В. А. Поселки-сады и поселки на путях сообщения. Л., 1928. Вып. XCVII. С. 539.

88

Бошко В. И. Жилищный вопрос. Дома и поселки для профессиональных служащих и рабочих. Киев, 1917.

89

Глазырин В. А. Поселки-сады и поселки на путях сообщения. Л., 1929. Вып. CII. С. 119–150.

90

Баландин С. Н., Смирнова Е. А. Города-сады в Сибири. Новосибирск, 1985. С. 3.

91

ГАКО. Ф. Р-6. Оп. 4. Ед. хр. 1. Л. 7.

92

Баландин С. Н., Смирнова Е. А. Указ. соч. С. 10.

93

Петров А. И. Планировка городов Сибирского края // Коммунальное дело. 1929. № 2. С. 98–102.

94

Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX – начала XX в. / под общ. ред. Е. И. Кириченко. М.: Прогресс-Традиция, 2003. Кн. 2. С. 538.

95

Там же. С. 538. Скорее всего, в 1917 г. проект поселения-сада был разработан А. А. Яковлевым не для Выксунского, а для Кулебакского завода, так как в своей краткой автобиографии А. А. Яковлев указывал: «В 1917 году я поступил на Кулебакский горный завод заведующим строит. – хозяйственным отделом. За этот период мною были разработаны проекты рабочего поселка… на Выксунский завод я перешел в 1920 году…» (Автобиография и некоторые творения А. А. Яковлева. К юбилею «130 лет со дня рождения архитектора-художника» (23 января 1879 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://baza.vgdru.com/18/76442/ (дата обращения 21.03.2014).

96

Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы / отв. ред. К. Н. Афанасьев. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 119–120.

97

Гуревич С. А. Обзор жилищно-коммунального дела в Москве и деятельность Московской жилищно-санитарной инспекции и Секции коммунальной санитарии в 1922 г. М., 1923. С. 35.

98

Борисова Е. А., *Каждан Т. П.* Русская архитектура конца XIX – начала XX века. М., 1971. С. 75–76.

99

От 53 до 839 участков (*Левошко С. С.* Дачный поселок Сад-город // Зодчий. 21 век. 2005. № 4–1 (16–17). С. 110–112).

100

Левошко С. С. К истории градостроительства России на Дальнем Востоке на рубеже XIX – XX вв. (тема «городов-садов») // Вестник ДВО РАН. 2004. № 2. С. 17–29.

101

Левошко С. С. Дачный поселок Сад-город // Зодчий. 21 век. 2005. № 4–1 (16–17). С. 110–112.

Он же. К истории градостроительства России на Дальнем Востоке на рубеже XIX – XX вв. (тема «городов-садов») // Вестник ДВО РАН. 2004. № 2. С. 17–29.

103

Левошко С. С. К истории градостроительства России на Дальнем Востоке на рубеже XIX – XX вв. (тема «городов-садов») // Вестник ДВО РАН. 2004. № 2. С. 17–29.

104

Шорбан Е. А. Архитектурный «мир» русского купечества конца XVIII – начала XX столетия: от крестьянской усадьбы к промышленному городу // Культурное наследие Российского государства. Вып. IV: Ученые, политики, журналисты об историческом и культурном достоянии. СПб., 2003. С. 172–176.

105

Диканский М. Жилищный вопрос. Харьков, 1919. С. 227.

106

Дадонов В. Социализм без политики. Города-сады будущего в настоящем. М.: Кушнерев и К^{о}, 1913. С. 111.

107

Шорбан Е. А. Архитектурный «мир» русского купечества конца XVIII – начала XX столетия: от крестьянской усадьбы к промышленному городу // Культурное наследие российского государства. Вып. IV: Ученые, политики, журналисты об историческом и культурном достоянии. СПб., 2003. С. 178.

108

Бошко В. И. Жилищный вопрос. Дома и поселки для профессиональных служащих и рабочих. Киев, 1917. С. 32.

109

Енш А. Города-сады // Зодчий. 1910. № 35. С. 353–354.

110

Енш А. Города-сады // Зодчий. 1910. № 35. С. 110.

111

Дадонов В. Социализм без политики. Города-сады будущего в настоящем. М.: Кушнерев и К^{о}, 1913. С. 111.

112

Там же. С. 110.

113

Дадонов В. Социализм без политики. Города-сады будущего в настоящем. М.: Кушнерев и К^{о}, 1913. С. 110.

114

Бошко В. И. Жилищный вопрос. Дома и поселки для профессиональных служащих и рабочих. Киев, 1917. С. 31.

115

Сытенко Н. А. О городе-саде Московско-Казанской железной дороги // Зодчий. 1913. № 47. С. 485.

116

Борисова Е. А., *Каждан Т. П.* Русская архитектура конца XIX – начала XX века. М.: Наука, 1971. С. 74.

117

Дадонов В. Социализм без политики. Города-сады будущего в настоящем. М.: Кушнерев и К°, 1913. С. 105.

118

Там же.

119

В этом случае квартиры в собственность выкупались.

120

Бошко В. И. Жилищный вопрос. Дома и поселки для профессиональных служащих и рабочих. Киев, 1917. С. 33–34.

121

Диканский М. Жилищный вопрос. Харьков, 1919. С. 227.

Бархин Г. Б. Современные рабочие жилища. Материалы для проектирования и плановых предположений по строительству жилищ. М., 1925; *Великовский Б.* Планировка рабочих поселков // Рабочая жилищно-строительная кооперация. 1925. № 4. С. 63–72; *Верезубов И. И.* Благоустройство селений и кооперация. М., 1925; *Он же.* К вопросу о проблеме социалистического города // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 13–16; *Виленц-Горовиц Е. В.* Из области жилищного вопроса в Германии (законодательство, инспекция, строительство). М., б. г.; *Воронин Л. В.* Рациональное устройство жилищ, поселков и городов. Современные методы планировки. М., 1926; *Гевирц Я. Г.* Эволюция жилища. М., 1925. С. 8–16; *Глазырин В. А.* Поселки-сады и поселки на путях сообщения. Л., 1928–1929. Вып. 1–2; *Диканский М. Г.* Борьба за рабочее жилище. М., 1925; *Он же*. Жилищный вопрос. Харьков, 1919; *Он же.* Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. СПб., 1908; *Он же*. Постройка городов, их план и красота. Пг., 1915; *Он же*. Проблема современных городов. Движение в больших городах. Кризис жилища. М., 1926; *Иванов В. Ф.* Города-сады и поселки для рабочих. Планировка, водоснабжение, канализация. Л., 1925; *Карпович В. С.* Рост городов и достижения Запада в области рабочего строительства // Справочник по жилищному строительству. М., 1925. С. 17–29; *Кожаный П.* Рабочее жилище и быт. М., 1924; *Мачинский В. Д.* Рабочий поселок. М., 1925. С. 110–111; *Петров А. И.* Опыт постройки городов-садов в Западной Сибири // Коммунальное дело. 1923. № 1. С. 35–36; *Прейс П. В.* Планировка городов и поселков. М.; Л., 1927; *Семенов В. Н.* Благоустройство городов. М., 1912; *Френкель З. Г.* Задачи правильной застройки населенных мест в освещении современной гигиены: по данным отдела застройки городов на Международной дрезденской выставке 1911 г. М., 1912; *Шейнис Д. И.* В борьбе за научное обоснование проектов планировки // Планировка и строительство городов. 1934. № 2. С. 8–9; и др.

123

Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы / отв. ред. К. Н. Афанасьев. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 36.

124

Казусь И. А. Организация архитектурно-градостроительного проектирования в СССР: этапы, проблемы, противоречия (1917–1933 гг.): дис… канд. арх. наук: в 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 45.

125

Ружже В. Л. Прогрессивные творческие воззрения архитекторов петербургской школы конца XIX – начала XX в. (Идеи «городов-садов»): дис… канд. арх. наук. М., 1961. С. 14.

126

Там же. С. 36.

127

Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы / отв. ред. К. Н. Афанасьев. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 36.

128

Мечта осуществляется (удовлетворение жилищной нужды железнодорожников) // Путь. 1918. № 5. С. 40–41.

129

Мечта осуществляется (удовлетворение жилищной нужды железнодорожников) // Путь. 1918. № 5. С. 40.

130

Там же.

131

Там же.

132

РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 42. Д. 23. Л. 6-об, 27–27-об.

133

РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 2. Д. 7. Л. 13.

134

Раевский М. Жилищный вопрос на объединенных машиностроительных заводах // Экономическая жизнь. 1918. № 42 (26 дек.). С. 1.

135

Там же.

136

Там же.

137

РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 2. Д. 7. Л. 13-об.

138

Там же. Л. 13-об.

139

Деятельность Строительного совета при Главном торфяном комитете за период 17 июня – 1 октября 1918 г. // Бюллетени Главного торфяного комитета ВСНХ. 1918. № 3–5. С. 39–44.

140

К вопросу об устройстве жилых поселков для служащих и рабочих на торфяных разработках // Бюллетени Главного торфяного комитета ВСНХ. 1918. № 3–5. С. 77–92; Положение о Строительном совете при Управлении Главного торфяного комитета // Бюллетени Главного торфяного комитета ВСНХ. 1918. № 2. С. 60–61; Программа задания по первоочередным постройкам поселков (рабочего № 1 и административного) при Шатурском государственном болоте // Бюллетени Главного торфяного комитета ВСНХ. 1918. № 3–5. С. 50–52.

141

Астафьева М. И. Развитие теоретической мысли и принципов советского градостроительства в первые послереволюционные годы. 1917–1925: дис… канд. арх. наук. М., 1971. С. XXVI.

142

Пояснение к проекту планировки центрального поселка на Петрово-Шатурских государственных торфяных разработках при станции Запутная Московско-Казанской ж. д. // Бюллетени Главного торфяного комитета ВСНХ. 1918. № 3–5. С. 58–76.

143

Автор генплана инж. К. А. Карасев, конс. И. В. Жолтовский; проектирование жилых домов – С. Е. Чернышев, Л. Бетелев (Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы / отв. ред. К. Н. Афанасьев. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 109–115; *Астафьева М. И.* Развитие теоретической мысли и принципов советского градостроительства в первые послереволюционные годы. 1917–1925: дис… канд. арх. наук. М., 1971. С. XXI).

144

Первый вариант генплана выполнен в Электрострое в октябре 1918 г. Второй – в июне 1921 г. (РГАЭ. Ф. 2266. Оп. 3. Д. 10. Л. 4). Поселок предусматривал расселение 3500 чел.

145

Арх. Л. Веснин, 1917–1918.

146

Арх. Л. Веснин, 1918–1926.

147

Арх. Л. Веснин, 1919.

148

Арх. Л. Веснин, 1922.

149

Синельник А. К., Самогоров В. А. Архитектура и градостроительство Самары 1920-х – начала 1940-х годов. Самара: Самар. гос. архит. – строит. ун-т, 2010. 480 с.

150

Арх. В. Маят, 1924.

151

Над проектом генерального плана работали Б. А. Коршунов, В. Д. Кокорин, П. А. Голосов, Н. Я. Колли и др. (Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы / отв. ред. К. Н. Афанасьев. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 116–117).

152

Устав утвержден СНК РСФСР 4 июля 1924 г. Учредители: Моссовет, МГСПС, МСНХ, Мосгорбанк и МСПО (*Казусь И. А.* Организация архитектурно-градостроительного проектирования в СССР: этапы, проблемы, противоречия (1917–1933 гг.): дис… канд. арх. наук: в 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 453).

153

Казусь И. А. Указ. соч.

154

РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 2. Д. 17. Л. 4–5.

155

Астафьева М. И. Развитие теоретической мысли и принципов советского градостроительства в первые послереволюционные годы. 1917–1925: дис… канд. арх. наук. М., 1971. С. XIX–XX.

156

Астафьева М. И. Развитие теоретической мысли и принципов советского градостроительства в первые послереволюционные годы. 1917–1925: дис… канд. арх. наук. М., 1971. С. XIX–XX.

157

РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.

158

Хазанова В. Э. Советская архитектура первых лет Октября. 1917–1925 гг. М.: Наука, 1970. С. 53.

159

РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 124. Л. 2.

160

РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 124. Л. 1.

161

Казусь И. А. Организация архитектурно-градостроительного проектирования в СССР: этапы, проблемы, противоречия (1917–1933 гг.): дис… канд. арх. наук: в 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 573.

162

Астафьева М. И. Развитие теоретической мысли и принципов советского градостроительства в первые послереволюционные годы. 1917–1925: дис… канд. арх. наук. М., 1971. С. XX.

163

РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 119. Л. 2–3.

164

РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 119. Л. 2-об.

165

РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 119. Л. 4.

166

РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 119. Л. 4.

167

Там же.

168

Блок А. Город будущего (От нашего лондонского корреспондента) // Жилищная кооперация. 1928. № 14. С. 27–28.

169

РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 119. Л. 2–3.

170

РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 124. Л. 21-об.

171

В данном проекте планировочная структура ориентирована на центральную площадь, застраиваемую общественными сооружениями.

172

Подробнее см.: раздел 3.1 данной монографии, а также: *Меерович М. Г.* Рождение и смерть жилищной кооперации: жилищная политика в СССР. 1924–1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. 272 с.

173

Гуревич С. А. Обзор жилищно-коммунального дела в Москве и деятельность Московской жилищно-санитарной инспекции и Секции коммунальной санитарии в 1922 г. М.: Изд-во Санитарной части М.О.З., 1923. С. 35.

174

Там же. С. 57.

175

Термолитовые дома сооружались и в других поселках. Например, в поселке Красный Богатырь. Состав термолита по системе инженера П. Г. Галахова представлял собой следующее: 90 % – органические вещества (опилки, торф, измельченная солома, древесные листья, хвоя и т. п.), 5 % – гипс или алебастр, 5 % известь, гашенная раствором комбинированного антисептика (Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы / отв. ред. К. Н. Афанасьев. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 58).

176

РГАЛИ. Ф. 1981. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 1–5.

177

Гуревич С. А. Обзор жилищно-коммунального дела в Москве и деятельность Московской жилищно-санитарной инспекции и Секции коммунальной санитарии в 1922 г. М.: Изд-во Санитарной части М.О.З., 1923. С. 57.

178

Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы / отв. ред. К. Н. Афанасьев. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 56; Генеральный план пос. Сокол см.: Жилищная кооперация. 1924. № 13–14. С. 47. Об истории строительства поселка Сокол см.: Кооперативный поселок «Сокол» // Жилищная кооперация. 1924. № 1. С. 42–44. Фото выстроенных в 1923–1924 гг. домов см.: Жилищная кооперация. 1924. № 17–18. С. 44–45.

179

Чередина И. С. Московское жилье конца XIX – середины XX века. М., 2004. С. 56.

180

Типовые проекты и конструкции жилищного строительства, рекомендуемые на 1930 г. М., 1929. С. 36–43.

181

Подробнее см. раздел 5.2 данной монографии.

182

Шлиосберг И. А. Нужно ли общество городов-садов? // Власть Советов. 1923. № 5. С. 59–62.

183

Там же. С. 60.

184

Шлиосберг И. А. Нужно ли общество городов-садов? // Власть Советов. 1923. № 5. С. 11.

185

Гельман И. Многоквартирные дома или рабочие поселки? // Коммунальное хозяйство. 1922. № 14. С. 11–12.

186

Райх О. Я. К вопросу о городах-садах для РСФСР // Известия ВЦИК. 1922. № 292 (24 декабря). С. 4.

187

См.: Коммунальное хозяйство. 1922. № 13–15.

188

Шлиосберг И. А. Движение в пользу устройства городов-садов в свете коммунистической революции // Коммунальное хозяйство. 1922. № 13. С. 4–7.

189

Там же. С. 6.

190

Шлиосберг И. А. Движение в пользу устройства городов-садов в свете коммунистической революции // Коммунальное хозяйство. 1922. № 13. С. 6–7.

191

См.: Коммунальное хозяйство. 1922. № 14. С. 12–13.

192

См.: Коммунальное хозяйство. 1922. № 14. С. 12–13.

193

Астафьева-Длугач М. Проект районной планировки Апшеронского полуострова // Архитектура СССР. 1971. № 10. С. 42–43.

194

См.: Правда. 1922. № 218 (28 сент.).

195

Казусь И. А. Организация архитектурно-градостроительного проектирования в СССР: этапы, проблемы, противоречия (1917–1933 гг.): дис… канд. арх. наук: в 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 351.

196

Карпович В. С. Рост городов и достижения Запада: справочник по жилищному строительству. М.: Двигатель, 1926. С. 17–28 (ил. 139).

197

Современное жилищное строительство на Западе. Составлено по материалам, собранным делегацией Московского Совета раб. и кр. депутатов. М.: Новая Москва, 1925. С. II.

198

Там же. С. V–VI.

199

Там же. С. I, V–VII, 2, 11, 13.

200

Современное жилищное строительство на Западе. Составлено по материалам, собранным делегацией Московского Совета раб. и кр. депутатов. М.: Новая Москва, 1925. С. 11.

201

Там же. С. 66.

202

Современное жилищное строительство на Западе. Составлено по материалам, собранным делегацией Московского Совета раб. и кр. депутатов. М.: Новая Москва, 1925. 358 с.

203

Шлиосберг И. А. Нужно ли общество городов-садов? // Власть Советов. 1923. № 5. С. 60.

204

Райх О. Я. К вопросу о городах-садах для РСФСР // Известия ВЦИК. 1922. № 292 (24 декабря). С. 4.

205

Там же. С. 4.

206

Шлиосберг И. А. Нужно ли общество городов-садов? // Власть Советов. 1923. № 5. С. 60.

207

Там же. С. 60.

208

Там же. С. 61.

209

Общество городов-садов РСФСР // Коммунальное дело. 1922. № 2. С. 20–22.

210

От редакции // Жилищное товарищество. 1925. № 1. С. 5.

211

Пути и методы удешевления жилищного строительства // Жилищное товарищество. 1924. № 10–11. С. 16; 1925. № 2–3. С. 5–6; Выборы материала и системы для домов рабоче-жилищного строительства // Жилищное товарищество. 1925. № 1. С. 10–19; Стандартизация работ в рабочем жилищном строительстве // Жилищное товарищество. 1925. № 1. С. 11–12; Совещание о типах жилых построек // Жилищное товарищество. 1925. № 1. С. 12–13; Дома рубленые или дома каркасные // Жилищное товарищество. 1925. № 7–8. С. 362–364; и др.

212

Что мы должны строить // Жилищное товарищество. 1925. № 2–3. С. 9–12; Выбор способа производства строительных работ // Жилищное товарищество. 1925. № 2–3. С. 35–36; Выбор подрядчика для производства работ // Жилищное товарищество. 1925. № 2–3. С. 37–38; Искусственный шифер «Террофазерит» как кровельный материал // Жилищное товарищество. 1925. № 5–6. С. 92; Оцинкованное железо как кровельный материал // Жилищное товарищество. 1925. № 5–6. С. 93–96; Об использовании камышитовых зарослей в районах юго-востока СССР // Строительная промышленность. 1926. № 10. С. 730–731; Пути рационализации строительства // Жилищное товарищество. 1926. № 1. С. 61; и др.

213

Экономия при постройке жилищ // Жилищное товарищество. 1922. № 4. С. 16–18; Совещание о типах жилых построек // Жилищное товарищество. 1925. № 1. С. 12–13; Дома рубленые или дома каркасные // Жилищное товарищество. 1925. № 7–8. С. 362–364; Выборы материала и системы для домов рабоче-жилищного строительства // Жилищное товарищество. 1925. № 1. С. 10–19.

Рабочие поселки-сады // Коммунальное дело: сборник Главного управления коммунального хозяйства НКВД. 1922. № 2. С. 27–28; Жилищный вопрос в Германии // Жилищное товарищество. 1922. № 5. С. 10–12; *Кожаный П.* Рабочее жилище и быт. М., 1924; Переселенческая политика // Жилищное товарищество. 1925. № 1. С. 5–9; Образцовый город-сад в Англии // Жилищное товарищество. 1925. № 1. С. 45–47; Жилище и поселок // Строительная промышленность. 1926. № 2. С. 131–133; и др.

215

Дубнов Л. О типах жилищ // Жилищное дело. 1925. № 3. С. 20–25.

216

Подробнее см.: *Меерович М. Г.* Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917–1941 гг.): дис… докт. ист. наук. Иркутск, 2004. 659 с.; *Он же*. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2008. 303 с. (История сталинизма).

217

Подробнее см.: *Меерович М. Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2008. 303 с. (История сталинизма); *Он же.* Как власть народ к труду приучала: жилище в СССР – средство управления людьми. 1917–1941 гг. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2005. 138 с.; *Меерович М. Г., Конышева Е. В., Хмельницкий Д. С.* Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 270 с.: ил. (История сталинизма).

218

О типах жилищного строительства // Строительная промышленность. 1926. № 8. С. 556–562), а также 2-этажные 4-квартирные деревянные рубленые (либо каркасные) дома (*Вольфензон Г.* Рабочее жилищное строительство Московской губернии // Строительная промышленность. 1926. № 2. С. 133–135; О типах жилищного строительства // Строительная промышленность. 1926. № 8. С. 556–562).

219

Вольфензон Г. Рабочее жилищное строительство Московской губернии // Строительная промышленность. 1926. № 2. С. 134.

220

Астафьева-Длугач М. Проект районной планировки Апшеронского полуострова // Архитектура СССР. 1971. № 10. С. 80.

221

Из общественных сооружений представлены проекты народного дома и прачечной (Рабочие жилища. Примерные проекты архитекторов: Л. А. Веснина, К. А. Грейнер, А. К. Иванова, А. Иваницкого, В. Д. Кокорина, Н. Я. Колли, Б. А. Коршунова, Э. И. Норверт, Н. Чайковского, С. Е. Чернышева. Л-д. 1924. 18 с.).

222

Меерович М. Г. Рождение и смерть жилищной кооперации: жилищная политика в СССР. 1924–1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. 272 с.

223

Он же. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917–1941 гг.): дис… докт. ист. наук. Иркутск, 2004. 659 с.

224

«…Жилищный отдел вправе произвести вселение в помещение или перемещение жильцов, в целях уплотнения, из одной квартиры в другую в пределах того же дома» (СУ РСФСР. 1922. № 30. Ст. 365. С. 491).

225

О порядке выселения частных лиц, самовольно занявших торгово-промышленные и складочные помещения: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 декабря 1927 г. // Действующее жилищное законодательство. Систематический сборник законов СССР и РСФСР, ведомственных постановлений, разъяснений Верховного Суда и постановлений Московского Совета. М., 1937. С. 310.

226

Так в декрете СНК 1922 г. «О мерах к улучшению жилищных условий научных работников» власть дает ученым право на занятие дополнительной комнаты во «всех видах домовладений», следовательно, в том числе и в частных домах (СУ РСФСР. 1922. № 6. Ст. 73). То же положение неизменным сохраняется на протяжении десяти лет и вновь подтверждается в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР 1933 г. «О жилищных правах научных работников» (СУ РСФСР. 1933. № 47. Ст. 198).

227

Постановления именуют их «бесхозными» или «бесхозяинными», а поскольку однозначное определение этих терминов отсутствует, то таковыми могут быть квалифицированы любые строения, пребывающие без должного (по мнению муниципальных органов) ухода.

228

О предоставлении государственным предприятиям льгот по строительству рабочих жилищ: постановление Президиума ЦИК Союза ССР от 16 октября 1925 г. (СЗ СССР. 1925. № 74. Ст. 542. С. 1106).

229

Подробнее см.: *Меерович М. Г.* Биография профессии. Очерки истории жилищной политики в СССР 1917–1941 гг. Иркутск, 2003; *Он же*. Рождение и смерть жилищной кооперации: жилищная политика в СССР. 1924–1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. 272 с.

230

Государственные структуры и наркоматы и сами строили индивидуальные жилища, предоставляемые в качестве награды отдельным членам руководящего звена партийно-советской элиты (подробнее см.: *Меерович М. Г.* Типология жилища соцгородов-новостроек: монография / М. Г. Меерович. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 263 с.; *Он же.* От городов-садов к соцгородам: основные архитектурно-градостроительные концепции в СССР (1917 – первая половина 1930-х гг.): дис… докт. арх. наук. Нижний Новгород, 2016. 926 с.).

231

Подробнее см.: *Меерович М. Г.* Квадратные метры, определяющие сознание: государственная жилищная политика в СССР. 1921–1941 гг. Stuttgart, 2005. 210 с.; *Он же.* Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917–1941 гг.): дис… докт. ист. наук. Иркутск, 2004. 659 с.

232

Подробнее см.: *Он же*. Как власть народ к труду приучала: жилище в СССР – средство управления людьми. 1917–1941 гг. Stuttgart, 2005.

233

СЗ СССР. 1924. № 5. Ст. 60. С. 65–72.

234

СУ. 1917. № 72. Ст. 414.

235

СУ РСФСР. 1918. № 24. Ст. 340. С. 323.

236

СУ РСФСР. 1918. № 38. Ст. 496. С. 469–471.

237

СУ РСФСР. 1918. № 70. Ст. 769. С. 869.

238

Там же.

239

Алмазов (Маневич) С. Л., Веселовский Б. Б. Настольный справочник домоуправлений. Руководство для жилищных товариществ, правлений и ревизионных комиссий, управдомов, комендантов и др. М., 1926. С. VII.

240

СУ РСФСР. 1921. № 60. Ст. 408.

241

СУ РСФСР. 1921. № 60. Ст. 409.

242

СУ РСФСР. 1921. № 60. Ст. 410.

243

Там же.

244

СУ РСФСР. 1921. № 59. Ст. 403.

245

В частности, одна из статей в журнале «Коммунальное дело» за 1922 г. называлась «Новая жилищная политика и извращения нэпа» (см.: Коммунальное дело: сборник Главного управления коммунального хозяйства НКВД. 1922. № 2. С. 14–20).

246

См., в частности: «Обзор жилищно-коммунального дела в Москве и деятельности Московской жилищно-санитарной инспекции и Секции коммунальной санитарии в 1922 г.». В нем так был озаглавлен раздел, посвященный реформе жилищно-коммунального дела, начавшейся в России с выходом постановления СНК от 8 августа 1921 г. «Об управлении домами (положение)» (см.: *Гуревич С. А.* Обзор жилищно-коммунального дела в Москве и деятельность Московской жилищно-санитарной инспекции и Секции коммунальной санитарии в 1922 г. М.: Изд-во Санитарной части М.О.З., 1923. С. 15).

247

См.: «О пределах демуниципализации»: циркуляр НКВД по ГУКХ № 180 от 2 июня 1922 г. (Бюллетень НКВД. 1922. № 22) // Жилищное право. Комментарная сводка узаконений (по 16 сентября 1923 г.). Юридический справочник № 3 группы юристов-кооперoведов. М., 1923. С. 70–71.

248

См.: Жилищное товарищество. 1922. № 1; № 6. С. 31; 1923. № 15–16. С. 3.

249

Перипетии судьбы советской жилищной кооперации в контексте НЭПа подробнее см.: *Меерович М. Г.* Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917–1941 гг.): дис… докт. ист. наук. Иркутск, 2004. 659 с.; *Он же*. Рождение и смерть жилищной кооперации: жилищная политика в СССР. 1924–1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. 272 с.

250

Положение о жилищных товариществах, утвержденное президиумом МСРК и КД. 3/IX 1921 г. // Жилищное право. Комментарная сводка узаконений (по 16 сентября 1923 г.). Юридический справочник № 3 группы юристов-кооперoведов. М., 1923. С. 97–98.

251

Нормальный устав жилищного товарищества: постановление президиума МСРК и КД от 5 октября 1921 г. («Коммунистический труд» за 7 и 8 октября 1921 г., № 457–458) // Там же. С. 100–103.

252

О введении в действие инструкции о порядке возврата потребительской кооперации принадлежащих ей предприятий и промыслов: постановление ВСНХ от 17 мая 1922 г. (СУ РСФСР. 1922. № 39. Ст. 446); «О признании инструкции Высшего Совета народного хозяйства „О порядке возврата потребительской кооперации принадлежащих ей предприятий и промыслов“ обязательной для всех народных комиссариатов и государственных органов»: декрет СНК от 23 августа 1922 г. (СУ РСФСР. 1922. № 56. Ст. 699); «О возврате потребительским кооперативным организациям национализированных и муниципализированных строений»: декрет СНК от 17 октября 1922 г. (СУ РСФСР. 1922. № 65. Ст. 847).

253

Жилищные товарищества // Коммунальное дело: сборник Главного управления коммунального хозяйства НКВД. 1922. № 2. С. 9.

254

Гуревич С. А. Обзор жилищно-коммунального дела в Москве и деятельность Московской жилищно-санитарной инспекции и Секции коммунальной санитарии в 1922 г. М.: Изд-во Санитарной части М.О.З., 1923. С. 18.

255

Подробнее см. далее.

256

Нормальный устав жилищно-строительных кооперативных товариществ // Жилищное товарищество. 1924. № 3. С. 46–51.

257

Необходимо усилить жилищно-строительную кооперацию // Жилищное товарищество. 1925. № 1. С. 1–2.

258

СЗ СССР. 1924. № 5. Ст. 60. С. 65.

259

Там же. С. 98.

260

Там же. С. 65–66.

261

О содействии по организации жилищной кооперации: циркуляр ГУКХ НКВД № 434 // Жилищная кооперация. 1924. № 15. С. 49–50.

262

Там же. С. 49.

263

Реорганизация жилищных товариществ // Коммунальное дело: сборник Главного управления коммунального хозяйства НКВД. 1923. № 1 (4). С. 58.

264

Реорганизация жилищных товариществ // Коммунальное дело: сборник Главного управления коммунального хозяйства НКВД. 1923. № 1 (4). С. 58.

265

Итоги 4-го съезда заведующих коммунальными хозяйствами СССР // Коммунальное дело: сборник Главного управления коммунального хозяйства НКВД. 1923. № 3–4. С. 5.

266

Чистка управдомов // Жилищное дело. 1925. № 15–16 (22–23). С. 13–14. Журнал «Жилищное дело» – орган Ленинградского союза жилищных товариществ.

267

Положение о жилищных товариществах, утвержденное президиумом МСРК и КД. 3/IX 1921 г. (см.: Жилищное право. Комментарная сводка узаконений (по 16 сентября 1923 г.). Юридический справочник № 3 группы юристов-кооперoведов. М., 1923. С. 99).

268

Там же. С. 100.

269

Старый устав был утвержден президиумом Моссовета 18 ноября 1921 г. Указание на это см.: Реорганизация Союзов жилищных товариществ // Жилищное товарищество. 1924. № 9. С. 89.

270

Там же. С. 90.

271

Положение о жилищных товариществах, утвержденное президиумом МСРК и КД. 3/IX 1921 г. (см.: Жилищное право. Комментарная сводка узаконений (по 16 сентября 1923 г.). Юридический справочник № 3 группы юристов-кооперoведов. М., 1923. С. 99).

272

О работе уполномоченных // Жилищное дело. 1925. № 4. С. 22–24.

273

Там же. С. 67.

274

СЗ СССР. 1924. № 5. Ст. 60. С. 67.

275

Льготы жилищным товариществам по уплате страховых премий // Жилищная кооперация. 1924. № 16. С. 24–25.

276

Там же. С. 69.

277

Там же. С. 69.

278

О содействии по организации жилищной кооперации: циркуляр ГУКХ НКВД. № 434 // Жилищная кооперация. 1924. № 15. С. 49.

279

Принципы и техника управления жилищным товариществом // Жилищное товарищество. 1924. № 12. С. 28.

280

Принципы и техника управления жилищным товариществом // Жилищное товарищество. 1924. № 12. С. 30.

281

Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: в 2 кн. Кн. 2: Социальные проблемы. М.: Стройиздат, 2001. С. 334.

282

Из программы Российской коммунистической партии (большевиков), принятой VIII Съездом РКП (б) от 22 марта 1919 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг.: сб. документов за 50 лет. М.: Политиздат, 1967. Т. 1. С. 135.

283

О содействии по организации жилищной кооперации: циркуляр ГУКХ НКВД. № 434 // Жилищная кооперация. 1924. № 15. С. 49.

284

Нормальный устав Жилищно-арендного кооперативного товарищества дома №___ по ул.___ в гор. Ленинграде // Жилищное дело. 1925. № 2. С. 44–47; Нормальный устав Рабочего жилищно-строительного кооперативного товарищества // Жилищное дело. 1925. № 3. С. 14–17.

285

СУ РСФСР. 1924. № 63. Ст. 636. С. 807; Льготы жилищным товариществам по уплате страховых премий // Жилищная кооперация. 1924. № 16. С. 24–25 и др.

286

Фракции при правлениях и ревкомиссиях в жилтовариществах // Жилищное дело. 1925. № 3. С. 1–4.

287

Там же.

288

Льготы жилищным товариществам по уплате страховых премий // Жилищная кооперация. 1924. № 16. С. 24–25.

289

О способах исчисления арендной платы за строения: циркуляр НКВД от 14 февраля 1924 г. // Жилищная кооперация. 1924. № 15. С. 49–50.

290

О содействии по организации жилищной кооперации: циркуляр ГУКХ НКВД № 434 // Жилищная кооперация. 1924. № 15. С. 50.

291

СУ РСФСР. 1924. № 63. Ст. 636. С. 807.

292

Там же.

293

Там же.

294

Там же.

295

СУ РСФСР. 1924. № 63. Ст. 636. С. 807.

296

СУ РСФСР. 1924. № 89. Ст. 893. С. 1286–1287.

297

Действующее жилищное законодательство: систематич. сб. законов СССР и РСФСР, ведомственных постановлений, разъяснений Верховного Суда и постановлений Московского Совета. М.: Изд. Моск. гор. суда, 1937. С. 207; СЗ СССР. 1924. № 5. Ст. 60.

298

См. п. 3 Положения о жилищных товариществах, утвержденного президиумом МСРК и КД. 3/IX 1921 года, со внесенными в него изменениями согласно постановлению президиума Моссовета от 10 марта 1924 г. (см.: Жилец. Бюллетень квартиро– и комнатонанимателя. Приложение к журналу «Жилищное товарищество, жилище и хозяйство». 1924. № 3. С. 5).

299

Там же. С. 1286.

300

СУ РСФСР. 1924. № 8. Ст. 45; СУ РСФСР. 1925. № 39. Ст. 275. С. 502.

301

Подробнее см. далее.

302

Циркуляр НКВД № 133 от 3 апреля 1924 г. / Бюллетень НКВД. № 13, 1924 // Действующее жилищное законодательство: систематич. сб. законов СССР и РСФСР, ведомственных постановлений, разъяснений Верховного Суда и постановлений Московского Совета. М., 1937. С. 206.

303

СУ РСФСР. 1934. № 10. Ст. 69; СУ РСФСР. 1935. № 3. Ст. 15; СУ РСФСР. 1934. № 31. Ст. 183; СУ РСФСР. 1935. № 4. Ст. 31; СУ РСФСР. 1935 № 6. Ст. 63; СУ РСФСР. 1935. № 11; СУ РСФСР. 1935. № 13. Ст. 138.

304

Подробнее см. главу 5 данной монографии.

305

Подробнее см.: *Меерович М. Г.* Власть и жилище (жилищная политика в СССР в 1917–1940 гг.) // Вестник Евразии. 2003. № 1 (20). С. 5–66; *Он же*. Кто не работает, тот не живет: жилищная политика в СССР. 1929–1937 гг. // Проблемы земной цивилизации: сб. статей. Иркутск, 2003. Вып. 7, ч. 2. С. 41–58.

306

Кооперативные жилищно-строительные товарищества // Жилищное товарищество. 1924. № 4. С. 57.

307

Деятельность жилищно-строительных кооперативных товариществ // Жилищное товарищество. 1925. № 2–3. С. 43.

308

О планах строительства поселка см.: Жилищно-строительный кооператив при Всероссийской ассоциации инженеров (ВАИ) // Жилищная кооперация. 1924. № 1. С. 44.

309

Строительный кооператив на Реутовской прядильной фабрике // Жилищная кооперация. 1924. № 6. С. 28–27.

310

«Поселок-сад» в Киеве // Жилищная кооперация. 1924. № 3. С. 50.

311

Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы / отв. ред. К. Н. Афанасьев. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 120.

312

Постройка города-сада вблизи Севастополя // Жилищное дело. 1925. № 5. С. 20.

313

Боровой А. А. Планировка городов Московской области. Работы сектора планировки Московского областного проектного треста за 1925–1933 гг. М., 1933. С. 47.

314

Там же. С. 67, 69–71.

315

Боровой А. А. Планировка городов Московской области. Работы сектора планировки Московского областного проектного треста за 1925–1933 гг. М., 1933. С. 87.

316

Хлебников И. Н. План ГОЭЛРО – первый государственный заказ советской архитектуре. М., 1985. С. 52–61; *Хазанова В. Э.* Советская архитектура первых лет Октября. 1917–1925 гг. М., 1970. С. 54–57; *Шорбан Е.* От заводского барака к городу-саду: деревянное жилище в индустриальную эпоху // Проект Россия. 2004. № 3 (33). С. 113–116.

317

Хазанова В. Э. Советская архитектура первых лет Октября. 1917–1925 гг. М., 1970. С. 55.

318

РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 124. Л. 2.

319

РГАЭ. Ф. 2266. Оп. 3. Д. 10. Л. 7–9.

320

РГАЭ. Ф. 2266. Оп. 3. Д. 10. Л. 5.

321

Астафьева М. И. Развитие теоретической мысли и принципов советского градостроительства в первые послереволюционные годы. 1917–1925: дис… канд. арх. наук. М., 1971. С. 162.

322

Орельская О. В. Архитектура г. Балахны 20–30-х гг. XX в. // Вестник Волгогр. гос. архит. – строит. ун-та. 2013. Вып. 31 (50), ч. 1. С. 294.

323

Мачинский В. Д. Рабочий поселок. М., 1925. С. 101.

324

Там же. С. 110–111.

325

1919 г., автор – инженер Захаркин.

326

Октябрьский поселок. Ковырино [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.esosedi.ru/onmap/oktyabrskiy_poselok_kovyirino/4880065/index.html (дата обращения 20.03.2014).

327

Планировочные работы г. Вологды // Коммунальное дело. 1923. № 1. С. 95–97.

328

Ковырино [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kovyrino.ucoz.ru/publ/2-1-0-66 (дата обращения 19.05.2014).

329

Глазырин В. А. Поселки-сады и поселки на путях сообщения. Л., 1928–1929. Вып. 1–2. С. 63.

330

Глазырин В А. Поселки-сады и поселки на путях сообщения. Л., 1929. Вып. CII. С. 119–150.

331

Глазырин В А. Поселки-сады и поселки на путях сообщения. Л., 1929. Вып. CII. С. 141.

332

См.: Ежегодник МАО. М., 1928. № 5. С. 54.

333

Глазырин В. А. Поселки-сады и поселки на путях сообщения. Л., 1928–1929. Вып. 1, 2. С. 62.

334

Глазырин В. А. Поселки-сады и поселки на путях сообщения // Сб. Ленингр. ин-та инж. путей сообщения им. Я. Э. Рудзутака. Л.: Изд-во Ленингр. ин-та путей сообщения, 1929. Вып. CII. С. 143.

335

СУ РСФСР. 1926. Отдел первый. № 65. Ст. 509. С. 762–764.

336

Там же. С. 762.

337

СУ РСФСР. 1925. Отдел первый. № 27. Ст. 188.

338

СУ РСФСР. 1926. Отдел первый. № 65. Ст. 509. С. 764.

339

Белоусов В., Смирнова О. В. В. Н. Семенов. М.: Стройиздат, 1980. С. 5. (Мастера архитектуры).

340

Кожаный П. Жилищная кооперация и новый быт // Рабочая жилищно-строительная кооперация. 1925. № 4. С. 46–47.

341

РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 2. Д. 13. Л. 3-об.

342

Поселок проектировали и застраивали в 1928-м – начале 1930-х гг. (*Конышева Е. В.* Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х – 1930-х гг. в контексте развития советского зодчества. Челябинск, 2005. С. 21).

343

Конышева Е. В. Указ. соч. С. 21.

344

Там же.

345

Там же. С. 22.

346

Боровой А. А. Планировка городов Московской области. Работы сектора планировки Московского областного проектного треста за 1925–1933 гг. М., 1933. С. 67, 73.

347

Боровой А. А. Планировка городов Московской области. Работы сектора планировки Московского областного проектного треста за 1925–1933 гг. М., 1933. С. 56.

348

Подробнее о коммунальном жилище как инструменте социального управления см.: *Меерович М. Г.* Как власть народ к труду приучала: жилище в СССР – средство управления людьми. 1917–1941 гг. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2005. 138 с.; *Он же*. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2008. 303 с. (История сталинизма); *Он же*. Жилищная политика СССР как средство социального управления (1917–1941 гг.) // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 95–100.

349

Вегман Г. Рабочее строительство в Москве // Современная архитектура. 1926. № 1. С. 12.

350

Марковников Н. Первые образцы культурного жилстроительства в Москве // Строительная промышленность. 1926. № 9. С. 641.

351

Вопросы современного жилищного и промышленного строительства: труды всесоюзной конференции по вопросам жилищного и промышленного строительства, созванной Госпланом СССР в Москве (5–10 мая 1925 г.). М., 1926. С. 75.

352

Марковников Н. Первые образцы культурного жилстроительства в Москве // Строительная промышленность. 1926. № 9. С. 642.

353

Вегман Г. Укрупненное жилье // Современная архитектура. 1927. № 1. С. 16.

354

Вопросы современного жилищного и промышленного строительства: труды всесоюзной конференции по вопросам жилищного и промышленного строительства, созванной Госпланом СССР в Москве (5–10 мая 1925 г.). М., 1926. С. 230–231.

355

Вегман Г. Укрупненное жилье // Современная архитектура. 1927. № 1. С. 16.

356

Там же. С. 16.

357

Там же.

358

СУ РСФСР. 1921. № 6. Ст. 47.

359

Постановление от 31 октября 1927 г. «Об изменении статьи 5 постановления Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета Народных Комиссаров от 21 марта 1927 г. об установлении размеров арендной платы за муниципализированные жилые строения» (СУ РСФСР. 1927. № 113. Ст. 760).

360

О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах: постановление ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 618.

361

СЗ СССР. 1927. Отдел первый. № 66. Ст. 672.

362

Май Э. Планировка городов и новое жилищное строительство в Германии // Русско-германский вестник науки и техники. 1930. № 6–7 (8–9). С. 69–76.

363

Современное строительство Германии. Первая заграничная экскурсия инженеров-строителей и архитекторов. М.: Гостехиздат, 1929. 224 с. С. 10.

364

Современное строительство Германии. Первая заграничная экскурсия инженеров-строителей и архитекторов. М.: Гостехиздат, 1929. 224 с. С. 74.

365

Аркин Д. Строительство городов на Западе – в тисках кризиса // Коммунальное дело. 1931. № 4. С. 66–78; Современное строительство Германии. Первая заграничная экскурсия инженеров-строителей и архитекторов. М.: Гостехиздат, 1929. С. 71.

366

Май Э. Планировка городов и новое жилищное строительство в Германии // Русско-германский вестник науки и техники. 1930. № 6–7 (8–9). С. 69–76.

367

Аркин Д. Указ. соч. С. 66–78.

368

Май Э. Планировка городов и новое жилищное строительство в Германии // Русско-германский вестник науки и техники. 1930. № 6–7 (8–9). С. 69–76.

369

Там же. С. 69–76.

370

Современное строительство Германии. Первая заграничная экскурсия инженеров-строителей и архитекторов. М.: Гостехиздат, 1929. С. 89, 103–104.

371

Май Э. Указ. соч. С. 69–76.

372

Современное строительство Германии. Первая заграничная экскурсия инженеров-строителей и архитекторов. М.: Гостехиздат, 1929. С. 89, 103–104.

373

Гегелло А. И. Из творческого опыта. Возникновение и развитие архитектурного замысла. Л.: Гос. изд-во по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1962. С. 39.

374

Современное строительство Германии. Первая заграничная экскурсия инженеров-строителей и архитекторов. М.: Гостехиздат, 1929. С. 111.

375

Современное строительство Германии. Первая заграничная экскурсия инженеров-строителей и архитекторов. М.: Гостехиздат, 1929. С. 73, 78.

376

Там же. С. 100.

377

Современное строительство Германии. Первая заграничная экскурсия инженеров-строителей и архитекторов. М.: Гостехиздат, 1929. С. 98.

378

Там же. С. 97–98.

379

Б. Таут (пос. Бритц); В. Гропиус (пос. Дессау); Э. Май (пос. Праунхейм, Максмориц).

380

Подробнее см.: *Меерович М. Г.* Фордизм и постфордизм. Альберт Кан и Эрнст Май: США и Германия в борьбе за советскую индустриализацию // Постфордизм: концепции, институты, практики / под ред. М. С. Ильченко, В. С. Мартьянова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 171–222; *Меерович М. Г.* Эрнст Май: «Рациональное» жилье для России [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов. 2011. № 4 (36). Режим доступа: http://archvuz.ru/2011_4/14 – на рус. яз.; *Меерович М. Г.* Иностранные архитекторы в сталинском СССР // Проект Байкал. 2010. № 24. С. 120–126; *Меерович М. Г.,Хмельницкий Д. С.* Американские и немецкие архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию // Вестник Евразии. 2006. № 1 (31). С. 92–124.

381

СЗ СССР. 1928. № 6. Ст. 49.

382

Там же. С. 130–131.

383

Там же. С. 131.

384

СЗ СССР. 1928. № 6. Ст. 49. С. 131.

385

Там же.

386

Там же. С. 130.

387

СЗ СССР. 1928. № 6. Ст. 49. С. 130.

388

Подробнее о концепции «соцрасселения» см.: *Меерович М. Г.* Градостроительная доктрина России. Исторические предпосылки // Архитектура. Строительство. Дизайн. 2003. № 1; *Он же*. Градостроительная политика. Уроки истории // Проектирование и строительство в Сибири. 2001. № 6; *Он же*. Концепция социалистического расселения – город в системе власти // Город. Прошлое, настоящее, будущее. Проблемы развития и управления на пороге третьего тысячелетия: сб. науч. трудов и краткий каталог выставки. Иркутск, 2000; *Он же*. Концепция социалистического расселения. История и современность // Совершенствование проектирования, технологии и организации строительного производства: тезисы научно-практической конференции. Иркутск, 1993; *Он же.* Концепция социалистического расселения. Социалистический город. Стратегии и перспективы развития (вопросы истории) // Город. Прошлое, настоящее, будущее: материалы международной науч. – практ. конференции и выставки проектов. Иркутск, 1998; *Он же.* Развитие городов на рубеже столетий. Социалистический город // Развитие городов на рубеже столетий: материалы международной конференции. Иркутск, 1998; *Он же*. Теория размещения промышленности и населения в СССР. Взгляд в прошлое // Проблемы земной цивилизации: сб. статей. Иркутск, 2001. Вып. 2, ч. 2; *Он же.* Хозяйство. Города. Власть. Как это было сделано в СССР // Кентавр. 2001. № 26; *Он же*. Биография профессии. Очерки истории государственной организации профессии архитектора в СССР (1917–1941 гг.). Иркутск, 2002.

389

О жилищной политике: постановление ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 1. С. 697.

390

О жилищной политике: постановление ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 1. С. 697.

391

Там же.

392

Типовые проекты и конструкции жилищного строительства, рекомендуемые на 1930 г. М., 1929. В разработке проектных и текстовых материалов, опубликованных в сборнике-альбоме, принимали участие М. О. Барщ, В. И. Вегман, И. И. Верезубов, В. Н. Владимиров, М. Я. Гинзбург, И. С. Гуревич, Н. А. Красильников, Эль Лисицкий, С. В. Орловский, А. Л. Пастернак.

393

Постановление пленума Строительной комиссии ЭКОСО РСФСР «Об опубликовании сборника-альбома типовых проектов и конструкций жилищного строительства и о применении их в строительстве при проектировочных работах» принято на основании постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 31 декабря 1928 г. и ЭКОСО РСФСР от 23 мая 1929 г. Типовые проекты и конструкции жилищного строительства, рекомендуемые на 1930 г. Официальное издание Строительной комиссии ЭКОСО РСФСР. М.: Гостехиздат, 1929. С. 4.

394

Там же.

395

Там же. С. 68, 70.

396

Там же. С. 73.

397

Там же. С. 78.

398

О жилищной политике: постановление ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. 1917–1967 гг. М., 1967. Т. 1. С. 702.

399

Там же.

400

Там же.

401

Там же. С. 701.

402

Там же.

403

Там же.

404

Там же. С. 703.

405

Для осуществления строительства этого вида жилища власть требовала от правительств союзных республик «укрупнять и концентрировать жилищное строительство, осуществляемое всеми категориями застройщиков» (см.: О жилищной политике: постановление ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 1. С. 698).

406

В постановлении ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 г. «О жилищной политике» указывалось: «Признать целесообразным дальнейшее расширение индивидуального рабочего жилищного строительства в рабочих поселках и промышленных районах, где бытовые и экономические условия не позволяют еще в достаточных размерах развивать крупное государственное и кооперативное жилищное строительство. Вопрос о целесообразности расширения указанного строительства в мелких городах, а также дачных и курортных поселках вне промышленных районов разрешается соответствующими местными Советами (см.: О жилищной политике: постановление ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 1. С. 698).

407

Там же. С. 697.

408

Постановление ЦИК и СНК от 25 апреля 1928 г. «Об изменении срока введения новых норм квартирной платы» переносит срок введения новых норм квартирной платы на 1 июня 1928 г. (СЗ СССР. 1928. № 27. Ст. 241).

409

Такими словами это и было сформулировано в постановлении МГК ВКП (б) и президиума МСРК и КД от 23 сентября 1933 г. «Об организации дела проектирования зданий, планировки города и отвода земельных участков в г. Москве»: «…ряд архитекторов не были привлечены к работе по проектированию и копошились в своих кустарных, домашних „мастерских“, отрываясь в своей работе от живой действительности и вопросов современного периода советского строительства и новых требований архитектуры» (РГАЛИ. Ф. 1981. Оп. 1. Ед. хр. 30).

410

Казусь И. А. Организация архитектурно-градостроительного проектирования в СССР: этапы, проблемы, противоречия (1917–1933): дис… канд. арх. наук. М., 2001. Т. 1, 2; *Меерович М. Г.* Биография профессии. Очерки истории государственной организации профессии архитектора в СССР (1917–1941 гг.). Иркутск, 2002.

411

«Упорядочить дело проектирования и экспертизы по строительству» – циркуляр ВСНХ СССР № 41 от 12 февраля 1929 г. // Торгово-промышленная газета. 1929. № 39 (16 февр.). С. 6.

412

Как, например, в Магнитогорске обособленно расположенный коттеджный поселок Березка для представителей партийно-административной элиты.

413

СУ РСФСР. 1921. № 60. Ст. 411.

Например, в отношении запрета на ведение в нем производственной деятельности и т. п.

415

Там же. С. 131

416

СУ РСФСР. 1921. № 60. Ст. 411. С. 519.

417

Меерович М. Г. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917–1941 гг.): дис… докт. ист. наук. Иркутск, 2004. 659 с.

418

СУ РСФСР. 1921. № 60. Ст. 411. С. 519.

419

Вольфензон Г. Рабочее жилищное строительство Московской губернии // Строительная промышленность. 1926. № 2. С. 133–135. Заселяются они, как мы указывали, покомнатно-посемейно, то есть в квартиры, состоящие из трех комнат и кухни (общей площадью 12–15 кв. саж.), вселяются по три семьи (Там же. С. 134).

420

Красин Г. Рабочее жилищное строительство в Москве и пути его удешевления (по практике Московского Совета) // Строительная промышленность. 1927. № 9. С. 601–606.

421

Вольфензон Г. Указ. соч. С. 134.

422

Вольфензон Г. Указ. соч. С. 134.

423

РЖСКТ «Пролетарий». Тайнинка, Сев. жел. дор. // Жилищная кооперация. 1927. № 19–20. С. 76–77.

424

Там же. С. 76.

425

Таблица приведена из статьи: Городское строительство к 15-летию Октябрьской революции // Советская архитектура. 1932. № 5–6. С. 3–10.

426

СУ РСФСР. 1929. № 10. Ст. 111. С. 130.

427

Там же.

428

Водяных и канализационных трубопроводов.

429

Также выдвигалось требование максимальной стандартизации жилья в целях массового его строительства.

430

Орельская О. В. Архитектура г. Балахны 20–30-х гг. XX в. // Вестник Волгогр. гос. архит. – строит. ун-та. 2013. Вып. 31 (50), ч. 1. С. 295.

431

Марковников Н. Планировка и благоустройство поселков. М., 1931.

432

Дом-коммуна образовывался в результате блокировки стандартных планировочных элементов, состоявших из восьми комнат, прилегавших к деревянной лестнице. Всего насчитывалось 205 жилых комнат общей площадью 3580 кв. м (из расчета 7 кв. м на чел.). Предусматривалась возможность объединения смежных комнат друг с другом для образования квартир в две-три комнаты. Во внутренние дворы вели охраняемые проезды. В центре располагалась столовая и помещение общественного пользования, соединяемые коридором с помещением детского сада и яслей.

433

Марковников Н. Планировка и благоустройство поселков. М., 1931.

434

Там же. С. 86.

435

Там же. С. 86–88.

436

Марковников Н. Планировка и благоустройство поселков. М., 1931. С. 86–88.

437

Там же. С. 86.

438

«Под главными составляющими частями поселка подразумеваются: а) жилые здания, объединенные в кварталы… жилой квартал суммирует и организует отдельные плановые единицы – строительные участки» (Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М., 1929. С. 92).

439

Хазанова В. Э. Опыт изучения истории советской архитектуры. 1917–1932 гг.: автореф. дис… докт. иск. М., 1996. С. 29.

440

Площадь поселка –10 га; проект разработан ОМХ МУС (*Боровой А. А.* Планировка городов Московской области. Работы сектора планировки Московского областного проектного треста за 1925–1933 гг. М., 1933. С. 100).

441

Площадь поселка – 50 га; проект разработан Раменским УЗУ (Там же. С. 100).

442

Площадь поселка – 9 га (Там же. С. 100).

443

16 га. Там же. С. 115.

444

40 га. Там же.

445

16 га. Там же.

446

Проекты рабочих жилищ. Там же. С. 11, 90.

447

Боровой А. А. Планировка городов Московской области. Работы сектора планировки Московского областного проектного треста за 1925–1933 гг. М., 1933. С. 70.

448

Боровой А. А. Планировка городов Московской области. Работы сектора планировки Московского областного проектного треста за 1925–1933 гг. М., 1933. С. 70.

449

Там же.

450

Там же.

451

Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М., 1929. С. 90.

452

Там же.

453

Марковников Н. Современные экономические принципы планировки и застройки поселков // Строительная промышленность. 1927. № 1. С. 47–50; *Он же*. Опыт применения типа малого дома к проектированию дома-коммуны // Строительная промышленность. 1927. № 2; *Он же*. Планировка и благоустройство поселков. М., 1931; *Иванов В. Ф.* К вопросу водоснабжения и канализации в городах-садах // Строительная промышленность. 1927. № 2. С. 137–139.

454

Блок А. Город будущего (от нашего лондонского корреспондента) // Жилищная кооперация. 1928. № 14. С. 27–28.

455

По поводу конкурса на проект планировки поселка «Москвуголь» в Бобрике // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 25–26.

456

Против искривления классовой линии в строительстве социалистических городов // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 24.

457

Там же.

458

Там же.

459

Подробнее см.: *Меерович М. Г.* Рождение соцгорода. Градостроительная политика в СССР. 1917–1932 гг. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. 186 с.

460

Из пояснительной записки к проекту рабочего поселка при ткацкой фабрике в Ярцево Смоленской губ., 22 декабря 1919 г. (Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы / отв. ред. К. Н. Афанасьев. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 112.)

461

Там же.

462

Из пояснительной записки к проекту рабочего поселка при Саратовском государственном заводе сельскохозяйственных машин и орудий «Звезда», составленной в правлении завода «Звезда», 20 марта 1919 г. (Там же. С. 109.)

463

Из пояснительной записки к проекту рабочего поселка при Саратовском государственном заводе сельскохозяйственных машин и орудий «Звезда», составленной в правлении завода «Звезда», 20 марта 1919 г.

464

Из пояснительной записки к проекту рабочего поселка при Саратовском государственном заводе сельскохозяйственных машин и орудий «Звезда», составленной в правлении завода «Звезда», 20 марта 1919 г.

465

Над проектом генерального плана работали Б. А. Коршунов, В. Д. Кокорин, П. А. Голосов, Н. Я. Колли и др.

466

Арх. А. Б. Элкин.

467

Арх. Б. А. Коршунов.

468

Архитекторы В. Д. Кокорин, Гиршенберг, Н. Я. Колли.

469

П. А. Голосов.

470

П. А. Голосов.

471

Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы / отв. ред. К. Н. Афанасьев. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 117.

472

Там же.

473

Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы / отв. ред. К. Н. Афанасьев. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 117.

474

Там же. С. 115. Архистрой ВСНХ в своем заключении о проекте отмечал в октябре 1920 г.: «В целом здание имеет исключительные по величине размеры, значительно превосходящие допускаемые для барачного типа сооружений» (Там же. С. 115).

475

Там же. С. 118.

476

Мордвинов А. Г. К вопросам рабоче-поселкового промышленного строительства // Современная архитектура. 1926. № 1. С. 16.

477

Мордвинов А. Г. К вопросам рабоче-поселкового промышленного строительства // Современная архитектура. 1926. № 1. С. 17.

478

Мордвинов А. Г. К вопросам рабоче-поселкового промышленного строительства // Современная архитектура. 1926. № 1. С. 115.

479

Бархин Б. Г. Современные рабочие жилища. Материалы для проектирования и плановых предположений по строительству жилищ. М., 1925. С. 62–67.

480

Рабочие жилища. Примерные проекты архитекторов Л. А. Веснина, К. А. Грейнер, А. К. Иванова, А. Иваницкого, В. Д. Кокорина, Н. Я. Колли, Б. А. Коршунова, Э. И. Норверт, Н. Чайковского, С. Е. Чернышева. Л.: Гос. тип. им. И. Федорова, 1924. 18 с.

481

Мордвинов А. Г. К вопросам рабоче-поселкового промышленного строительства // Современная архитектура. 1926. № 1. С. 17.

482

Покшишевский С. Жилище и шахта // Сорегор. 1932. № 5–6. С. 47–50.

483

Марковников Н. Парные жилые дома // Жилищная кооперация. 1924. № 7–8. С. 15.

484

Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы / отв. ред. К. Н. Афанасьев. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 120.

485

Бархин Б. Г. Современные рабочие жилища. Материалы для проектирования и плановых предположений по строительству жилищ. М., 1925. С. 62.

486

Раевский М. Жилищный вопрос на объединенных машиностроительных заводах // Экономическая жизнь. 1918. № 42 (26 дек.). С. 1.

487

Там же.

488

Шасс Ю. Архитектура жилого дома. Поселковое строительство 1918–1948 годов. М., 1951. С. 12.

489

Там же. С. 12.

490

Там же. С. 185.

491

Бархин Б. Г. Современные рабочие жилища. Материалы для проектирования и плановых предположений по строительству жилищ. М., 1925. С. 5.

492

Бархин Б. Г. Современные рабочие жилища. Материалы для проектирования и плановых предположений по строительству жилищ. М., 1925. С. 62.

493

Хазанова В. Э. Советская архитектура первых лет Октября. 1917–1925 гг. М., 1970. С. 58.

494

Подробнее см.: *Меерович М. Г.* Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917–1941 гг.): дис… докт. ист. наук. Иркутск, 2004. 659 с.; *Он же*. Как власть народ к труду приучала: жилище в СССР – средство управления людьми. 1917–1941 гг. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2005. 138 с.; *Он же*. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: РОССПЭН, 2008. 303 с.

495

Подробнее см.: *Меерович М. Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: РОССПЭН, 2008. 303 с.

496

Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы / отв. ред. К. Н. Афанасьев. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 60.

497

Результаты конкурса опубликованы в журнале // Строительство Москвы. 1926. № 6.

498

Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы / отв. ред. К. Н. Афанасьев. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 66.

499

Первый конкурс Московского Совета на проект рабочего дома // Жилищное товарищество. 1925. № 7–8. С. 357.

500

Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы / отв. ред. К. Н. Афанасьев. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 61.

501

Срок представления проектов – 15 октября 1925 г. На конкурс представлено 105 проектов: от СССР – 72, Австро-Венгрии – 22, Германии – 8, Норвегии – 1, Бельгии – 1, Англии – 1.

502

«…Примечания: 1. Те же квартиры и той же площади должны быть представлены в варианте без ванн. 2. Примерное процентное соотношение квартир по дому должно быть следующее: двухкомнатных квартир – 50 %; трехкомнатных квартир – 30 %; сверх трехкомнатных квартир – 20 %. Минимальная высота – 2,85 м, минимальный размер отдельной жилой комнаты – 10 кв. м; минимальная площадь пола в спальне, рассчитанной более чем на одного человека, – 6,75 кв. м на каждого человека. Размер участка (определяется числом квартир в доме) – 225 кв. м на 1 квартиру при двухэтажном доме; 170 кв. м на одну квартиру при трехэтажном доме; при четырехэтажном доме – 150 кв. м» (Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы / отв. ред. К. Н. Афанасьев. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 62).

503

Айзикович С. Дома-коммуны московской кооперации // Строительство Москвы. 1929. № 12.

504

«…Примечания: 1. В расходы по эксплуатации дома входят: содержание домового персонала (дворники, домовая контора, уборщики, истопники и т. д.); ремонт дома, страхование строения, уборка мусора, снега, освещение двора, лестниц и помещений общего пользования и отопление этих же помещений. 2. Капитал, затраченный на постройку, слагается из стоимости всех строений, устройства двора и всех домовых оборудований (отопление, водопровод, канализация, вентиляция, газопровод, осветительная сеть, мусоропровод, оборудование кухонь с подсобными помещениями и прачечной)» (Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы / отв. ред. К. Н. Афанасьев. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 64).

505

Айзикович С. Дома-коммуны московской кооперации // Строительство Москвы. 1929. № 12. С. 10–11.

506

«…большинство жильцов, даже и многосемейных, занимают только одну комнату» (там же).

507

Антипов П. Конкурс МАО на жилые дома для г. Самары // Строительная промышленность. 1927. № 10. С. 703–704.

508

Площадь застройки не должна превышать 30 % от общей площади участка. Мансардные и подвальные этажи не допускаются. На лестничной клетке располагаются две квартиры со сквозным проветриванием (см.: Ежегодник Московского архитектурного общества. 1928. № 5. С. 135).

509

Жилая площадь 3-комнатной квартиры – 40 кв. м, 4-комнатной – 50 кв. м. В общем количестве квартир 60–70 % 3-комнатных, 30–40 % – 4-комнатных. Отопление печное.

510

См.: Ежегодник Московского архитектурного общества. 1928. № 5. С. 135.

511

По итогам конкурса присуждено пять премий: I – инж. – арх. *А. Э. Зильберту, Л. З. Чериковер,* II – арх. – худ. *В. В. Щербакову,* III – гражд. инж. *Г. Я. Вольфензону,* IV – студ. МВТУ *Ф. Я. Бялостоцкой, З. М. Розенфельд,* V – студ. МВТУ *З. М. Розенфельд, Ф. Я. Бялостоцкой* (*Антипов П.* Конкурс МАО на жилые дома для г. Самары // Строительная промышленность. 1927. № 10. С. 703–704).

512

В частности, поэтому программа конкурса требовала предусмотреть отдельный вход в каждую комнату из прихожей (передней) (см.: Ежегодник Московского архитектурного общества. 1928. № 5. С. 135).

513

Государственный институт по проектированию металлозаводов. Вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле (проект). Л., 1927. С. 8.

514

Орельская О. В. Архитектура г. Балахны 20–30-х гг. XX в. // Вестник Волгогр. гос. архит. – строит. ун-та. Сер. Стр-во и архит. 2013. Вып. 31 (50), ч. 1. С. 294.

515

О праве застройки земельных участков: инструкция НКВД и НКЮ по применению постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 14 августа 1922 г. // Правда. 1923. № 122 (6 июня); Жилищное законодательство: сб. декретов, распоряжений и постановлений центральной и местной власти. М., 1924. С. 25–29; По применению права застройки земельных участков: инструкция НКВД и НКЮ. № 381 от 5 ноября 1923 г. // Бюллетень НКВД. 1923. № 27 (19 нояб.).

516

Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений: постановление ЭКОСО РСФСР от 8 апреля 1929 г. // Наше строительство. 1930. № 1–2. С. 5–43.

517

Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений: постановление ЭКОСО РСФСР от 8 апреля 1929 г. // Наше строительство. 1930. № 1–2. С. 5–43.

518

Олейников П. П. Архитектурное наследие Сталинграда. Волгоград, 2012. С. 23.

519

Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки. М.: Наука, 1980. С. 62–67, 74–76.

520

Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки. М.: Наука, 1980. С. 22.

521

СЗ СССР. 1927. Отдел первый. № 66. Ст. 672.

522

Там же. С. 1291.

523

Там же.

524

Там же.

525

Там же.

526

СЗ СССР. 1927. Отдел первый. № 66. Ст. 672. С. 1293.

527

Иванов А. К. О жилищном строительстве промышленных предприятий (по поводу Альбома типов жилых домов) // Строительная промышленность. 1928. № 6–7. С. 448–451; *Татаринов Е.* О жилищном строительстве промышленных предприятий (по поводу Альбома типов жилых домов) // Строительная промышленность. 1928. № 6–7. С. 451–453.

528

Иванов А. К. Указ. соч. С. 448.

529

Там же.

530

«…что в современных условиях уплотненности в жилищах представляет существенное преимущество» (*Иванов А. К.* Указ. соч. С. 449).

531

Татаринов Е. Типы жилых домов на Украине // Строительная промышленность. 1928. № 11–12. С. 845.

532

О жилищной политике: постановление ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 1. С. 698.

533

Там же.

534

О жилищной политике: постановление ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 1. С. 698.

535

В специально организованный редакционный совет данного издания включены представители ведомств: Наркомпути – *П. П. Жолковский*, Наркомтруда – *В. К. Запорожец*, ВСНХ СССР – *А. К. Иванов*, ВЦСПС – *Б. И. Чернявский*, Моссовета – *П. А. Маматов*, Центржилсоюза – *П. И. Антипов*, Института сооружений – *Г. Б. Красин*, Цекомбанка – *И. И. Рерберг*. Непосредственное участие в составлении сборника принимали архитекторы и инженеры: *И. К. Запорожец, В. В. Воейков, А. С. Вульфсон, П. И. Антипов, Г. Ф. Соколов*.

536

Проекты рабочих жилищ. М., 1929.

537

В разработке проектных и текстовых материалов настоящего сборника принимали участие: *С. Я. Айзикович, Ю. Г. Алексеев, П. И. Антипов, П. П. Антонов, Н. А. Волков, Г. Я. Вольфензон, В. В. Воейков, А. С. Вульфсон, О. А. Вудтке, А. А. Галиевский, А. И. Ефимов, И. К. Запорожец, Я. Я. Звягинский, А. К. Иванок, С. А. Ильинская, В. Д. Какорин, С. Н. Кожин, И. Н. Кудрявцев, Н. В. Марковников, Г. Д. Мапу, А. И. Мешков, Н. М. Морозов, Д. П. Осипов, В. В. Патек, С. В. Пашков, И. И. Рерберг, А. М. Рухлядьев, Л. А. Серк, Н. С. Щербаков.* Примеры крупных массивов городских построек приведены по проектам для Моссовета *Л. А. Веснина* и *С. Е. Чернышева* (Там же. С. 11).

538

Там же. С. 91, 95, 105.

539

Проекты рабочих жилищ. М., 1929. С. 75–76.

540

Там же. С. 90.

541

Там же. С. 111.

542

Проекты рабочих жилищ. М., 1929. С. 16.

543

Там же.

544

Проекты рабочих жилищ. М., 1929. С. 15.

545

По данным всесоюзной переписи населения, проведенной 17 декабря 1926 г. (*Выгодский Л.* Жилищный вопрос в отражении всесоюзной переписи 1926 г. // Экономическое обозрение. 1928. № 9. С. 137).

546

Там же. С. 138.

547

Вегман Г. Укрупненное жилье // Современная архитектура. 1927. № 1. С. 12. По данным МУНИ, в 1925 г. на одного жителя Москвы приходилось 5,4 кв. м (Краткий отчет МУНИ с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г. // Жилищное товарищество. 1926. № 1. С. 23).

548

Там же. С. 12.

549

Лившиц И. Из практики организации нового быта // Строительство Москвы. 1929. № 12. С. 11.

550

Стадников В. Э. Город Куйбышев: Безымянка – градостроительный прагматизм в рамках доктрины «города-ансамбля» сталинского времени [Электронный ресурс] // Архитектон: изв. вузов. 2011. № 1. Режим доступа: http://archvuz.ru/numbers/2011_4/08 (дата обращения 10.03.2014).